ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения №4 | 2022

Александр Суриков | У причала | 2017

Александр Суриков | Отдых на пирсе | 2019

На обложке: Дом в поле (фрагмент) | 2014
Что там наверху | 2017

ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения №4 | 2022

В номере

Д*и*Н память

Анатолий Третьяков
3 Детство моё военное

Рюрик Ивнев
171 Из книги «Тёплые листья»

Д*и*Н время

Нина Ульчугачева
7 Чтобы помнили…

Д*и*Н стихи

Анатолий Вершинский
17 Баллады

Сергей Пагын
21 Седьмая печать

Наталия Кравченко
23 Боже, друже, старче, человече…

Сергей Филиппов
25 Два старых московских кольца

Андрей Бутко
143 Родник под асфальтом

Татьяна Щербинина
145 Потому что Господь—художник

Елена Галиаскарова
147 Грустный клоун

Д*и*Н симметрия

Хорхе Луис Борхес
20 Из книги «Страсть к Буэнос-Айресу»

Валерий Брюсов
22 Из предисловия к сборнику «Дали»

Владимир Фриче
97 Октябрь в поэзии

Павел Антокольский
191 Одна только честная боль

Д*и*Н ревю

Нина Орлова
24 Ариле

Поэзия рубежников
63 Четвёртая стража

Владимир Шанин
105 Ощущения

Тамара Львова
148 Медитация на ходу, или Записи между делом

Алексей Панин
167 По дороге к небесным городам, адским воронкам

ДиН проза

Эдуард Русаков
27 Мама, это я

ДиН повесть

Ирина Манаева
43 Гадёныш

БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННОГО РАССКАЗА

Ирлан Хугаев
64 Индекс Хирша

Александр Молотков
75 Ещё раз о любви

Осип Фуфачев
84 Впереди была дорога назад

Николай Толстиков
98 Приходинки

ДиН ирония

Марат Валеев
70 Путевые истории

Евгений Хвальков
144 Центоны

ДиН перевод

Карина Кулумаева
104 Если чатхан зазвенит-запоёт…

ДиН фантастика

Виктор Ларин
106 Чёрные аисты

ДиН детям

Елена Тимченко
149 Домовой в обычной семье с младенцем

КЛУБ ЧИТАТЕЛЕЙ

Елена Крюкова
165 Солнце незакатное

Нина Ищенко
168 Донбасс: образ Родины в контексте мировой культуры

ДиН полемика

Рашит Закиров
172 Почему они не ищут с нами встречи?

ДиН штудии

Леонид Фокин
177 Венок памяти

Нина Ягодинцева
180 Сонет как образ мысли

СИНЯЯ ТЕТРАДЬ

182 Поступать по-русски

188 Только в компании жизнь хороша!

Александра Вишневская
189 Великая Отечественная война глазами современного подростка

Александра Казакова
190 Будущее без книг

Аня Лившиц
192 Деда Саша с Крыма

Ярослав Успешный
194 День рождения ужасов войны

195 Песенки на полянке

196 ДиН авторы

Анатолий Третьяков

Детство моё военное

Из книги «Птицы над водой» (Красноярск, 1982)

● ● ●

Под Курском в маленьком посёлке
Однажды встретил земляка
В музее школьном…
Лишь осколком
Задела огненная его дуга.
Но под стеклом, чтоб не достали
Прожорливые мотыльки,
Там, где прошёл кусочек стали,
Всё пробегали огоньки.
И маршала тяжёлый росчерк
На красном…
И в немом строю
Шинели, как пред Рокоссовским,
Вдруг оживают в том бою!
…Под Курском маленький посёлок,
Музей…
Осколок тот слепой…
Ты, курский соловей весёлый,
Сибиряку про кедры спой…

● ● ●

Премудрые могильщики Шекспира,
Вам не до шуток стало бы теперь…
Смешны нам яд и тонкая рапира,
Смешны хлопушки древних батарей.
И всё-таки, в каком бы там обличье
Ни приходила к человеку смерть,
Она была в какой-то мере личной…
Здесь под угрозой вся земная твердь!
Но, как и прежде, есть две разных силы:
Есть свет и тьма…
Как есть война и мир.
Мир победит!—
Нет для Земли могилы!
А на театре пусть идёт Шекспир…

Россия

К ней—нашей матери—
Мы беды приносили
И все победы…
Слёзы нам—не в грех!
У каждого в душе своя Россия!
Советская—она одна на всех!

● ● ●

Пасётся колхозное стадо.
Вон суслик, седой, как бобыль…
Тепло…И обуток не на надо.
И лучше перины ковыль.
Пастух заскорузлей подпаска
(Двух строк не сумеет прочесть),
А церковь внизу—словно пасха,
Такая, что хочется съесть!
Спит лошадь—совсем не сторожко…
Ну что же, приятного сна!
Блестят у неё, как серёжки,
На старых боках стремена…
Я знаю: есть хлеба краюха,
Томится и квас до поры…
Мы слушаем город вполуха,
А вид несравненный с горы!
И словно над маленьким миром
Мы властны…
Но в общем добры…
Как будто и впрямь командиры—
Любуемся видом с горы!

● ● ●

Сорок второй… растрата…
(А ей и шестнадцати нет).
Простили бы всё когда-то…
В то время—прощенья нет!
Вдруг обворована лавка,
А сломанных нет дверей…
Как же смогла ты, Клавка,
Сразу на сто рублей?
Прямо из-за прилавка
Вывел её конвой.
«Мама!»—кричала Клавка.
А ей внушали: «Не вой!»
С трудным недоуменьем
Встретил её потом.
Вспомнил я то печенье
В карманах её пальто…
Все мы ей были «голуби»
В страшную ту войну…
И то, что мы были голодны,
Поставили ей в вину…

Толстой

После войны переезжала школа
В дом, для неё отстроенный.
И вот
Случилось так, что всю библиотеку
Нам отдавали вплоть до сентября,
И каждый выбирал себе на лето
Лишь одного писателя,
Чтоб после
У одного—за одного спросить.
Учился я тогда в четвёртом классе,
И, стало быть, я был выпускником…
Как хорошо, что я забрал Толстого.
Всего…
Он был один в библиотеке…
Изданье не роскошное,
Но всё же
Перечитал раз сто, что было там.
А были там «Хаджи Мурат», «Казаки»,
«Кавказский пленник»…
За окном мычало
После дождя продрогнувшее стадо.
И воспалённый, словно от бессонницы,
Кроваво-красный солнечный зрачок…
Всё было так…
Над старою землянкой
Я сакли понастроил—всё как надо:
И крыши плоские, и улочек извив,
Полынь стояла деревом восточным,
И возле маковки, мной сорванной с гряды,
Мулла сзывал всех горцев на молитву.
Землянка возвышалась, как Кавказ,
Среди двора над грешною землёю.
Я был—Шамиль,
Хаджи-Мурат,
Оленин.
Я—Жилин был…
Я был—кавказский пленник…
Игра моя кончалась—лишь в подойник
Тугое звонко билось молоко,
Коровой трудно собранное за день.
И надо было мне его нести
Через деревню всю на сепаратор…
А в хате (не в избе),
По-украински
Обмазанной лениво нашей глиной,
Жила Марьяна!..
И татарка Дина
Склонялась каждый вечер перед сном
К моей постели.
(Я срывался в яму
И по верёвке выползал к утру.)
А старый дед Иван мне был—урус,
А иногда—Ерошка…
…И драники, как звали мы всё то,
Что было вполовину с лебедою…
Татары прямо отражались в масле!
(На медном блюде плавали лепёшки…)
Спасибо, что фантазия моя
Их пир мне помогала разделить.
Иначе как же мог я выжить?..
И раннее сиротство с голодовкой,
И всё, что рядом было…
Но зато—
Кавказом высилась среди двора землянка!
И я любил Марьяну, как Лукашка,
И, как Оленин, я дарил ружьё…
Спасибо вам, недетские герои—
Из детского Толстого моего!

Птицы над водой

Нет, не с радостью,
А с бедой
Птицы кружатся над водой…
Птицы кружатся, не садятся.
Может, птицы воды боятся!
Может, выстрела ждут!
А может…
Им никто теперь не поможет,
Потому что один из стаи
Без крыла—без неба оставлен.
…Дом мой выше реки построен,
И широкий двор мой просторен,
Можно жить в нём—
Можно кормиться.
Улетайте спокойно, птицы.
…Наплывают тучи грядой—
Птицы кружатся над водой.

Земля

Как детский шарик голубой,
Мелькнёт земля на повороте.
Она расстанется с тобой,
Но не забыть её в полёте.
Пусть век чрезмерных скоростей
Не подлежит её законам…
Земле, вернувшись из гостей,
Ты поклонись земным поклоном.
Что ветер странствий… Ветра нет—
Спокоен космос в этом плане.
Любовь земная… Сто планет
Ты облети—она всё ранит!
А землю мерить нелегко
(Хоть напрямую, хоть по кругу),
Когда пройдёшь её пешком,
Когда её распашешь плугом.

* * *

Ещё не все проталины просохнут,
Не все ручьи исполнят гимн весне,
И почки лопаются—кажется, оглохнут
Зверьё и птицы в нашей стороне.

И тёплый ветер запоёт в ветвях,
И льдины заворочаются глухо…
Не на телеге и не на санях—
Пешком от нас уйдёт зима-старуха.

Едва ли в жизни что-то переменим мы.
И даже, может, в собственной судьбе.
Так мало, друг мой, думаем о времени,
Так много говорим мы о себе!

* * *

Во времени живём мы каждый час.
И каждый час мы из него уходим.
Всё, чем живём,
И всё, что мы возводим,
Я так хочу, чтоб пережило нас!
Пусть просьба моя вовсе не нова.
Лет сто назад меня б назвали «варвар»
За то, что не имею самовара,
Не запасаю на зиму дрова.
Всё будет изменяться, и стареть,
И молодеть, и повторяться снова.
Есть жизнь и смерть—
Два самых главных слова,
И между ними грани не стереть!
Пусть водяною мельницею гэс
Покажется
Тем, кто придёт за нами.
Не будем спорить с нашими сынами,
Лишь бы к земле не гас их интерес.
Желаю им Вселенную обнять.
Там, знаю, нету «гробового входа».
Но всё же равнодушна ли природа?
А может, равнодушны мы?
Как знать…

* * *

Далёкое, тревожное начало.
…За середину нынче не боюсь.
Я так хочу, чтоб это слово—«Русь»—
Как раз бы посредине и звучало.
Среди народов и среди племён
(Но не среди, а только посредине)
Она, как мать, среди других имён
Святою остаётся и поныне.
И нет в своей стране чужих краёв.
К любой воде склонись, чтоб посмотреться.
С другими рядом бьётся и моё
В груди России—неустанно!—сердце!

* * *

Певчих птиц содержать надо в строгости.
А иначе талант пропадёт…
Только пальцами горло не трогайте,
Потому что там песня живёт.
На балкон, хоть сейчас отпустите,
Прилетят—знаю я наперёд.
Только горло им не простудите,
Потому что там песня живёт…

* * *

Мне от возраста некуда больше уйти…
Чем утешусь—не знаю—в пути.
Мне ещё до полвека—
Целых десять каких-нибудь лет.
Это будет не веха—
У меня, к сожаленью, их нет…
Птица в клетке погибла,
А пела так славно она!
Я в года, словно рыба,
Опускаюсь до самого дна.
В тишине первозданной,
Где зелёное с синим слилось,
Надо мной постоянно
Доброта проплывает и злость…
Но какая-то сила
Пока отрывает от дна.
Так хочу, чтоб меня выносила
Под ладонь горизонта волна.

Вино Победы

Всё вижу так, как мне дано,
(Я не хочу судьбу обидеть)—
Как сквозь замёрзшее окно
Пивную на базаре видеть.
Таких не знаю площадей,
Как в городе, где я родился,
Где пар вставал от лошадей…
Над мужиками дым клубился.
Друг молота и друг серпа—
Из кружки пьют один напиток.
Компания, а не толпа…
(На белом—набрана петитом).
Сравненьем этим не боюсь
Обидеть родственников старших,
Погибших в праведном бою
И честно без вести пропавших…
Я буду помнить, помнить их—
И молчаливых,
И поющих—
Всех-всех—
За мёртвых и живых
Одно вино Победы пьющих.

Красная площадь

Плыл лист календаря почти корабликом.
И в это утро (на заре рождён)
Апрельский день, как золотое яблоко,
Блестел—омыт капелью и дождём.
Летели тучи лебединой стаей,
Крылами задевая купола.
Я в этот день дела свои оставил—
Свои обыкновенные дела.
Тянулись бесконечные отряды,
И воспалённый горизонт был жёлт,
Когда от Александровского сада
Со всеми вместе к Ленину я шёл.
И нёс я в своём сердце к тем ступеням
Всё, чем я жил и что во мне жило,
Когда внезапно вдруг при слове «Ленин»
На память детство раннее пришло.

Под колеблющимся светом звёзд
В мир ночной я спокойно вслушивался…
Рядом, где-то в полсотне вёрст,
Я рождён от посёлка Шушенского…
И вошёл в меня—непокой,
Может быть, от хорошей зависти,
И пошли строка за строкой
На листе завиваться завязи.
Мне вспомнились сугробы выше крыш,
Мне вспомнились старинные преданья,
Как вспыхивало ночью мирозданье!
И звёзды вылетали из-под лыж!
Глухие неоглядные леса,
Молчание, угрюмое молчанье.
В чащобах притаились чудеса,
Как образа старинные, печальные.
Колодцы срубом—над сугробом дом
(Под крышею, не замело чтоб вовсе).
В дверях белели, точно бельма, гвозди,
Покрывшиеся от мороза льдом.
Подсолнухом ночами на столе
Желтела керосиновая лампа.
Гостей нам намывала кошка лапой—
Причудливы приметы на селе.
На окнах лёд, дохнёшь—продышишь прорубь,
Посмотришь—рыбы светятся со дна.
И лет пяти мне не было в ту пору,
И третий год на запад шла война.

Мне вспомнилось—я словно на бегу
Увидел фотографии на стенах,
Тулуп в сенях, насквозь пропахший сеном,
Резную с колокольчиком дугу,
И деда речь мне до сих пор слышна,
Как будто детства памятная веха:
«В тот вечер Ленин улицей проехал.
Проехал мимо этого окна…»
Как я дышал по вечерам в окно
Под эти удивительные речи
И ожидал по-детски этой встречи!
Но было за окном темным-темно.
И всё не ехал Ленин в Минусинск
Из Шушенского по деревне нашей.
И чудился мне свет кремлёвских башен,
Где в звёздах фитили и керосин,
Куранты—в лемех сторож бьёт в саду.
Я засыпал, и тихо лампа гасла.
И лишь Москва сияла светом красным
У всей как есть планеты на виду.

Мне вспомнилось: опять метель заладила,
Но сквозь метель я различил слова—
Впервые над деревней нашей радио
Произносило: «Говорит Москва!»
И повторил я: «Говорит Москва!»
Как много было в этой фразе краткой!
Я Кремль и Мавзолей в своих тетрадках
И в стенгазете школьной рисовал.

Мне вспомнилось: далёко-далеко
От наших скал до мраморных ступеней.
Мне вспомнились легенды ямщиков,
С кем ехал Ленин.
Из односельчан
Никто не знает, только знают: ехал!
Уже седых от возраста иль снега
Причастных к тем легендам я встречал,
Степенная медлительная речь
И вымысел, на правду так похожий,
Что я легендам этим верю тоже,
Чтоб навсегда их в памяти сберечь…

Весенний ветер голубей кружил.
И уходила сторона лесная…
И мне стучало сердце: «Ленин жив!»
И мне стучало сердце: «Ленин с нами!»
И забывалось пение метели.
И вся в цветах мне виделась земля.
Не голубые, а седые ели
Стояли молча возле стен Кремля.

Нина Ульчугачева

Чтобы помнили…

Записки директора сельской школы

Окончание. Начало в «ДиН» №3/2022

Испытание длиною в жизнь

Святой памяти, истинно Вечной памяти тех, кто жизнь положил за нас, за други своя…

Мараков Артемий Афанасьевич

Альбина Артемьевна Маракова, дочь Артемия Афанасьевича

«И нет выше чести, нежели душу отдать за други своя!» Какие слова… Писать о войне мне, родившейся после войны, трудно. К 40-летию Победы было много встреч с ветеранами войны, а потом были рассказы о них в местной газете. Прошло двадцать лет, нет, пролетело. От сорока семи их осталось только шесть—ветеранов войны, героев Великой Отечественной. А к 75-летию Победы в живых остался один ветеран, дошедший до Берлина, бравший Берлин,—Кибанов Григорий Егорович. И каждый год, готовясь к музейным урокам по Великой Отечественной войне, плачу. В памяти встают невыдуманные рассказы моих земляков о войне, о страданиях, о том, что сопровождает войну настоящую. Все эти годы в день Девятого мая я сверяю свою жизнь с теми людьми, которые пережили эту войну. Я рассказываю детям об их родных, не вернувшихся с войны, отдавших свою жизнь ради мира на земле. Сердцем понимаю, что память об этой войне надо сохранить. И пока жив хоть один осколок поколения, которое прошло войну, это должно восприниматься как своё, личное

Вот они передо мной—воспоминания, письма, фотографии людей, отдавших свою жизнь за Родину. Высокие слова?! Да. Это оттуда, из далёкого четырнадцатого века, тянется ниточка вечной людской памяти о тех, кто сердцем копьё остановил, кто страну спас. После страшного Куликовского побоища видение в день поминовения появится на Куликовом поле. Богородица, Матерь Божья, просила людей помнить погибших, поминать их Святой памятью. И нам, жившим, не дай Бог забыть страдальца-солдата, защитника-солдата, духом не павшего перед тьмой.

В начале двадцатого века Мараков Афанасий Степанович вместе с родителями по указу царя, как и многие семьи, был отправлен в Сибирь на обживание. Ехали с радостью. Здесь, в Сибири, позже у Афанасия родится семья. Пелагея Ивановна принесёт шестерых: Прасковью, Артемия, Евдокию, Ивана, Полину, Петра. Семья была дружной, работящей. За землю цеплялись крепко. Афанасий Степанович с братом Иваном Степановичем поставили себе дома, строили взрослеющим детям. По́мочь на Руси тогда была обычным делом. На ноги поднимались быстро. Тридцать восьмой год обезглавил семью. Афанасия Степановича вместе с И. Цепильниковым и И. Могильниковым расстреляют в Кривинских борках под Минусинском как участников повстанческой организации.

Никто из них слыхом не слыхивал о такой, но была «разнарядка»—найти в деревне троих врагов народа. Вот и нашли. Досталась Пелагее Ивановне горькая бабья доля—вековать вдовушкой. Обиды на власть в работе да заботе забывались. В Отечественную два её сыночка, Артемий и Пётр, уходят на фронт. Пётр дойдёт до Берлина. Это о нём напишу я к 40-летию Победы. Это он, старый солдат, потеряв свою любимую Даду, не вынесет горя и одиночества—уйдёт из жизни следом, а беседа с ним тёплым июньским вечером оставит в моей душе глубокий след.

Артемий Афанасьевич погибнет в 1944 году. Погибнет, освобождая Польшу от фашистских захватчиков. В руках у меня письмо Артемия с фронта своим семейщикам. Какое слово, Боже мой, какое русское, тёплое: семейщики, заединщики… Всё понятно—значит, все вместе, заодно. «Здравствуйте уважаемые семейщики Лиза Аля Нина. Посылаю я вам своё низяющее почтение и от души сердечный привет. Первым долгом я вам собчаю про свою жизнь живу сейчас ничего из госпиталя выписался 9 июня. Поехал на фронт 19 июня а поетому Лиза прощай жив буду писать буду да не поминай меня плохим. Аля а тебе посылаю родительское благословение расти и слушай мамы Лизы. Передай маме чтобы она благословила ити второй раз на фронт. Ну и так Лиза оставайтесь

Марковой Елизавете ...

НКО СССР
Ермаковский
Объединенный
Районный Военный
КОМИССАРИАТ
Часть ...
2 Сентября 1944 г.
№ 2/109
с. Ермаковское
Красноярского края

Извещение

Ваш муж, кр-ец Марков Артем Афанас...
(муж, отец, мать, брат, сын)
уроженец Красноярского края, Ермаковского р-на с. Жеблахты
в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был убит 3 августа 1944 г.
похоронен ...
Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии (приказ НКО СССР № ...)

Ермаковский райвоенком
майор (Куликов)
Начальник ... части
лейтенант (Алексеев)

дожидайте меня. Жив я буду не забуду вас передай привет всем родным и знаком. Лиза я от тебя не могу получить ни одного письма. Ну пока досвидания остаюсь жив здоров того и вам желаю счастья в жизни» (орфография письма сохранена).

А Лиза, его Лиза, тоже дочь кулака Афанасьева Тимофея Феофановича, имевшего шестерых детей и умершего в 1943 году в местах лишения свободы — в Тайшетлаге НКВД СССР — от дистрофии, на руках с двумя девчонками, Ниной и Алей, будет работать и работать не покладая рук. И будет надеяться, что вернётся её Артемий с войны. Ждать заказано. От мамы, Марии Васильевны, переняла Лиза любовь к шитью. Обшивала всю деревню. Из старья, из обносков, а слепит бабочкам обновки на загляденье. Письма на фронт Артемию писала по ночам. Слёзы и молитвы Матери Божьей не спасли суженого. В своём последнем письме солдат благословит свою дочку Алю. Альбина Артемьевна, почти не помнившая отца, фронтовое письмо его с благословением будет читать в самые трудные дни жизни. Может, и правда оно помогало, и Аля, Алечка станет любимым учителем физкультуры многих поколений абаканцев и просто душевным человеком. Поэтому не было выше чести для дочери, «нежели душу отдать за други своя».

В 1990 году Альбина Артемьевна отправляется в Польшу на встречу с отцом в чужой земле. Письмо из воеводства растревожило душу до невыносимости. Там было всё как в справке: «По сообщению польского агентства „Интерпресс“, Варшава, Мараков Артемий Афанасьевич, погибший 3 августа 1944 года на территории Польши, захоронен в одной из братских могил на советском воинском кладбище в городе Казимеж-Дольны Люблинского воеводства ПНР. Его фамилия внесена в списки второго издания книги „Память“».

Одновременно архив сообщает, что после окончания военных операций в городе Казимеж-Дольны было заложено большое кладбище солдат Советской Армии, которые погибли в этом районе и были сначала похоронены в разных местах поблизости. На этом кладбище похоронено 8648 солдат и офицеров, из которых около 6500 полегли в Казимеже-Дольном. Кладбище расположено на видном месте и окружено каменной оградой, при входе на кладбище находится надпись на двух языках: «Парк-кладбище воинов Советской Армии в Казимеже-Дольном».

Это поездка к отцу останется в памяти навечно. Такой кровавой и тяжёлой войны для русского народа не было, и для Али Девятое мая теперь всегда — день поминовения павших, день поминовения отца. На католической иконе увидела там Георгия Победоносца в сверкающих доспехах, а домой привезла нашего Егория. Он зло истребляет, казнит. Копьё поднимает, потому как змий — это воплощение зла, а преграда ему — воинская доблесть, долг, подвиг, духовное борение. Таким был отец Альбины Артемьевны — Мараков Артемий Афанасьевич, солдат Советской Армии, защитник Отечества.

Он был солдатом

Молодого человека на этой фотографии трудно назвать по имени-отчеству, но он мог быть чьим-то дедом, если бы война не оборвала его жизнь. Родился Иван Яковлевич в 1921 году в селе Жеблахты. Он был долгожданным ребёнком в семье Екатерины и Якова Кибановых. Дети, рождавшиеся до него, вскоре умирали, а он выжил, и мать не чаяла в нём души, не могла нарадоваться его уму и доброте.

В Жеблахтинской школе Ваня отлично закончил четыре класса. Мать мечтала увидеть его учителем и поэтому отправила сына в пятый класс в село Шушенское. Там мальчик проучился три года, и каждый год он получал похвальные грамоты за отличную учёбу и отличное поведение. Его свидетельство об окончании семи классов просто восхищает. Там почти по всем предметам — «отлично».

Как и хотела мама, Иван поступил в Минусинское педучилище, но вскоре тяжело заболел воспалением лёгких. Мать лечила его всю зиму, поэтому Ваня не закончил учёбу. Поправившись, он поступил в школу колхозной молодёжи и после её окончания стал работать ветеринарным фельдшером. Работа ему нравилась, но проработал Иван всего год, заработав в колхозе девятнадцать центнеров зерна; это зерно кормить будет семью всю войну.

Весной 1941 года Ивана призвали на службу в Красную Армию. На сборы и прощание ему дали всего два часа, и хотя время было ещё мирное, материнское сердце подсказывало Екатерине Наумовне, что расставание это надолго.

Родителей Ваниных уже давно нет, но сестра Ивана, Елизавета Яковлевна, бережно хранит всё, что осталось от брата: его детскую тетрадь со стихами, похвальные листы, свидетельство об окончании школы и три солдатских письма, на которых стоят даты. Это апрель и май 1941 года. Письма эти очень трогательные. Последнее было написано двадцать пятого мая 1941 года. В нём Иван обещает выбрать время и сфотографироваться, но теперь мы уже никогда не узнаем, сдержал ли он своё обещание. Может быть, солдат не успел отослать свой снимок, ведь Белоруссия первой встала на пути врага. Мать, выплакав все глаза, не получила больше от сына ни строчки. Только после войны пришло известие о том, что Иван Яковлевич Кибанов пропал без вести.

Через несколько лет житель села Ермаковское Нелюбин Виктор Андреевич, который служил вместе с Иваном, приехал к родителям и рассказал, что Ваня погиб в первые же дни войны в Белоруссии. Похоронен где-то там, под берёзой. Командир взял его документы, но не смог сообщить о его гибели.

Глядя на молодое симпатичное лицо, слушая, с каким восхищением говорит Елизавета Яковлевна о своём брате, думаю: какое же зло несёт война, и как страшно было, наверное, этим совсем молоденьким солдатам, которых любили и ждали их мамы и которые так хотели вернуться к ним живыми.

Мне очень хочется узнать, где, под какой берёзкой похоронен наш Иван Яковлевич Кибанов. Буду его искать, а может, кто-нибудь прочитает мой рассказ и скажет: «А я знаю, в каком месте захоронен Иван Кибанов»,—и сообщит мне. Значит, этот человек тоже прикоснётся сердцем к подвигу неизвестного солдата.

Шёл вперёд солдат

Я вижу, чувствую, как трудно справиться с нахлынувшими чувствами Петру Ивановичу. Но я не тороплю, я жду, и мало-помалу успокаивается мой собеседник. Он вспоминает давно пережитое, переживает вновь, силится рассказать всё по порядку, но мыслей так много, что он безнадёжно машет рукой. Однако я всё-таки улавливаю этот порядок.

Их осталось девять, Зубовых, круглыми сиротами. Детдом, школа, потом «Красмаш». Там и получил он первую свою рабочую профессию.

— В жизни я никогда не хитрил,—рассказывает Пётр Иванович,—и от трудностей не бегал. Ко всему присматривался, прислушивался, всё на лету старался схватить. Хотелось быстрее освоить станок, чтобы выпускать детали так же быстро и ладно, как лучшие на заводе токари. И освоился, и научился. Жить бы теперь да радоваться. Но тут война…

— Никак на фронт меня брать не хотели,—вспоминает Пётр Иванович.—Всех дружков уже проводил, а мне всё одно твердят: бронь, мол, на тебе, подменить некем. Не мог я с этим согласиться, не мог спокойно спать по ночам и решил окончательно: всё равно уйду на фронт добровольцем.

Пётр Иванович Зубов

Наверное, упрямства у паренька хватило. Настоял на своём. Не описать того волнения и той дрожи в голосе, когда Пётр Иванович рассказывал о том, как солдаты давали присягу, с каким чувством гордости проходили на параде по Красной площади и как с парада сразу уходили в бой.

Боевое крещение мой земляк принял, как он говорит, одновременно с суши и с воздуха. Признаётся: страшно было как никогда. Потом «старички», воевавшие уже пятый месяц, учили: той пули, что свистит над ухом,—не бойся, она уже пролетела; свою—не услышишь.

— Немцы шли тогда лавиной: впереди—танки, за ними—пехота, а сверху штурмовики огнём поливают. Кругом всё воет, рвётся, земля дыбом, а рядом со мной—молоденький старший лейтенантик. Только успевает винтовку перезаряжать… Ну, тут и я стрелять начал…

В этом первом бою Пётр Зубов был первый раз тяжело ранен. Четыре месяца пролежал в госпитале, потом снова в пехоту вернулся, в разведку. Сколько исходил Пётр Зубов по дорогам войны, сколько горя и слёз на родной земле видел солдат. Видел «работу» наших «катюш», видел ужас, который наводили они на врага. На всю жизнь останутся в памяти бесконечные брянские леса. По пятьдесят-шестьдесят километров в тыл врага ходил он в разведку.

Однажды группа разведчиков получила задание—взять „языка“. И вдруг в чаще леса, почти рядом с блиндажом, они заметили немецкий танк. План созрел молниеносно. Совсем втихую (им просто повезло) удалось захватить шесть человек экипажа. А как их доставить к нашим?

— Я говорю: «Капитан, ты же танкист». А он: «Эх, где наша не пропадала». Сел, а завести не может. Сколько смертельно опасных минут прошло—не знаю, но танк капитан всё-таки завёл. Поехали. Немного погодя немцы очухались—и ну бить вдогонку. Но мы ушли благополучно. Вышли к своим.

Одним словом, довезли немцев до наших, и сами живы остались. И на войне удача бывает.

Вспоминал старый солдат атаки и привалы, друзей, живых и павших, вспоминал переправу через Днепр и бои под Кёнигсбергом. Сколько раз помкомвзвода Пётр Зубов поднимал солдат

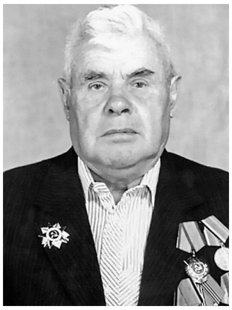
в атаку и сколько раз после боя не досчитывался своих друзей. Четыре раза контуженный, полуоглохший, шёл вперёд солдат.

А когда речь зашла о наградах, Пётр Иванович сконфузился. Не за награды воевал. Но всё-таки показал два ордена Красной Звезды: один — за сбитый немецкий самолёт, второй — за храбрость в бою, — и несколько боевых медалей. И ещё показал он мне дорогую его сердцу реликвию — пожелтевшую от времени вырезку из фронтовой газеты. В заметке «Крепка ненависть к немцам» рассказывается о гвардии сержанте Петре Зубове — воине-храбреце.

Конечно, не за награды воевал солдат. Он бился, не жалея жизни, чтобы земля наша была всегда цветущей и чтобы жилось счастливо всем народам.

Отгремела война, отстроились разрушенные города и сёла. И снова неутомимо шёл солдат, но уже мирными дорогами.

У Петра Ивановича были золотые руки. Своё умелое ремесло он оставил на наличниках многих жеблахтинцев.



Трофим Трофимович Молчанов

Земля зовёт

Вечереет. За дальним лесом румянится небо, щекастое солнце садится за линию горизонта. Щедро припекает оно днём, а к вечеру охолонит. Весна пришла, земля паром зашлась. И нет в эту пору покоя душе старейшего механизатора-жеблахтинца Трофима Трофимовича Молчанова: сердце ноет — к земле просится. Чуть сутулясь, скрестив на груди руки, любит он посидеть закатными вечерами у дома на лавочке. «Отошёл в старость, — навязчиво сверлит мысль. — На кого ж её, матушку-кормилицу, оставил?» Думы льются, как вода по камням. Прозрачные, бегучие...

Девяти лет остался Трофим без отца. В девять лет и детство закончилось. Определили его на бороньбу. Вставал до солнышка, надевал сыромятную оброть на любимого Каурку, застёгивал её на ремешок под конской челюстью, выводил к поднавесу, проворно хомутал. В это время мать собирала нехитрую котомку, и отправлялся Трофим в поле.

— В сенокос «повысили» меня, — шутит Трофим Трофимович, — назначили копны возить. Считать их надо было (мы, пацаны, соревновались, кто больше за день навозит копен).

Чтобы не сбиться со счёта, придумал Трофим на крышке хомута чёрточки чертить. Сколько начертит, столько, значит, за день вывез. При этом воспоминании мягкая улыбка пробежала по лицу ветерана, затеплились глаза.

— Увидел эти чёрточки бригадир, отругал: «Зачем хомут портишь?» Приспособились мы тогда по-новому. Листики от веточки в карман складывали, а уж на закате с ребятами подсчитывали, у кого их больше.

Как-то весной в одну борозду с ним поставили девчонку. Ну и боевущая — палец в рот не клади. С лошадью управлялась лучше любого мужика. Сиротка была, вот и приходилось самой за себя стоять. Потом вместе с ней в отгрузку попали. Трофим Трофимович заговорщицки посматривает на свою Нюру. Не хотел жениться, а она плачет: возьми, мол, Троша. Глаза Трофима Трофимовича смеются — добрые, мягкие, улыбается шутке и его «половинка».

— Тяжело работалось, было тяжельше много, чем теперь, — поддерживает она разговор. — Трудодней наколотишь много, а в конце года придёшь получать, так, бывало, и должен ещё останешься. Но мы не умели горевать: где работа, там и песня. Ох и пели же! На грабки косили, дойдём ручки — и плачем, и поём. От пожилых колхозниц отстать не хочется, а силёнки тягаться за ними не хватает. Думаешь: приду домой, от усталости свалюсь.

— А умоешься, поешь, — перебивает жену Трофим Трофимович, — и куда усталость девалась? Скорей на улицу. Там уж гармошка, смех, все по парочкам. А я слышу только один голос задорный — Нюрин припевок. Так и выманивает: «У кого какой колодец, у меня кирпичный, у кого какой милёнок, у меня симпатичный». Или: «Изменился мой милёнок — был зайчишка, стал телёнок». Да кого ж удержит такая насмешка?

Перед утром в деревне стихали песни и переливы гармошки. И снова работа, работа. Жизнь эту, полную созидания, оборвала война. Она как гром обрушилась на судьбы человеческие, исковеркала их, изломала.

Трофима забрали прямо с обоза. Попал в воздушно-десантную часть. В 1942 году — первое ранение, госпиталь. Потом переформировка и 2-я гвардейская миномётная бригада. Только в 1946 году вернулся солдат домой, к земле. Исскучалась подружка, состарилась, поскуднела без мужской силы. Без курсов сел Трофим на трактор-колёсник и работать стал других не хуже, потом на гусеничный перешёл. Работали оставшиеся в живых так, что гудела голова, — с темна до темна. Жили на бригадах безвыездно. А гармошка и тогда дух людям поднимала. Трофим умел не только работать, но и веселиться. И там равных ему не было. А когда удавалось сомкнуть запылённые землёй веки, то, казалось, и снилось одно и то же: всё едет и едет он на тракторе. Руки непроизвольно сжимались в кулаки, как будто и во сне боялся Трофим выпустить из них рычаги.

Тридцать пять лет изо дня в день приходил Трофим Трофимович к земле. Тридцать пять лет

холил, нежил её, берёг как невесту, не расставаясь с ней и в ясные дни, и в непогоду.

— Нет силы, хоть прибей, оторваться от неё,— говорит землепашец.

Она приняла их, босоногих подростков, в предвоенное время, она растила их, закаляла, наполняла необоримой силушкой. Вот они, дюжие, прошедшие Великую войну, привычные к ружью и тяжёлому труду, руки ветерана — покоятся на коленях. Как крепко они держали рычаги жизни. Помнит, как поначалу, с непривычки, набивал на них кровяные мозоли, но старики учили перетирать в ладонях сухой пепел, чтобы быстрее выросла рабочая кожа. Теперь эта кожа на всю жизнь рабочая.

За высокие показатели в труде Молчанов Трофим Трофимович был удостоен ордена Трудового Красного Знамени, а сколько медалей — и боевых, и мирных, сколько грамот, благодарностей! За хорошую работу ездил хлебороб по туристической путёвке на Кавказ.

— А вот теперь скучаю. Душа весной шибко болит.

Мне понятна его тоска. На улице весна. Кругом черёмуха цветёт. И хочется мне успокоить Трофима Трофимовича. Долг свой вы исполнили добросовестно: защитили землю родную от врага и долгие годы лелеяли её своим трудом, а на старости передали свою любовь к технике, к земле сыновьям.

«Как служил солдат...»

Я не могу сказать, что не хотела бы писать о современной жизни, но тянет меня туда, прямо болезненная притягательность к войне, к сороковым. Там жил мой отец, его брат, моя мама, её братья, мои учителя. Они ходили, смеялись, работали, мучились, любили и воевали. Неужто всё это умерло с ними? Чувство историзма мне всегда было близко. Знала: свою историю надо любить в любом случае. Что вышло, что не вышло — чего плеваться? Но своими очерками о людях военного времени всегда хотела привлечь молодые сердца к Великому подвигу русского солдата, к пониманию того, что война всегда людей проверяла.

Был 1985 год. Группа советских туристов, в их числе и я, приехала в Восточную Германию. Это было начало перестройки. В Трептов-парке нас встречали немецкие юнцы с майками в руках — «Горбачёв». В один из дней мы отправились к знаменитой теперь Берлинской стене и, не отрываясь, смотрели на возвышающийся там, за стеной, Рейхстаг. Задымлённый, угрюмый, он, как живой свидетель, напоминал о Великой войне. Сколько же их, солдат, полегло здесь, на чужой земле, чтобы дойти до этого логова и расписаться на его стене! Здесь второго мая 1945 года оставил свой автограф Алексей Романович Овсянников, участник Великой Отечественной войны.

Родился Алексей Романович в селе Мигна Ермаковского района. В 1942 году окончил семь классов Минусинской школы. В феврале 1943 года Минусинский РВК направил Алексея в Асиновское военно-пехотное училище Томской области. После его окончания младший лейтенант Овсянников назначен командиром мотострелкового взвода разведки 21-й механизированной дивизии 1-й гвардейской танковой армии. Принимал участие в освобождении Польши. Командиром десантной роты участвовал в Висло-Одерской и Берлинской наступательных операциях, штурме Берлина. Здесь каждый дом приходилось брать штурмом и шаг за шагом продвигаться вперёд, к Рейхстагу. Чего только стоили Зееловские высоты, где столько полегло ребят...

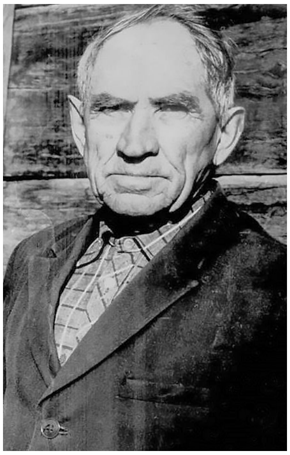
И вот что пишет о своём дедушке Лариса Александровна Барсук, мама Анастасии Барсук, ученицы одиннадцатого класса Жеблахтинской школы (это она стала призёром Всероссийского конкурса сочинений к 75-летию Победы «Без срока давности»; эта талантливая девочка принесла столько радостных моментов Жеблахтинской школе):

«Дед мой не любил о войне рассказывать. И на наши детские расспросы чаще отвечал так: „Ну что вам о войне рассказать?.. Лучше бы вам совсем не знать про ту войну. Страшно там...“

Восемнадцатилетним мальчишкой дед ушёл на фронт. Он командовал мотострелковым взводом разведки. Воевал на Белорусском фронте. Принимал участие в освобождении Польши. Командиром десантной роты участвовал в Висло-Одерской и Берлинской наступательных операциях, штурме Берлина. Горел, тонул, был контужен, совсем немного не дойдя до Рейхстага, и тем не менее второго мая он оставил свой автограф на его стене.

Мой дед, Овсянников Алексей Романович, закончил войну в звании старшего лейтенанта. Награждён двумя орденами и тремя медалями. Из моих детских воспоминаний особенно ярко мне запомнился рассказ деда о бегемоте. Он говорил: „А я ведь бегемота на войне кормил!“ И рассказывал, как разбомбили Берлинский зоопарк и большинство зверей, конечно, погибло, но некоторые разбежались и уцелели. Уцелел и молодой бегемотик. Он бегал за нашими солдатами и искал защиты. Солдаты радовались ему, гладили, кормили из своего солдатского котелка. А бегемотик похрюкивал, как поросёнок.

После войны ещё десять лет дед служил в армии. Вернувшись домой, в родные края, он работал учителем физкультуры и военруком в Жеблахтинской школе, потом секретарём исполкома сельского совета в этом же селе, а позже — председателем Григорьевского сельсовета. В 1963 году Алексей Романович был избран председателем Шушенского сельского совета. А спустя восемь лет он



Ульян Иванович Фефелов

назначается директором Шушенского пивзавода. И после войны дед занимал руководящие должности и командовал. Но теперь всё было направлено на созидание. Под руководством Овсянникова строился Шушенский музей-заповедник, возводились микрорайоны в Шушенском и другие объекты соцкультбыта. Награждён медалью „За доблестный труд" и является почётным гражданином посёлка Шушенское. Дед, помнится мне, был справедливым, принципиальным, требовательным, внимательным к людям. Я горжусь своим дедом и его славным прошлым».

А я добавлю: жизнь—это лестница. Вот сейчас поднималась по этой лестнице жизни вместе с родными Алексея Романовича Овсянникова и увидела сначала мальчика-семиклассника, потом курсанта военного училища, потом командира мотострелкового взвода, потом солдата-победителя, потом мирного человека-созидателя. Поднимаясь, я не разглядела, как он был одет, так бывает часто, не узнала, о чём он думал, какой он был… Но они ходили, смеялись, работали, мучились, любили и воевали. Они смогли очистить землю от врага, посадить сады, а гулять в этих садах будут Лариса Александровна Барсук, её дочки Анастасия и Маруся. И я.

Память сердца

Время. Кто знает, чем оно измеряется? Только ли секундами, часами, годами? Говорят: время не конь—не объездишь, не уймёшь и ни на миг не остановишь.

И правда, время не остановишь.

Большой род Фефеловых считается переселенцами. Приехали они в 1929 году из старой Расеи, так называли Нечерноземье России, в поисках счастья на сибирскую землю. Отец Ульяна Ивановича ещё долго помнил расейскую деревушку Черниково, а выговор расейский сохранил до самой смерти. В семье было семеро детей. Понравились Жеблахты: река рядом, лес, земли добрые. Ульян—старший, надежда и опора. Окончил четыре класса—и в колхоз. Сначала боронил и пахал на лошадях. До завтрака непременно надо было поднять двадцать пять соток землицы. Не шутка это. А вскоре в колхозы пришли трактора. И Ульяна посадили на трактор, а чтобы трактор шёл, надо было топить его чурочками, коротенькими и ошкуренными. После работы умывался—и бегом на танцы.

В сороковом Ульяна призвали на действительную. Попал он в танковую часть. Служить собрался в мирной армии, но не прошло и года, как грянула война. Ульяну Ивановичу пришлось срочно переучиваться на шофёра. Сколько дорог исколесил во время войны на своей полуторке, сколько убегал от смерти! Сначала заправлял танки. Какое это было мучение! Горючее подвозил в бочках, и танкисты таскали его вёдрами и заливали в танки, да не где-нибудь, а на передовой. Вскоре перевели Ульяна в гвардейскую миномётную бригаду. Со своей машиной не расставался теперь сибиряк до конца войны. Обслуживал знаменитые «катюши»—снаряды подвозил. Ох и боялся их проклятущий немец, всё бросая, драпал на запад.

К 1944 году очистили от врагов Польшу, Померанию, дошли до Потсдама. Колхозник-сибиряк жадно смотрел на ухоженные домики, аллейки, сады, рощицы и всё думал: «Как же могли они, такие культурные, жечь, убивать, не останавливаясь даже перед самым святым?!» И было нестерпимое желание бить проклятых за страдания народа, за пашни, изрытые окопами, за луга, истоптанные сапогами, за измятое горем лицо матери.

Никакими словами не описать радостного дня, когда наступила тишина, настоящая тишина—День Победы. Сердце готово было вырваться из груди и лететь домой. «Жив, жив!» Он готов был поклониться матери за её молитвы, готов был

обнять всех знакомых и незнакомых. Победили, освободили, выстояли.

65-летие Победы отмечает нынче наша страна. Сколько времени пролетело! Ульяна Ивановича уже давно нет в живых, но сохранились его маленькие фотографии из Германии. С трудом узнаю среди солдат молодого смуглолицего Ульяна. Вот он стоит один в берлинском саду, а вот с друзьями-однополчанами—весёлые, отчаянные, молодые.

В сорок шестом Ульян Иванович вернулся домой. Помнит, как подъезжал к деревне. В дымчато-синих сумерках дремала речка, «на взгорках кланялся белобрысый ковыль», а в глаза бросилось самое дорогое—след трактора. И полетели мысли о мирном: пойду на трактор. До самой пенсии работал Ульян Иванович Фефелов в колхозе имени Щетинкина на тракторах и машинах. Сорок пять лет колхозного стажа. А сколько за все эти годы наград, благодарностей! Ульян Иванович когда-то дошёл до Рейхстага, видел логово врага и ничего не боялся. Он был геройский по жизни, но однажды, уже будучи на пенсии, пошёл в лес по грибы и заблудился. Он плутал всю ночь и только к утру вышел к шушенским дачам. Через несколько дней Ульян Иванович умер от сердечного волнения. И не грибы виноваты вовсе, а война и тяжкий труд после войны…

Несломленные

Пишу о детях войны и пытаюсь прожить эти годы с нашими несломленными предками, которые в годы войны оставались в тылу и отдавали все силы ради Победы.

Валентина Ивановна Кибанова степенно рассказывает о своей жизни, раскладывая по полочкам «светлое» и «тёмное» полотно судьбы:

«Родилась в 1933 году в деревне Димитрово Бирилюсского района. Когда исполнилось семь лет, умерла мать. Отец остался один с пятью детьми. С финской отец вернулся с одним глазом, поэтому на Отечественную его не взяли. Работал он всю войну в кузнице, а дети всё делали сами по дому. Старшая сестра в десять лет пекла хлеб на всю семью, потом выучилась на пчеловода и принесла как-то с килограмм мёду, так тятя срамил её и грозно сказал: „Шурка, ты где мёду взяла? Не носи больше“. Были приучены не брать.

Кончила только два класса. В школу пойду, а младшая Катя—за мной. Когда тепло, так я босиком в школу бегу, охота учиться, а когда холод, обмотаю-обмотаю ноги тряпьём и бегу. В войну с женщинами полола хлеба, а потом отец отправил меня на базы коров доить: „Иди, Валька, на дойку, там заработок поболе“. Доила вручную пятнадцать коров. Ох, какая же это тяжёлая работа, и какую силушку надо было иметь в руках, чтобы выдоить молочко! Да и коровы иной боишься, а то так лягнёт, что и пятый угол найдёшь.

Нам, молоденьким девчонкам, выпало в военные и послевоенные годы ещё одно испытание, от которого при воспоминании мурашки по телу: снопы вязать—пшеницу, овёс, ячмень. Жабрей высохнет, взяться за него нельзя, а вязку надо сделать быстро, пока лошадей кормят, поставить суслоны. Все руки и ноги в колючках, но семьсот снопов в день ставила, а сестра моя—по девятьсот. Уедем на культстан на неделю и работаем от зари до зари. Ночью как-то повадился медведь на овёс. Сколько же страху мы натерпелись, девчонки. Друг другу помогали, поддерживали, делились последним.

Председатель колхоза был хороший. В ночь раздаст людям немного овса, ячменя, пшеницы, да с тем и живём дальше. Из района приедут проверять, сколько сдали государству, а наш председатель наклонит головушку и тихо скажет: „Ноне похуже с урожаем“. Вот говорят про всенародную память, а что это такое? Это только когда о человеке знает каждый? А когда его помнит семья—мать, отец, дети? Когда только одно сердце помнит о нём, это разве не всенародная память?! Ведь семья—это тоже народ, частица народа. Эта частица и выжила ради таких понимающих председателей. Всякие ведь были».

Валентина Ивановна рассуждает об этом со слезами на глазах и тихо добавляет:

«Если эта память умрёт, то только вместе с нами, если её некому будет передать. В войну и после войны из людей всякое лезло, как и теперь. Как-то сестра сшила мне из мешка холщовую юбку, повесила её на прясло посушить, а утром встали—а юбки нету. Чтобы какую-то одёжину заиметь, пойдём на колхозное поле поздней осенью и собираем мёрзлую мелкую картошку, а потом поставим за прясла, чтобы обменять на одёжку. Приехали как-то из другой деревни, забрали эту картошку, а нам пальто дали. Мы в нём все выросли.

За Григория Егоровича Кибанова пошла молодой, но за двадцать уже было. В кино пригласили, а во что наряжаться? Фуфайка, кирзовые сапоги, шаль в клетку. Тут и познакомилась с Гришей. Пошли в гости к подружке, поели картошки, а потом Гриша позвал к себе домой. Вот так и живём по сей день. Гриша—участник войны, дошёл до Берлина. Бог берёг его. Девяносто семь ему нынче. Вырастили детей, внуки есть, только Гриша немощный нынче, а всё заботится про огород, про дрова».

В улице лучший дом. Всю жизнь ухоженный, добротный. Стоит он и светлыми оконцами смотрит на мир. Беленькие занавесочки и цветы на окнах—бабы-Валина заслуга. И все ночи и дни у постели Григория Егоровича—тоже теперь бабы-Валина заслуга. Шестьдесят семь лет она рядом с ним. «Забота детей, внуков не сотрётся,—я думаю.—Это и есть всенародная память, и прежде всего—память семьи. Верю, Гришу не вычеркнут из Книги Жизни».

Василий
Герасимович
Шаламов

И воин, и землепашец

Передо мной на письменном столе фотография Василия Герасимовича Шаламова — ветерана Великой Отечественной войны, ветерана колхозного производства, делегата XXIV съезда КПСС. Его я знаю много лет как доброго, душевного, трудолюбивого. Это человек удивительной скромности, не любит говорить много о своей нелёгкой, но интересной судьбе.

Здесь, в небольшом старинном селе Жеблахты, что зажато с одной стороны некрутым бережком реки Ои, а с другой — широкой лентой асфальта автотрассы, и живёт некогда знаменитый хлебопашец — Василий Герасимович Шаламов. Разговорились с ним за столом, вспоминали про былое. Он рассказывал, а я слушала. А вспоминалось ему многое.

— День третье ноября тысяча девятьсот сорок третьего года помнится как сегодня. Нас провожала вся деревня. Подчищали оставшихся мужиков в деревне. Многим было по семнадцать лет. Воевал на Втором Прибалтийском фронте, в девятьсот тридцать четвёртой полковой батарее. В наступлении под Ригой гнали немцев, не дав им окопаться. В одном из боев был тяжело ранен в обе руки и ногу от шрапнели разорвавшегося снаряда в тот момент, когда выносил с поля боя раненого командира батареи. После госпиталя был демобилизован. Вернулся в родной колхоз «Путь к социализму». Здесь тоже было нелегко. Мужиков не было. Меня, прошедшего через горнило войны, правление колхоза отправило учиться на бригадира полеводства. «Поезжай учиться, Василий, хлеб растить — это тоже передовая позиция трудового фронта», — говорил мне старый председатель в те далёкие годы.

И Василий Герасимович уехал учиться древнему мастерству хлебороба. После этого пахал и сеял многие годы. С приходом весны и до уборки дневал и ночевал в поле. Всё изведал. Но не зря пролита кровь на рижских перелесках. Земля в Сибири отдавала сполна молодому бригадиру за все труды.

В шестидесятых годах пашня начала щедро давать высокие урожаи. Бригада, которой руководил В. Г. Шаламов, в 1967 году получила по 21,6 центнера зерна на круг. Высокий результат по тем временам. За высокие урожаи Василий Герасимович неоднократно был участником Всесоюзной выставки достижений народного хозяйства. Был награждён золотой медалью выставки. С 1966 года в течение десяти лет он был членом краевого комитета партии. В 1971 году бригада под его руководством на площади 1500 гектаров получила по 22,8 центнера с каждого гектара. Такого урожая жеблахтинская земля ещё не давала. В этот же год Василий Герасимович был удостоен высокой чести — быть делегатом XXIV съезда Коммунистической партии Советского Союза.

— Я, — вспоминает Василий Герасимович, — простой колхозник, встречался с выдающимися людьми государства, членами правительства, большими учёными, знатными людьми страны. Помню как вчера встречу с «дедом», как в те годы именовали главного гидростроителя, начальника Красноярской ГЭС, Героя Социалистического Труда Бочкина.

В честь признания высоких производственных показателей В. Г. Шаламову было присвоено звание «Почётный гидростроитель». Но особенно дорого воспоминание, когда в дни работы XXIV съезда КПСС в Георгиевском зале Кремля он получил высокую правительственную награду — орден Октябрьской Революции.

С той поры минуло много лет, но, как и прежде, дороги ему поля и пашни. Сейчас Василий Герасимович на заслуженном отдыхе, но живёт активной жизнью своих сельчан. Старый солдат — нередкий гость среди школьников и молодёжи села.

Человек и власть

Холодно в Жеблахтах, очень холодно, морозы пришли сильные, сибирские. И название-то нашей деревушки тоже сильное, звучное — Жеблахты... Старожилы вспоминают, как поселился когда-то на берегу реки Ои татарин по фамилии Чеблахт. Отсюда и название пошло — Чеблахты (это старики так зовут), а деревню записали после семнадцатого года с твёрдой и жёсткой буквы «Ж» — так распорядилась история. Твёрдой рукой перечеркнула букву «Ч», как и всю жизнь, которой жили чеблахтинцы до семнадцатого года.

К двадцать девятому году выстроилась вдоль реки улица с добротными избами, протянулась она змейкой по правому берегу километра на три. Тесовые крыши, ворота ладные, амбары да бани у реки. А дома-то! Крестовых изрядно уже, из кондового леса тоже. На четыре окна в улицу — у Якова Фёдоровича Филипьева, у Штукарина Якова Ивановича. Зажиточно живут мужики. У Ивановича больно гнедой хорош, а к нему и ходок ладный, да три дойных коровы, да две нетели, да машина швейная...

Читаю архивную справку и поверить не могу. Неужели кулак — тот, кто имел имущество из шестнадцати предметов? Неужели кулак — тот, кто

не покладая рук трудился на своей пашне, чтобы прокормить семью с пятью детьми?

По доброте душевной взял Яков Иванович сиротку Апросю в няньки (родители её умерли от тифа), но в справке она числится наёмной рабочей силой. В 1931 году признала райпятёрка ОГПУ хозяйства Штукарина Якова да Филипьева Якова явно кулацкими и выслала эти семьи из пределов Ермаковского района. Далеко выслали, с корнем отодрали от родной сторонки. Дома отдали колхозникам, амбары выгребли сполна, скот в колхозное стадо свели и земли, пашню «кулацкую», которая по тридцать центнеров пшенички давала, осиротили, отчиму отдали—колхозу. Не знали тогда два Якова, что навсегда лишила их власть советская главного—хлебопашества.

В 1938 году в Дудинке был расстрелян как враг народа Яков Фёдорович Филипьев, в 1936 году от порока сердца в ссылке умирает Яков Иванович Штукарин. А семьи—в одной теперь уже семеро детей, в другой четверо—возвращаются перед войной под поручительство домой, в холодные Жеблахты, нет, не Чеблахты—Жеблахты. Ещё на что-то надеялись... Вдруг земля не забыла? Ноги сами неслись на родные поля. Вот он, Левичев лог. Эта земля от деда Левичева перешла внуку Якову Филипьеву. Лог длинный, разом не охватить глазом. Земля чернозёмная, в руках как крупчатка. Убирать косогор этот тяжеловато, но ведь твоё же, твоё! Сохнет пашеничка быстро в суслонах на взгорье, а там, у леска, стан полевой. Дед ещё строил.

Никола шёл и шёл по пашне, узнаваемой и неузнаваемой теперь. Верх косогора уже не пахали, бровки заросли травой, но земля была всё такая же—мягкая, родная. Николка брал её в горсть, нюхал и сам от радости не понимал, зачем нюхает её. Ему казалось, что и пахнуть она должна пóтом всех Левичевых, Филипьевых, ведь здесь, в этой земле, и его, девятнадцатилетнего Кольки Филипьева, пот и слёзы. Крут нравом был отец—спробуй что ослушаться, а заплачешь, так ещё и прикрикнет: «Шевелись, паря!» И шевелились. Шевелились всю жизнь—закваски-то кулацкой...

Всю войну Николай, как сын врага народа, в Красноярске на кирпичном заводе тачку катал, а Валентина Штукарина, дочь кулацкая, всю войну в колхозе имени Щетинкина бригадирила. Забыть надо было боль, обиду, хоть и холодно приняли их жеблахтинцы, но враг теперь был один—фашисты, а жеблахтинцы—родные, всё понимающие. Поэтому и отдавали все силы в лихолетье колхозу. Просо, кукуруза, рожь, пшеница, картофель—всё выращивали в хозяйстве. Получали в годы войны от семи до десяти центнеров с гектара. Зачастую землю вскапывали лопатами, бороновали на коровах, на быках. План доводили до каждой семьи: сколько гектаров забороновать на своей корове. План доводили на каждую семью по сдаче продуктов стране—молока, шерсти, мяса, свиных и овечьих шкур, яиц: двести пятьдесят литров на корову в год, полторы шкуры свиной, две овечьих, шестьсот яиц... Трещала «шкура» у колхозника, ох как трещала. Но кто его спрашивал, колхозника, есть ли молоко и мясо? Выстоять надо было! И выстояли. Защитили и оправдали коллективное хозяйствование.

А после войны нашли друг друга Валентина и Николай—дети кулаков. Ладная семья колхозников получилась. Тяжкими были послевоенные годы, но вера в светлое будущее не покидала жеблахтинцев. Семилетка, а потом и пятилетки семимильными шагами шли вперёд, к победе коммунизма! Борьба за стопудовый урожай была для хлебороба теперь главной задачей. И не было равных в работе колхознице Валентине. Застывшими от мороза руками выводила в тетрадке каждый день палочку-трудодень. Особенно дорога она была зимой на молотьбе конопли. За коноплю на трудодень давали масло, сахар, семечки, зерно, начисляли по десять-пятнадцать копеек на трудодень. Трудодень был сто соток. Самое большое в день можно было заработать три трудодня. За эти три трудодня работали от зари до зари.

Как не вспомнить Шаламова Василия Герасимовича, бессменного бригадира, человека душевного и ответственного? Каждое утро раненько Вася бежал по деревне, подходил к каждому дому, стучал в окно и нараспев выговаривал: «Ну шо, Валя, ты на конопле, а ты, Коля, на базы, запрягай Карьку, станови бестарку—и по деревне на сбор золы».

С минеральными удобрениями было очень плохо и в пятидесятые, и в шестидесятые. Удобрения в виде древесной золы и птичьего помёта собирали по всей деревне. И уж Боже упаси ослушаться бригадира, ведь на каждого члена колхоза доводились выходá: для мужчин—триста выходов в год, а для женщин—двести пятьдесят. Учёт выходов строго вели в конторе колхоза, да и у каждого крестьянина была своя заветная тетрадочка с трудоднями. По концу года в доме достаток, коли выработал выходá. Если бы посчитать эти самые трудодни у Николая и Валентины Яковлевны Филипьевых за все годы колхозной жизни... Если бы знать им, какая будет пенсия за эти трудодни!

А колхоз крепчал, рос. Получали новую технику, расширялись посевные площади, росло колхозное стадо. К восьмидесятым годам в Жеблахтах было четыре гурта крупнорогатого скота общей численностью восемьсот голов, три тысячи шестьсот свиней, семьсот голов молодняка, курятник. К этому времени колхозники получали уже зарплату. Деньги были не ахти какие, но дорогие. За привесы свинарки, телятницы получали в среднем от ста шестидесяти до двухсот пятидесяти рублей в месяц. В доме Филипьевых появились кроват

с никелированными козырьками, шифоньер, комод, кухонный буфет, но лишних денег никогда не было. Их всегда не хватало, росли трое детей. Купленный телевизор «Рубин» считался верхом богатства. На него только что не молились. И даже когда он отработал своё, Валентина Яковлевна бережно накидывала на экран салфетку и не смела двигать его—вещь ведь какая! На новый так и не скопили, жизнь дорожала. А тут вдруг с накатанной колеи опять деревенька наша под косогор пошла.

В начале восьмидесятых началось укрупнение хозяйств. Никогда, наверное, ни партия большевиков, ни правительство не спрашивали простого мужика: а нужен ли был ему колхоз? а нужно ли было укрупнение хозяйств? Искали новое, теряли выстраданное. В 1974 году колхоз имени Щетинкина вошёл в состав колхоза имени Ванеева как отделение №4. А было всего пять отделений в этом хозяйстве, то есть почти полрайона. Холодно стало в Жеблахтах, снова холодно. Потянулись на центральную усадьбу люди из отделений, не думая о том, что исчезнут с лица земли их родные гнёзда. А отделения хирели и действительно исчезали.

Опомнились «верхи» только в начале девяностых. Не было уже той Николаевки, когда-то раздольного, богатого колхоза, не было Буланки, распадалось Разъезжее. Жеблахтинцы держались стойко. Может, оттого, что много здесь, в этой деревне, детей кулаков, так любивших эту землю. Жизнь научила их терпимости.

Валентина Яковлевна теперь была в таком возрасте, когда всё чаще хотелось остаться с природой наедине, повспоминать прошлое, пожалеть себя, Николая. В июльские дни, когда поспевала лесная клубника, уходили вдвоём раненько в Левичев лог, который теперь совсем забросили в хозяйстве, не пахали. Но какая там росла ягода! Клубники каждый год было столько, что короб набирай. Не оттого ли, что земля так полита по́том и слезами? Не знали тогда Николай и Валентина, что совсем скоро наступит та самая перестройка, которая перевернёт всё.

Приняли её Филипьевы с воодушевлением, хоть и пенсионерами уже были. Хотелось увидеть другую жизнь, верилось в лучшую долю своих детей. Глаза Николая Яковлевича по-молодецки загорались, когда он слышал слово «коммерсант»: «Эх, кабы годы мои вернуть—работай да богатей!» А Валентина Яковлевна боготворила Михаила Сергеевича Горбачёва. Они будто бы помолодели. И холод, пришедший в родную деревеньку с перестройкой, сразу не заметили. А он с каждым годом охватывал всё больше деревню. Гулял по фермам, по деревне, заглядывал в избы.

На сегодняшний день осталось сто голов дойного стада, остальных вырезали, чтобы выжить. Свинофермы совсем не стало, курятника тоже. Подросших телят тут же режут и сдают—якобы за налоги. Трижды с восемьдесят пятого года хозяйство меняло вывеску. В 1991 году—это ТОО «Колос». Всё имущество хозяйства, движимое и недвижимое, и землю поделили на паи. Поделили формально. Каждому члену товарищества с ограниченной ответственностью определили пай в денежном выражении и земельный участок в 11,1 гектара. А с 2001 года вывеску снова поменяли—на ОАО «Жеблахтинское» (открытое акционерное общество). В 2003 году решили снова вернуться к колхозу. Но спросите вы бабушку Валю Филипьеву, как теперь называется колхоз,—не скажет баба Валя. Да и всё равно ей. Крах пришёл колхозному строю, развал полный. И если надумает Валентина Яковлевна выйти из хозяйства—не получит ничего. В денежном отношении получать нечего—всё в негодность пришло, разве что техники одно колесо. И землю теперь брать не по силам, лишь только детям передать. «Да только дай Бог, чтобы в новой жизни не потонули дети наши, выплыли бы из этой сумятицы. Пусть научатся работать на земле каждый за себя. Когда твоё, то и отношение другое,—подвела итог нашему разговору Валентина Яковлевна.—А в Левичев лог зять возит по „глубиничку“, для нас она больно сладка».

За разговором не заметила, как перелистала всю историю Отечества с помощью Валентины Яковлевны. Я слушала её и ощущала не только боль за Россию, но и гордость за людей, за Отечество, в котором жила эта семья, мои родные мать и отец, потому что о чём бы ни говорила Валентина Яковлевна, в её словах не было злобы, не было обиды на власть, на людей. Это была её Родина, её земля, народившая великих тружеников земли русской.

И теперь, поёживаясь от холода, я думала о том, что «прошлое связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого». И мне, как Ивану Великопольскому в чеховском «Студенте», показалось, что только что видела оба конца этой цепи: дотронулась до одного конца, как дрогнул другой. «Дотронулась до сегодняшней жизни моей матери и моего отца, а увидела многое другое в отношениях человека и власти, человека и истории. Из рассказанного моей матерью сделала вывод один: власть всегда должна быть в ответе за содеянное. В этой истории всё делалось во благо человека, а получалось наоборот. Но, может быть, когда-нибудь народятся настоящие „кулаки“ и снова будет колоситься пашеничка в Левичевом логу: это будет моя земля, мой лог».

Анатолий Вершинский
Баллады

Распятие

Что Он видит пред собою
с вознесённого креста?
Холм, истоптанный толпою:
ни травинки, ни куста.

Вдалеке видна долина,
а у самых ног Его
ждёт Мария Магдалина
чуда — больше ничего.

Рядом с юным Иоанном —
исстрадавшаяся Мать;
сыном Ей вторым, названым,
Иоанну до́лжно стать.

Вот легионеры в латах;
вот суровый сотник их;
вот священники в богатых
облаченьях золотых…

Устремляется всё дальше
обострённый болью взгляд.
Без прикрас, лишённым фальши
видит Он земной уклад.

Всё, что скрыто в мире сущем,
явно в Промысле Отца:
слито прошлое с грядущим
без начала и конца.

Видит Он духовным взором,
что в Его краю святом
нет скончания раздорам
полумесяца с крестом;

видит, как на поле битвы
наступает стан на стан —
и разят, свершив молитвы,
христиане христиан;

как становится расхожим
оборот «пустить в расход»;
как с Помазанником Божьим
истребляют царский род;

как «нордическое» племя
на детей племён чужих
скупо тратит газ и время —
в печь живьём бросает их;

как, владея грозной силой,
для которой тесен ад,
Землю общею могилой
люди сделать норовят;

как приходят лжепророки
и от имени Его
проповедуют пороки,
в том являя мастерство;

как не в первый и не в пятый,
а уже в несчётный раз,
равнодушием распятый,
Он встречает смертный час…

Мир без принципов и правил
видя в сумраке времён:
«Боже, для чего оставил
Ты Меня?» — взывает Он.

То вопит Его устами
горемычный род людской
в каждом доме — малом храме,
в каждой церкви приходской.

Что ответит Царь Небесный —
пусть услышит каждый сам,
взгляд над пропастью отвесной
поднимая к небесам.

Присяга

В наши дни получится едва ль
втиснуть в рамки европолитеса
двухтысячелетнюю скрижаль
с клятвой гражданина Херсонеса.

Мраморная стела. Столбик строк.
Выстраданный опыт в каждой фразе.
Вот он, аскетический зарок,
в русском сокращённом пересказе.

«Я клянусь глядящими с высот
Зевсом, Геей, Гелиосом, Девой[1]
и мужами, что избрал народ
для правленья — службы каждодневной:

Не предам вовеки никому
город и окрестные владенья.
Лжи в Совете граждан не приму.
Не оспорю здравого сужденья.

Никогда не поколеблю сам
коренных основ народоправства
и другим подрезать их не дам,
отличая правду от лукавства.

Я отвергну всяческую мзду,
что идёт во зло стране и людям.
Привлекут отступников к суду —
помогу свидетельствами судьям.

А моя окажется вина
в сговоре, несущем вред общине, —
ни земля, ни море, ни жена
для меня да не родят отныне!..»

Найдена священная плита
на руинах площади при храме.
Там народ задолго до Христа
толковал с античными богами.

Там сходился городской Совет.
Там гремело било в час набата.
Там давали граждане обет —
клятву патриота, не экспата.

В русских водах не омыть сапог
войску, верному чужому стягу.
Выучили русы назубок
двухтысячелетнюю присягу.

1. Дева (*греч.* Παρθένος) — изначально божество тавров, чьими потомками византийцы считали русов. Покровительница Херсонеса Таврического. Отождествлялась у эллинов с Артемидой, у римлян — с Дианой.

Навстречу солнцу

В Городце, в обители, в надежде,
что помогут иноки-врачи,
князем Александром слывший прежде,
схимник Алексий не спит в ночи.

Горько умирать в больничной келье:
воину — в сраженье смерть к лицу.
Нешто в яства подмешали зелье
в стане хана, как дотоль — отцу?

От Невы до края ойкумены
сплошь костьми усеяны поля.
Сыновей в ордынские тумены
впредь не выдаст отчая земля.

Князь, как встарь — от ереси латинян,
свой народ от ханской службы спас.
Если перед Богом в чём повинен,
пусть Господь объявит в должный час…

Восемь дней печальный санный поезд
во Владимир шёл из Городца.
Был мороз по-зимнему напорист,
стыло тело князя-чернеца.

И Кирилл, всея Руси владыка,
вышел встречь и молвил тяжело:
«Знайте все, от мала до велика:
солнце Суздальской земли зашло!»

Принято в обряде погребенья
и князьям, и людям от сохи
класть в ладони грамотки — прошенья
отпустить усопшим их грехи.

Положив покойника в гробницу,
не смогли разжать застывших рук.
И тогда он сам простёр десницу
и пергамент взял у Божьих слуг.

Вопреки законам, против правил
ожила безжизненная плоть.
И дивился люд. «И так прославил
своего угодника Господь».

Этими чеканными словами
заключил Кирилл-митрополит
повесть о святом, который с нами
на передней линии стоит.

…А поддайся шведу и тевтонцу,
дай папистам властные бразды,
не пошла бы Русь навстречу солнцу
прирастать наследием Орды.

Альтернативная история

(По списку летописи из параллельной вселенной)

> *Мудрый не покоряется безрассудной*
> *воле толпы, а сам даёт ей направление.*
> И. И. Лажечников

Лета шесть тысяч какого-то (стёрто, какого)
князь (не читается имя за ветхостью списка)
податный люд и дружину созвал, чтобы слово
мудрое молвить о том, что спасение близко.
Надо лишь новую веру принять, а сначала
смыть благодатной водою грехи многобожья.
«Мыслите, мы собрались у речного причала?
Нет, перед горним престолом стоим — у подножья.
Новая вера, единая с Южной страною,
наше княжение с нею подружит навеки.
В духе сливаясь, как в море сливаются реки,
вместе управиться сможем с ордою степною.
Вот омовения место!» — и, вытянув руку,
подданным князь указал на речную излуку.
«Нет, — возмутился вожак промысловой ватаги, —
этак без рыбы останемся, босы и наги.
Именно там её ловим, и — чуете запах? —
вялим, и шлём с караваном гурманам на Запад».
«Любо», — одобрил правитель, и княжья десница
вновь поднялась, выбирая для таинства место.
Лихо теперь корабелам от этого жеста:
«Рядом с военною верфью негоже тесниться».
Внял возражениям князь и сказал несогласным:
«Выбор, народ, за тобой!» — и движением властным
руки простёр над людьми, чьи несходственны цели…
Спорили долго. Согласья достичь не сумели.
Ждать утомились посланники Южной державы
и удалились, ругая дикарские нравы…
Лета шесть тысяч пятьсот… (неразборчиво дале)
Южное царство кочевникам жители сдали.
Княжество славное вслед за державой соседней
пало, по устным преданиям, в год Крокодила…
Так самовластие воля толпы победила
в первый, наверное, раз и уж точно в последний.

Предание

Его не тронут люди.
Его Господь простит.
Предателю Иуде
не даст пощады стыд.

Посеянное лихо
пожнёт злодей и вор.
Обыденно и тихо
свершится приговор.

Смоковница брезгливо
отступника стряхнёт,
и скатится с обрыва
изгой Искариот.

Расхристанное тело
стервятники склюют,
а где оно висело —
не вспомнит местный люд.

И в наши палестины
Иудин эшафот
под образом осины
с библейских круч сойдёт…

Предателей — преданья
зовут по именам.
Не ради оправданья,
а в назиданье нам.

Опять измена всюду.
Идёт на брата брат…
Господь простил Иуду,
но люди — не простят.

Родовая память

Если странник из края, что холодом скован,
направляется в край раскалённых песков,
по пути непременно заедет во Псков он.
Впрочем, имя покамест у града — Плесковъ.

И покамест починкой — отнюдь не ремонтом —
называет народ поновление стен,
у которых завещано князем Довмонтом
не склонять ни пред кем, кроме Бога, колен.

Но крепчает Москва: среднерусские земли
под орлиные крылья уже собрала
и на северо-запад косится: приемли,
господарство Псковско́е, защиту орла!

Князь великий Василий, преемник Ивана,
на последнее вече призвал псковичей,
и, в посулах его не почуяв обмана,
те склонились пред ним — под угрозой мечей.

Ну а князь не сдержал уговора, ударив
по живому людей, не чинивших злодейств:
увезли на Москву, под пригляд государев,
триста самых влиятельных здешних семейств.

И отметил хронист: «Разлучения ради
бысть во Пскове и плач, и великая скорбь».
А взамен выселенцев осели во граде
княжьи слуги — надменные, с ними не спорь!

Нрав истории крут, и не надо истерик.
С толкованьями прошлого как ни чудесь,
над рекою Великою вписано в берег,
что Россия — читай! — начинается здесь.

Протираю очки полинялой бархоткой.
Различаю обозы в январской ночи…
Пять столетий прошло, но поныне с охоткой,
как на родину, едут во Псков москвичи.

Д*и*Н СИММЕТРИЯ

Хорхе Луис Борхес

Из книги «Страсть к Буэнос-Айресу»

Труко

Колода перекраивала жизнь.
Цветные талисманы из картона
стирали повседневную судьбу,
и новый улыбающийся мир
преображал похищенное время
в безвредные проделки
домашних мифов.
В границах столика
текла иная жизнь.
Лежала незнакомая страна
с горячкой ставок, риском понтировки,
всевластьем меченосного туза —
всесильного Хуана Мануэля —
и кладезем надежд — семёркой черв.
Неспешный мате
умерял слова,
перипетии партий
повторялись —
и вот уж нынешние игроки
копируют забытые сраженья,
и воскрешаются за ходом ход
роды давным-давно истлевших предков,
всё те же строки и всё те же штуки
столице завещавших навсегда.

Дворик

Ввечеру
гасит краски дворик утомлённый.
Понапрасну полная луна
прежней страсти ждёт от небосклона.
Дворик, каменное русло
синевы,
сбегающей по кровлям.
Вечность, безмятежна и светла,
на распутье звёздном замерла.
Краткий праздник дружбы потаённой
с чашею, беседкой и колонной.

Надгробная надпись
полковнику Исидоро Суаресу,
моему прадеду.
Пронёс отвагу через Кордильеры.
Не уступил ни кряжам, ни врагу.
Его рука не знала колебаний.
Вошёл в Хунин с победой, закалив
испанской кровью пики перуанцев.
Подвёл итог пережитому в прозе,
сухой, как боевой сигнал рожка.
Скончался в ссылке. От него осталось
немногое: лишь слава и зола.

Стихи начала 20-х годов
Перевод Бориса Дубинина

Сергей Пагын

Седьмая печать

● ● ●

Вот майский дом — недавно побелён,
омыт ветрами с четырёх сторон
и ветками цветущими обласкан.
Мне б рассказать о праздничном столе,
и о вине, вздохнувшем в хрустале,
и об окне, что пахнет свежей краской.

Мне б рассказать о маме и отце,
сидящих в полумраке на крыльце,
о ливне прошумевшем, о сирени,
о вымокшей рубашке, о любви…
Но прошлое — зови ли, не зови —
теперь всего лишь высохшие тени.

И только в снах даётся им объём.
И входит свет в открытый юный дом,
и гаснет всё в слепящем этом свете —
обрёл он свойства милосердной тьмы,
как лето — стынь мгновенную зимы,
как жизнь — пространство потайное смерти.

Морозный день

Солнце. Снег. Скукоженные листья
неподвижны на седых ветвях.
Вечность входит твёрдо — не по-лисьи,
время поселяется в домах,

чтобы стать огнём печным, водою,
льющейся из крана в тишине,
речью, болью, памятной свечою,
мальчиком в трепещущем окне.

● ● ●

Темнеет мартовская даль,
подходит, в окна смотрит слепо…
Душа не сфера — вертикаль,
легко пронзающая небо,

и землю, полную корней,
и воды в сумраке глубоком…
И без иллюзий, без вещей,
покинув быта тёплый кокон,

с порога сходишь в темноту
без дна звенящего и края,
глухую глину и звезду
сквозной душой соединяя.

● ● ●

Как слабы мы в неведенье своём!
Как светится со снедью полотенце
в траве, в тени, отброшенной крестом,
и замирает на погосте сердце.

Как ленточки алеют на ветвях,
повязаны влюблёнными на счастье,
и трепетно свеча горит впотьмах,
живому — свет,
а мёртвому — участье,
и он глядит порой из-за плеча,
и общий взгляд становится бездонным…

А яблоко в ложбинке калача
распробовано воздухом застольным.

● ● ●

Мы рушимся, но мы ещё стоим,
источены надеждой и тревогой.
В дверной проём распахнутый глядим
на травами заросшую дорогу.

Так в августе стоит прохладный сад,
он цел ещё, но лист кружит в паденье,
и заглушает пение цикад
неспешное шуршанье обрушенья.

Но время есть, ещё, пожалуй, есть
найти в скворечне глиняную птицу —
свистульку дочки,
и под вишней сесть,
и засвистеть,
и тихо засветиться.

● ● ●

Как травы льдистые горят!
И воздух в тишине
питает светом холм, и сад,
и тыкву на окне.

И, к ней приблизившись едва,
почувствуешь душой,
что в тени больше вещества,
чем в тыквине самой.

Седьмая печать

Я понесу воспоминанье —
как чашу с молоком:
пусть длится страшное молчанье
над морем и холмом,

пусть ангел смерти непреклонный
всё ходит по пятам.
Я этой радости бездомной
ни капли не отдам.

Кровит в ладони земляника,
висит над ней оса…
И до последнего до вскрика
всего лишь полчаса.

Но хлеб в траве на полотенце,
но жук в твоей горсти…
И я могу всё это в сердце
сквозь бездну пронести.

Преображение

Человек проявился из света.
А до этого вышел во двор,
не спеша закурил сигарету,
посмотрел на окрестный простор,

на рябинку прозрачную рядом,
на мерцание ягод в лучах,
на чистейшее небо над садом.
Нежно пёрышко сдунул с плеча

и поймал на секунду сначала,
а потом всё глядел и глядел,
как светилось оно, улетало
за земной и небесный предел.

Человек проявился из света,
улыбаясь в проёме дверном
своему несказанному, где-то
глубоко зазвучавшему в нём.

Д*и*Н симметрия

Валерий Брюсов

Из предисловия к сборнику «Дали»

Поэт должен, по возможности, стоять на уровне современного научного знания и вправе мечтать о читателе с таким же миросозерцанием. Было бы несправедливо, если бы поэзия навеки должна была ограничиться, с одной стороны, мотивами «о любви и природе», с другой — «гражданскими темами». Всё, что интересует и волнует современного человека, имеет право на отражение в поэзии.

Могут возразить, что поэт, идя по такому пути, придёт к стихам, недоступным для широких кругов читателей. На это автор имеет два возражения.

Во-первых, общедоступность произведений поэзии (и вообще искусства) — фикция. В настоящее время читатели расслоены по образованию, по подготовке, в силу исторических условий; одним Пушкин «доступен», другим нет. Но читатели останутся расслоёнными всегда, при любых, самых идеальных условиях, в силу идеальных склонностей, в силу того, что одни посвящают жизнь одному делу, другие — другому; в данный исторический момент всегда будут произведения, доступные более широким и менее широким кругам.

Во-вторых, поэзия вовсе не должна ограничиться и научными темами. От учёного мы требуем, чтобы он не замыкался в области своих специальных изысканий, чтобы часть работы, и значительную часть, он посвящал распространению знаний и применению их к нуждам сегодняшней жизни. Так, от художника мы ждём, что он использует средства своего искусства и для целей ближайших (вплоть до пропаганды и агитации), даст и ряд произведений, доступных широко. Но, как учёный должен отдавать силы исследованиям, назначенным для специалистов, так художник может работать над темами, обращёнными к более узким кругам.

Вообще можно и должно проводить полную параллель между наукой и искусством. Цели и задачи у них одни и те же; различны лишь методы. В области науки мы различаем длинную градацию произведений, от специальных трактатов, дающих знание, до популярной брошюры. Такую же градацию мы должны установить для созданий искусства. Из того, что «начала» Эвклида теперь доступны школьникам, не следует, что они выше, значительней, чем «мемуары» Гаусса, поныне читаемые лишь математиками. Что «сказки» и «легенды» Льва Толстого понятны почти каждому грамотному, не значит, что они художественнее, чем «Война и мир».

1922

Наталия Кравченко

Боже, друже, старче, человече…

● ● ●

Была утехой мне библиотека,
и ты, на целый свет такой один.
Теперь всё больше ночь-фонарь-аптека
и лунный луч, скользящий меж гардин.

Уходит день, цвета свои меняя,
цветы склоняют головы в кашпо.
Уходит жизнь, ни в чём не обвиняя,
но и не извиняя ни за что.

Ну что ж, судьба, готовь свою дробину.
Приму, мольбой небес не теребя.
Но вновь Вселенная подставит спину…
А может, это помощь от тебя.

● ● ●

Боже, друже, старче, человече…
Как прекрасен звательный падеж!
Жаль, на этот зов ответить нечем.
Ну, хотя бы в книгах нас утешь.

Канули давно, уплыли в Лету
те слова, что можно напевать…
Есть глагол и правило, но нету
тех, кого душа устала звать.

Отче, муже, сыне, сестро, брате…
Словно эхо дальних голосов,
словно плач о горестной утрате
давних лиц, имён и адресов…

● ● ●

Просыпаясь, угадать пытаюсь:
что там, за окном? какое небо?—
постепенно обрывая завязь
с тем, что в снах нащупывала слепо…

Я, как та царица Прозерпина,
что в подземном царстве колдовала,
жизнь свою прошедшую лепила,
а потом наутро забывала.

Чудеса случаются на свете.
Ты случился некогда со мною…
Хорошо, что ты не видишь, светел,
мировую эту паранойю.

● ● ●

Читатель мой, советчик, врач,
в ответ хотя бы мне аукни.
Искала б днём с огнём, хоть плачь,
но от огня остались угли.

Уставший к вечеру денёк
прилёг, не вымолив отсрочки.
Вид на помойку—как намёк,
где кончат жизнь живые строчки.

А где ж им быть потом ещё?
Забыты, выплюнуты, жалки,
от жарких душ и мокрых щёк—
прямым путём к дворовой свалке.

Как ни крути и ни крои,
альбомы, письма, посвященья,
слова в невысохшей крови—
в одно стекают помещенье.

Дожди легко их смоют след.
Бросаю, как бутылку в море…
Вдруг кто-то через сотню лет
прочтёт мою любовь и горе?

● ● ●

На балкон прилетает птица…
Не успели с тобой проститься.
Не успела сказать «прости»…
Нас уже с тобой не спасти.

Если Бог закрывает двери—
Он окно открывает вере,
но не видела я окно
сквозь завешенное сукно.

И коктейль из любви и боли
я мешала в неравных долях,
чтоб до дна его пить одной
ночью лунной и ледяной.

А небесное и лесное
будут радовать вновь весною.
Птице высыплю горсть пшена…
Передай: его ждёт жена.

* * *

Какой сегодня день? Который час?
Ловлю себя на том, что мне не важно.
Вот облака раздвинулись, лучась…
Вот жизнь течёт, неспешна и домашна.

День носит имя «день». Как было встарь.
Он делится на вечера и полдни.
И отличает их не календарь,
а то, чем я их в этот раз наполню.

Был день стиха. И старого письма,
что я читала на балконе, плача.
Был день тепла. И день, когда зима
приковыляла, как больная кляча.

Который час? Есть время есть и пить.
Есть час для сна и дружеской беседы.
Нет часа, когда мне тебя любить.
Он улетел куда-то, непоседа.

Есть время от зари и до зари,
снежинкой нежной на ладони та́я…
Спешат часы. И врут календари.
Я их давно уже не наблюдаю.

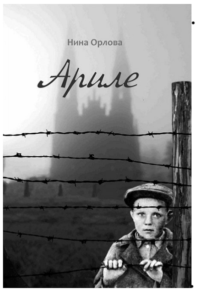
* * *

Просветы между облаками—
как будто бы сквозные раны.
Просвет меж нашими руками…
А встретиться давно пора нам.

Как я хочу опять проснуться,
уткнувшись в тёплую ключицу…
Но до тебя не дотянуться,
и нашей встречи не случится.

Всю жизнь мою пересекают
просветы, прочерки, пробелы…
Жизнь в жизнь твою перетекает,
чернея на экране белом.

А время лечит и увечит,
как будто бинт, присохший к ранке.
Гляжу в окно. Ещё не вечер.
И вижу небо в чёрной рамке.



Нина Орлова

Ариле

Омск: «Амфора», 2021

Повесть «Ариле»—это история еврейского мальчика и его родных, прошедших через три гетто и выживших. О польских семьях, в чьих сердцах сострадание оказалось сильнее страха смерти. О людях, которые в невыносимых условиях сохранили человечность.

«Когда-то давно моя коллега родом из Западной Белоруссии упомянула, что ни одного еврея не осталось в их местах—всех уничтожили фашисты.

Я не удержалась и спросила Арика:

— Как же вы выжили в войну, немцы же всех убили?!

— Мы с родителями прошли через три гетто. А когда гетто были ликвидированы, нас два года прятали поляки. Звали их Ян Янушевский и Александр Мазолевский.

— Семьдесят лет прошло, а вы помните их имена?— удивилась я.

— Всё помню, как будто это было вчера. Мне каждую ночь снится тот ужас. Буду молиться за наших спасителей до последнего вздоха.

Весь остаток отпуска я выспрашивала Арика о тех роковых днях. Сначала он отмалчивался: „Слишком больно вспоминать“. Потом стал понемногу рассказывать. Оказалось, он действительно хорошо помнил те дни, имена, даты, события.

— Арик, вам нужно всё записать, быть может, вы последний свидетель.

— Я подумаю.

Вернувшись из отпуска домой, я попыталась найти всё, что было известно о тех трагических событиях. Оказалось, практически ничего. Ни имён, ни каких-либо записей—ничего не сохранилось.

Выходило, Арик действительно был последним свидетелем растерзанной, с корнем вырванной жизни, от которой не осталось и следа».

Сергей Филиппов

Два старых московских кольца

* * *

Два старых московских кольца
В моей, и не только, судьбе,
Одно называется «А»,
Другое, чуть большее,—«Б».

Узнать их, увидев в кино,
Достаточно пары минут,
В бульварах и скверах одно,
Садовым другое зовут.

И ты мне в тот миг не мешай
Смотреть, как по старой Москве
Ползёт деревянный трамвай,
Троллейбус с эмблемою «Б».

Вдруг время задумает вспять
Свернуть, там, где детство и где
Пути их сойдутся опять
В моей, и не только, судьбе,

Где скверы, сады и бульвары
Сливаются в общий поток
И очередь в дуровский старый
И вправду живой уголок.

* * *

На старой летней танцплощадке
Смятение и полумрак.
Следит дружинник за порядком
Для профилактики от драк.

У женщин на щеках румянец,
Они волнуются и ждут,
Когда объявят белый танец
Всего на несколько минут.

Стоят, оценивая взглядом
Потенциальных визави.
Им, в принципе, не много надо:
Покоя, счастья и любви—

Как раз того, что во Вселенной
Пусть и на несколько минут
Всем вместе и одновременно
Им даже в танце не дадут.

* * *

Всё глуше смех, всё тише споры,
Всё громче клич: «Маэстро, туш!»
Почти не ставят «Ревизора»
И не проходят «Мёртвых душ».

Сатириков пора забыть бы
И зачехлить свой острый кий,
Хотя играется «Женитьба»
И страшно популярен «Вий».

И вновь по Невскому проспекту,
Отчаявшись и впав в психоз,
В толпе прохожих бродит некто,
В запарке потерявший нос.

Однако строить параллели
Бессмысленно, их просто нет.
Ведь тех, кто вышел из «Шинели»,
Давным-давно растаял след.

И мчится наша птица-тройка
Куда-то, набирая ход,
Как и при Гоголе, да только
Куда—ответа не даёт.

* * *

В каждой музыке Бах…
И. Бродский

Не мыслю мысли без размаха,
Творца без творческих потуг,
Не мыслю музыки без Баха,
Без баховских токкат и фуг.

Не мыслю ткани без основы,
Где нити прочно сплетены,
Литературы без Толстого
И без толстовской глубины.

Жизнь—та же ткань, где звук и слово
Сплелись и вдоль, и поперёк,
И непонятно, где основа,
А где связующий уток.

● ● ●

Не сносить, не сносить непременно
Нам, как видно, с тобой головы!
Родились на задворках Вселенной,
Но зато в самом центре Москвы.

В нас с тобою московские корни,
А отсюда — столичная спесь,
И вселенная наша, запомни,
Началась и закончится здесь.

Развивалась, росла неуклонно,
Не щадя ни врагов, ни друзей,
Не согласно вселенским законам,
А по воле великих князей,

Превращаясь из вялой и сонной,
Не идущей врагу на поклон,
Белокаменной, Первопрестольной,
В Третий Рим и второй Вавилон,

В «вечный» город, которому впору
Ожидать, как и всем нам, конца
По примеру Содома с Гоморрой,
Рассердивших когда-то Творца.

● ● ●

Так время незаметно тает,
Что человек, прожив свой век,
В конце лишь с грустью замечает
Его неутомимый бег,

Что по сравненью с днём вчерашним
Вокруг не та уже среда
И вместо нив, полей и пашни
Встают впритирку города,

Машины мчатся вереницей
По автострадам в три ряда,
Что свежий воздух — по крупицам,
А в кране — грязная вода,

Что разгибать, вставая, спину
Всё тяжелее каждый год,
Что резко изменился климат
И хлеб на вкус уже не тот,

Что, как и прежде, жить для тела
И вечно что-нибудь прося
У Бога — глупо, но поделать
При этом ничего нельзя.

● ● ●

Скрипач в подземном переходе
Московском, старый и седой,
Играет и тоску наводит
Своей посредственной игрой.

Придумал хитрую уловку
Находчивый пенсионер —
В футляр от скрипки сторублёвку
Вложил, другим подав пример.

Задумка, право, неплохая,
Жаль, не работает она,
Всё мелочь старику бросают,
Так обнищала вся страна.

Скрипач играет как умеет.
Ну что ж, играй, лови момент,
Пока ещё не гонят в шею,
Никто не требует патент.

Играй, находчивый старик мой,
Не опускай смычка и впредь,
Когда тебе в футляр от скрипки
Начнут кидать одну лишь медь.

Играй и обходи препоны,
Пиликай до последних дней,
Лазейки находя в законах
Для предприимчивых людей.

Не наподобие Мавроди,
Таким всегда дадут добро,
А тем, которым в переходе
Бросают медь и серебро.

● ● ●

Моё глубокое почтенье!
Моё почтение всем вам,
Живущим в экопоселеньях.
Мир вашим замкам и домам.

Поклон от тех, кто вновь унижен,
Кто прозябает не у дел,
От их лачуг, квартирок, хижин,
Трущоб, «шанхаев» и фавел.

В посёлках, наглухо закрытых,
Вдали от посторонних глаз,
Вся современная элита
Сегодня прячется от нас

Под сенью девственной природы,
Скупив озёра и леса,
А их токсичные заводы
Коптят нещадно небеса,

Пытаясь в свойственной манере
Им незаметно под шумок
У неделимой биосферы
Оттяпать лакомый кусок

В отдельном экопоселенье,
Что, несомненно, говорит
О скудости воображенья
Так называемых элит.

Эдуард Русаков

Мама, это я

(Элегия-97)

Когда не с кем говорить, нужно писать…
Из маминых дневников

…до самого конца ты терпела и притворялась что совсем не больно а ведь боль была изнуряющей невыносимой но ты терпела потому что жалела но не себя а меня мама мамочка а ведь я мог бы сделать тебе укол анальгина или промедола чего угодно у меня же полно знакомых врачей но ты так бодрилась крепилась подшучивала пока не потеряла сознание пока не потеряла контроль пока метастазы не разрушили твой мозг окончательно пока лёгкие твои не стали распадаться и красно-коричневая жижа не потекла изо рта…

ТОЛЬКО В НАШЕМ МАГАЗИНЕ —
И В БУКЕТАХ, И В КОРЗИНЕ —
ВСЕВОЗМОЖНЫЕ ЦВЕТЫ
ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КРАСОТЫ!

Вот такую рекламную фигню сочинял я, уж ты прости, мамочка…

Незадолго до смерти ты полюбила слушать одну и ту же заигранную пластинку на старом своём проигрывателе — «Реквием» Моцарта. Там есть один особо лакомый кусочек, многократно тобой смакуемый, — «Лакримоза» — музыка упоительно-нежная, вкрадчивая, безжалостная… предсмертные грёзы… сладкие слёзы… лживые слёзы гения… ибо смерть — груба и безжалостна, как мясник.

Нет, не так.

Смерть — это кошка. Не мясник, не палач, не скелет с косой. Смерть — это нежная кошка по кличке Моцарт. Она сразу не убивает, она тешится, балуется, играет с нами, ласкает нас, убаюкивает, мурлычет, а потом вдруг — как раз тогда, когда мы уже к ней почти привыкли и успели её полюбить, эту славную капризную киску, — вонзает в наше сердце свои коготки. Эта божественная музыка, эта небесная красота, эта сладостная поэзия, эта бессмертная любовь, эта вечная жизнь, эта свирепая нежная кошка — ей мало убить нас, она ещё нас пожирает, урча, жадно чавкая и рыгая…

Когда-то в юные годы я вёл дневник. Недолго, правда. Забросил, потерял. Дневник — это мутное кривое зеркало… зачем? кому он нужен? Позднее хотел завести «ночник» — чтобы записывать самые интересные сны… согласитесь, в этом есть нечто! Да? Нет? А мне кажется… впрочем, согласен: всё это — пустая блажь.

Но сегодняшний сон записать не мешает. Ведь именно сегодня исполнилось ровно шесть месяцев со дня смерти мамы, и сегодня я (по закону) должен посетить нотариальную контору, чтобы там наконец-то получить документ, удостоверяющий, что я отныне являюсь владельцем однокомнатной приватизированной квартиры, принадлежавшей ранее моей маме и завещанной ею мне, как единственному наследнику. Я, кстати, рассчитывал получить все эти бумаги раньше, сразу же после маминой смерти, но нотариус (рассудительная блондинистая дама) объяснила, что следует выждать шесть месяцев…

— Зачем?

— А вдруг объявится другой претендент на квартиру?

— У мамы никого из родных не осталось… никого, кроме меня. К тому же имеется завещание…

— Ну, мало ли какие бывают казусы! — улыбнулась нотариусиха. — Помню, после смерти одной одинокой женщины словно из-под земли появилось вдруг сразу трое мужчин, утверждающих, что они являются её мужьями. У одного даже соответствующий штамп в паспорте имелся.

Впрочем, я отвлёкся. Хотел ведь совсем о другом рассказать. О том, что в ту самую ночь, накануне визита к нотариусу, мне приснился мой отец, которого, кстати, наяву я не видел ни разу, то есть вообще никогда не видел, ни во сне, ни наяву. Даже на фотокарточке я впервые с ним «познакомился» совсем недавно, уже после смерти мамы, когда разбирал её письма, дневники и прочие бумаги. Вот таким, как на снимке, — строгим, без улыбки, в полувоенном френче, — я его и увидел во сне. Сразу было понятно, то есть я даже во сне чётко осознавал, что это — сон: отец предстал предо мной в окружении розоватого ореола и словно бы на каком-то подиуме, и голос у него был уж слишком торжественный, форсированный, как у актёра, и как-то загадочно резонирующий…

— Не ждал?—спросил он, глядя на меня сверху вниз, и, не дождавшись ответа, спросил ещё:— Догадываешься, кто я такой?
— Вероятно, ты мой отец. Правда, выглядишь слишком уж молодо—а тебе ведь сейчас должно быть лет восемьдесят, а то и больше…
— Не всё ли равно, как я выгляжу?—отец снисходительно улыбнулся.—Может, тебе ещё паспорт мой показать?
— А что, у тебя есть паспорт?
— А как же! У меня больше прав на эту квартиру, чем у тебя. И я очень легко и быстро смогу это доказать.
— Так ты, значит, явился сюда только из-за квартиры?
— А разве это пустяк? Надо же где-то мне обрести последнее пристанище! Именно с этим домом связано столько воспоминаний… Здесь мы с твоей матерью поженились, отсюда она меня провожала на фронт, когда ты ещё, кстати, и не родился…
— Я знаю, она рассказывала.
— Не перебивай, когда говорит отец! Мне, конечно, понятна твоя растерянность—ещё бы, ведь ты уже строил планы, и вдруг я свалился как снег на голову!.. Что ж. Как говорят: извини-подвинься.
— Теперь так уже не говорят.
— Говорили раньше. Так вот, сынок: извини-подвинься. Я желаю жить в этой славной уютной квартирке.
— Живи, пожалуйста,—сказал я совершенно искренне (клянусь—если бы наш разговор происходил наяву, то и тогда я точно так же был бы рад внезапному появлению отца).—Хочешь, живи тут один. Хочешь, будем вместе…
— Ты это серьёзно?—голос отца дрогнул, стал менее громким и театральным, а розовый ореол померк.—Ты согласен жить рядом со мной, стариком, терпеть мои капризы и причуды, ухаживать за мной, когда я расхвораюсь, а болею я часто?..
— Выглядишь ты молодцом!
— Приглядись—и увидишь развалину…

Я пригляделся. И образ отца стал тускнеть и таять в сером тумане…
— Подожди!—кинулся я к нему, понимая, что вот сейчас, вот сию минуту он навсегда исчезнет.—Ответь, пожалуйста: где ты был все эти годы? Мы думали—ты погиб на фронте, пропал без вести, мама так долго тебя ждала, пока не потеряла всякую надежду…
— Вот это и плохо,—строго произнёс исчезающий отец.—Надо было не ждать, а искать, искать… а она меня не искала…
— А ты?! Почему же ты сам?..

Разумеется, я не дождался ответа.

А спустя два часа, когда миловидная дама-нотариус выдавала мне драгоценный документ, я не удержался и рассказал ей о странном своём сновидении. Визит отца её не удивил, она лишь засомневалась в том, что я искренне—хоть и во сне—был готов уступить ему мамину квартиру. И мы минут пять обсуждали сомнительные нюансы и лабиринты моего лукавого подсознания.
— Не понимаю, что вас удивляет,—сказал я.—Ведь это же был мой отец!
— Да, но… Во-первых, вы встретились с ним впервые… и потом—насколько я знаю, у вас есть жена…
— Что жена? Наша любовь давно ушла по-английски, не прощаясь,—мы даже и сами этого не заметили…
— Ладно, в семейные ваши дела я не хочу вдаваться,—улыбнулась миловидная дама.—Квартира отныне ваша, делайте с ней что хотите.
— Я хочу её сдать в аренду,—продолжал я откровенничать.—Чтобы поддержать семейный бюджет. Сейчас трудные времена, я на мели, без работы… Временно, конечно.
— А где вы работали?
— В рекламном агентстве. Сочинял стихотворные тексты для местных фирм, рекламировал чёрт знает что… Но недавно меня сократили.
— Так вы—поэт?
— Да, я поэт… извините за выражение.
— Понимаю,—кивнула она.
— Ничего вы не понимаете!—я почему-то вдруг рассердился.—Я хочу быть один, совершенно один! Я хочу, чтобы меня наконец-то оставили в покое!
— Вот и жили бы в маминой квартире,—тихо сказала она,—в окружении сладких воспоминаний и сновидений…
— Это было бы здорово,—согласился я—и вдруг почувствовал, как глаза мои разбухают от слёз,—это было бы просто замечательно… Но—мне нужны деньги.
— Деньги нужны всем,—сказала она.—Мне вы тоже должны уплатить пошлину. Триста тридцать тысяч рублей.
— Да, я помню,—и я полез в карман за деньгами.—Вот, пожалуйста, пересчитайте… А ещё бы—самое лучшее: развестись с женой, разменять нашу трёхкомнатную, чтобы мне досталась хотя бы гостинка, сдать её в аренду, а жить—в этой, в маминой… Как вы сказали?.. «…в окружении воспоминаний и сновидений…» Именно так. Голубая моя мечта—жить на ренту! Нигде не работать, жить себе тихо и скромно, в сладостном одиночестве, перечитывать любимые книги… ни о чём не заботиться… не напрягаться… не страдать…
— Ишь чего захотели,—укоризненно произнесла нотариус.—Голубая мечта эгоиста… И вам не стыдно? Вы же ещё не старый человек, до пенсии далеко… Ладно, замнём для ясности. Будем считать, что вы мне ничего не говорили, а я не слышала…

ФИРМА ВЕНИКОВ НЕ ВЯЖЕТ,
ФИРМА ДЕЛАЕТ ВЕНКИ.
ВАШЕ СЕРДЦЕ ВАМ ПОДСКАЖЕТ:
БЕЗ ВЕНКА ВАМ НЕ С РУКИ.
КАЖДЫЙ ЛЮБЯЩИЙ СЫНОК
КУПИТ МАМОЧКЕ ВЕНОК!

Мама, это я. Вот я, на кладбище, возле твоей могилы. Бутылка водки, буханка хлеба, варёная курица, огурцы. Полгода прошло со дня твоей смерти, но я решил не отмечать эту печальную дату публично. Никому ничего не сказал, не напомнил. Да особенно-то и некому. Дальняя родня далеко, а ближняя... Своей жене Ларисе я даже не заикнулся, что собираюсь ехать на кладбище...

И вот я с тобой. Вот я пью эту горькую водку. Прости, если можешь.

И спасибо тебе за всё. За то, что потратила на меня свои лучшие годы, за то, что пожертвовала ради меня своей молодостью, своим женским счастьем... И за то, что так недолго болела, так недолго умирала, так мало меня утруждала своей старческой немощью — ведь до последнего дня управлялась сама с домашним своим хозяйством! Ты всегда сама себе всё готовила, варила, мыла полы, стирала, мылась под душем, ты всегда всё делала сама, ты гордилась этим, ты никогда ни от кого не зависела, даже от меня... в отличие от меня... моя милая, добрая, слабенькая, еле дышащая, уже не дышащая, уже полгода тлеющая в могиле, моя родная, мёртвенькая, несчастная...

Она никогда не была счастливой.

Но она всегда была гордой и независимой.

А я?

Да при чём тут ты? Речь ведь не о тебе.

Тебе повезло, неудачник, тебе повезло — не пришлось ухаживать за умирающей мамой, два последних дня не в счёт, ты даже ночевать убегал домой, к нелюбимой жене, только лишь бы не рядом с мамой. Ты совсем ведь не потрудился ради неё, своей старенькой, дряхленькой, еле передвигающейся, только ворчал да отчитывал её из-за пустяков (почему, мол, не ешь ничего? — а она уж не только есть — и дышать-то почти не могла, но старалась тебе угодить: ну зачем ты, сыночек, сердишься? — а почему я сердился, уж и не знаю). В предпоследний день её жизни, когда я решился-таки вызвать врача (ой, не надо, не надо, — возражала мама; ну как же не надо — пусть посмотрит, послушает, назначит лекарства... ничего они не назначат, я их в дом не впущу!) — а в последние месяцы мама и впрямь никому, кроме меня, не открывала дверь, — но я вызвал участкового врача, и мне сказали: придёт через два часа.

И вот тут — первый и последний раз в жизни — я решил сам привести маму в порядок — умыть хорошенько, переодеть в чистое, чтобы к приходу врача она выглядела опрятной, какой и была всегда прежде. Мама вяло сопротивлялась: зачем? не надо! никто не придёт! не пущу никаких врачей! Пришлось силой стаскивать с неё старое пыльное пальто и грязное вельветовое платье (последние дни её знобило, и мама, несмотря на летнюю жару, не снимала верхней одежды, даже спала в пальто), а потом я налил в таз тёплой воды, взял губку и мыло и осторожненько, стараясь не причинить ей боль, помыл маму, но ей всё равно было больно — она вырывалась, стонала, плакала, сопротивлялась, не хотела ни мыться, ни переодеваться в чистое бельё...

— Мама, мамочка, ну пожалуйста, ну будь умницей, помоги мне, — умолял я её. — Ну что мне с тобой делать, мама?!

— А ты меня убей, — пошутила она, еле дыша, и это была ещё не последняя её шутка.

Наконец я завершил сеанс омовения, вытер маму насухо пушистым полотенцем, надел на неё чистую ночную рубашку, панталоны, чулки, халатик, потом осторожно уложил маму в постель, подоткнул поудобнее подушку с чистой наволочкой, протёр ещё раз мамино лицо тонким батистовым платочком.

— Вот так хорошо?

— Хорошо... — мама вздохнула и, поёрзав, устроилась поуютнее щекой на подушке.

В ожидании врача я немного её покормил — молоко, мягкая булочка с маслом. Спросил:

— Может, хочешь картофельного пюре? — и она кивнула, хотя, когда я приготовил это нехитрое блюдо, есть его она не стала.

Потом пришла участковая врачиха, бегло осмотрела маму — и сказала, что дело худо и можно в любую минуту ждать печального исхода (у медиков этот исход называется летальным — вероятно, потому, что душа улетает из мёртвого тела), а ещё сказала, что, конечно же, операция (по поводу предполагаемого рака матки) была бы совсем бесполезной и только ускорила бы мамин конец («Разве можно — в её-то возрасте — на операционный стол, да в запущенной стадии?..»). К сожалению, ранняя стадия этой страшной болезни никем не была замечена — ни мамой, ни мной... Да навряд ли и на ранней стадии можно было бы что-нибудь сделать... рак есть рак... и в её-то возрасте.

После ухода врачихи я решил сбегать домой, предупредить жену Ларису и тут же вернуться, чтобы остаться с мамой на всю ночь. Я поставил ей возле кровати тазик, придвинул табуретку с телефоном и кружкой чая. Дал маме таблетку анальгина.

— Я скоро вернусь, — сказал я. — Ты спи, отдыхай. Если что — звони. Но я скоро!.. Я обещаю! Тебе удобно? В туалет не хочешь? Если захочешь — вот тазик, а можешь и под себя, не стесняйся, я потом перестелю... Обещай, что не будешь вставать!

— Честное комсомольское,— прошептала умирающая мама.

И это была её последняя шутка.

Я вернулся часа через полтора. Мама была ещё жива. Но шутить она больше уже не могла. Она смотрела на меня, но меня не видела. Когда она покашливала, из угла рта у неё вытекала красновато-коричневая густая жидкость. Вероятно, это были мёртвые ткани распадающегося лёгкого, поражённого раковым метастазом. Я присел на колени и вытер мамино лицо полотенцем.

— Хочешь пить?— спросил я.

Мама кивнула, хотя глаза её смотрели мимо меня.

Я дал ей с ложечки сладкого чая. Глотнула. Дал ещё. Чай пролился по подбородку. Поперхнулась, закашлялась.

— Ну, не буду, не буду,— сказал я.— Сама попросишь, если захочешь. Хорошо?

Мама снова кивнула, но взгляд в мою сторону не обратила.

Так и лежала молча до утра, а я сидел рядом, в кресле. Не то дремал, не то бодрствовал.

Вот так ты и отошла в мир иной, мама. Тихо, несуетно, без особых хлопот. И — как мне казалось — без особых страданий. А может, я просто их не заметил, твоих страданий?.. Может, я даже старался не замечать их, твои страдания, чтобы не мучиться самому? Чтобы себя уберечь от чрезмерных переживаний?..

Мы ведь даже с тобой не простились по-настоящему, мама. Не поговорили, не попрощались.

Я почему-то думал, что ты ещё поживёшь, ей-богу, ну хоть день или два, и никак не был настроен на столь быстрый конец… Помню, утром я осторожно и бережно протёр твоё лицо влажным чистым полотенцем, ты забавно вдруг чмокнула губами — и это чмокание мне показалось почему-то добрым знаком: мол, я жива, я с тобой, сыночек… И я даже слегка взбодрился и вышел на кухню, чтобы подогреть тебе ягодного морса, и крикнул:

— А хочешь, натру яблока с морковкой?

И мне показалось, что ты прошептала «да», и я стал готовить тебе это лакомство, прислушиваясь к твоему дыханию, и я слышал, слышал, я всё время слышал, как ты дышишь… я прислушивался и бодренько что-то ещё наговаривал: вот, мол, сейчас перекусим, попьём морса, а потом поспим, а потом ещё чего-нибудь придумаем… Я не видел тебя, когда произносил все эти глупости, я был на кухне, а ты — в комнате, на своей кровати, но я слышал твоё дыхание, мама…

А потом я вдруг перестал его слышать, твоё дыхание. И я понял, что ты умерла. Даже не попрощалась. Не сказала: «Прощай, сыночек». Просто взяла и умерла.

Надо было срочно звонить в поликлинику, нужна была справка о смерти (врачиха предупреждала), а ещё надо было что-то делать с мамой, что-то с ней делать, как-то её обмыть, переодеть, то есть всё что положено, уж я не знаю, откуда мне знать, никогда никого хоронить не приходилось.

И я позвонил жене Ларисе.

— Приезжай немедленно!— крикнул я.— Умерла мама. Нужна твоя помощь. Пожалуйста, побыстрее!..

Жена Лариса появилась через полтора часа, хотя доехать от нашего дома можно было минут за двадцать. С трудом переступив порог, она прошла в комнату, где лежала мёртвая мама, склонила набок голову и как бы пригорюнилась, подперев щекой одутловатое своё лицо. Жена Лариса была пьяна. Вот почему она запоздала. То есть не потому, что процесс выпивки помешал ей приехать быстрее, а наоборот — узнав о смерти моей мамы, она никак не могла не выпить, ибо такой важный повод требовал срочной выпивки, вот она и выпила, а для этого ей пришлось потратить время и деньги, вот она и не смогла приехать так быстро, как я просил.

А просил я её срочно приехать для того, чтобы организовать обмывание, переодевание и прочие процедуры, в которых я не только не разбираюсь, но, как слышал я от людей знающих, и не имею права их совершать…

— Да… это… это должны делать люди посторонние,— заплетающимся языком важно подтвердила жена Лариса.

— Так пригласи их, пожалуйста,— взмолился я, стараясь изо всех сил не смотреть на её пьяную рожу.— Зайди к соседям, попроси… пусть помогут.

— Не учи, без тебя разберусь,— буркнула жена Лариса.— Эх, ты… загубил свою мать!.. Не смог спасти!.. А ещё…

— Пожалуйста, не говори так,— тихо сказал я,— пожалуйста… Очень тебя прошу… Помоги мне!..

— Эх, ты…— повторила жена Лариса, и вдруг провела пальцем по зеркалу:— Пыль! Запустили квартирку-то… чистюли!

— Ну пожалуйста,— взмолился я.— Помоги же мне…

— Что ж ты так?— продолжала она выступать.— Как ты так мог?..

Я закрыл глаза. Мама, мама… на кого ты меня оставила?!..

Жена Лариса подошла к кровати, посмотрела на мою мёртвую маму, которая впервые не могла ей достойно возразить — и вдруг (неожиданно для самой себя) всхлипнула:

— Ох ты, бедная ты моя… миленькая!..

Это были пьяные слёзы пьяной бабы. В них не было ни жалости, ни сострадания.

Впрочем, скоро её слёзы иссякли, и жена Лариса сбегала за соседями, всё организовала. И в маленькой однокомнатной квартире вдруг стало

тесно от множества чужих людей — соседи, дальние родственники (ближних нету), мои бывшие сослуживцы, даже один мой полузабытый однокашник, врач, который шустро организовал отправку маминого тела в морг при краевой больнице.

Так что мир не без добрых людей, мама. Всё было как надо. Всё было правильно. Всё как положено. И деньгами мне помогли, подкинули с разных сторон (правда, долго ещё придётся расплачиваться, да уж это мои проблемы).

На следующий день я поехал с тем самым дружком-однокашником на кладбище — заказали и место, и памятник, и даже гроб сразу купили. Правда, когда мы привезли гроб домой, я вдруг засомневался: не мал ли, не короток ли? Ты, мама, была уже в морге, гроб стоял на полу, а я, помню, ходил вокруг него и присматривался... Купили ведь на глазок. А вдруг завтра, когда тебя, уже переодетую, прибранную, чистую, холодную, замороженную, станут укладывать в этот гроб, — вдруг он окажется тесен?!.. Что ж тогда делать, мама? Ведь это... это... это будет конфуз!.. Как бы проверить?

И я взял сантиметровую ленту и долго пристраивался, прикладывался, тщательно измерял скорбный ящик, благоухающий свежей сосной... Вроде вполне достаточно... А вдруг? Я понимал, что опасения мои беспочвенны, нелепы, на грани бреда, но успокоиться не мог... пока сам не проверил!

Да, я улёгся в твой гроб, мама, я вытянулся в нём во весь рост — и с облегчением удостоверился, что он вполне подходит даже для меня, а ведь я тебя выше (длиннее?) сантиметров на семь, если не больше. Только после этого я успокоился, отряхнул с себя сосновые стружки, вышел на кухню, выпил залпом стакан водки — и, вернувшись в комнату, повалился прямо на пол и заснул рядом с твоим гробом, мамочка, рядом с тобой, хотя, конечно, тебя рядом не было, но нет, ты была, была рядом, рядом...

В РАЮ, ГДЕ АНГЕЛЫ ПОЮТ,
ЦАРИТ КОМФОРТ, ЦАРИТ УЮТ —
И СЛАДКО СПАТЬ, СВЕРШИВ СУДЬБУ,
В НАШЕМ ФИРМЕННОМ ГРОБУ!

Не успел я сразу же после похорон дать в газеты объявление о сдаче маминой квартиры в аренду, как уже на следующий день, с раннего утра, меня стали одолевать телефонные звонки. Мужику с пьяным голосом я отказал сразу. Потом позвонила дама, желавшая разместить в моей квартире свой офис, и я разочаровал её, сказав, что для офиса скромное моё гнёздышко вряд ли сгодится. Было ещё несколько звонков, кому-то я даже предложил зайти и посмотреть квартиру на месте. Мне хотелось, чтобы это был человек одинокий. Почему? Сам не знаю. Впрочем, знаю. Мне очень уж не хотелось, чтобы здесь, где витает дух моей мамы, поселилась чужая семья, с её ворохом бед и проблем. Один человек — так и быть. Чужому одиночеству я ещё готов был позволить оказаться рядом с незримым, неистребимым одиночеством моей бедной мамы... и рядом с моим собственным одиночеством. (Моя частная собственность — моё собственное одиночество!.. как ни глупо всё это может кому-то показаться... впрочем, кому я нужен?.. кому ты вообще интересен, со своими не очень мужественными переживаниями? Тебе, кстати, не кажется, что всё это твоё мелодраматическое нервно-сердечное трепетание объясняется не столько затянувшейся — слишком уж затянувшейся! как петля на шее — реакцией на смерть твоей мамочки, а просто — ранним климаксом... а?.. Или у мужчин не бывает климакса? Или ты не мужчина? Или вопрос слишком прям и груб? Или пора закрыть скобки, как закрывают рот, как закрывают занавес в театре, как закрывают недочитанную книгу плохих стихов, вроде тех, что ты пишешь с младых ногтей, вроде тех рекламных рифмованных текстов, которые ты сочинял до недавнего времени, пока тебя не вышибли, не сократили за ненадобностью или неэффективностью твоих перлов?.. Кстати!.. всё кстати да кстати... что ни скажи, о чём ни подумай — всё кстати... только мамина смерть была очень некстати... так вот — кстати: всё объясняется ещё проще — твоей безработицей. А? На. Слышать тебя — себя! — не могу... зануда. Закрываем скобки, пока не поздно.)

Позвонила какая-то девушка и спросила: могу ли я сдать ей в аренду мою квартиру, к примеру, на год?
— А почему бы и нет? — сказал я. — Заходите, договоримся.
— А можно, я зайду с папой? — спросила она.
— Да хоть с бабушкой, — согласился я. — Хотя если у вас есть папа, значит, наверняка есть и где жить?..
— А мы всё объясним при встрече, — мягко перебила она. — Как к вам доехать?

Я сказал — как.

И уже минут через двадцать во входную дверь позвонили. Это была она. Совсем юная, лет восемнадцать, не больше. И ростом невеличка, издалека можно вообще принять за девочку, и голос такой ломкий, слегка звенящий... и личико светлое, чистое, и глазки светло-карие, золотистые... Переступила порог. Улыбнулась. Ну и?.. Следом за ней вошёл плотный широкоплечий мужчина, примерно моего возраста, а может, и помоложе... но покрепче и поздоровее, уж это точно. Значит, это и был её отец.

Тут же выяснилось, что небедный папа перебрался в наш город недавно, завёл тут успешный бизнес, имеет и неплохую квартиру, но дочка, как видите, подросла, ха-ха, поступила в универ, и ей требуется отдельное гнёздышко.

— Месяца через три-четыре я сделаю для Наташки собственную квартиру,— разглагольствовал добрый папа, прохаживаясь по маминым хоромам,— а пока — пусть поживёт здесь, лишь бы не в общаге… там ведь бардак, я знаю.
— Вы присядьте,— сказал я,— в ногах правды нет.
— …Но правды нет и выше,— бессмысленно (или двусмысленно?) пошутил начитанный гость.— Спасибо, насиделся. Полдня — в офисе, полдня — в машине. Лучше вот погуляю по вашей квартирке, если, конечно, вы не возражаете…
— Ради Бога, пожалуйста. Ходите, смотрите… особенно-то не разгуляетесь. Вон там туалет и ванна.

А папина дочка присела на мамину тахту, закинула ножку на ножку и, прищурясь, посматривала вокруг с лёгонькой такой улыбкой. То есть ей как бы почти всё равно — здесь или где ещё поселиться. Послушная, видно, дочка. Строгий, видно, отец.
— Жаль, лифта нету,— пробормотал папаша (которого, кстати, звали Сергеем Петровичем).— Хотя, впрочем, ведь это пятиэтажка…
— Конечно,— кивнул я.— Зачем тут лифт? Чтобы в нём застревать? Зато в подъезде чисто — вы обратили внимание? И соседи хорошие, все приличные люди. Дом старый, конечно, но крепкий, полвека ещё простоит…
— Лишь бы полгода простоял,— улыбнулся Сергей Петрович.— А потом я Наташке сделаю… впрочем, это я уже говорил.
— Посмотрите, какие высокие потолки,— расхваливал я свой товар.— А балкон — просторный, широкий, летом можно загорать… или — кресло-качалку поставить.
— Кресло-качалка — это здорово,— заинтересовалась Наташа.— И вообще мне здесь нравится. Только можно вот эти фотографии со стен убрать? Временно, конечно.
— Разумеется, можно,— охотно кивнул я.— Я сам уберу их в шкаф… там лежат.
— Надеюсь, я вас не обидела?— чуть нахмурилась девушка.— Вам эти снимки, конечно, дороги…
— Никаких обид!— воскликнул я.— Они же вам будут мешать, отвлекать вас от ваших занятий… Кстати, где вы учитесь?
— Я только что поступила. На факультет журналистики, в университет.
— Вторая древнейшая профессия,— хмыкнул Сергей Петрович.

Наташа поморщилась: папина шутка была, конечно, не первой свежести.
— А что, хорошая профессия,— сказал я, желая поддержать Наташу.— В наше время журналист имеет возможность быть независимым…
— Ой, не надо,— отмахнулся Сергей Петрович.— Это вы ей, девчонке, можете пудрить мозги, но уж мне-то… уж я-то знаю, что любого журналиста можно купить с потрохами… и самого-самого независимого! Разница только в цене.
— Не знаю,— сказал я.— Не в курсе.
— А я лично — покупал этих златопёрых пачками!
— Когда ж вы успели?— удивился я.— Сами же говорили — приехали в наш город недавно…
— По прежнему опыту сужу. Там, где мы раньше жили, у меня в каждой из местных газет был свой писака.
— А где и кем вы работаете? Если, конечно, не секрет.
— Вот, пожалуйста,— он протянул мне роскошную визитную карточку с золотым обрезом, из надписи на которой явствовало, что её обладатель возглавляет коммерческую фирму «Ермак».
— К сожалению, мои визитки кончились,— развёл я руками,— да и работы у меня, если честно, в настоящее время нету…
— А кто вы по специальности?
— Я, извините, поэт.
— Ну, поэт — это не профессия,— заметил он с ухмылкой.— Это хобби.
— Возможно, вы и правы.
— А хотите, я помогу вам найти работу?— озаботился вдруг Сергей Петрович.— Да вы не стесняйтесь. У меня везде есть свои люди, хотя я тут совсем недавно появился, а вы, небось, здесь родились.
— Нет, что вы, не надо!— почему-то вдруг испугался я: мне совсем не хотелось, чтобы этот самодовольный, холёный, лощёный, лоснящийся (а может, хватит мстительно-завистливых эпитетов?),— короче, чтоб этот пройдоха-жучара за меня хлопотал.— У меня скоро всё будет окей. Мы, поэты,— как вольные птицы: сегодня здесь, завтра там… Так что никаких проблем! Не берите в голову!
— Ну, смотрите,— и он глянул на меня так внимательно, пристально, строго, словно и впрямь хотел убедиться в искренности моих слов.— А то я бы вам охотно помог. И дело не только в том, что Наташка будет жить в этой квартире… У меня есть ещё и личные причины…
— Личные?— удивился я.— Но, мне кажется, мы с вами не были раньше знакомы…
— С вами — да. А вот с вашей мамой…
— Вы… вы знали мою маму?!
— Да, представьте себе. Так что мне совсем не случайно захотелось, чтобы Наташка устроилась жить именно в этой квартире.
— Вы бывали здесь раньше?— продолжал я изумляться.— Но я вас, ей-богу же, совсем не помню… и не знаю. Потом, вы же сами говорили, что приехали сюда недавно.
— Недавно, но не впервые.— он откашлялся — и заговорил вдруг каким-то совсем другим, задушевным бархатным голосом, словно актёр, входящий в образ по системе Станиславского:— Это было очень давно… Я тогда был совсем мальчишкой, сопливым пацаном…
— А я?

— А вы в ту пору, по-моему, где-то учились, где-то в другом городе, чуть ли не в Москве… да? ведь было такое?
— Да, я учился в Москве, в Литературном институте…
— Вот видите. Вы же меня постарше. Наша семья — я, отец с матерью, две сестры — мы жили тогда вон в том деревянном доме, его из этого окна видно. А ваша мама была моей школьной учительницей…
— Да, это были последние годы её работы перед пенсией, — и я заулыбался как идиот. — Она всю жизнь проработала в школе, вела русский язык и литературу.
— Вот-вот. Если б не ваша мама, из меня бы ни черта не вышло!..
— Ну уж вы скажете…

Я был, конечно, польщён и тронут. Я уже почти любил этого человека.

— Ваша мама была… она была просто замечательная! — Сергей Петрович вскинул сжатые кулаки. — Она помогала мне после уроков, она даже сюда, в эту квартиру, меня несколько раз зазывала. Занималась со мной, балбесом… бесплатно, конечно!.. объясняла мне, дураку, почему Пушкин — гений… А после поила меня чаем, угощала клубничным вареньем… Вы понимаете? Нет, вы понимаете, что я вашу прекрасную маму никогда-никогда не забуду? — он так разволновался, что глаза его заблестели: вот-вот прослезится. — Я даже ту чашку помню, из которой она меня тогда чаем поила. Такая большая чашка, широкая, а на ней нарисованы японец и японка — в кимоно, с зонтиками…
— Вот она, эта чашка, — сказал я, доставая из кухонного буфета упомянутую реликвию. — Сейчас я вас чаем из неё угощу… И варенье клубничное тоже найдётся. Ещё мамино. Её самой уж полгода как нет, а варенье… — я не смог закончить фразу, кашлянул, отвёл глаза. — Так как насчёт чая?
— Да, конечно… Какая прелесть!

Он быстро шагнул ко мне, бережно взял из моих рук эту драгоценную чашку, посмотрел на неё, потом — на меня, потом покачал головой, и я снова подумал, что он вот сейчас, вот сию минуту… «Богатые тоже плачут», — так, кажется, назывался какой-то телесериал? Но мой гость не заплакал. Он лишь глубоко вздохнул, потом вернул мне чашку с японским рисунком, быстро глянул на ручные часы — и грустно произнёс:

— Боюсь, чаепитие не получится. Отложим до другого раза. А сейчас — давайте обговорим ваши условия аренды. Кстати, я заранее на них согласен. И всё же…
— А это — кто? — перебила вдруг Наташа, которая не участвовала в нашем диалоге и всё это время расхаживала по комнате и разглядывала фотографии на стенах. — Кто эта красивая женщина?
— Это моя мама, — сказал я, подходя к ней близко-близко, так близко, что даже ощутил тепло, излучаемое её хрупким телом, даже почувствовал нежный чистый запах её кожи. — На этом снимке она совсем молодая… как вы сейчас…
— Какая красавица! — восхищённо произнесла Наташа и схватила мою руку своими тёплыми пальчиками. — А какие у неё глаза! Большие, лучистые, светлые… Сразу видно, что она была добрая и умная…

Бог ты мой! Да за эти слова, произнесённые чужой, совершенно мне посторонней девушкой, я готов был… уж не знаю — что… я готов был тут же расцеловать её тонкие, тёплые, душистые пальцы… я готов был бесплатно вселить её в это священное для меня жилище… Боже мой, Боже мой… мама, милая… как же мало мне надо, престарелому сироте… как ничтожно мало мне надо…

В эту секунду я, сам того не осознавая, уже почти влюбился в Наташу, и сердце моё изнывало и таяло от благодарной нежности к ней — за её пустяковые, простенькие, банальные даже слова.

СОБИРАЯСЬ НА СВИДАНИЕ ИДТИ,
НАШИ МЯТНЫЕ ТАБЛЕТКИ ПРИХВАТИ.
СВЕЖЕЕ ДЫХАНИЕ
ОБЛЕГЧАЕТ ПОНИМАНИЕ!

Жене моей Ларисе не очень понравилось, что в маминой квартире будет теперь жить «какая-то, видите ли» Ната-а-аша… Навряд ли она, жена моя Лариса, всерьёз меня ревновала (когда нет любви, какая может быть ревность?), но всё-таки, всё-таки, всё-таки… видимо, чуточку и ревновала, а главное — злобилась чисто по-бабьи, что какой-то там *мокрощёлке* так везёт в жизни: и папа богатый, и учится в универе, и жить будет в отдельной хате аж в центре города, а потом и собственную квартиру ей папочка соорудит.

Лариса так и сказала:
— Какая-то мокрощёлка…
— Ты же её не знаешь! — возмутился я.
— И знать не хочу.

Впрочем, зачем зря спорить? Дело уже решённое: бумаги подписаны, деньги получены вперёд за три месяца. И почти все эти денежки я, разумеется, тут же вручил Ларисе — и это, конечно, смягчило её раздражение.

Когда я отдавал ей эти деньги, у меня было сладкое чувство раба, крепостного, холопа: откупился! Хоть ненадолго, но могу быть свободен…

Впрочем, работу искать всё равно придётся. Зря я, кстати, корчил тогда гордеца, отказался от предложения Сергея Петровича насчёт протекции… Ну да к этому ещё можно ведь будет вернуться.

Жена пересчитывает купюры, шевелит губами. Чужая женщина. Чужой дом. Мой дом — моя крепость? Как бы не так! Мой дом — моя тюрьма. Мой дом — там, где жила моя мама… и там, где хотел бы жить и я сам.

Пока-пока. Прогуляюсь, не важно куда, просто так, по делам, по делишкам, подышать свежим воздухом,—да не всё ли равно?

Моя жена. Обнажена. Поражена. Окружена. Погружена. Вооружена и очень опасна.

Велик и могуч русский язык. Сколько рифм можно придумать—с ума сойти. Любовь—кровь. Розы—морозы. Мама—пижама.

Мамочка… ради Христа… прости.

Этот город перенасыщен рифмами. Горы—заборы. Дома—терема. Высотные здания—край мироздания. Площадь—чего проще. Кино—вино—домино—давно—окно—говно.

Мама, прости, я больше не буду!..

Река—рука—издалека—дуновенье ветерка—пока-пока—могила глубока—дай огонька.

В этом городе, к вашему сведению, можно обнаружить немало моих поэтических произведений, моих стихотворных реклам, ведь именно этим я зарабатывал на хлеб до недавнего времени, ибо газеты и журналы платят за стихи гроши, а чаще совсем ничего не платят, а ещё чаще даже и не читают. Да и кому нужны такие вот депрессивные и кощунственные стишата, как, например, вот эта так называемая «Молитва»?

Господи, дай справиться с тоскою,
Что терзает душу днём и ночью…
Господи, да что ж это такое?!
Господи, помилуй, нету мочи
Более терпеть и жить…
Доколе?!
Господи, чего ещё Ты хочешь?
…Господи, оставь меня в покое…

…Правда, можно издать книжку, это сейчас не проблема: наскрести несколько «лимонов» (напоминаю: время действия—1997 год.—*Э. Р.*), уговорить собутыльника-спонсора из старых друзей (они же—«новые русские»), ещё лучше, если этот спонсор сам стишки кропает,—и книжку вполне издать можно… Но на этом ведь ни хрена (прости, мамочка) не заработаешь, кроме минутной славы и вялого кайфа (мама, ещё раз прости за глупую шутку), а кушать-то надо, особенно жене Ларисе, да и сам я святым духом пока питаться не умею.

Невыносимо гулять по городу, где на каждом шагу прямо в глаза бросаются собственные же опусы: «Если ты не дурак, ешь пельмени „Токмак“»… «Ну чего смотришь криво? Пей „Распутинское“ пиво!» И так далее. Чушь собачья. Видеть не могу всю эту хреновину…

Мамочка, ради Бога!

Ну зачем, зачем я испохабил родной свой город этими идиотскими виршами? Невозможно пройти два квартала, чтоб не наткнуться на: «Стой, прохожий! Выпить надо нам бутылку „Оранжада“!»

Ах ты, милая малая моя родина… прости… что я сделал с тобой? Чем я тебя украсил?

Нет, не могу. Круто вправо, на берег. Лучше просто пройдусь по набережной, там—уж я точно знаю—нет моих гнусных стишков на рекламных щитах и плакатах…

…Но зато там, на набережной, я встретил Наташу. Ох ты, Боже ты мой… как забилось моё полувековое сердечко, как весь я затрепетал от волнения, вожделения, сладкой нежности, жаркой радости… нет-нет-нет, о любви ни слова, ты с ума сошёл, забудь о ней; но как же могу я забыть, если вот она, рядом, идёт и воркует чего-то о чём-то зачем-то кому-то, но только не мне?..

—Да вы меня совсем не слушаете!—разобиделся этот ангел, повернув ко мне светлое скуластое личико.

—Слушаю, слушаю! Я весь внимание!

А потом она вдруг заговорила о поэзии (зачем?!): ах, она же ведь учится в универе… ну да, ну конечно, филфак, журналистика, слова, слова, слова, игра в бисер с дрессированными свиньями… да, конечно, пароль—Гумилёв, Бродский, Блок, Ахматова, кто там ещё?.. ну а я?.. а что—я? кто я такой? Дайте, дайте мне микроскоп, чтобы разглядеть самого себя… я не вижу! Меня нет, я пустое место!

—Ну зачем вы так? Почему вы к себе так несправедливы?—с упрёком пробормотала она, потом резко остановилась и посмотрела мне прямо в глаза—и пронзила меня насквозь, но не убила, а наоборот, оживила—и я встрепенулся.

—…Ведь я же читала недавно в журнале ваши стихи,—продолжала она сеанс любовной психотерапии,—и они мне понравились. Особенно вот это… ну, помните: «Когда с экрана поёт хор мальчиков…»

—«…Душа печалится и вздрагивает…»—подхватил я и тут же заткнулся.

—Да! Да!—и она до боли сжала мою руку своими тонкими пальчиками.—Я все ваши книжки читала! Я всё про вас знаю! И вообще, я сразу почувствовала, с той ещё, первой нашей встречи, что вы себя явно недооцениваете… К чему эти комплексы?

—Вы не шутите?—осипшим голосом вымолвил я, сражённый её комплиментами.—Вам и правда понравились мои стихи?

—Да, очень…—и она опустила свои глазаньки, словно вдруг смутилась, словно простые её слова были чем-то более значительным, словно в них прозвучало признание в любви не только к моим стихам, но и…

Остынь, идиот.

Размечтался!

И не стыдно тебе, дохлятина? Не забудь про свой климакс, старпёр. А как насчёт аденомы простаты?

Да нет у меня никакой аденомы! И никакого климакса!

Ну а скачущее давление? А ночные сердцебиения? А беспричинная раздражительность? А наплывы тоски? А бессонница? А слезливость из-за пустяков?

И ты хочешь все эти несметные сокровища бросить к ногам нимфетки, которая смотрит на тебя так нежно, так гибельно, так лучезарно, так страшно?..

Любовь — кровь — вновь — не прекословь — яд готовь...

Мама, прости.

Наташа, спаси и помилуй!

Мама, родная, ты смерть моя неминучая...

Наташенька, девочка, ты — моя жизнь, моя лживая, призрачная, прозрачная, придуманная, невозможная, приснившаяся моя жизнь... моя киса, кисуля по кличке Моцарт...

ЕСЛИ ТЫ ИДЁШЬ К ЛЮБИМОЙ,
НЕ ЯВЛЯЙСЯ БЕЗ ЦВЕТОВ,
ЗАГЛЯНИ В НАШ МАГАЗИНЧИК —
ТВОЙ БУКЕТ УЖЕ ГОТОВ!

Мне был нужен предлог для визита, для встречи, для рандеву. Наташа уже две недели жила в маминой квартире, мы с ней изредка перезванивались, чаще звонил я, потому что однажды, нарвавшись на грубый отлуп моей жены Ларисы («Девочка, оставьте в покое моего мужа!»), Наташа расплакалась, и перестала звонить; впрочем, об этом телефонном инциденте я узнал уже после, потом, когда мы... когда я... когда она...

...когда ты окончательно спутался с этой блудливой девчонкой сынок когда ты пропал погиб канул в это болото завяз в паутине мой глупый наивный так и не повзрослевший сыночек...

Нет, мамочка, ты не права.

Итак, я позвонил ей в этот вечер из автомата — Наташа ответила сразу, и голос её показался мне странным, каким-то уж слишком раскованным, вольным. Я сказал ей, что хотел бы зайти на минуту: нужна, мол, одна книга из маминой скудной библиотеки, уж и не помню сейчас какая; впрочем, не всё ли равно, что именно я соврал...

— Да, конечно! — призывно откликнулась Наташа, словно ждала моего звонка.

— А не слишком поздно?

— Ну что вы! Ещё девять часов, это детское время, а я ведь уже не маленькая — с сегодняшнего дня...

— Что вы имеете в виду?

— Мне сегодня исполнилось восемнадцать! — и она засмеялась так звонко, что у меня зазвенело в ушах.

Тут я понял, что́ именно удивило меня в её голосе: Наташа была слегка пьяна.

— Но у вас, вероятно, гости? — смутился я. — Может, лучше я завтра?

— Я одна-одинёшенька! Только что пришла от папы — мы там отмечали моё совершеннолетие, в семейном кругу... А с подружками завтра отметим, после универа. Короче — жду! Приходите!

И бросила трубку.

Ну что ж, я купил букет роз, бутылку шампанского — и отправился к юному ангелу. Старый влюблённый поэт-неудачник, исписавшийся рифмоплёт, сочинитель дешёвых рекламных виршей... поплёлся к невинной, едва расцветшей, чистейшей девочке (как это, помнится, у Достоевского: «К невиннейшей из девиц!»), до которой ему (мне!) и дотрагиваться-то нельзя... Чем влекомый? Любовью? Тоской? Одиночеством? Запоздалым всплеском старческой похоти?..

Наташа распахнула дверь сразу, едва я нажал на кнопку звонка, — словно стояла там, за порогом, в нетерпеливом ожидании моего прихода.

— Вот и молодец, — сказала Наташа. — Ой, спасибо!.. Какие чудесные розы... и шампанское! Замечательно! Сейчас мы с вами отметим моё совершеннолетие. Правда, закусить особенно нечем, кроме печенья и шоколадных конфет...

— Обожаю шоколад.

— Что же вы встали на пороге? — рассмеялась она. — Ведь это же ваш дом, вот и будьте как дома. Сейчас я бокалы достану.

— Эти фужеры покупала ещё моя бабушка, — сказал я, — давным-давно, когда я был маленьким...

— А мне очень нравятся вот эти серебряные рюмочки, — сказала Наташа. — Они ведь старинные, правда?

— Да, это ещё дореволюционное серебро, — я взял с полки одну из рюмок. — Их подарил моей бабушке — маминой маме — её жених ко дню свадьбы... мой дедушка. Бабушки с дедушкой давно уже нет на свете, а рюмочки всё стоят...

— Какая прелесть! Говорят, серебро обладает целебными свойствами?..

— Да, это так... У меня идея: я подарю вам вот эту рюмку — она самая изящная, самая красивая.

— Что вы, как можно? — Наташа смутилась. — Ведь это — память... ваша мама бы не одобрила. Получается так, будто я выпросила...

— Никаких возражений! Рюмка — ваша. Теперь вы уже имеете право позволять хоть изредка...

— ...как сегодня...

— ...вот именно... как сегодня. Наташенька, будьте счастливы! Пусть хоть вам повезёт...

— Значит, вам не везло в этой жизни? — улыбнулась она лукаво. Потом огляделась. — Мне здесь нравится... Тут так уютно. И этот ломберный столик, и старинный буфет, и настольная лампа... Только, знаете... — она вдруг замялась. — ...Мне всё время кажется, будто я здесь не одна.

— Да что вы? — испуганно встрепенулся я. — Как это — не одна?

— Ну... как будто тут кто-то всё время прячется, подглядывает за мной...

— Ох, какая вы впечатлительная девушка!

— Нет, серьёзно. И по ночам — меня будят какие-то странные звуки, словно кто-то вздыхает, стонет, шепчется… а просыпаюсь — и никого! Впрочем, зачем я всё это говорю? Ведь всё это чепуха, сонный морок, игра воображения… Давайте-ка выпьем скорее шампанского, а потом я вам по руке погадаю…
— Вы умеете?
— Ещё бы. Мой папа рассказывал, что его прабабка была цыганкой.
— Вот бы уж не подумал. Вы совсем не похожи на цыганку.
— Внешне, может, и не похожа, а по крови… в моих генах уж точно запрятаны прапрабабушкины свойства…
— Что ж, выпьем за вас, Наташа.

Мы выпили, я ненадолго почувствовал себя свободным и счастливым, а Наташа совсем запьянела — и стала без конца смеяться, рассказывать всякие милые глупости про своих подружек-студенток, про деловые успехи своего папочки, про свои любимые книги и снова про то, как ей нравятся мои стихи…
— Обо мне не будем, — прервал я её. — Я не сто́ю ваших похвал.
— Вот и нет, — возразила она, наливая себе и мне по полному бокалу. — Я вам уже говорила, что вы себя недооцениваете. Это зря. Уж поверьте моему цыганскому чутью — вас ждёт славное будущее…
— Будущее? — горько усмехнулся я. — Какое может быть будущее у поэта, которому за пятьдесят?
— Пятьдесят для мужчины — пик жизни, — заявила она. — Долой меланхолию, да здравствует вечная молодость и любовь!
— А может, вам больше не надо? — попробовал я выступить в роли доброго дядюшки-опекуна. — Может, хватит?
— За любовь! — повторила она, залпом выпила шампанское, отдышалась, стукнула по столу своим очаровательным кулачком — и произнесла слова, после которых я чуть не захлебнулся своей порцией игристого вина: — Сейчас я пьяна — и ничего не боюсь. Мне не стыдно признаться, что я вас люблю… Вот так! А теперь можете надо мной смеяться, или отшлёпать меня как маленькую, или пожаловаться моему папе… Я люблю вас! Вы слышите?
— Слышу, — сказал я, откашлявшись. — Но это невозможно, Наташа. Впрочем, скорее всего, вы просто меня разыгрываете… ведь так? Дразните старика!
— Вы не старик! — крикнула она. — И хватит уже притворяться стариком! Хватит! Не смейте унижать себя! И другим никогда этого не позволяйте… никому! никогда! Вы зрелый, полный сил, талантливый, добрый, умный… вы замечательный человек! И я обожаю вас… — она вдруг всхлипнула, опустилась передо мной на колени, стала целовать мои руки. — Люблю… люблю… люблю…

Я вскочил со стула и поднял её с колен, встряхнул, потом обнял, прижал к себе, зашептал, забормотал как сумасшедший:
— Девочка моя… солнце моё… да за что же мне этот подарок?
— За всё хорошее, — пролепетала она сквозь слёзы. — Я очень хочу, чтобы ты был счастлив…
— Я уже!..
— …Нет, я хочу… я люблю… я хочу быть совсем твоей, сейчас, здесь, немедленно… и ни слова против!.. Не оскорбляй меня своими нравоучениями, очень тебя прошу…
— Не буду, не буду… клянусь тебе…
— Что ты не будешь?
— Ну… не буду читать мораль… обещаю… Но я просто боюсь за тебя — ведь ты ещё девочка!
— Ты забыл, что сегодня мне исполнилось восемнадцать? — она рассмеялась и тут же заплакала. — Да что ж ты за человек такой?! Ну не бойся ты, не посадят тебя за растление малолетней… Не смей ничего бояться!
— Да, — сказал я, — да, — прошептал я, поднимая её на руки, — да, — прижимая к себе её желанное нежное тело, — да, — неся её к той старинной широкой кровати с панцирной сеткой и сверкающими никелированными шарами на спинках, к той бессменной бессмертной кровати, на которой давным-давно спали мои бабушка с дедушкой, а потом родилась моя мама, и всю свою жизнь она тоже ведь спала на этой кровати, и с ней мой отец, и я был зачат тут же, ну а сейчас, а сию вот минуту, а в этот блаженный и страшный миг, — да, — шепчу я Наташе, опуская её на мягкое, слишком мягкое ложе, — да…

ИТАЛЬЯНСКИЕ КРОВАТИ
ФИРМЫ «ДОЛЬЧЕ ОЛЕВАТТИ» —
ДЛЯ ВЛЮБЛЁННЫХ ЭТО РАЙ,
ПРИХОДИ И ВЫБИРАЙ!

Спустя несколько дней мне позвонил отец Наташи. Услышав его низкий вкрадчивый голос по телефону, я вздрогнул: мне вдруг показалось, что он *всё* про нас знает — и сейчас, вот сию минуту, мне будет вынесен приговор. Сердце моё заколотилось, забухало, забилось в горло. Ан нет. Речь пошла о другом. Сергей Петрович пригласил меня заглянуть завтра вечером в «Купеческий клуб» — там должна была состояться презентация нового филиала фирмы «Ермак», хозяином которой он являлся.

Я смутился: зачем я нужен купцам и банкирам? Я, бедный поэт, рифмоплёт-неудачник… зачем я им понадобился?
— У меня к вам есть дело, — сказал Сергей Петрович, словно угадывая мои смятенные мысли. — Дело касается лично вас. Дело выгодное.
— А что именно?.. — заикнулся я, но он меня перебил:

— Не телефонный разговор. Приходите завтра. Не пожалеете.

Что ж, конечно, приду. Тем более если дело «выгодное»… Наверняка насчёт работы. Даст заказ на рекламные тексты для своего «Ермака»… а может, предложит место пресс-секретаря в фирме? Непыльная должность… почти синекура…

Но я заблуждался, кретин. Сергей Петрович вовсе не собирался меня трудоустраивать.

«Купеческий клуб» располагался в старинном особнячке на берегу Енисея (раньше там и впрямь жил какой-то купец). Снаружи дом казался некрупным, изящным, почти игрушечным, но внутри — анфилада просторных комнат с высокими потолками и хрустальными люстрами поражала великолепием и богатством. Сочетание антикварной роскоши и современнейшего комфорта.

— Извините, что я не в смокинге, — улыбнулся я, подходя к Сергею Петровичу, который шёл мне навстречу с распахнутыми объятиями. — Добрый вечер!

— Привет, привет, привет, — он крепко сжал мою руку стальными нержавеющими пальцами. — Смокинг не обязателен. Шампанское будете?

— Предпочёл бы коньяк.

— А я думал, вы *очень* любите шампанское… — и он зыркнул на меня трезвым орлиным глазом.

— Почему вы так думали?

— Да уж не знаю… так почему-то казалось.

Я насторожился. Взял с подноса, который держал лакей (а как его ещё назвать?), пузатую рюмку с коньяком, пригубил.

— Закусить не желаете? — Сергей Петрович кивнул в сторону стола, загромождённого тарелками с закусью (описания и перечисления яств можно найти в светской хронике хотя бы «Кырского комсомольца»). — Между прочим, коньяк лучше закусывать вовсе не лимоном, как многие ошибочно считают, а шоколадом… Советую взять вон ту конфетку… Кстати, какая рифма будет к слову «конфетка»?

— «Нимфетка», — сказал я, не задумываясь. И зря.

Он усмехнулся криво:

— Так и знал, что вы именно это слово произнесёте…

— А я чувствую, вы меня специально навели на именно это слово… Разве не так?

— Отойдём в сторонку…

Он взял меня под локоток, взял вежливо, деликатно, но было бы невозможно вырваться из этих стальных тисков.

— Вы человек хоть и немолодой, но весьма легкомысленный, — начал вкрадчиво Сергей Петрович, — однако я рассчитываю на ваш ум и инстинкт самосохранения…

— Что за тон? — притворно возмутился я, испугавшись до дрожи в коленках. — Что за менторский, я бы даже сказал, отеческий…

— Бросьте, — перебил он. — Вот именно, что отеческий. Я — отец. Моя дочь — в беде. И в беду эту вовлекли её вы… вы! вы!.. — он вдруг разволновался. — И я попрошу вас больше меня не перебивать!

— Тише, тише, — умирая от страха, продолжал я притворяться невозмутимым. — На нас смотрят…

— Плевать! — рявкнул он. — Здесь я хозяин. Всё, что вы здесь видите, куплено на мои деньги. Впрочем… впрочем, какое это имеет значение?

Он замолчал, посмотрел на меня, выдержал паузу, как бы давая мне время проникнуться сознанием чрезвычайной серьёзности данного момента.

— Обойдёмся без лишних слов, — заговорил он снова, уже успокоившись. — Вы, конечно, поэт… вот когда мы закончим этот разговор, можете прийти домой и написать балладу обо всём случившемся. Пусть я буду мрачным отцом-злодеем, а вы — несчастным влюблённым романтиком…

— А Наташа? — сказал я. — Кем будет она в этой балладе?

— …Последний раз прошу: не перебивайте. Дайте мне высказать суть дела. Потом можете, повторяю, хоть венок сонетов сплести — на свою могилу… а пока… А пока мы должны срочно покончить со всем этим. Вы готовы меня выслушать?

Я молча кивнул.

— Очень хорошо.

Он оглянулся: поблизости никого не было, мы стояли в углу, возле камина, в котором потрескивали настоящие поленья, пылая настоящим живым огнём.

— Так вот, дорогой мой друг. К сожалению, наша с вами дружба не состоялась. Цветок завял, не успев расцвесть. По вашей вине. Вы злоупотребили моим доверием, моей симпатией к вам… более того — вы злоупотребили моей светлой памятью о вашей чудесной маме!..

Я вздрогнул и поднял руку, как бы призывая его не кощунствовать и не суесловить.

— Хорошо, хорошо, — кивнул он, — не будем трогать вашу мамочку… Но как вы могли покуситься на мою дочь?!

Я приоткрыл рот, чтобы попробовать оправдаться иль возразить (уж и не знаю, что именно я хотел сказать, а раз я и сам не знаю, значит, не знает никто и никогда не узнает… ведь правда, мама?), — но Сергей Петрович погрозил мне указательным пальцем: молчи, не перебивай.

— Я всё знаю, — сказал он охрипшим (от волнения или от гнева) голосом. — И не надо ля-ля. Мне всё известно.

— Что — всё? И откуда?

— Мне всё известно, — повторил он как-то устало. — У меня даже есть заключение медэкспертизы… Вам показать?

— Зачем?.. Не надо, — отшатнулся я. — Но, в конце концов… даже если Наташа во всём вам призналась… не понимаю, конечно, зачем она это сделала…

но даже если… если даже… Я не говорю, что всё это так, я ни в чём тут не собираюсь признаваться или каяться… учтите это! Но даже если вы и правы — допустим это как предположение, как версию…
— Ох, словоблуд, — злобно буркнул он.
— …Даже если всё именно так — что в этом ужасного? Почему бы нам с Наташей и не полюбить друг друга? И даже если…
— Никаких «если», — жёстко оборвал он поток моего красноречия. — Мне всё известно с абсолютной точностью. Вам было мало заморочить ей голову, вы ещё затащили её в свою грязную постель…
— Почему — грязную?.. И потом, Наташа любит меня… и я тоже…
— Что — тоже? Постыдился бы, старый мудак… Потянуло на девочек перед смертью?..
— Она совершеннолетняя…
— А вот и нет, — скривил он свой рот в злой улыбке. — Она тебя обманула… дурочка. Уж не знаю, зачем… И чего тут было больше — прихоти, похоти…
— Она мне призналась в любви, — произнёс я — и понял, как глупо и неубедительно звучат эти слова из моих вялых уст. — Она сама призналась…
— Это всё чепуха, — отмахнулся он. — Забудь. Ей исполнилось семнадцать. Слышишь? Семнадцать, а не восемнадцать.
— Но зачем она обманула?.. Ведь я не настаивал, я был сдержан, я призывал её к осторожности…
— Вот затем и обманула, чтоб ты не был уж слишком сдержан. На это у моей дурочки ума хватило. Короче. Мне противно с тобой разговаривать. С удовольствием набил бы тебе сейчас морду. А ещё лучше — пулю в лоб. А ещё проще — аварию на дороге… Или — скинуть тебя с твоего же балкона вниз головой… у тебя ведь пятый этаж?
— Что вы такое говорите?! — ужаснулся я.
— А что?.. Фантазирую, брат, фантазирую. Ну не в суд же на тебя подавать за совращение несовершеннолетней? Жалко дочку срамить, да и мне… зачем мне такая слава? Но ведь если ты, гад, заупрямишься — я и в суд могу, и суд Линча могу устроить… Хоть сегодня! Хочешь? Ты меня внимательно слушаешь, гнида?
— А повежливее — нельзя?
— Нельзя. Ты исчерпал мой лимит корректности. С такими, как ты, по-хорошему не получается… Так что выбирай. Или я…
— Вот вы где! — к нам подбежала Наташа. — А я их ищу, ищу…
— Зачем пришла? — грубо спросил отец. — Было же сказано: ни шагу из дома!
— Да что я, преступница, что ли, в тюрьме сидеть? — возмутилась Наташа. — Я же знала, ты будешь его терроризировать… — она резко повернулась ко мне: — Он тебе угрожал? Угрожал? Ты не бойся — я за тебя!.. И пока это так, ничего он с тобой не посмеет сделать…
— Наташа, мы совершили ошибку, — пробормотал я, пряча свои глаза от её пылающих серо-зелёных. — Наташа, нам больше нельзя встречаться…
— Золотые слова, — похвалил меня Сергей Петрович. — Слушай дядю, Наташка, он дело говорит.
— Это ты его запугал… ты!.. ты! ты! А ещё считаешь себя современным, свободомыслящим… да ты хуже помещика Троекурова, хуже купцов из пьес Островского… Ты — восточный хан!
— Пусть я буду хан или хам, да хоть чёрт с рогами, — устало отмахнулся Сергей Петрович. — Но вашу вшивую любовь я придушу на корню… как цыплёнка… Клянусь тебе, доченька.
— Вы её уже придушили, — сказал я.
— Тогда нам и спорить не о чем, — он потёр руки и хлопнул Наташу по заднице: — Ступай-ка отсюда, дитя моё. Пока я тебя не выпорол при всём честном народе… А ну — пошла вон!

Наташа встрепенулась, вспыхнула, глянула на меня (защити, возлюбленный! заступись, Ромео!), но я снова отвёл глаза и потупился. Не было во мне энтузиазма… да и откуда? Она мне в дочери годится, а я… Отец её прав. Я бы тоже на его месте не обрадовался… нет, конечно, я среагировал бы по-другому, но если бы моя дочь — с пятидесятилетним… мне бы это, конечно же, не понравилось.

Наташа смотрела, смотрела, смотрела на меня, потом заплакала — и, провожаемая многочисленными любопытствующими взглядами, выбежала из гостиной (или — салона), словно выпорхнула ярко-красная птичка из золотой клетки. Прощай. Прости.

…а ведь я тебя сыночек предупреждала что эта девчонка тебя погубит вот и погубила то ли ещё будет ты сам кузнец своего несчастья сам во всём виноват…

— Предлагаю зайти в мой кабинет, — вернул меня из забытья голос Сергея Петровича, — нам с вами надо ещё кое-что обсудить…
— Что тут ещё обсуждать? — пожал я плечами. — Сами видели — я от вашей дочери отказался. Пусть живёт пока в квартире моей мамы… вы же мне заплатили? А потом, извините, уж я попрошу вас найти для неё другое жилище…
— Потом будет суп с котом, — резко сказал Сергей Петрович и снова цапнул меня стальными пальцами за локоть. — Настоятельно вас прошу — зайдём на пять минут в мой кабинет. Чистая формальность. Нужна ваша подпись — и только.
— Какая ещё подпись? Может, мне кровью расписаться, что я больше никогда не прикоснусь к вашей дочери?
— Кровью вы уже расписались, — угрюмо пошутил он, — на простынке вашей мамочки… кровью моей Наташки…

— Не смешно,— сказал я.
— Да уж какой тут смех,— он настойчиво и упорно подталкивал меня к двери в кабинет.— Вот сюда, пожалуйста…
— А если я…
— Не оглядывайтесь — здесь все свои,— хмыкнул он.— То есть, вернее сказать, все *мои*. А *ваших* здесь нет… И никто за вас не заступится… Прошу!

Он завёл меня в небольшую комнату, усадил, как школьника, возле письменного стола, и сам сел напротив.
— Вы совершили ошибку,— сухо сказал он, глядя мне в переносицу.— А за ошибки надо платить. Если бы не Наташка… если бы она не вбила себе в башку, что любит вас… идиотка!.. я бы вас просто раздавил как клопа!

Я приоткрыл рот, но не смог произнести ни слова.
— Впрочем, жалея её, я сохраняю вам жизнь и свободу,— продолжал он, брезгливо разглядывая меня, а я чувствовал, как лицо моё горит, покрывается пятнами.— Но и вовсе без наказания вас тоже нельзя оставить,— он положил на стол кожаную папку, расстегнул молнию, вытащил лист бумаги.— Предлагаю вам, милостивый государь, срочно продать мне вашу квартиру. По государственной цене.
— То есть как — продать?.. С какой стати?!
— Он ещё спрашивает. Повторяю: я настоятельно предлагаю продать мне вашу квартиру. Вернее — квартиру вашей мамы. Вам же есть где жить? Вы прописаны там, где живёт ваша жена. Короче, все бумаги уже оформлены, вам лишь надо подпись поставить. Вот здесь,— и он ткнул пальцем в соответствующее место на документе.— Перед тем как подписывать, прочтите, но только не вздумайте отказываться или просить отсрочку. У вас нет другого выхода. И документ не пытайтесь порвать или проглотить,— он хохотнул,— ибо имеется точно такой же, на всякий случай.

Я молча, машинально и обречённо, взял в руки бумагу. Прочитал, ничего не соображая. Взгляд споткнулся на цифре: двадцать шесть миллионов четыреста девяносто восемь тысяч семьсот восемьдесят два рубля… (Ещё раз напоминаю: время действия — девяносто седьмой год, до деноминации).
— Двадцать шесть миллионов…— повторил я.— Но это же… это же слишком мало!
— Госцена,— усмехнулся мой собеседник.— Инвентаризационная оценка.
— Но это — грабёж!
— А ты думал, что девочки нынче бесплатные? — лицо его круто закаменело.— За любовь, поэт, надо платить… Разве ты не знал? Ах, не задумывался… Мне ли тебе напоминать, что иные герои ради любви жертвовали жизнью?.. А ты?
— Дешёвая демагогия,— пробормотал я.

И вдруг меня захлестнуло ужасное подозрение: «А что, если Наташа с самого начала была в курсе всей этой интриги?! И, может быть, вся её влюблённость была лишь обманом, игрой, ловушкой?.. А я, как дурак, попался в этот капкан?..» И я осторожно спросил:
— А Наташа? Она — знает об этом?.. ну, об этом вашем проекте?
— Нет, конечно. Зачем ей знать? Да ты мне, брат, зубы не заговаривай — давай подписывай. Иначе не выйдешь из этой комнаты. Будешь сидеть тут, пока я милицию не вызову — и отвезут тебя в кутузку, и посадят за решётку, а потом будет суд, а потом и приличный срок…
— Даже так?
— Только так.

Было ясно, что он не шутит.

И я смиренно подписал эту гнусную бумагу; прости меня, мама, я продал по дешёвке твою квартиру, твой дом, твоё гнездо, и моё гнездо, и мою колыбель, я продал всё это по госцене, то есть за бесценок, то есть отдал почти задаром, ведь этих вшивых «лимонов» мне с женой и на год жизни не хватит; ты была, как всегда, права, мама, а я окончательно просрался, и нет мне ни оправдания, ни спасения, ни пощады…
— Получи деньги. Пересчитай! — строго сказал Сергей Петрович, убирая подписанный мной документ в кожаную папку.— Про Наташку забудь. Ни её, ни её вещей в той квартире уже нет — я постарался. А ты, будь добр, пошустрее освободи мне жилплощадь. Даю тебе три дня.
— Я не успею…
— Постарайся успеть. Постарайся. Если не успеешь, я приеду — и выкину твои шмотки на улицу.
— Там нет моих шмоток,— пробормотал я, чуть не плача,— там вещи моей мамы… которую вы, если помните, так уважали… она вас ещё чаем поила… из китайской чашки…
— Из японской,— уточнил он.— И не дави мне на слёзные железы. Я и сейчас её уважаю, твою мамашу, земля ей пухом. Достойная была женщина. Но тебя я не уважаю. И через три дня чтобы духу твоего там не было!

ВЫ НАДУМАЛИ ПРОДАТЬ СВОЮ КВАРТИРУ?
ОБРАЩАЙТЕСЬ К НАМ — УДАЧУ ГАРАНТИРУЕМ!
НАША ФИРМА УМОЛЯЕТ ВСЕХ НАСЛЕДНИКОВ:
РАДИ БОГА, ОБХОДИТЕСЬ БЕЗ ПОСРЕДНИКОВ!

Мне было не с кем посоветоваться, кроме жены Ларисы. Но жена Лариса даже не пустила меня на порог.
— Пошёл вон,— сказала она, приоткрыв дверь, придерживаемую цепочкой,— убирайся к своей девке!
— Что за шутки, Лариса? Как-никак я пришёл в свой дом…
— Это не твой дом,— отчеканила она жёстко.— Твой дом — там, где живёт твоя девка. Вот и катись к ней!

— Постой, погоди… давай разберёмся…
— Не желаю разбираться в твоём дерьме. Добрые люди мне всё рассказали про твои похождения… старый козёл! Я уже подала на развод. Так что жди повестку. Надеюсь, суд оставит эту жилплощадь мне, а ты — живи с кем хочешь и где хочешь.
— Да что же это такое?! — воскликнул я. — Сговорились вы все, что ли? Лариса, открой! Я всё тебе объясню! Ну что я тебе сделал плохого, Лариса?!..
— Ты испортил мне всю мою жизнь, мудак, — с отвращением произнесла жена Лариса и захлопнула дверь, загремела засовами.

…Вот и всё, моя мамочка, моё солнышко, моя дорогая. Я всё разрушил, разрушил свою семью, я не смог уберечь твой дом, я загнал его по дешёвке, и сам я дешёвка, меня взяли на понт, как последнего лоха и фраера, я ничтожество, бездарь, трус, и я знаю, что ты меня проклинаешь, мама…
— Нет, я не стану тебя проклинать, — возразила мама. — Это я виновата — не смогла тебя воспитать настоящим мужчиной. Вот что значит безотцовщина… Так что живи как можешь, доживай свой убогий век. Жизнь без любви — ты ещё не знаешь, что это такое.
— Знаю, мама. Это жизнь без тебя.
— И стихов ты писать больше не сможешь… никогда…
— Где ты, мама?! Я слышу твой голос… Ты где?
— Я здесь, рядом…

Фу ты, Господи, этого быть не может! Моя мать умерла полгода назад… Но ведь я слышу, слышу её как живую! Может, мы вовсе её и не похоронили? А может, она и не умирала, а лишь находилась в летаргическом сне, а мы её заживо погребли, а она потом проснулась — и выбралась из могилы, и пришла сюда, и прячется где-то рядом?
— Мама, выходи!
— Не ищи, не найдёшь… но я здесь, я рядом…

Да что же это такое? Может, я с ума сошёл? Ну конечно, конечно же, этого просто не может быть. Я ведь собственными глазами видел, как заколачивали гвоздями крышку гроба, а перед этим я собственными руками поправлял на маминой голове чёрный кружевной платочек, а потом я же собственными губами целовал её мёртвый холодный лоб, а потом… нет, чепуха, бред, наваждение!.. Надо просто заняться делом — и всё пройдёт и развеется, как туман.

И я занялся делом — стал выносить из квартиры мамины пожитки, посуду, бельё, мебель… я швырял всё это на землю, прямо во дворе, на глазах у изумлённых соседей, и рубил топором, рвал в клочья, ломал на куски… а потом стал сжигать эту гору рухляди и тряпья… Ох, какой грандиозный костёр я распалил! Уже стемнело, и костёр мой пылал, полыхал всё ярче и жарче, привлекая мальчишек, бомжей и соседских старух.
— Что вы делаете? — испуганно произнесла одна из них. — Ведь тут есть ценные вещи… и мебель могла бы ещё пригодиться…
— Я жгу своё прошлое, — ответил я с пьяным пафосом (хотя был совершенно трезв), — я сжигаю мосты, сжигаю свою колыбель, свою первую любовь, свою никчёмную жизнь…

…Я сжигал мамины платья и мамины туфли, мамину беличью шубу и мамино синее пальто, мамины книги и мамины альбомы с пожелтевшими фотокарточками, где мама была совсем молодая, красивая и счастливая, в сиреневом крепдешиновом платье с накладными плечиками, а на некоторых фотокарточках она была вместе со мной, совсем маленьким и кудрявым, похожим на светловолосую девочку; но были и более поздние снимки, где я был постарше, где волосы мои потемнели и смотрел я на мир с притворной строгостью; а вот фотокарточек с отцом не было ни одной, и в этом таилась одна из главных загадок маминой жизни, но разгадать эту тайну мне так и не доведётся уже никогда; а потом я сжигал мамины шторы и мамины занавески, мамины ковры и скатерти, я сжигал мамины шкафы и комод, и бабушкин старинный буфет, и ещё более старинный ломберный столик, за которым когда-то, давным-давно, ещё до Первой мировой войны, мой молодой усатый дедушка со своими легкомысленными друзьями играл по вечерам в карты, и старый-престарый снимок, где бабушка с дедушкой, молодые и очень красивые, стоят в бутафорской лодке, у дедушки даже весло в руке, а бабушкин взгляд потуплен; и мамины столы я сжигал, и продавленные кресла, и венские стулья — ух, как жарко они пылали, с каким громким треском, словно сопротивляясь безжалостному огню, словно жалуясь, проклиная меня и плача…
— Дяденька, а зачем вы плачете? — спросила рыжая девчонка.
— Я не плачу… это дым ест глаза, — отвечал я, как и положено отвечать герою сентиментального романа, но я, конечно же, плакал, ещё как плакал, я молча заливался слезами, сжигая все мамины материальные следы и приметы, сжигая все её тени, призраки и отголоски…

В этом огромном костре я сжёг и мамину переписку с отцом, уничтожив хранившиеся в старых письмах глухие намёки на тайну их давней, ещё довоенной ссоры и маминой так и не прощённой отцу обиды, и мои светлые локоны, срезанные мамой полвека назад с моей детской головы, и клеёнчатую бирочку на верёвочке, которая когда-то была привязана в роддоме к моей руке, и мои письма к маме, и мои фотокарточки студенческих и более поздних лет, и мои похвальные грамоты с портретами Ленина и Сталина, когда-то

полученные в школе «за отличные успехи в учёбе и примерное поведение», и мои детские, почти кукольные ботиночки, и мой детский матросский костюмчик, перешитый мамой собственноручно из её же шёлковой блузки, и аккуратно завёрнутые в бумажный пакетик мои молочные зубы (о Господи... ну зачем, зачем она их хранила?), и детские мои игрушки (деревянный паровозик, деревянная же сабля и тряпичный медвежонок), которые она тоже хранила всю жизнь (для кого? для чего? для того, чтобы я сейчас всё это сжёг на потеху бомжам и соседям?), и туда же, в костёр, полетел значок «Ворошиловский стрелок», полученный мамой ещё в тридцатые годы, когда она всерьёз увлекалась стрельбой из пистолета и винтовки и побеждала в этом виде спорта многих мужчин, в том числе и моего отца-невидимку, и сам я в детстве не раз был торжествующим очевидцем того, как мама в тире, в городском парке культуры и отдыха имени Горького, попадала всеми пульками точно в мишени и выигрывала все призы на зависть забредшим в тир офицерам, которые от этой зависти даже трезвели и сразу же начинали за ней ухаживать, но мама лишь усмехалась и уходила со мной прочь из тира, унося все призы, а я долго ещё оглядывался на растерянных офицеров, раскрасневшихся то ли от смущения, то ли от недавно выпитого спиртного...

...И всё это горело, горело, сгорало начисто...

А когда все сгорит окончательно и исчезнет — чем докажу я хотя бы себе самому, что всё это *было* — существовало, дышало, пульсировало? Что останется, когда не останется ничего?

> СТРАХОВАЯ ФИРМА «ДОЙНА»
> ВАМ ПОМОЖЕТ СПАТЬ СПОКОЙНО.
> СТРАХУЙТЕ ВЕЩИ, СТРАХУЙТЕ ДОМ —
> НЕ ПОЖАЛЕЕТЕ ПОТОМ!

Вероятно, я даже дверь забыл запереть, потому что среди ночи (а свалился я прямо на пол и тут же заснул) я вдруг ощутил прикосновение к щеке нежной ладони и услышал страдальческий нежный голос:

— Это я... не пугайся... Я не могу без тебя!

— Наташа?! Зачем ты пришла? Ведь твой отец... он убьёт нас!

— Не убьёт... он уехал в командировку.

— И ты поверила? Да это же снова ловушка! — я вскочил, схватил её за руки и стал подталкивать к двери. — Сейчас же уходи! Немедленно! Уходи, пока не поздно! Это же он всё снова подстроил...

— Ты с ума сошёл, — прошептала она, потом оглядела пустую комнату (свет был выключен, но луна за окном светила исправно). — А куда делись вещи?

— Я всё сжёг...

— Сумасшедший... — она вдруг обхватила меня, прижалась ко мне, заплакала. — Почему ты такой?.. Ну почему, почему ты всего боишься? Не отталкивай, не прогоняй... я одна... у меня только ты есть на этом свете... ну пожалуйста, милый...

Она жадно целовала меня, моё лицо, мои руки, потом опустилась на пол, притянула меня к себе.

— Не бойся... ничего не бойся... — шептала она. — Я сама видела, как отец уезжал в аэропорт... это правда, я туда звонила, самолёт уже улетел... Мой любимый! Ну что же ты?.. Не отталкивай... больше мы не увидимся, он хочет перевести меня в Москву, в университет, чтобы я никогда с тобой больше... ты понимаешь?

Боже мой... на полу... на каких-то тряпках... в пыли...

А потом, уже под утро, я проснулся от странных, пугающих звуков — со всех сторон доносились шорохи, вздохи, шуршания, поскрипывания... Наташа лежала рядом, свернувшись клубочком, она крепко спала. Я прикрыл её своей курткой, потом встал, огляделся, прислушался. Мне почудилось вдруг, что весь дом словно ожил, вернее, ожили некие незримые силы, запрятанные в его стенах... я отчётливо слышал чьи-то стоны и вздохи и чьё-то недовольное ворчание, невнятное бормотание, доносящееся из дальнего угла, а с балкона послышался чей-то чуть ли не детский плач...

— Господи, что происходит? — прошептал я.

— Дом не хочет принять чужую, — ответил мне голос мамы, — дом требует, чтобы она ушла. И впредь никому чужому не удастся жить в этом доме... Я — не позволю!

— Мама, ты где? Я так хорошо тебя слышу... но где ты?

— Странный вопрос... Я там, куда ты меня упрятал. Я на кладбище... где же ещё? Думал, закопаешь меня в землю, избавишься — и заживёшь спокойно? Как бы не так! Ну вот ушла я, оставила тебя в покое — и разве тебе стало лучше?

— Нет, конечно... мамочка! Мне стало совсем плохо... я пропадаю...

— А ведь я же предупреждала... впрочем, что с тобой говорить? Ладно, валяйся в этой грязи, с этой девкой... А я тебя покидаю.

— Мама, постой!..

Молчание. Только шорохи, стоны, неясные бормотания и вздохи продолжали слышаться с разных сторон. Трещали отклеивающиеся обои, сыпалась с потолка извёстка, ветер жутко завывал в водопроводных и канализационных трубах... Дом стремился изгнать, исторгнуть из своего чрева не только Наташу, коварную лазутчицу, незваную гостью, но и меня, предателя...

Мама, это я, это я притащился среди ночи на кладбище, на твою могилу. Жаль, ты не видишь, как красив некрополь в лунную ночь, освещённый

фосфорическим светом, как красив, романтичен, слегка театрален весь этот город мёртвых. Жаль, ты не можешь полюбоваться вместе со мной на всю эту роскошную бутафорию. Тебя нет, а декорации прежние. И комедия прежняя продолжается… жалкая комедия моей жизни. Только мне почему-то совсем не смешно, моя мамочка, моя родная, моя оборванная ниточка…

Вот и надгробная стела, и холмик, под которым должна ты лежать… но там ли ты, мама? На месте ли? Я для того и пришёл, чтобы проверить, удостовериться, убедиться, успокоиться…

Ты скажешь, что я и впрямь спятил, но ведь я ни на чём не настаиваю, я только предполагаю: а вдруг?… Я всего лишь хочу убедиться, окончательно усмирить свою истерзанную душу… Я проверю — и всё, и никогда больше, клянусь тебе, мама, и больше я тебя ничем не потревожу…

Нет, не так уж я прост и глуп, как вам, может быть, кажется. Я прихватил с собой маленькую сапёрную лопату, ведро и верёвку. И принялся за работу. Надо успеть до рассвета, пока не придут кладбищенские работяги-могильщики, которые могут меня тут застукать…

Работал я быстро, старательно, чётко, но всё-таки провозился часа полтора. Уже солнце взошло, когда лопата ударилась о крышку гроба.

Так. Откроем. Тихонечко. Не спеши. Расшатай сперва гвозди, хотя бы два, вытащи их, вот так. А теперь можно и крышку приподнять. Раз-два… взяли! Сдвинем чуть в сторону. Ух, как тут тесно. Вот так. А теперь откинем с лица покрывало…

…О Боже… да, это она.

Это ты, мама. Сомнений нет. Что ж, зажмурюсь — и снова закрою крышку. Вот и всё. И ничего страшного не случилось… правда, мамочка? Я всего лишь удостоверился, и теперь душа моя будет спокойна; во всяком случае, я очень надеюсь на это.

— Эй, ты кто?
— Это я, мама. Я, конечно же, виноват, что посмел осквернить твою могилу и нарушил твой покой, но ты уж прости, больше подобное не повторится…
— Да ты кто, мужик?!
— Мама, это я! Я! Отныне я буду нести свой крест со смирением и кротостью, я не стану тебя гневить мальчишескими выходками, я вернусь к жене, ведь я должен же выполнять обязательства, взятые на себя, не так ли?
— Слышь, Митяй, а ведь он заговаривается… Псих!
— Точно! Крыша у мужика поехала… Глянь, а морда — знакомая…
— Да это же тот, у которого мать померла весной. А недавно он ей памятник ставил, я помню. Мы с тобой и могилу эту копали… Слу-ушай… а на хрена он её раскопал-то?!
— Одно слово — псих… ты смотри, поосторожней с ним…
— Да ну его… ещё шарахнет лопатой! Пошли в контору, вызовем ментов — пусть его заберут отсюда…
— Или психобригаду пусть присылают…
— Точно. Пошли!
— Мама, это я, не обращай на них внимания — что с дураков возьмёшь?.. Сейчас я тебя закопаю снова, и никто ничего не заметит… а хочешь, останусь здесь, с тобой? Ты мне только скажи, и я сделаю, как ты хочешь… Мама, погромче, я плохо слышу! Хорошо, я понял, я останусь с тобой, я свернусь клубочком, зародышем, эмбрионом, как в детстве, как ещё до рождения, как в твоей тёплой утробе, — и никто никогда нас с тобой не разлучит.

Ирина Манаева

Гадёныш

Окончание. Начало в «ДиН» №3/2022

Пятница. День седьмой

Я проснулась оттого, что кто-то ломился в комнату. Посмотрела на часы — восемь двадцать шесть, обычно так просыпается Митя, или Дима, или кто он там. Я подошла и открыла дверь. Мальчик ворвался в комнату со словами «уже день», запрыгнул на кровать и стал скакать. Волосы подпрыгивали вверх при каждом прыжке, он хохотал и пищал от удовольствия.

— Мама, мама, смотри, как я прыгаю.

Я смотрела: впору радоваться здоровому ребёнку. В памяти свежо, как мы провалялись с Митей в больницах целый месяц. Подхватили у кого-то ОРВИ с осложнениями, не смогли справиться дома и отправились в инфекционное отделение, а там присоединился ротавирус, и было несладко. Капельницы, бессонные ночи, страх за ребёнка, который не мог самостоятельно есть. Нервы на пределе, он пытался улыбнуться, но у него не было сил. Сейчас же энергия била через край, но я опять была недовольна.

Я должна всё выяснить. Если странная женщина что-то знает, я не могу просто закрыть на это глаза. Достала телефон и написала сообщение:

«Здравствуйте. Давайте сегодня встретимся?»

Она отписалась почти сразу:

«Где?»

Место надо было выбирать людное, неизвестно, кто скрывается под женским именем — может, какой-нибудь извращенец. Недалеко от дома был Центральный парк, я решила, что это удачное место, там есть площадка, где дети могут поиграть, не мешая разговору, и в любом случае кто-то будет.

«Давайте через час в парке Горького».

«Это который в центре?»

«Да, напротив Ленина».

«Я смогу к одиннадцати».

«Договорились».

И я стала нервничать, как перед походом к врачу. Меня ждала неожиданность и, возможно, ответ, который я ищу всё это время. Я поняла, что даже не спросила, как выглядит Вика, её лица в мессенджере не было, вместо него пустой квадрат, поэтому я не знала, кого предстоит искать. Написала ещё одно сообщение, но оно осталось непрочитанным. Что ж, у Вики была фора, она могла найти меня по фото. Но не могу же я не пойти, когда сама назначила встречу?

В парке было немноголюдно: неудивительно — одиннадцать утра в будний день. Вошли в центральные ворота и свернули к детской площадке. Вообще, здесь всё было связано с детьми: качели, карусели, аттракционы, киоски с мороженым и всякими игрушками, — но мы часто приходили сюда с Глебом и до того, как появился Митя. Место приятное для прогулок.

Я устроилась на одной из скамеек и достала телефон. Ещё десять минут, а я нервничала, словно это было первое свидание с мужчиной. Дима устремился к детскому городку, присоединившись к детям, которые уже были там. Я рассматривала мам, пытаясь определить, кто из них Вика. Подозреваю, что она придёт с дочкой, только девочек было всего две на площадке, и обеим лет по десять. Изучая комментарии, я пришла к выводу, что все дети, с которыми произошли метаморфозы, были не старше трёх. Но это, если исходить из написавших, совпадение или закономерность? Вполне возможно, что были и младшие школьники, и подростки, просто их родителей не было на том форуме. Если бы не Нина, меня бы тоже там не было, жила бы себе спокойно.

А как же Митя? — задала я сама себе вопрос, не выпуская из вида гадёныша. Может, я просто накручиваю и придумываю нечто необычное в своей до жути посредственной жизни? Ко мне приближалась девушка с ребёнком; наверное, это и есть моя новая знакомая.

— Вика? — обратилась я, когда они поравнялись со мной, но та отрицательно покачала головой.

Одиннадцать ноль-семь. Что ж, теперь я знаю, что Виктория — непунктуальный человек. Мне такие не нравились. Я всегда старалась приходить ко времени, а если не выходило, жутко нервничала, стараясь успеть. Меня грызли муки совести, что я подвожу человека, ожидающего меня. Я размышляла над этим, а сама рассматривала окружающих. На одной из скамеек сидела неприятная дама.

Я даже не могла предположить, что женщина с короткими растрёпанными волосами, в резиновых сабо, вельветовых штанах, которые уже давно

никто не носит, и потёртой кожаной куртке и есть Вика. На улице около пяти градусов тепла, а на ней летняя обувь. Первый звоночек.

К сожалению, она изучила моё фото и повернулась как раз в тот момент, когда я разглядывала её, не предполагая, как близка к цели. Тут женщина помахала мне, я сначала подумала, что та ошиблась, поэтому ответа не последовало. Она встала со скамейки и пересела ко мне.

— Ты же Лиза?—голос неприятный, взгляд плавает, глаза светло-голубые, смотрящие по-рыбьи.

В голове была мысль: надо как можно быстрее убираться отсюда,—но хорошие манеры, привитые с детства родителями, не позволили бестактно уйти. Я напряглась, понимая, что в ближайшее время мне предстоит сидеть в неприятной компании, и попыталась улыбнуться.

— А вы Вика?

Она закивала грязной головой, и торчащие во все стороны волосы зашевелились вслед. Я подальше отодвинулась и повернулась к ней, якобы так удобнее общаться. На самом деле мне было до жути противно находиться рядом. Но чёртовы манеры!

— А где дочка?—спросила я, понимая, что ещё одну из этого семейства мне не выдержать.

— С папашей,—она достала сигарету и подкурила её.

Бедный ребёнок! Надеюсь, второй родитель лучше первого. Я оглянулась на Диму, успокоилась, найдя его, и снова заговорила:

— Вы собирались мне что-то рассказать.

Она быстро закивала головой и выпустила отвратительный горький дым. Мне пришлось задержать дыхание, пока он не развеялся. Не люблю никотиновый запах, особенно дешёвых сигарет.

— А твой где?—кивнула она на площадку.

Такой не хотелось показывать даже гадёныша, она не вызывала доверия, я сидела вся на нервах, боясь, как бы она не выкинула какой финт.

— В красной куртке,—не удалось мне соврать.

— Ясно. А я свою уже три месяца не видела!

— Как это?

— Папаша ейный забрал и не отдаёт, говорит, в полицию заявление на меня напишет, если приходить к нему буду.

— То есть вы живете раздельно?

— Ну да, он к матери своей ушёл и Катьку забрал.

Я смотрела на неё, ожидая, что сейчас она сама всё расскажет; не стоит подгонять человека, если он не готов открыться. Но женщина молчала. Она положила ногу на ногу, облокотилась на колено, держа в руке почти скуренную сигарету, и молчала. Может, встать и уйти? Таких историй полно по телевизору, а тут намечалось ток-шоу в реальности.

— А чего забрал?—спросила я, хотя уже было неинтересно.

Когда мы договаривались о встрече, я представляла себе адекватного человека, товарища по несчастью, который попал в ту же ситуацию, что и я. Переписываясь с ней вчера, я даже не могла подумать, что в жизни она выглядит подобным образом. Да она же на больную похожа! Правда, если подумать, прочти любой посторонний человек нашу переписку, посчитал бы и меня сумасшедшей: слова, вырванные из контекста, способны интерпретировать иначе. Но тут другое: я себя умалишённой не считала; впрочем, до сегодняшней встречи не считала и её. Но тут результат налицо. Она явно была не в себе. Про таких говорят: «с чудинкой».

— Вот ты мне сколько дашь?—не ответила она.

В подобных вопросах всегда есть подоплёка. Назовёшь больше—обидятся, назовёшь меньше—решат, что льстишь. Лучший из ответов—уйти в минус пару лет от реальных. Но сейчас было сложно. Ей могло быть как двадцать пять, так и сорок. Она явно за собой не следила. Я назвала от балды:

— Тридцать два?

— Тридцать семь,—заулыбалась та.

Надо же, как можно доставить женщине удовольствие, каждая чувствует себя привлекательной.

— Так почему муж ушёл?

Она повернулась ко мне и уставилась прямо в глаза. Мне стало жутко, они были почти бесцветными, её взгляд пригвоздил меня к скамейке. Она смотрела, не мигая, и я не уверена, что это был взгляд нормального человека.

— Он не понимает, я говорила ему, что в Катьке бесы сидят, а он не верит. Хорошо батюшка наш заметил, когда мы на службу пришли, и сказал. Я-то видела, что с ней что-то не то, но он мне прямо глаза открыл! Говорит, видишь, девочку от ладана корёжит. Вот чего она в церковь ходить не хотела, плакала постоянно.

— А за что муж полицией угрожает?

— Так он рано с работы пришёл, увидел Катьку на полу да бить батюшку нашего начал, чуть не пришиб. Я его оттаскивала, меня тоже бил. Не дал выгнать демонов Колька, не дал. Посмотрел бы на неё, она ж худая такая, я её чем только не кормила—и морковным жмыхом, и фруктами из компота.

Мне вспомнились родственники мужа, которым надоела жизнь в столице, и они перебрались в Сибирь вслед за новой религией. Церковь последнего завета была известна больше как виссарионовцы: Сергей Тороп в 1991 году основал общину единой веры, призвал единомышленников и окрестил себя Виссарионом, приняв за точку отсчёта нового летоисчисления свой день рождения. Удивительно, но люди стекались в Курагинский район, где начали строить Город Солнца, продавали свои дома и несли десятину в общину. Так дядя мужа с семьёй оказались в глухой тайге.

Практиковались любовные треугольники, вегетарианство. И как раз слова про морковный жмых и напомнили тех самых родственников, дети который с жадностью смотрели на вкусности на столе, когда приехали однажды к нам в гости вместе с родителями, а мать категорически запрещала есть им подобную еду.

Я сидела с округлившимися от удивления глазами и думала: на кой чёрт я попёрлась сюда? За бесчисленными аккаунтами сложно разглядеть адекватность человека.

— А нормальной едой?

— Какой это? Суп ела, хлеб.

— А белок?

— Чего?

— Мясо.

— Нет, конечно, он против был.

— Муж?

— Колька? Он всё ел и Катьку кормил всякой дрянью. А я очистить хотела.

— От чего?

— От бесов, она бесноватая у меня. Они сидят в ней и нашёптывают. А по дому вещи летают.

Пора было точно уходить. Она была не в себе. Наши истории явно не имеют ничего общего. Уж с этой стороны я гадёныша не рассматривала, тут было явно что-то другое. Если было, конечно. Я поднялась со скамейки.

— Извините, но нам пора,— отвернулась и пошла в сторону городка.— Дима,— позвала я гадёныша, различив его среди остальных,— идём.

Он скатился с горки и взял меня за руку, я почувствовала какой-то рывок, и наши руки разъединились. Резко обернувшись, я пришла в ужас. Сумасшедшая трясла гадёныша и кричала:

— В тебе сидят демоны, демоны, покайся, очистись!

Я оттолкнула её от ребёнка, схватила его за руку, и мы побежали.

— Я могу помочь,— последнее, что я услышала от этой женщины.

Остановилась я только шагов через двадцать, преследования не было.

— Мама, кто это?— спросила Дима.

— Тётя просто болеет, всё нормально.

— У неё вирусы?

— Да, они повредили ей мозг.

— Она заразная?

Вот она, детская наивность— верить во всё, что ни скажут тебе взрослые. Митя был именно таким, он впитывал всё, что бы я ему ни говорила, в шутку ли или на полном серьёзе. А потом выдавал такие каверзы, что становилось смешно. Надо же, сейчас я не чувствовала, что рядом чужой, Митя бы спросил именно так. Надоели качели: Митя— не Митя. Когда же это закончится?

Я открыла телефон и заблокировала новый контакт: не хватало, чтобы она мне названивала. Вечером прилетает Глеб, ему не стоит знать, что я таскала ребёнка на встречу с сумасшедшей, поэтому я отвела Диму в магазин игрушек, и мы скрепили наш секрет покупкой машинки.

Мы были недалеко от детской поликлиники, поэтому я решила зайти и забрать анализы: надо знать, что делать дальше. На наше счастье, сегодня было немноголюдно, я просочилась в кабинет с одной из мамочек, таща ребёнка за руку. Пока врач была занята пациентами, медсестра искала в небольшой коробке нужную бумагу. Она выудила небольшой листок и замешкалась.

— Можно осмотреть?— я протянула руку.

— Да смотреть не на что,— пожала та плечами,— не смогли сделать анализ.

— Что значит— не смогли сделать анализ? Не успели?

— Да я сама не понимаю. Они пишут, что образец не является кровью.

— Но я же его не из дома принесла, забор делали здесь!

— Да я всё понимаю, но мне просто на руки приносят анализы, я не знаю, как они там в лаборатории что делают. Может, ваш анализ потеряли просто?

— А пишут тогда о чём?

— У меня такое впервые. Может, сбой аппарата? Давайте я выпишу вам ещё раз направление, и вы сходите. Неприятно, конечно, но чем ещё помочь— не знаю.

Я смотрела на гадёныша, и меня колотило. Образец не является кровью! Не знаю, чего я хотела больше: увериться, что он действительно не человек, или узнать о первичной неисправности оборудования. Когда я принимала бумагу от медсестры, моя рука дрожала.

— Я могу взять это?— указала я на странный анализ.

Медсестра лишь пожала плечами и отдала листок.

Повторный забор крови назначили на двадцать седьмое. Учитывая, что сегодня пятница, ждать предстоит три дня. Три дня неизвестности, за которыми последует ещё один— на сам анализ. Может, стоит обратиться в платную клинику? Только придётся как-то объяснить мужу, куда я тащу ребёнка рано утром, ведь завтра выходной. Но у меня сложилась полная уверенность, что результат будет тот же. Я приоткрыла завесу над тайной ещё на сантиметр, выяснив, что жидкость в теле Димы— не кровь. И уверилась в том, что он не может умереть.

Вернувшись домой, я предложила ему искупаться. Он удивился, ведь днём мы никогда так не делали, но согласился. Набросав игрушек, чтобы занять его по максимуму, я стала исследовать тело. Делая вид, что поливаю его водой, я щупала кожу в надежде найти зацепки. Всё было идеально,

онвыглядел настоящим. Кожа была мягкая и эластичная, волосы по всей голове, руки, ноги. Я даже нажимала на голову слегка в надежде, что найду подсказку. Чего я ждала? Что выедет CD-ROM или слот на несколько SIM-карт? Мне даже стало смешно, а гадёныш спросил, почему я смеюсь.

По своей природе я человек нерешительный, из тех, которые дают второй шанс пылесосу. Даже не второй, а пятый и седьмой. Я долго могу жить в надежде, что телефон перестанет виснуть и заработает, как ему и положено, что красные родинки, появившиеся на теле, просто требуют наблюдения, а не срочного врачебного вмешательства. Я уже неделю живу с ощущением, что воспитываю не своего ребёнка, но не могу с уверенностью этого сказать другим.

Суббота. День восьмой

Глеб вернулся утром, принёс сладостей и очередной магнит, которыми был увешан холодильник, одна сторона которого уже скоро должна была закончиться. Я приготовила омлет, салат на скорую руку, пока он принимал душ с дороги, и накрыла на стол. Мы позавтракали, улыбаясь друг другу, и всё казалось таким обычным.

Настроение у Глеба было хорошим, мне захотелось поделиться тревогами, тем более у меня были доказательства из поликлиники. Гадёныш залез на мужа и прижимался к нему, спрашивая, что привёз папа. Глеб достал машинку и вручил сыну, предложив поиграть тому в детской.

Когда Дима ушёл, Глеб притянул меня к себе и поцеловал, я почувствовала его желание, но сейчас мне было не до того.

— Давай не сегодня,— попросила я его, немного отталкивая.

— Не понял!

— Не лучшее время.

— Погоди. Ты не видела мужа пять дней и говоришь, что сейчас не время?

— Кое-что произошло.

Глеб вскинул брови и отошёл, сложив руки на груди. Приготовился выслушать.

— Дело в том...— начала я и замолчала.

Как лучше начать?

— У тебя есть любовник?

— Нет, ты что! Это было бы проще объяснить!

— Так он есть?

— Ну, я не это имела в виду. У меня никого нет! Просто то, что я тебе сейчас скажу, намного сложнее. Можно даже сказать, нереальнее.

Он силился осознать, что за чушь я несу, я понимала, что звучит нелепо, но назад дороги не было.

— Тот мальчик,— показала я в сторону комнаты,— не наш сын.

— Не понял! Я ему не отец?!

— А я не мать!

— Чего?

— Мне кажется, я почти уверена, что Митю заменили. Понимаешь?

— В роддоме?

— Да нет же! В субботу.

— В какую субботу?

— На прошлой неделе в субботу!

— Как понять—заменили?!

— Я не видела, конечно, но поняла это.

— Ага.

— А потом были странные вещи. Понимаешь?

— Наверное,— подтвердил он.— Ты начала вести свой канал, где будут тупые видео, и это одно из них? И где камера?—он стал оглядывать кухню.

— Глеб, я серьёзно, ты должен поверить.

— Пока я начинаю склоняться к тому, что ты свихнулась.

— Нет, ты не понимаешь. Я взяла его за руку и ничего не почувствовала!

— Что? Ничего не почувствовала? А что ты обычно чувствовала, Лиза?

— Тепло, любовь, нежность.

— Что? Ты в своём уме? Что за чушь ты тут несёшь?

— Думаешь, за три года я не выучила своего сына? Не знаю, чем он пахнет, как он себя ведёт, что любит?

— Ну и как он себя ведёт?

Я на секунду замялась. Очевидные для меня вещи могли показаться Глебу бредом, мы были слишком разные. К тому же он не проводил столько времени с сыном, как я. Но я всё же попыталась.

— Он стал чище говорить.

— Он растёт!

— Это невозможно—за неделю вот так взять и вырасти!

Глеб уставился на меня как на идиотку. Я заметила, что в проёме стоит гадёныш. Карты на стол, теперь бессмысленно скрывать, что я его подозреваю.

— И недавно он палец сломал,—будто оправдывалась я.

— Что?—он в ужасе смотрел на меня.

— Ну, не сломал, вернее, я точно слышала хруст, когда один мальчик сильно дёрнул руку, но он что-то сделал, и палец был целый. И ещё его не ударили качели, а так зависли в воздухе,—показала я,—а потом опять стали качаться.

Глеб не знал, как реагировать. Гадёныш внимательно смотрел на меня, и я уловила еле заметную улыбку на его лице.

— А ещё он стал идеальным,—внезапно выпалила я.—Вот прямо придраться не к чему. Ты помнишь, как он чистил зубы? Я говорила: иди,—а он бежал и прятался, никогда с первого раза сам в ванную не шёл. Или то, что он стал сам одеваться, тебя совершенно не удивляет? Или сам ест, не просит меня об этом даже, как ещё на прошлой неделе просил?—я тараторила, выплёскивая на мужа

накопившееся во мне за последние дни.—Он спать идёт сразу после слов: «Ложись в кровать»,—без капризов, без торгов этих: «Я поиграю десять минут, и всё».

По мере моего речитатива увеличивался не только темп, но и уровень звука голоса. И вот я уже почти кричала:

— А ещё он собаку убил!

— Лиза, ты рехнулась?!—Глеб не мог отойти от шока.—Какую собаку?!

— Соседскую!

— Как это—убил?

— Да я не знаю, что он там ей сделал, но она после этого сбежала, а потом я нашла её сбитой.

— Ты сейчас серьёзно? Собака погибла, а ты винишь его?—он показал на ребёнка.—Иди ко мне, малыш,—позвал гадёныша Глеб, и тот уселся на колени к отцу.

— Он вот так глядел на неё,—я попыталась изобразить,—а она заскулила и убежала, а раньше она никогда не убегала.

Глеб смотрел на меня с округлившимися от страха глазами. Я вспомнила о бумаге из поликлиники.

— Я тебе докажу, подожди,—зло сказала я и вышла из кухни за медицинской картой Мити.

Перерыв всю папку, я поняла, что у меня нет никаких доказательств. Куда делся этот чёртов листок? Я снова пересмотрела бумаги, но безуспешно. Злополучный анализ словно провалился под землю. Я искала ещё какое-то время, но понимала: всё напрасно.

Вернувшись на кухню, я достала телефон.

— Что ты делаешь?—уже спокойнее спросил Глеб.

— Я была в нашей поликлинике, мы анализ сдавали пару дней назад, так знаешь, что нам в ответ пришло? «Образец не является кровью». Я не знаю, куда делась эта бумажка, сейчас я позвоню медсестре, и она подтвердит.

— В субботу?—всё так же спокойно продолжил Глеб.

Я посмотрела на календарь—неудобно звонить, это он прав.

— Послезавтра тогда,—отложила я телефон.

— Лиз, у тебя всё нормально?

— Что ты имеешь в виду?—я начинала закипать.

— Ты же понимаешь, что ведёшь себя странно?

Гадёныш наклонил голову и смотрел не мигая. И первый раз мне захотелось ударить ребёнка, во мне кипела злость.

— Я тебе докажу.

Я схватила нож и повернулась к гадёнышу:

— Дай руку.

Глеб быстро повернулся ко мне спиной. Защищая ребёнка, он был явно напуган.

— Ты слетела с катушек. Что ты вытворяешь?

Я и сама толком не знала, что именно я хотела сделать. Наверное, посмотреть, что там вместо крови. Глеб отнёс ребёнка в комнату, потом вернулся быстро.

— Ты вконец рехнулась, Лиза. Как теперь тебя можно оставлять с сыном, если ты только что на моих глазах пыталась его покалечить, а может, и того хуже?!

— Я… я не хотела…

— Ты бросилась на него с ножом!

— Ну не бросилась.

Глеб посмотрел зло, и я сразу замолчала. Мне нечего было сказать. А он не знал, что теперь делать. Да я сама бы пришла в ужас от такой картины, возьмись он за нож. Но здесь всё иначе. Это больше не мой сын, и я докажу это рано или поздно.

Я отвратительная жена, если встретила мужа с дороги таким образом, как и нехорошая мать, раз позволила себе подобное. Только извиняться или строить из себя кого-то другого не было сил и желания. Отец с сыном, приглядит, а мне нужна эмоциональная разрядка. Откупорив бутылку белого вина, я забралась с нею в постель и включила телевизор. Хотелось погрузиться в другой мир, чтобы уйти от своих проблем. Я приглушила звук, был слышен разговор, но слов не разобрать. К чёрту, сегодня я позволю себе отдых, пусть сам разбирается с гадёнышем. Пощёлкала каналами и выбрала более-менее интересный. Наполнив до краёв бокал, я жадно отпила светлую жидкость. Да здравствует Бахус!

Я проснулась в три. Телевизор показывал очередное кино, на тумбочке стояла пустая бутылка. Я встала с кровати, и в голове застучали маленькие молоточки прямо в висок. Прижав пальцем боль, я отправилась на кухню за лекарством. Перекопав таблетки, нашла нужную и выпила залпом целый стакан воды. Уселась за стол. Да здравствует нурофен!

Я бессмысленно блуждала глазами по холодильнику, ожидая, пока стихнет боль, и увидела инородный предмет, которого раньше тут не было. Это была записка: «Мы с Митькой у Паши, он пригласил в гости. Будить не стали, думаю, тебе надо побыть одной и привести мысли в порядок».

Побыть одной? Да обеими руками «за». Пусть забирает гадёныша куда хочет и сам нянчится с ним, мне это порядком осточертело. Воспитывать чужого птенца—не для меня. Мне было ясно, почему муж так поступил: он боялся моего поведения и решил увезти подальше сына. Знал бы, какой он ему сын, сам бы обалдел.

Позвонила мать и пригласила назавтра к ней. Видимо, Нина приложила руку, решила вытащить меня на светский ужин. Я сама не против, засиделась дома. Глеб одобрит, у него хорошие отношения с тёщей, да и, уверена, сейчас он будет всячески приглядываться ко мне. Ну не сидеть же нам дома друг напротив друга?

Я пообещала приехать, мы перекинулись ещё парой слов и договорились, что будем у неё завтра в одиннадцать.

Парни вернулись ближе к вечеру. Глеб — напряжённый, присматривающийся, гадёныш — весёлый.

— Мам, мам, мам, — начал он с порога звать меня и никак не мог продвинуться дальше мамы, — мам, мам.

— Что? — я подошла и стала разувать его.

— Мам, мам, мы были у дяди Паши, а потом играли у него и танцевали даже.

— Я рада, — ответила я безразлично.

Глеб прошёл в ванную мыть руки, но я чувствовала, что он прислушивается к нам.

— А ещё что делали? — решила поддержать я разговор.

— Мы пошли, пошли, пошли, пошли, пошли.

Я подняла на гадёныша глаза и уставилась. Или он издевается, или его заклинило.

— Куда пошли? — перебила я его.

— В лес пошли, — смог сдвинуться гадёныш с мёртвой точки.

— Он падал? — повернулась я к Глебу, который подпирал собой косяк.

— Да нет. А что?

— Может, ударился? Или кто напугал? Ну что-то должно было произойти. Почему он заикается?

Глеб пожал плечами; было видно, что он прокручивает в голове прошедший день, а может, не хочет чего-то говорить, только видно явно — что-то произошло, гадёныш начал сбоить.

— Голова болит? — обратилась я к мальчику, тот отрицательно покачал головой. — Ладно, идите кушать, я погрею.

Они сели на кухне, каждый на своё место, и быстро поужинали. В течение вечера было ещё несколько заиканий или как их назвать, даже не знаю.

Глеб тему не поднимал, я тоже не высовывалась, негласный пакт о ненападении начал действовать. Мы говорили на отвлечённые темы, так складывалась иллюзия благоприятной атмосферы в семье. Они мне рассказали о дне в гостях, я — о звонке матери. У гадёныша ещё пару раз повторялись баги с заиканием, Глеб не реагировал, я не акцентировала.

Гадёныш попросил папу поиграть с ним, и оба скрылись в детской. Я хмыкнула и открыла кран с тёплой водой. Надо же: чтобы отец стал больше времени проводить с сыном, надо его заменить — ребёнка имею в виду. А матери создать гнетущую атмосферу. Намылила губку со средством и стала мыть посуду.

Ночь я провела в одиночестве, Глеб уложил гадёныша и остался спать в детской. Это даже было лучше, ни одного из них я не хотела видеть, моя злость была слишком сильной. Но спать не хотелось, поэтому половину ночи я провалялась с наушниками, смотря очередной сериал. Фильм попался приличный, мне удалось отключиться от реальности и забыть происходящее.

Воскресенье. День девятый

Мы беспокоимся о престарелых родственниках, для которых каждый шаг в новый день может стать последним. Переживаем за больных, так остро нуждающихся в нашей поддержке в нелёгкое время, и кто знает, чем всё это обернётся для них. Волнуемся за детей, не умеющих в полной мере обезопасить себя в этом жестоком мире. Но что до остальных? Словно их накрывает невидимым куполом молодость и выступает защитником.

Я пошла на кухню готовить завтрак, оставив Диму за просмотром мультиков; Глеб копался в телефоне. Я попросила его поставить чайник, но вышла какая-то белиберда. Нечленораздельная речь, иногда так бывает, когда начинаешь говорить одно слово, но понимаешь, что другое более уместно, и скрещиваешь их оба. Уверена, у всех такое было. Но сейчас всё иначе. Я забыла слово «чайник», и если бы этим всё ограничилось, я бы была счастлива. Я забыла все слова и как нужно их произносить. Вот так, в одночасье, белая стена в голове и тщетные попытки произнести любую фразу. Выглядывающая из укрытия паническая атака и стремление осознать, что происходит. Я таращила глаза на мужа, пытаясь задать вопрос «что со мне?», «что с меной?», и от этого становилось так жутко и мне, и мужу.

— Как? — закричала я в страхе, но, услышав верную постановку вопроса: «Что со мной?» — не смогла повторить, будто что-то внутри меня всячески мешало снова стать человеком.

Глеб тоже выглядел напуганным, но старался успокоить меня, предлагая присесть. В голове же стучала мысль: «Я схожу с ума», — мысль, которую я так и не смогла озвучить в ближайшие пять минут. Я напрягала мозг вопросами, словно экзаменуя себя в логике, будто это могло мне как-то помочь. Я искала подтверждение сумасшествию, когда из памяти выплыла «скорая помощь».

— Скорую? — вопросительно спросила я у Глеба, и это короткое слово далось с большим трудом.

Перезагрузка была запущена; я не знаю причин, но внезапно ко мне стали возвращаться слова. Я смотрела вокруг и узнавала вещи, не все, но многие, и медленно, словно заново училась говорить, произносила короткие фразы, которые давно освоил мой сын. Книжные полки со словарями занимали прежние места, всё возвращалось на круги своя. Только что, чёрт возьми, со мной было?

— Вызвать скорую? — участливо спросил Глеб, его глаза выдавали панику.

Я отрицательно покачала головой и собиралась с мыслями. Было очень страшно, но лишний раз

обращаться в ноль-три я не люблю, есть другие, кому должны помочь в этот момент, для кого вопрос действительно стоит ребром: жизнь или смерть. Может, я тоже была в группе риска, но вот отлегло—и стало казаться, что всё в порядке. Конечно, стоит показаться врачу, но не сегодня. Через пару часов надо быть у матери, не отменять же всё из-за случившегося. Наверное, я просто устала и мой мозг играет со мной в не очень приятные игры.

Я крепко обняла мужа; даже не вспомню, когда я делала это последний раз вот так просто. Объятия так необходимы людям, и для поднятия настроения их надо не меньше десяти. Под моими руками была крепкая мужская спина, я уткнулась в его шею, сжимая руки сильнее. Он отозвался, и мою грудь прижало его грудью, во мне рождалось чувство благодарности к человеку, который не был идеален, нет, я прекрасно понимаю, что таких не существует, я сама далека от эталона, но на него можно было положиться. Как бы мы ни ссорились, он всегда оставался со мной, хотя часто говорил, как ему тяжело это даётся. Он терпел мои вспышки гнева и постоянные недовольства по любому поводу, который я находила во всём. Понимала, осознавала после, что это плохой путь, но часто взрывалась.

— Спасибо, что ты рядом,—прошептала я ему на ухо и поцеловала мочку.—Мне было так страшно. Ужасно уходить в одиночестве, я поняла это сегодня, мне казалось, что я умираю или схожу с ума, что недалеко от смерти. Я перестану существовать, если мозг повредится, а для близких стану обузой, и это ещё страшнее.

— Лиза, перестань, ты не сойдёшь с ума!

— Никогда не стоит зарекаться, мы не знаем ничего о своей жизни, можем лишь смотреть в прошлое и вспоминать, только иногда и воспоминания стираются.

Я отстранилась от Глеба и села за стол.

— Ты как?—спросил он.

— Уже лучше.

— Давай не поедем к тёще, скажем, что заболели. Может, всё-таки вызвать врача?

Глеб не притворялся, он действительно испугался за свою жену. Что бы ни произошло, мы до сих пор близкие люди.

— Нет, я в порядке.

— Уверена?

Я пожала плечами:

— Наверное. Давно не видела маму и сестру, хочу съездить.

— Хорошо, как скажешь. Я пойду приму душ, Митька всё равно мультики смотрит, а ты пойди полежи, потом заедем в «Сладкое желание» купим к столу что-нибудь и цветы для мамы.

— А завтрак сейчас?

— Мюсли—самое простое.

Он вышел из кухни, и я услышала, как включилась вода в ванной. Оставалось два часа, пора привести себя в порядок. В комнате я подвела брови и накрасила ресницы. Ничего броского, просто подчеркнуть привлекательность. Блузка и светло-голубые джинсы подойдут, встреча родственников—без повода.

Я погрела молоко для гадёныша и всыпала шоколадные шарики, в наших с Глебом чашках были мюсли. Поели быстро. Муж дал мне второй шанс, предложив одеть Диму. И наблюдал, как дрессировщик за диким животным, не выкину ли я очередной финт.

Мы приехали вторыми. Как оказалось, мать позвала свою родную сестру, её сына с семьёй и мою крёстную. Что ж, я давно не виделась с Максимом. Когда мы были детьми, иногда ночевали вместе у бабушки и творили гадости, как она это называла. Воровали конфеты, портили вещи, не хотели есть невкусный суп или собирать малину. Нина была более покладистой, поэтому бабушка подсовывала ей вкусные сладости и лучшие яблоки и постоянно ставила в пример. Приятно встретиться, вспомнить моменты из прошлого, игры, которых сейчас не знают современные дети, засевшие за гаджеты. В нашем детстве айсбергом удовольствия были мультики по выходным. Мир изменился до неузнаваемости, мы изменились, наши дети стали другими.

Припарковав машину во дворе, где помещалось до четырёх автомобилей, мы вышли во двор, где встретила мама. Она горячо обняла всех и была в приподнятом настроении. Глеб вручил цветы и торт, и мы вошли в дом. Крёстная приехала с сыном, муж предпочёл рыбалку, да она и не настаивала. Женя взял Диму за руку и повёл его в соседнюю комнату, которую мать именовала детской, хотя мы давно уже выросли. Там оставались кое-какие наши с Ниной игрушки, остальное мать докупила для внука в процессе его посещения, чтобы было чем играть у бабушки.

Мы расположились в гостиной, где два больших дивана стояли друг напротив друга. На стене висели ружьё и шкура медведя—последняя добыча отца. Он был заядлым охотником, поэтому в доме многое намекало на его хобби.

Я предложила маме помочь и принялась таскать на стол разные вкусности. Мать была старой формации, где хозяйка всё готовит сама и в большом количестве, чтобы гости просто лопнули от угощений. В процессе еды разыгрывалась одна и та же сцена, где гость уже не мог есть, а радушная хозяйка расхваливала блюда и говорила: «Почему вы ничего не едите?»

Когда подъехала Нина, все рассаживались за столом, атмосфера приятная, немного гвалта, как обычно в моей семье, и первые бокалы наполнены. Дочь Максима отправилась к мальчишкам, Даша

спала в автолюльке, её совершенно не заботили посторонние звуки. Спустя час мы накрыли стол для детей, и я вызвалась позвать их. Когда зашла в детскую, меня в который раз за неделю окатило страхом. Все трое сидели спиной к двери, поэтому не заметили, как я вошла. На уровне полутора метров в воздухе висела машинка. Нет, она не была привязана к потолку или к чему-то ещё. Она была сама по себе. Я сглотнула и смотрела, не отрываясь.

— А что ты умеешь ещё?—подал голос Женя, и я боком вышла из комнаты.

Прижавшись спиной к стене, я думала, что делать дальше. Вернулась в гостиную и позвала Глеба. Он не понял, зачем ему нужно в детскую, но пошёл. Надо ли говорить, что ничего того, что видела я, он не обнаружил? Словно гадёныш намеренно издевался надо мной. Я теперь была уверена, что он всё знает, он знает наперёд все мои действия, он чувствует мой страх и манипулирует мной.

Мне нечего было сказать Глебу, поэтому пришлось соврать, что устала и хотела его поддержки. Мужчины всегда готовы поверить, если женщина показывает свою слабость. Но как уличить этого мелкого обманщика, если он не попадается Глебу? В кармане завибрировал телефон, указывая на пришедшее сообщение.

Телефон! Точно, надо было просто снять всё на камеру, тогда будут неоспоримые доказательства и я не буду сумасшедшей. Я заняла место рядом с остальными, наблюдая, как гадёныш ест. Он делал это умело, даже ложка в его руке лежала как подобает. В тот момент я себя не контролировала, но потом осознала, что чувство презрения, возникшее во мне, отпечаталось на лице. Хорошо, что в тот момент Максим рассказывал об их семейной поездке в Болгарию и все взгляды были устремлены на него.

Юля, дочь Максима, попросилась в туалет, и я предложила проводить её. Брат и его жена были увлечены рассказом, поэтому никто не нашёл странного в том, что я отведу девочку в уборную. Когда я помогла ей помыть руки, то спросила, что делал Дима в комнате. Показывал ли им что-то необычное? И откуда у детей эта способность ко лжи? Маленькая мерзавка смотрела мне прямо в глаза и нагло врала, что они просто играли. Я уточнила вопрос про летающую машину, и она лишь пожала плечами, ответив, что ничего подобного не было. Какое поколение мы воспитываем?

Я вернула девочку в комнату, и ко мне подбежал Дима с той же просьбой. Ладно, функция «заботливая мать» включена. Держи друзей близко к себе, а врага ещё ближе. Я задала ему тот же самый вопрос и получила тот же самый ответ. Что и требовалось доказать. Паршивцы были заодно.

Даша проснулась, и Нина кормила её детским питанием. Как быстро растут наши дети! Не так давно я проделывала это с Митей. Меня обожгло. Митя, мой малыш, кто же тебя забрал? И какое чудовище подсунули мне? Я не знала, с чего начинать поиски и к кому обратиться. Если бы ребёнок пропал традиционно, звучит ужасно, но здесь хотя бы понятно, какие дальнейшие действия надо предпринимать. Можно предположить маньяков, детей более старшего возраста, киднепинг—вариантов в современном мире очень много.

Что касается моей ситуации, то здесь не было чёткого алгоритма, были только вопросы. Кто за этим стоит? Какова цель подмены, и закончится ли это когда-нибудь? Надеяться на чат было бессмысленно, там сидели такие же в поисках ответов, которых не было. Интересно, Нина просто свыклась или же реально считает, что всё наладилось? Тут своя душа—потёмки, а что говорить про других?

Я заняла место в углу дивана, дети закончили есть. Моему брату захотелось похвалиться дочкой, он подозвал эту маленькую врунью и попросил показать, как хорошо она умеет танцевать. Гадёныш, как назло, устроился на моих коленях, и так мы просидели пару минут под общие хлопки в качестве аккомпанемента. Я думала, что наконец-то он встанет с меня, но гадёныш повернулся ко мне лицом.

— Мамочка, ты для меня всё делаешь, я тебя очень люблю,—он обнял мою голову, а я прошептала ему:

— Заткнись.

Он сказал слова довольно громко, все услышали и умилились. Со стороны это выглядело куда лучше, чем было на самом деле. Я услышала голос матери, которая назвала гадёныша «чудом», и одобрительный шум голосов, соглашающихся с ней.

— Я знаю, что ты видела,—в ухо мне сказал гадёныш, засмеялся и убежал.

И тут меня накрыло. Все считают его прелестным мальчиком, но кто он на самом деле?! Слишком много потрясений на одну меня в этот день. Я резко поднялась, чтобы догнать гадёныша. Глеб что-то почувствовал, потому что остановил меня за руку. Да, он следил за мной после того случая, за моими эмоциями, он боялся, что я могу навредить ребёнку. Почему люди так слепы и не замечают очевидных вещей?

— Пусти.

Меня не заботили люди в комнате, я слетела с катушек. Этот мелкий гадёныш издевался надо мной почти открыто! Мне хотелось придушить его в тот момент, показать, кто из нас главный, чтобы он понял: больше мне морочить голову у него не получится!

Меня услышал не только Глеб, все продолжали смотреть в нашу сторону. Во мне клокотало, рвалось наружу, хотелось кричать, чтобы освободиться от удушливого гнева, или что-нибудь разбить. Глеб всё ещё не отпускал руку, и это усилило негатив ещё больше.

— Давай выйдем на воздух, Лиза,— Глеб встал, чтобы проводить меня на улицу, но я вырвалась.
— Вы считаете его чудом,— почему-то кричала я, тыча в сторону детской,— на самом деле вы его не знаете. Это уже не Митя, а чёрт знает кто!
— Лиза,— с нажимом сказал Глеб, взял меня за локоть,— идём!
— Нина, ну хоть ты скажи!

Я оглянулась на сестру в надежде найти поддержку, но она лишь отрицательно покачала головой, пожимая плечами; делала вид, что не понимает, о чём я. Если бы я не была уверена в том, что она мне когда-то это всё говорила, то поверила бы ей сейчас. Она выглядела искренней, моё слово против её, и явно проигрывала не она. Все смотрели на меня с тревогой, некоторые перешёптывались.
— Да не настоящий он!— закричала я в исступлении.— Он не может умереть, потому что он — не человек!

Мама ахнула и схватилась за сердце, опустившись в кресло. Глеба я чувствовала спиной, он всё ещё стоял там. Наверное, сопоставлял последние события друг с другом и решил, что я совсем повредилась мозгами. Они все смотрели на меня как на сумасшедшую, но я-то знаю, что передо мной гадёныш, а не родной сын!
— Лиза,— подала голос мать.

Я видела, как Нина впихнула дочку мужу, а затем подошла ко мне. Она улыбалась, выводя всех из неприятной ситуации.
— Всё нормально,— успокаивала она всех,— Лиза просто пошутила, это такой розыгрыш,— она повернулась ко мне и сделала намёк глазами:— Скажи, Лиза.

Я хотела было воспротивиться, но посмотрела на мать и поняла, что эта информация не должна была достигнуть её ушей. Родителей надо оберегать от стрессов, а не становиться их причиной. Отец ушёл двумя годами ранее туда, откуда нет возврата,— обширный инфаркт. Мать же довольно впечатлительная. У меня бы самой волосы встали дыбом, заяви мой ребёнок подобное.
— Глупая шутка,— услышала я свой голос и попыталась улыбнуться.
— Это пранк такой,— подтвердила Нина.
— Кто?— мама округлила глаза.
— Розыгрыш, шутка, сейчас модно такое проворачивать,— сочиняла на ходу Нина.— Да уж, вышло не очень,— словно извинилась она за меня.

Никто не поверил, я бы сама не поверила. Пауза затягивалась. Первой встала жена брата, решив посмотреть, что там делают дети. За ней отошла крёстная, потащив на кухню мать, чтобы заварить чай и нарезать торт. Нина подтолкнула меня к столу, который стоило привести в порядок перед подачей сладкого.
— Ты вообще сбрендила? Что это было?— зашипела на меня сестра, сгребая остатки в одну из тарелок.— Ладно между собой такие вещи обсуждать. Ты чем думала?

Оставалось молча собирать грязную посуду, составляя её друг в друга, и пялиться в столешницу. В гостиной негромко говорили мужчины, слов было не разобрать; надеюсь, они не обсуждали меня. Глеб себе такого никогда не позволял, но всё когда-нибудь меняется.
— Всё так плохо?— тихо спросила Нина.

Я подняла на неё глаза, наши взгляды встретились, и я кивнула. Защипало нос, ещё чуть — и включится функция себяжаления. Надо вытерпеть до конца встречи, не хватало ещё разреветься. Нина сжала мою руку:
— Я завтра к тебе приеду на весь день с Дашкой, всё расскажешь спокойно.

Она взяла посуду и понесла её в раковину. В такие минуты понимаешь, как важно иметь сестру.

Я посмотрела на наших мужчин. Миша резко отвернул голову, наблюдал, не опасна ли я для жены. Поведение моё действительно настраивало на подозрения. Глеб с Мишей говорили, но было не ясно, о чём конкретно. Взяв в руки две башни из стаканов, я отправилась вслед за сестрой.

Оставшееся время гости были сжаты, не чувствовалось лёгкости и непринуждённости. Я понимала: как только семьи окажутся одни, мои уши начнут гореть, ведь не обсудить подобное невозможно. Я же старалась не думать о том, что ждёт меня дома. Молчаливо ела торт и улыбалась, когда слышала шутку, но не потому, что та была смешной,— просто создать картинку вовлечённости.

Мы обнялись на прощание со всеми, как подобает у родственников, и выехали из двора. Глеб включил музыку, разговаривать не хотелось; гадёныш же, наоборот, болтал без умолку, рассказывая, как весело сегодня прошёл день. Мать предлагала оставить ей внука, но мы отказались — не хватало ещё втягивать её в это безумие. Не думаю, что гадёныш способен причинить вред, только мне будет спокойнее, когда он рядом.
— Ну и что мне делать, Лиза?— спросил муж, когда мы остались наедине.— Как жить дальше? Я боюсь представить, что ты можешь сделать с Митькой! Тебе самой не страшно, какой бред ты несёшь?
— Ты просто ничего не знаешь.
— Да уж наслушался за последние дни. Я стал плохо спать, лежу и прислушиваюсь: не зашла ли ты в комнату? Я же не знаю, чего от тебя ждать! Ты же неадекватная! Тебя лечить надо!
— Если ты чего-то не понимаешь, не значит, что этого не существует! Я не могу тебе объяснить на пальцах, потому что сама до конца не понимаю. Просто поверь мне.
— Как? Ты назови хоть одного человека, способного поверить в этот бред! Мы не в кино, Лиза, космических вирусов тут нет или пришельцев.

И если ты этого не осознаёшь, значит, потеряла связь с реальностью.

— Я правда не знаю, что сказать, но мои чувства меня не обманывают.

— Вспомни, что произошло утром. Может, это первый звонок и надо прислушаться? Я поддержу, если ты решишь пролечиться.

— В каком смысле?

— Я не врач, но что это? Шизофрения?

Я задохнулась от возмущения:

— Так вот что ты думаешь! Что я больная и меня к психам надо? Ну спасибо.

— А что подумала бы ты? Ну вот представь, я кричу на каждом углу, что ребёнка заменили, а потом кидаюсь на него с ножом!

Он прав: если смотреть на вещи объективно, то поведение из ряда вон. Нельзя было ничего говорить, пока не было уверенности. Джордано Бруно некогда сожгли на костре за домыслы, лишь позже осознав, что учёный не ошибался. Говорить можно долго, только это ни к чему не приведёт.

— Я устала, пойду приму душ и лягу, если ты не против.

Глеб лишь развёл руками, показывая, что я могу делать всё, что мне вздумается. В эту ночь мы снова спали в разных комнатах. На всякий случай он закрыл детскую, я слышала, как щёлкнул замок с той стороны двери.

Оказалось, что Нина и мать прислали несколько сообщений, переживая за меня. Я ответила, что всё в порядке, просто устала. Пожелала спокойной ночи и вдруг вспомнила, что завтра надо сдавать анализ. Мне пришлось встать и выложить направление на кухонный стол, потом я набрала сообщение Глебу и завела будильник. Лёжа в темноте, я пыталась понять, что будет дальше, пока сон не сморил мой усталый мозг.

Понедельник. День десятый

Глеб мне не верит, он считает, что мальчик растёт, а я схожу с ума, ведь три года декрета никому не приносят развития, наоборот, отупляют и делают из мозга сушёный абрикос. Но я вижу то, что вижу.

Утром пришёл ответ от мужа из соседней комнаты, что он отпросился с работы и сегодня сам отведёт гадёныша в поликлинику. Скатертью дорога. Посмотрим, что скажет он потом, когда выдадут результаты на руки. Будем лечиться от шизофрении вместе, я подожду.

Я слышала, как они прошли в ванную и чистили зубы вместе. Видела бы нас соседка двумя этажами выше, такая милая одинокая женщина, которая постоянно нахваливала нашу семью. Какие мы дружные, весёлые, как нам повезло. До неё не долетают ссоры, а картинка, которую она видит на улице или создаёт по моим рассказам, лжива. Мы дурачим людей, скрывая под золотой обложкой червивое нутро.

Глеб зашёл в комнату и открыл шкаф.

— Доброе утро, что ли? — подала голос я.

— Угу.

— Мы не разговариваем? Чтоб я понимала всю картину.

— Утро, Лиза, утро.

— Ясно. Вы на кровь? Направление нашёл?

— Может, нам стоит пожить отдельно? Пока ты не придёшь в себя.

Он повернулся ко мне, держа в руках джинсы и футболку.

— Ты сейчас серьёзно?

— А закрывать дверь на замок от собственной жены нормально? Ну скажи мне!

— Да потому что это ты параноишь!

— На ровном месте?! Я что, взял и ушёл спать в другую комнату, потому что у меня с головой беда?

— Я тебя не выгоняла.

— Да я не говорю это, просто ты так себя ведёшь, что от тебя можно ждать чего угодно. Ты же при мне пыталась ребёнка зарезать.

— Да хватит уже! Ничего подобного не хотела!

— А со стороны так не казалось. Когда человек бросается с ножом на другого, меньше всего подумаешь, что он ему хочет хлеба нарезать.

— Я не причиню ему вред, клянусь!

— А я не знаю, Лиза, я уже ничему не верю, мне тупо страшно за сына, а ты всё продолжаешь нести пургу.

— Но…

— Короче, запишись к врачу, мы пошли. Пролечи голову, надеюсь, ничего страшного там нет.

Спорить было бесполезно, да и, если честно, у меня не было увесистых аргументов, которые можно привести. Доля правды была в его словах, но я не могла быть объективна в ситуации, где стояла по одну из сторон баррикад. Я видела всё своими глазами и принимала свою правду.

— Пока завтрак приготовлю, — решила я сменить тему.

— Не утруждайся, мы в кафе заедем, дома стрессовая ситуация, не хочу тут быть, не сегодня.

— Ладно, уборкой займусь, придёте, когда появится желание.

Он вышел из комнаты, оставив шлейф раздражения. Если подумать, везде можно найти положительные моменты. Буду наслаждаться одиночеством. Постоянно находясь с ребёнком, начинаешь ценить подобные моменты. Я заправила постель и отправилась в ванную на утренние процедуры. Глеб с гадёнышем обувались в прихожей. Я поздоровалась для приличия, закрыла за собой дверь.

Позже на кухне я открыла холодильник и решила заняться готовкой. Пока есть время, можно сделать несколько блюд на два-три дня, чтоб не стоять каждый день у плиты. Принесла ноутбук, включила фильм — зачем зря терять время, если

можно делать два дела одновременно?—и приступила.

Нина так и не приехала. По голосу я поняла, что она плакала, но признаваться в том, что она поссорилась из-за меня с мужем, не собиралась. Отнекивалась, говорила, что мне кажется, извинялась, что совершенно забыла про какие-то дела, и обещала приехать на неделе, просила продержаться ещё пару дней. Когда-то у нас была общая семья, где мы были самыми близкими людьми. Теперь главное место заняли мужья и дети, и придётся с ними считаться. Я не винила сестру, приоритеты меняются.

От Глеба не было сообщений, я тоже решила о себе не напоминать, включила громко музыку и принялась за уборку. Этакий якобы разгрузочный день, когда можно отдохнуть. Мужья именно так считают, уходя на работу и оставляя нас дома.

По привычке ставлю телефон на беззвучный. Часто получала выговор от мужа или матери, если было что-то срочное, а я не брала. Увидев шесть пропущенных от мужа, я перезвонила не сразу. Прошёл час от первого звонка, последний—пару минут назад. Почему он так настойчиво набирал мне? Что произошло? Сердце забилось сильнее и стучало в горле, сбивая ритм. Здравствуй, тахикардия. Я вытерла вспотевшие ладони и нажала на трубку. Глеб ответил сразу.

— Ты почему не брала?!

— Не слышала. Что-то срочное?

— Он умер.

— Кто он?—я приготовилась к удару.

— Митя.

Я впервые узнала, что муж может плакать. Я слышала его с той стороны и не в силах была произнести ни слова. Как это? Я не понимаю. Что значит—умер? Сердце предательски сжалось и сдавило грудь. Стало практически невозможно дышать. Возможно, я захрипела.

— Лиза, Лиза,—окликнул меня Глеб.

Я слышала ужас в голосе. Но слова доходили через туман, я плыла в вате, меня качало, пока не вырвало. Желудок выворачивало недавней едой прямо на кухонный пол, что меня совершенно не заботило. Он умер?! Но он не может умереть!

— Лиза,—кричал мне в трубку голос.—Что с тобой? Лиза!

В голосе слышны слёзы. Он был бессилен, он ничем не мог помочь, находясь там.

— Он не может умереть, он не настоящий,—просипела я в трубку, пачкая телефон рвотой.

— Чёртова дура! Я говорю тебе, что наш сын умер. *Умер!* Ты вообще можешь хоть что-то осознать?!

Как осознать такое? Мозг силится понять происходящее, но не может сконцентрироваться на подобном, потому что всё иррационально. Не может человек жить—и вот так просто умереть. Чужие могут, свой—никогда. Это непонятно, дико, противоестественно, этого просто *не может быть*! Это не со мной, это с другими, это сон или ещё что-то, но не реальность!

— Ты просто хочешь меня напугать? Это такая терапия? Всё из-за нашей ссоры?—искала я объяснение, пока он рыдал.—Скажи, что это неправда! Скажи!

— Чёртова дура,—лишь повторил он.

Этого не может быть, не может быть, не может быть—стучало у меня в висках. Голос в голове сказал, что надо срочно ехать. Я узнала, где Глеб, и вызвала такси. Меня трясло и подбрасывало. Залив в себя корвалол, я выскочила на улицу, не в силах ждать такси дома. Мне показалось, что оно ехало целую вечность, хотя прошло всего семь минут. Я не помню дорогу, включилась только на холме.

Когда я оказалась там, была толпа зевак, скорая уехала, констатировав смерть, оставила дело полиции, которой надо было докопаться до истины. Свидетели были, они подтвердили, что в тот момент Глеб был в нескольких метрах от ребёнка и не мог быть причиной гибели. Я подошла к краю, и у меня закружилась голова: от высоты, от ужаса происходящего, от того, что я увидела. Внизу стояло несколько человек, один лежал, раскинув руки в стороны, кажется, глаза были открыты, мне не удалось точно рассмотреть. Сердце сдавило: это был Митя. Маленький и беззащитный. И меня накрыла паническая атака.

Время потеряло счёт, знаю только, что наступал вечер. Мы стояли с Глебом и наблюдали, как поднимали тело. Я ничего не спрашивала, он ничего не говорил. В голове постоянно возникал образ живого Мити, где двадцать пятым кадром был труп ребёнка, упавшего с высоты.

Меня отталкивали и не давали посмотреть, но я вымолила, выпросила возможность взглянуть на него. Глаза были закрыты, но это могли сделать сотрудники полиции. Он был в крови! Красная жидкость залила лицо и одежду. Я закричала, до меня только теперь дошло, что я могла жестоко ошибаться. Я потеряла его навсегда, мой сын, мой мальчик.

— Митя-я-я-я-я-я-я-я-я-я-я-я-я,—орала я не своим голосом.—Вставай, вставай же,—трясла я его за кофту.

Глеб обхватил меня сзади и оттащил от тела, пока полицейские быстро засовывали его в машину.

— Нет, нет, нет,—я кричала и не контролировала себя.—Отдайте, это мой сы-ы-ы-ын!

Я толкала мужа, пинала его и пыталась вырваться. Мне хотелось прижимать к себе моего ребёнка, я должна была помочь ему, он не может уйти, дети не должны уходить раньше родителей! Если я потеряю гадёныша, я не смогу вернуть настоящего Митю! Когда закончится этот ужас?

— Митя-я-я-я-я-я-я-я,—орала я истошно, словно это могло помочь, а на руках была кровь, его кровь!

— Смотри, смотри, это кровь,— мои руки тряслись, когда я разглядывала пальцы.— Она настоящая? Скажи, что нет, она не может быть настоящей!

Его просто взяли и увезли на ужасное слово — «судмедэкспертиза». И село солнце — в душе и на небе, и мы погрузились во тьму.

Мы сидели на том самом месте и чувствовали себя опустошёнными. Сколько слов в языке, но ни одно не сможет описать, что творилось в душе. Если бы я знала, если бы я только могла знать, как всё выйдет, я ни за что бы не отпустила их. Ещё вчера я готова была сама убить гадёныша, но когда осознала, что он смертен, поняла, что могла полностью ошибаться. Я, поехавшая с катушек мать, способна была убить собственного ребёнка, видела в нём зло и готова была сама толкнуть его под машину! Неужели я просто спятила и заигралась? Как теперь жить, как унять боль и заполнить пустоту? Нельзя никем заместить дитя, он — часть матери, он вышел из меня, он не должен был умереть.

Я снова разрыдалась и плакала долго. Глеб нарушил молчание, глядя в даль, которая потемнела и была неразличима. Его голос звучал хрипло и треснуто.

— Он сам попросился сюда, ты же знаешь, ему нравится здесь бывать,— он поперхнулся словом.— Нравилось.

Мы немного помолчали. Обычно здесь можно встретить не одного человека, но это днём; зеваки разошлись, торопясь разнести сплетни по домам. Сейчас было безлюдно и тихо, лишь ветер шевелил наши волосы, а до ушей доносился шум воды.

— Я был зол на тебя, мне не хотелось домой, поэтому я повёз его сюда.

— Он был счастлив?

— Что?

— Он был счастлив в последние минуты?

— Думаешь, это важно?

Я пожала плечами. Не знаю, зачем я это спросила,— очередная глупость.

— Он улыбался и кричал мне: «Смотри, папа, я нашёл божью коровку!»

Глеб замолчал и сглотнул, крепко сжал скулы и кулаки, чтобы справиться с очередным наплывом слёз. Я не торопила, он такой же его ребёнок, как и мой.

— Я не думал, что он стоит на краю, я не…

Глеб в очередной раз замолчал, я различала его дыхание, знала, что у него красные от слёз глаза. Кого жалеть в такие моменты? Того, кто ушёл, или того, кто остался?

— Мне казалось, до края пара метров. Он вытянул руку и стал читать детский стишок. Божья коровка…

— Полети на небко, там твои детки кушают конфетки,— продолжила я тихо.

— Это были его последние слова,— Глеб повернулся ко мне, в сумерках я больше различила это по шелесту одежды.— Он упал, Лиза, упал, я подбежал к краю, а он лежал там и не двигался. Это я виноват, я не думал, что там обрыв. Это всё я, я, понимаешь?— голос стал громче, Глеб почти перешёл на крик.

Я не могла сказать ничего в оправдание, сама винила его, родители всегда виноваты, если гибнут дети.

— Думаешь, мы потеряли его навсегда?— спросила я, хватаясь за последнюю надежду, что это всё же был не он.

Душу рвало, я не чувствовала сына, не ощущала его рядом с собой; проще думать, что это был не Митя. Или Митя? Нет, пусть это будет не он, пусть всё будет не так, пусть всё закончится!

Не знаю, откуда брались слёзы, они просто были. Последний день в его жизни мы провели порознь. Когда его не стало, я поняла одну вещь: теперь до правды мне никогда не докопаться. Я заревела в голос. Искала недостатки, когда он был рядом, но вот его не стало, и мне невыносимо больно.

— Я не верю в Бога,— покачал головой Глеб.— Сегодня ещё меньше, чем вчера.

— Нельзя не верить.

— Почему?

— Так наша смерть теряет всякий смысл.

— Нельзя верить в то, чего нет.

— При жизни этого не узнать.

Двадцать четыре кадра весёлого живого Мити, и двадцать пятый — тело. Мозг играл со мной, опрокидывал в реальность, не давая забыть. Я включалась вспышками. В памяти были провалы. Не помню, как оказалась дома. Последнее, что всплывало в сознании,— истерика, накрывшая куполом на том обрыве.

Кто-то позвонил в дверь; кажется, это был мужчина, я не уверена, реальности не существовало. Надо уходить, пора идти туда, где есть мой мальчик, я не могу без него, мы должны быть вместе. Он не мог умереть! Надо мной нависли тени, и я почувствовала укол в вену, но меня это совершенно не заботило. Пусть это будет последнее, что я почувствую.

Воскресенье. День девятый

Открыв глаза, я долго приходила в себя, пытаясь вспомнить, что было накануне. Правая сторона постели была пуста, Глеб ночевал у гадёныша, а ещё сегодня едем к матери. Голова болела. Иногда так бывает: защемляет шейный отдел, и начинаются боли от затылка, потом переходят дальше. Я не любитель таблеток, а если можно справиться другими методами, предпочитаю их. Надела воротник Шанца, помогает в подобном, не знаю, как другим, но я оценила пользу.

Не покидало ощущение, что что-то я не могу вспомнить. Двадцать шестое сентября, не припомню, чтобы у кого-то был день рождения. Может,

в мозгу застряли остатки сна какого-то ужасного? Мне обычно снится всякая ересь, сны всегда яркие и цветные, но их суть исключительно негативная. Нет, не могу вспомнить; может, позже всплывут картинки.

Я была в ванной, когда открылась дверь и забежал гадёныш, он бросился ко мне и прижался к ногам. Я застыла со щёткой в зубах и посмотрела на него.

— Мама, я проснулся, день,—весело заявил он и прижался ещё сильнее.

Я достала его щётку и протянула, он взвизгнул и убежал прятаться. Моё сердце забилось громче, я пошла следом за ним. Мальчик спрятался под одеяло. Я не понимала. Прокручивала последние события: может, это сон? Неужели мне приснилась эта неделя? Но всё было так ярко, так реально. Глеб, где Глеб? Я уже не уверена, что он ночевал в детской. Всё смешалось, спуталось.

— Глеб,—позвала я.

Он откликнулся из кухни. Я вошла к нему и стояла в задумчивости, разглядывая,—наверное, искала подсказки.

— Что?—он оторвался от телефона.—Опять голова болит?

Я потрогала воротник—убедиться, что он всё ещё там. Как страшно сомневаться в каждом действии.

— Немного,—подтвердила я.—Какие планы на сегодня?

— Едем к твоей матери,—растерянно сказал Глеб.— Ты не помнишь?

— Просто спросила. Вдруг у тебя что-то изменилось?

Он недоверчиво посмотрел на меня, а потом снова занялся телефоном.

— А где ты спал?

— Дома,—разговор начинал его раздражать.

— А конкретнее?

Мне надо было докопаться до сути. Может, я часть реальности перенесла в сон и всё смешала. Такой смузи из сна и яви, где неясны очертания реальности.

— Я тебя не понимаю. Что ты хочешь?

— Ну, ты спал в нашей спальне или детской?

— Лиза, мне сейчас стало страшно. С твоей головой что-то происходит, ты не помнишь даже то, что происходило вчера!

— Ой, не начинай, всё я помню, хотела уточнить, может, я спала, когда ты вернулся и лёг рядом. Просто стало интересно.

Я говорила то, что думала. Или он подтвердит мои слова, или я реально больная. Сплю довольно чутко; если бы он пришёл ночью, я бы заметила.

— Я спал у Митьки. После того, что ты несла про ребёнка, я не хочу оставаться с тобой рядом.

Гора с плеч. Правда, сзади маячит ещё одна в виде неопознанного мальчика, косящего под сына. Я вспомнила, что всё ещё не почистила зубы, и отправилась снова в ванную. Позвала оттуда гадёныша, он подошёл и всё-таки стал рядом, взяв свою щётку.

— Мы больше туда не поедем?—спросил он.

— К бабушке? Через пару часов.

— Но там не было бабушки.

— Где там?

Что происходит? О чём он говорит?

— Ну, там, где провода.

— Какие провода?

Мне стало жутко, побежали первые мурашки, ещё фраза—и я покроюсь ими вся.

— Ну, такие,—сказал он и топнул ногой.

Так делал Митя, он всегда злился, когда его не понимали, и топал ногой. Гадёныш так не делал.

Я бросила щётку в раковину и встала перед ребёнком на колени.

— Митя!—заглянула ему в глаза.

— Что, мама?

Это был он. Оставались сомнения, но сейчас мне казалось, что это мой ребёнок, я крепко-крепко обняла его и вдохнула запах. Живой, родной, настоящий.

— Митя,—выдохнула я ему в маленькое ушко, а он засмеялся и сказал, что я его щекочу.—Я так соскучилась, мой котёнок.

— Я не котёнок, я—Митя,—ему никогда не нравилось, что я называю его иначе, чем по имени.

И я тоже рассмеялась.

— Что смешного?—спросил он.

— Ты,—я продолжала улыбаться и не отпускала его.

Но о чём он говорил?

— Где ты был всё это время?—спросила я его.

Уверенности, что он ответит, не было. Но он явно что-то помнил.

— Я был с тобой.

— Здесь?

— Нет, в другой комнате.

— В какой? Опиши её.

— Там были игрушки, дяди и тёти.

— Что они делали?

— Они иногда приходили и делали мне больно, но ты говорила, что надо терпеть, потому что я взрослый.

— Я?

Митя кивнул. Это игра детского воображения? Или я не могу доверять сама себе? Если это правда, почему я не помню? Голова стала болеть сильнее, я схватилась за виски, потому что в них застучало. Где был мой сын? Где была я? Может, это всё сон? Может, я лежу в коме, и это только импульсы в мозгу? Где реальность? Голова кружилась, Митя вытягивался и плавал, нарастал звон в ушах. А потом всё резко прекратилось. Я стояла на коленях в ванной с открытым ртом и приходила в себя. Митя просто смотрел на меня.

— Где эта комната?

Митя пожал плечами. Конечно, что может знать ребёнок?

— Там точно была я?

— Да, ты со мной играла, кормила.

Как это возможно? Как это может быть? Я не понимаю. *Не понимаю*!

— А как выглядели дяди и тёти? В чём одеты?

— У них были такие серые костюмы и какие-то штуки.

— Митя, мы сейчас пойдём, и ты всё расскажешь папе, хорошо?

Он отрицательно покачал головой.

— Ты не хочешь говорить папе?

— Ты просила никому-никому не говорить. Я взрослый, я умею хранить тайны. Ты же сказала, что нельзя рассказывать никому, даже папе!

Это происходит на самом деле. Я посмотрела на свои руки, сначала тыльная сторона, потом ладони. Поднялась с коленей, сполоснула лицо ледяной водой. Чувствую — значит, это реальность? Не в моём случае, во сне я чувствую вкус и боль. Лицо моё, зеркало не врёт, воротник всё ещё на шее. Я рванула приспособление, услышав, как разошлись липучки, и бросила на пол.

— Вы что тут застряли? — Глеб заглянул в ванную. — Всё в порядке?

Я кивнула, смотря на него через зеркало, но глаза мои были испуганными. Заметил он или нет, но ничего не сказал по этому поводу. Надо всё обдумать.

Я пошла на кухню готовить завтрак, оставив Митю за просмотром мультиков, Глеб сел за стол и копался в телефоне. Я попросила его поставить чайник, но вышла какая-то белиберда. Нечленораздельная речь, иногда так бывает, когда начинаешь говорить одно слово, но понимаешь, что другое более уместно, и скрещиваешь их оба. Уверена, у всех такое было. Но сейчас всё иначе. Я забыла слово «чайник», и если бы этим всё ограничилось, я бы была счастлива. Я забыла все слова и как нужно их произносить. Вот так, в одночасье, белая стена в голове и тщетные попытки произнести любую фразу. И тут я увидела Митю. Он лежал на траве, раскинув руки, а я смотрела на него с высоты. Я закричала.

Почувствовала, как трогают за плечо, — это был Глеб. Я стояла на кухне, на меня смотрел муж, в дверях я увидела сына. Живого? Или это галлюцинации? Выглядывающая из укрытия паническая атака и стремление осознать, что происходит. Я таращила глаза на мужа, пытаясь задать вопрос «что со мне?», «что с меной?», и от этого становилось так жутко и мне, и мужу.

«Как?» — закричала я в страхе, но, услышав верную постановку вопроса: «Что со мной?» — не смогла повторить, будто что-то внутри меня всячески мешало снова стать человеком. Глеб тоже выглядел напуганным, но старался успокоить меня, предлагая присесть. В голове же стучала мысль: «Я схожу с ума», — мысль, которую я так и не смогла озвучить в ближайшие пять минут. Я напрягала мозг вопросами, словно экзаменуя себя в логике, будто это могло мне как-то помочь. Я искала подтверждение сумасшествию, когда из памяти выплыла «скорая помощь». Я глядела на мёртвое тело сына, а мои руки были в крови.

«Скорую?» — вопросительно спросила я у Глеба, и это короткое слово далось с большим трудом.

Перезагрузка была запущена; я не знаю причин, но внезапно ко мне стали возвращаться слова. Я смотрела вокруг и узнавала вещи, не все, но многие, и медленно, словно заново училась говорить, произносила короткие фразы, которые давно освоил мой сын. Книжные полки со словарями занимали прежние места, всё возвращалось на круги своя. Только что, чёрт возьми, со мной было?

— Вызвать скорую? — участливо спросил Глеб, его глаза выдавали панику.

Я отрицательно покачала головой и собиралась с мыслями. Было очень страшно, но лишний раз обращаться в ноль-три я не люблю, есть другие, кому должны помочь в этот момент, для кого вопрос действительно стоит ребром: жизнь или смерть. Может, я тоже была в группе риска, но вот отлегло — и стало казаться, что всё в порядке. Конечно, стоит показаться врачу, но не сегодня. Через пару часов надо быть у матери, не отменять же всё из-за случившегося. Наверное, я просто устала и мой мозг играет со мной не в очень приятные игры.

Я крепко обняла мужа; даже не вспомню, когда я делала это последний раз вот так просто. Объятия так необходимы людям, и для поднятия настроения их надо не меньше десяти. Под моими руками была крепкая мужская спина, я уткнулась в его шею, сжимая руки сильнее. Он отозвался, и мою грудь прижало его грудью, во мне рождалось чувство благодарности к человеку, который не был идеален, нет, я прекрасно понимаю, что таких не существует, я сама далека от эталона, но на него можно было положиться. Как бы мы ни ссорились, он всегда оставался со мной, хотя часто говорил, как ему тяжело это даётся. Он терпел мои вспышки гнева и постоянные недовольства по любому поводу, который я находила во всём. Понимала, осознавала после, что это плохой путь, но часто взрывалась.

— Спасибо, что ты рядом, — прошептала я ему на ухо и поцеловала мочку.

Только теперь почувствовала, что мы стоим втроём. Митя тоже прижался к нам и молчал.

— Мне было так страшно, Глеб, я не понимаю, что происходит. Я боюсь чокнуться!

— Лиза, перестань, ты не сойдёшь с ума!

— Мне кажется, что уже сошла.

— Надеюсь, всему есть объяснение.

Я отстранилась от Глеба и села за стол, посадив Митю на колени. Поцеловала его в обе щеки и прижала к себе.

— Ты как? — спросил муж у меня.

— Уже лучше.

— Давай не поедем к тёще, скажем, что заболели. Может, всё-таки вызвать скорую?

Глеб не притворялся, он действительно испугался за свою жену. Что бы ни произошло, мы до сих пор близкие люди.

— Нет, я в порядке.

— Уверена?

Я пожала плечами. Не бежать же сломя голову к врачу? Что они сделают? Засунут в психушку и будут лечить током?

— Давно не видела маму и сестру, хочу съездить.

— Хорошо, как скажешь. Я пойду приму душ, а ты пойди полежи, потом заедем в «Сладкое желание», купим к столу что-нибудь и цветы для мамы. Точно всё нормально?

— Отошла, всё в порядке, — если прислушиваться к ощущениям внутри, было сносно.

Что-то происходит, но зацикливаться сейчас не стоило — кроме панической атаки, мне это ничего более не сулило.

Он вышел из кухни, и я услышала, как включилась вода в ванной. Оставалось два часа, пора привести себя в порядок. Митя убежал обратно смотреть мультики. В комнате я подвела брови и накрасила ресницы. Ничего броского, просто подчеркнуть привлекательность. Блузка и светло-голубые джинсы подойдут, встреча родственников — без повода.

Я погрела молоко для сына и всыпала шоколадные шарики, в наших с Глебом чашках были мюсли. Пора успокоиться, всё пришло в норму, Митя рядом, Глеб поддержит, надо просто отдохнуть.

Мы приехали вторыми. Как оказалось, мать позвала свою родную сестру, её сына с семьёй и мою крёстную. Что ж, я давно не виделась с Максимом. Когда мы были детьми, иногда ночевали вместе у бабушки и творили гадости, как она это называла. Воровали конфеты, портили вещи, не хотели есть невкусный суп или собирать малину. Нина была более покладистой, поэтому бабушка подсовывала ей вкусные сладости и лучшие яблоки и постоянно ставила в пример. Приятно встретиться, вспомнить моменты из прошлого, игры, которых сейчас не знают современные дети, засевшие за гаджеты. В нашем детстве айсбергом удовольствия были мультики по выходным. Мир изменился до неузнаваемости, мы изменились, наши дети стали другими.

Припарковав машину во дворе, где помещалось до четырёх автомобилей, мы вышли во двор, где встретила мама. Она горячо обняла всех и была в приподнятом настроении. Глеб вручил цветы и торт, и мы вошли в дом. Крёстная приехала с сыном, муж предпочёл рыбалку, да она и не настаивала. Женя взял Диму за руку и повёл его в соседнюю комнату, которую мать именовала детской, хотя мы давно уже выросли. Там оставались кое-какие наши с Ниной игрушки, остальное мать докупила для внука в процессе его посещения, чтобы было чем играть у бабушки.

Мы расположились в гостиной, где два больших дивана стояли друг напротив друга. На стене висели ружьё и шкура медведя — последняя добыча отца. Он был заядлым охотником, поэтому в доме многое намекало на его хобби.

Я предложила маме помочь и принялась таскать на стол разные вкусности. Мать была старой формации, где хозяйка всё готовит сама и в большом количестве, чтобы гости просто лопнули от угощений. В процессе еды разыгрывалась одна и та же сцена, где гость уже не мог потреблять пищу, а радушная хозяйка расхваливала блюда и говорила: «Почему вы ничего не едите?»

Когда подъехала Нина, все рассаживались за столом, атмосфера приятная, немного гвалта, как обычно в моей семье, и первые бокалы наполнены. Дочь Максима отправилась к мальчишкам, Даша спала в автолюльке, её совершенно не заботили посторонние звуки. Спустя час мы накрыли стол для детей, и я вызвалась позвать их. Они играли: несмотря на разницу в возрасте, нашли общее занятие и весело проводили время. Я улыбнулась: кажется, всё начинает налаживаться, — и тут снова кадр — мёртвое тело внизу.

Я выскочила из комнаты, тяжело дыша. Прижавшись спиной к стене, смотрела в потолок, силясь понять, почему я вижу это. Обрывок сна? Глубоко запрятанные мысли? Меня трясло. Что всё это значит?

Немного придя в себя, я снова зашла в комнату, нацепила улыбку на лицо и пригласила детей к столу. Они радостно вскочили и побежали мимо меня.

— Митя, — позвала я сына.

Он обернулся.

— Всё хорошо?

— Всё холосо, — ответил он и бросился догонять остальных.

Дьявол кроется в деталях. Это ли не ещё одно доказательство, что я не сумасшедшая? Ну конечно же! Иногда не обращаешь внимания на подобные вещи, только сейчас это ещё один факт. Я должна была поделиться с кем-то. Собравшись выйти из комнаты, я натолкнулась на Глеба, он искал меня.

— Ты как? — спросил он, закрывая за нами дверь.

— В голове тысяча мыслей, но я должна тебе кое-что сказать.

Было видно, как он напрягся.

— Он вернулся.

— Кто? Карлсон?

Шутка была неуместной, но иногда люди не могут отказать своим привычкам.
— Митя вернулся.
— Не понял! Куда вернулся? Он же в гостиной ест.
— К нам. Помнишь, что я тебе об этом говорила?
— Поздравляю! — сказал Глеб, кивнув. — Ты приходишь в себя?
— Надеюсь. Ты помнишь, что он научился говорить «Ш»?
— Конечно.
— Он говорил её без проблем почти две недели, как раз когда я, по-твоему, «сходила с ума».
— И что из этого?
— Сегодня он опять коверкает её.
— Бывает, у меня тоже не всегда всё получается.
— Я понимаю, что научиться чему-то довольно сложно, тем более для ребёнка. Но ты объясни другое: как можно забыть за один день то, что уже умеешь?
— Почему ты никак не успокоишься, Лиза?
— Я хочу, чтобы мне поверили!

Он дотронулся до моего лба, и я почувствовала какой-то импульс, в ушах прозвучал детский голос: «Божья коровка, полети на небко».

Я дёрнулась и смотрела на него широко открытыми от страха глазами.
— Что ты сказал?
— Я молчал!
— Я не понимаю почему, но меня не покидает ужасное ощущение, — меня снова затрясло, я села прямо на пол. — Я вижу его мёртвого, — прошептала я, озираясь, будто боялась, что мои слова могут быть услышаны и претворены в жизнь.
— Кого? — в ужасе спросил Глеб.

Я не могла произнести вслух имя сына, я боялась. Я лишь умоляюще смотрела на мужа, чтобы он сам догадался.
— Ты вообще спятила! — он кричал шёпотом, чтобы нас никто не услышал.
— Я не знаю, у меня в голове какие-то картинки, обрывки, слова. Кажется, ты говорил мне, что он упал, что это ты виноват. Я понимаю, что ты здесь, а Митька в гостиной. Но откуда тогда это в моей голове? — я ударила себя несколько раз ладонью в область виска, пока Глеб не перехватил мою руку.
— Завтра же едем к врачу! Ты сама не справишься! Если не согласна — я забираю Митьку, ему не стоит видеть, как у тебя едет крыша. Когда я читаю новости, как полоумные мамаши выпрыгивают с детьми из окон, то не могу понять, что происходит в тот момент в их головах. Теперь я ближе к истине, но не собираюсь ждать, пока моя семья попадёт в сводки.
— Но это кажется таким реальным. Словно это было со мной, с нами!
— Я всё сказал! А теперь надо идти, не хочу, чтобы твои родственники начали задавать вопросы.

Он первым вышел из комнаты, а я поспешила следом, боясь оставаться со своими мыслями наедине, будто от количества людей в комнате зависели странные видения. Надо отвлечься, иначе так можно просто сойти с ума. Надо занять себя чем угодно, лишь бы не думать, не вспоминать, не копаться в кошмарных видениях, скрытых внутри меня.

Я заняла место рядом с остальными, наблюдая, как Митя ест. Это было неуклюже, по-детски, вокруг валялась еда, рот был испачкан, но никто не рождается с умениями, их надо приобрести, потратив немало сил. Максим рассказывал об их семейной поездке в Болгарию, и все взгляды были устремлены на него.

Жена Максима повела дочь в туалет, и у меня возникло дежавю, словно я уже видела это где-то. Когда ко мне подбежал Митя с той же просьбой, ощущение усилилось. Я не придала этому особого значения: по сравнению с картинами, всплывающими в голове, это была мелочь.

Даша проснулась, и Нина кормила её детским питанием. Как быстро растут наши дети! Не так давно я проделывала это с Митей, а теперь мой мальчик стал взрослым. Я улыбнулась, в душе разливалось тепло. Я вспомнила, как он учился ходить, его первый лимон, его безжизненное тело. Меня бросило в жар. Да что за чёрт?!

Брату захотелось похвалиться дочкой, он подозвал Юлю и попросил показать, как хорошо она умеет танцевать. Сын устроился на моих коленях, и так мы просидели пару минут под общие хлопки в качестве аккомпанемента. Я не хотела, чтобы он уходил, так было спокойнее, я чувствовала сына, я трогала его и была по эту сторону, где он жив. Митя повернулся ко мне лицом.
— Мама, ты для меня всё делаешь, я тебя очень люблю, — он обнял мою голову, а я прошептала ему:
— Только не умирай.

Хорошо, что он не расслышал, иначе бы обязательно переспросил.

Митя сказал слова довольно громко, все услышали и умилились. Моя мать назвала внука «чудом», остальные одобрительно согласились с ней. Мой сын — самый чудесный и замечательный. Любая мать субъективна к детям. Для неё всегда они красивы, даже если это не так.

Моя мать подарила каждому по шоколадному яйцу, и счастье увеличилось в размерах. Надо же, как всё просто у детей! Нужно уметь радоваться любой мелочи.

«Это я виноват, Лиза, я», — снова зазвучал мужской голос. Я встряхнула головой, выгоняя его. В ушах нарастал свист. Никто ничего не должен заметить. Я покосилась на мать, она улыбалась, отпивая вино из бокала. Родителей надо оберегать от стрессов, а не становиться их причиной. Отец ушёл двумя годами ранее туда, откуда нет

возврата,—обширный инфаркт. Мать же довольно впечатлительная.

— Может, выйдем на улицу?—предложила я.

Нужно было срочно на воздух, мои щёки горели, как и всё внутри.

— Дети, не хотите погулять?—поддержала Нина и кивнула мне в сторону.

Она прекрасно видела, что со мной что-то не так.

Мы одели детей и вышли во двор. Перед самым входом стояли машины, поэтому обогнули дом и пошли в сторону детской площадки. Качели, горка и песочница—отец установил это для нас, теперь же всё останется следующему поколению. Как жаль, что он не увидит, как вырастут внуки.

Дашу сестра держала на руках, та таращилась на окружающий мир, изучая его. Я закрыла глаза и вобрала в лёгкие как можно больше воздуха. Он был вкусный, без примесей дыма или выхлопных газов, таким хотелось дышать полной грудью. В этом прелесть дома где-нибудь подальше от скопления машин.

— Рассказывай,—голос Нины.

Мне пришлось открыть глаза и посмотреть в её сторону.

— Кажется, всё закончилось.

— Выглядишь не очень, Лиза. У вас с Глебом всё в порядке?

— Я уже ни в чём не уверена,—пожала я плечами.

Руки в карманах, шея укутана синим снудом, распущенные волосы без шапки.

— Он тоже что-то видел?

Я отрицательно покачала головой.

— Мне пришлось всё рассказать, думала, он поймёт.

— Лиза,—разочарованно протянула Нина и цокнула языком.

— Это уже не важно. Главное—Митя вернулся.

Нина посмотрела на играющих в песке детей, они были самыми обычными, копали яму лопатками, сооружая город.

— Почему мне кажется, что с тобой что-то происходит? Дело теперь не только в Мите? Есть что-то ещё?

— Мы так боимся за своих детей, что порой, даже когда всё в порядке, представляем, как сейчас произойдёт что-то плохое. Знаешь, у меня часто такое напряжение, словно я жду чего-то, как меня позовёт испуганным голосом Глеб и скажет нечто ужасное про Митю, или я сама увижу это. Казалось бы, что тебе ещё надо? Живи и радуйся. А я живу с оглядкой: вдруг с ним что-то случится? Что я буду делать?

— Это нормально.

— Думаешь?

— Это материнский страх. Когда я вернулась из роддома с Дашкой, то первую ночь вскакивала с криками, мне постоянно казалось, что она не дышит. В больнице я была спокойнее, видимо, ощущала себя под защитой, а тут поняла, что я отвечаю за всё. Я почти не спала, боялась, что усну, а она задохнётся, и как только засыпала, мозг будил меня жуткими картинами. Мне казалось, что ночь никогда не закончится.

«Смотри, мама, божья коровка!»—крикнул мне Митя, протягивая руку к небу.

Дежавю. Гул и писк нарастали. В ушах шумело море, на самом деле это наш кровоток, который мы способны услышать через ракушку; жаль, что удивительное заканчивается в детстве и, становясь взрослым, ты узнаёшь истинную суть вещей. Мы стояли на обрыве, я чуть поодаль, а Митя на самом краю.

Нет, нет, нет,—зашептала я одними губами и бросилась к нему.

— Мне больно,—сказал Митя, вырываясь.

Мы стояли около забора во дворе моей матери, я цепко держала сына за плечи, а он был напуган.

— Где божья коровка?—в моих глазах блестели слёзы.

— Мне больно, мама.

Я разжала руки, и он освободился.

— Где?—радостно переспросил Митя, оглядывая траву.

— Ты же только что держал её на руке!

Митя осмотрел свои руки внимательно, потом локти, затем перешёл на куртку.

— Она была здесь?—спросила я, указывая на его ладонь.

— Здесь?—он непонимающе смотрел на руку.

— Лиза! Что случилось?—сзади стояла Нина.—Ты так быстро побежала.

— Я не… я не понимаю.

— Лиза, ты такая бледная. Что с тобой?

В который раз за меня беспокоится близкий человек. Митя уже отошёл в песочницу и снова занялся делом.

— Ты меня пугаешь,—Нина чуть не плакала.

Я собрала все силы и улыбнулась. Осталось продержаться немного, ещё пара часов—и можно ехать домой.

— Просто показалось, что он нашёл стекло,—соврала я.

Не хотелось грузить сестру, не хотелось ничего объяснять и тем более описывать страшный кадр. Момент, когда я готова была открыться, ушёл. Я перевела тему, которую Нина восприняла охотно, и через полчаса мы зашли в дом. Вспышек больше не было.

Мать достала гитару отца, и Максим перебирал струны. Универсальный солдат, он мог рассказывать анекдоты, истории из жизни, петь и аккомпанировать. Отлично провели оставшееся время под знакомые песни, шутки и детские воспоминания. Удалось забыться и снова почувствовать себя нормальной.

Мы обнялись на прощание со всеми, как подобает у родственников, и выехали из двора. Глеб включил музыку, а я держала Митю за руку, прильнув к его голове. Говорить не хотелось, просто молчать, покачиваясь в машине, катящейся по дороге. Муж изредка смотрел назад через зеркало, я зарабатывала доверие.

День был действительно тяжёлый; бывают такие, которые начинаются и никак не могут завершиться. Они длинные и вязкие. Время растягивается и превращается в кисель, сквозь который ты пытаешься дойти до конца.

Митя уснул, я валилась с ног, хотелось отдыха.

— Я устала, пойду приму душ и лягу, если ты не против.

— Я тоже скоро, завтра на работу же.

Стоя под тёплой водой с закрытыми глазами, я наслаждалась. Не хотелось двигаться — просто стоять и чувствовать, как по коже текут струи, смывая всё, что приклеилось: пыль, пот, косые взгляды, осуждения, плохой день, в конце концов. Я настроилась на приятные воспоминания: первый раз держу Митю на руках, мы с мамой и папой на море, а вот и робкий поцелуй Глеба. Я улыбалась, воспоминания наполняли жизнью и счастьем.

«Он умер».

«Кто он?»

«Митя».

«Лиза, Лиза, что с тобой? Лиза!»

«Чёртова дура! Я говорю тебе, что наш сын умер. *Умер*! Ты вообще можешь хоть что-то осознать?!»

«Митя-я-я-я-я-я-я-я-я-я-я-я-я, вставай, вставай же».

Я оперлась рукой на кафель и тяжело дышала, словно только что пробежала не один километр, с волос стекала вода, я всё ещё в душе. Моё тело здесь, но где разум? Я уверена, что он не выдумывает, нет, он… вспоминает?! Кожа покрылась мурашками, хотя в ванной было очень жарко. Я зажмурилась и снова стала копаться в памяти, где-то сидело то, что рвалось наружу, ужасное и страшное, но я была обязана найти его.

«Смотри, смотри, это кровь. Она настоящая?»

«Он был счастлив в последние минуты?»

«Думаешь, это важно?»

«Божья коровка…»

«Это я виноват, я не думал, что там обрыв».

«Я не верю в Бога».

Я резко выключила воду и оделась. Если я вспомнила, Глеб тоже должен.

Он всё ещё был на кухне.

— Глеб, — я взяла руками его лицо и смотрела в глаза. — Вспомни: ты был там? Ты же там был!

— Где там?

Серые глаза отражали меня, я видела очертания своего лица, а ещё усталость — не мою, мужа. Он не отстранялся, просто смотрел на меня. В нависшей тишине лишь звук часов оставлял в реальности.

— Красный гребень, вы ездили туда с Митей.

— Конечно, ездили. И что? Ты с нами была.

— Нет, не в тот раз. Вы были там вдвоём!

Его глаза устремились вправо-вверх, так мы подключаем зрительную память, для того чтобы воспроизвести события. Ну же, ну же, давай, вспомни.

— Месяц назад, наверное. И что?

— Нет, — разочарованно покачала я головой, — недавно, я не знаю, вчера это или когда, всё так запутано, но там кое-что случилось!

Глеб отстранился, контакт пропал.

— Лиза, я так устал от всей этой чуши про пришельцев, мёртвых собак и прочей ереси. Давай доживём спокойно до завтра, а вечером сходим к врачу, найди пока какого-нибудь, отзывы почитай, чтоб нормальный был.

— Попробуй ещё раз, пожалуйста, это очень важно. Если ты вспомнишь, это многое изменит!

— Да я тебе говорю, последний раз был там месяц назад где-то. Это у тебя проблемы с памятью, ты не помнишь, что делала на прошлой неделе.

Я громко выдохнула воздух и закусила губу.

— Пожалуйста! Закрой глаза, представь место, там, где обрыв.

— Да, блин, ты достала.

— Ну тебе же ничего не стоит!

Я чувствовала нервозность, он готов был сорваться и уйти, но всё же был со мной.

— Всё, закрыл, — в голосе злость. — Что дальше?

— Просто постой так, представь гребень.

Какое-то время мы молчали, я различила его дыхание, даже в нём не было спокойствия, мы оба были людьми за тридцать, с расшатанной психикой, годы и происходящее здоровья не добавляли.

— Бли-и-и-ин, — протянул он и открыл глаза.

— Ты увидел, да?

Неужели всё получилось? Он тоже вспомнил события. Я смотрела на него с надеждой, что сейчас он подтвердит всё. Он цокнул языком:

— Мне на завтра надо было договор подготовить, я вообще забыл с твоими финтами, боялся за Митьку. Капец, выспался Глеб.

— И всё?

— Чего всё, Лиза? Ты слышишь, что говорю? Вы будете спать в тёплых постельках, а папа данные вставлять. Зашибись. Ты потому с катушек и съехала, что в декрете сидишь и ни фига не делаешь.

Это было верхом наглости. Я задохнулась от возмущения. Пусть я не ходила на работу, но всё моё время уходило на ребёнка и домашние дела. Это не видно, конечно, только если не делать простых вещей, сразу все заметят. Он говорил зло и смазывал слова ядом, пропитывал желчью, так мы хотим уколоть дорогих нам людей, потому что внутри всё клокочет. Мы стали чужими, два родных человека в одной комнате по разные стороны

стены, состоящей из обид, непонимания, разочарований и злости.

Смысла парировать не было, я просто вышла из кухни, оставив его наедине с ночью, мне было до слёз обидно и горько. Боясь, что у меня снова заберут Митьку, я отправилась в детскую и легла, уткнувшись носом в его затылок. Разочарование легло со мной в постель, подоткнув одеяло. Я думала о том, что произошло со мной в последнее время. Зачем они это сделали? Кто эти люди, почти разрушившие мою семью? Люди ли?

Оказалось, что Нина прислала несколько сообщений, переживая за меня. Я ответила, что всё в порядке, просто устала. Пожелала спокойной ночи и вдруг вспомнила, что завтра надо сдавать анализ Мите. Сегодня решила остаться в комнате сына, Глеб возражать не стал. Завела будильник. Лёжа в темноте, я пыталась понять, что будет дальше, пока сон не сморил мой усталый мозг.

Понедельник. День десятый

Я плохо спала, постоянно открывала глаза, чтобы убедиться, что сын рядом. Гладила его мягкие волосы, трогала лоб. Он негромко сопел, спал, в этом можно было не сомневаться. Но чувство потери не покидало. Я обнимала его, слушала дыхание, но страшилась, что в любой момент всё может закончиться и я снова окажусь в том мире, где его нет. Но пока я всё ещё была с ним здесь и сейчас.

Разбудил меня всё же будильник, под утро удалось задремать. Я не сразу поняла, зачем он звонит, выключила и немного полежала, приходя в себя. Меня зовут Лиза, рядом мой сын Митя, сегодня понедельник, двадцать седьмое сентября.

Глеб уже встал и готовил завтрак, а может, он и не ложился вовсе. В любом случае выглядел он лучше меня. Многие мужчины вообще считают, что женщины придумывают себе заболевания и любую паническую атаку можно вылечить парой стаканов коньяка. Если бы мне помогал этот метод, я бы с радостью приняла такое лечение, только ни черта не работало. Наряду с современными технологиями, которые были недоступны нашим родителям, мы приобрели неврозы, психозы и прочую гадость. Хорошо, что остались люди, способные решить проблему просто и не загоняясь, но я не такая, и многие мои знакомые тоже сами не способны справиться, хотя у нас довольно сносная жизнь, хорошая, если быть точнее.

Только всё равно накрывает: в магазине, дома, перед сном, в гостях, в одиночестве, с людьми, в закрытом пространстве и открытом, на ровном месте, в любое время и в любой момент. Я раньше гасила, справлялась, думала, всё зависит только от меня, что я способна контролировать эмоции, голову, но всё выходит из-под контроля, да чего там, всё уже вышло и надо тормозить, пока я понимаю, что сегодня двадцать седьмое сентября, а меня зовут Лиза.

Я привела себя в порядок. Мешки под глазами выдавали усталость; хорошо ещё, что глаза не красные. До выхода минут двадцать, могу позволить себе чашку кофе, чтобы взбодриться.

— Ты спал? — спросила я у Глеба, зайдя на кухню.

Вот такие нынче отношения: вроде семья, живём под одной крышей, а с мужем по разным кроватям. Даже не знаю, ночевал он дома или нет.

— Пару часов, — он отпил из кружки горячий чай. — Ты чего так рано встала?

Я открыла банку с кофе и насыпала две ложки в чашку; не люблю быстрорастворимый, но сейчас мало времени.

— Мите надо анализы сдать, я тебе говорила, что прежние не получились.

— Ясно. Врача нашла?

Я сверлила его спину огненным взглядом, отпивая напиток; он повернулся ко мне в затянувшемся молчании.

— Что не так, Лиза?

В принципе, всё было так, но невозможно взять и так просто согласиться с мужем, признать, что я неправа, что всё это время вела себя странно, и отказаться от всех слов, сказанных по поводу гадёныша.

— Да всё отлично! Просто мой муж считает меня сумасшедшей.

— Нет, я лишь говорю, что тебе нужна помощь.

Он посмотрел на часы и встал, оставив недопитый чай на столе.

— Мне пора. Запишись на вечер, сходим вместе, Митьку можем бабушке завезти.

Глеб чмокнул меня в щёку, я ничего не почувствовала, хотя если смотреть по шкале эмоций, то ощущения ушли в небольшой минус. В такие моменты лучше никак: без касаний, объятий и поцелуев. Я не могу адекватно воспринимать нежности, когда нет настроения. Но не говорить же подобное мужчинам, они наверняка решат, что рядом с ними живут неадекватные истерички.

Я только угукнула и проводила Глеба взглядом. Когда за ним закрылась дверь, я отправилась к Мите, время пришло. Он проснулся не сразу, узнаю сына, я будила его, а он ползал по кровати и говорил, что хочет спать. Всё-таки с гадёнышом было проще. Удивительно, раньше я сравнивала Диму с Митей, а не наоборот. Я невольно улыбнулась. С чего вообще мне верить себе, что он был? Что я не придумала себе эти две недели, что мне не приснилось? Я не могу с уверенностью сказать, где я была несколько дней назад, потому что я уверена, что видела распростёртое тело внизу, я помню ночной ветер и наш разговор с Глебом. Но как это могло быть, если Митя жив?

Помогла сыну умыться и почистить зубы, быстро оделись и вышли на улицу. Я держала маленькую ладошку крепко, особенно на перекрёстке,

ведь теперь я осознавала как никогда, что я могу его потерять. На меня накатывала волна страха, а мозг рисовал ужасные картины возможного. Внезапно я остановилась как вкопанная: но ведь этот день уже был! Именно сегодня всё произошло!

Я уставилась на Митю, мысли бурлили, я собирала их в цепочку, но что-то ускользало. Машины стали сигналить, я не сразу поняла, что мы стоим почти на середине дороги, зелёный человечек сменился красным. Я побежала на тротуар, таща за собой Митьку, который почти повис на одной руке. Прохожие смотрели с презрением на сумасшедшую мамашу, которая подвергла угрозе жизнь ребёнка. Одна из бабулек не преминула сказать в мой адрес что-то нехорошее, я не вслушивалась, мне было плевать на её мнение, я сама понимала, что, опасаясь за сына где-то в воображении, чуть не угробила его в реальности.

Мы перешли ещё один перекрёсток, я крепко сжимала маленькую руку. Митя пожаловался, что ему больно, и мне пришлось ослабить хватку. Может, это настолько ясный сон, что всё стало казаться реальным? Наверное, со стороны можно было подумать, что я пьяна, мои широко открытые глаза, неясный блуждающий взгляд насторожили медсестёр, когда мы вошли в кабинет. Они переглянулись и указали мне на кресло, куда нужно было сесть самой и посадить на руки ребёнка. Я сделала всё, как было сказано, второй раз за неделю. Митя съёжился на моих коленях, я почувствовала его страх и обняла, оставив вторую руку ребёнка для анализа.

Он плакал, а я снова представляла его маленькое тело и радовалась, что он здесь и сейчас, я была благодарна слезам, скользящим по раскрасневшимся щекам. Дура? Нет! Они говорили, что он жив, что он чувствует. Да, ему больно, но слёзы доказывают, что он живой человек! Я не могла припомнить, когда подобное вызывало во мне не волнение, а успокоение. Не это ли доказательство, что я психически неуравновешенная? Ответ на вопрос я неспособна дать, я некомпетентна здесь.

Я уточнила, что анализы будут готовы сегодня после обеда. Раньше я не торопилась с результатами настолько, обычно забирала через пару дней, но только не теперь. Этот листок с данными был необходим как воздух.

Я купила Мите шоколадное яйцо, чтобы повысить гормон радости в организме, и вот уже весёлый ребёнок спешит домой, чтобы раскрыть секрет, спрятанный внутри. Было бы всё так же просто со взрослыми, но нет. Мне хотелось, чтобы этот день поскорее закончился. Я не должна выпускать из виду своего ребёнка, меня не покидало ужасное предчувствие, а когда в обед позвонил Глеб и предложил съездить на Красный гребень, я вспылила. И мы в который раз поругались. Он ничего не помнил, он ничего не понимал, а я была для него лишь матерью с гиперопекой. Я запуталась, потерялась, уже сама была ни в чём не уверена.

Я закричала, меня тошнило от карусели, в голове схлестнулись тысячи мыслей и образов. Неужели я схожу с ума? Митя смотрел на меня с испугом, я стояла на кухне, зажав уши руками. Не в моих силах было контролировать процесс.

Я поняла одно: моя психика не способна выдержать подобное, я слишком слаба для этого; чтобы жить дальше, мне нужна квалифицированная помощь. Я пришла к тому, что мне не важно, было это или нет, всё равно правды мне не найти, но двигаться дальше, туда, где я буду стареть рядом со своей семьёй, я должна. Медикаменты, выписанные мне неврологом месяцем ранее, не справлялись, она предупреждала, что есть вероятность перехода на транквилизаторы, но попробовать что-то проще стоило. Что ж, не вышло, нервное напряжение только нарастало, подключив нечто необъяснимое. Не думаю, что это галлюцинации, я видела и чувствовала происходящее наверняка. Хотя кто из сумасшедших готов признать обратное?

Я успокоила Митю, солгав, что у меня просто заболел живот, а теперь всё в порядке. Мы позавтракали и наслаждались обществом друг друга до обеда. По крайней мере, я растворилась в сыне, мне не хотелось выходить на улицу — просто играть с ним, читать, а потом он уснул в моих объятиях. Я лежала рядом, открыв браузер, и искала врача. Дальше тянуть бесполезно, я должна признать это и признаю́.

Мне удалось найти то, что я искала, и через полчаса я была записана на встречу. Мне повезло: видимо, звёзды так совпали, что не пришлось ждать месяц, чтобы попасть к приличному специалисту. Кто-то отменил приём, и мне досталось его место. Я написала мужу сообщение и отправила, он ответил немного погодя, что будет дома около шести. Первые шаги примирения были сделаны.

Когда Митя проснулся, мы перекусили и отправились за результатами анализа. На этот раз непонятной формулировки не было, да и все показатели были в норме, так что волноваться было не о чем. Кроме того, что сегодня всё ещё понедельник. На меня снова нахлынуло: «Божья коровка, полети на небко». Я прижалась к сыну и боялась отпустить.

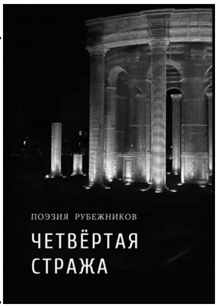
— Только не уходи, — шептала я ему, а он не понимал, что с мамой.

Когда Глеб вернулся с работы, я была готова. Мы сели втроём в машину, я не была готова отпускать от себя Митю, так мне было спокойнее, к тому же не хотела, чтобы Глеб был со мной на приёме. Он настаивал, но для меня подобное казалось неуместным, я должна была оголиться, раскрыть всё, что тревожило последнее время, без стеснения, без оглядки на то, как отреагируют другие.

Специалисту подобное можно доверить, это смелый шаг для меня, но я понимала, насколько это важно, мне стоило выпустить своих демонов, чтобы очиститься. Но быть настолько откровенной, зная, что у исповеди два слушателя, я не готова.

Я спокойно объяснила Глебу, насколько мне важно, чтобы они были рядом, два самых близких человека, что мне так необходима их поддержка, но только не в кабинете психотерапевта. Он услышал меня, остался вместе с сыном за дверью. Не знаю, чем они занимались почти два часа, но для меня время пролетело незаметно. Я говорила и говорила, а меня слушали, изредка, когда я сама делала паузы, задавая вопросы. Была ли я первой, кто поведал подобную историю, или же повторяла чей-то рассказ? Врачебная тайна работала, я попробовала пару раз поинтересоваться, но поняла, что ничего из этого не выйдет.

Я покинула кабинет с двумя рецептами и обещанием вернуться после ряда обследований.



Поэзия рубежников

Четвёртая стража

Ridero, 2021

На рубеже, или О рубежниках и страже

Qvarta vigilia — это эон, в котором пребывает современный мир. Такова концепция сборника «Четвёртая стража» — мерцающий абрис той выразительности, к которой устремлена коллективная лепта его авторов. Это состояние действительности, разомкнутой и разворошённой, и человека, вслушивающегося в хаотическое разноголосие своих чувств. Впрочем, ни концепцией, ни искомой выразительностью стихи «Четвёртой стражи» не исчерпываются. Представленные в нём поэты связаны не только местом и временем, но ментальным беспокойством явленного в стихах мира воображаемого. Vigilia — бдение — ракурс видения дневной яви, превращающий заскорузлое бытование.

Увиденное не вмещается в отведённые для него понятия, и речь, свидетельствующая о нём, ищет воплощения в практике службы — будь то литургия, охрана общественного порядка, тайное радение в катакомбах гнозиса или экзистенциальное хождение по бездорожьям судьбы. История русской поэзии хранит память о «Третьей страже»; но этот сборник окликает, пожалуй, не Валерия Брюсова, а библейского царя Давида, коротавшего бессонные «ночные стражи» (Пс. 62:1–12) размышлениями о Господе. Это окликание — подтекст художественной действительности, созданной коллективной силой авторов сборника, не тех или иных стихов. Тревожной действительности последних предрассветных часов, балансирующих между чаяниями и отчаянием, приближением к вере и её ускользанием, когда гнетёт тяжесть накопленного за годы и десятилетия и — следом — томит лёгкость взвивающейся в пустоту растраченной жизни; а может быть — и то, и другое разом. Возникающие в эту пору переживания противоречивы: в их противоречии нет системы, делающей твёрдой почву для стояния на чём бы то ни было — добре, зле или цинизме. Главное здесь — поиск божественного света и истинной любви…

Читатель находится в более выгодном положении, чем поэт. Поэтическая речь, по Михаилу Бахтину, монологична, слова — «ничьи», и, создавая стихи, поэт оказывается по большому счёту беспочвен: равен себе и собой в себе не узнан. Иное дело — читатель. В собранных в «Четвёртой страже» стихах речь сплетается в непредсказуемый в резких изгибах мысли и многокрасочный в оттенках скоротечных эмоций диалог, в котором читатель способен увидеть себя в становлении своего бытия, в котором ничего ещё не решено и одновременно уже ничего не изменишь. Диалог, дающий надежду взыскать заповеданную витальность, которую мир некогда обрёл в даре Слова.

Олег Николаевич Мороз
доктор филологических наук

Ирлан Хугаев

Индекс Хирша

Первая любовь

В первый раз я влюбился в пятом классе. У неё были золотистые вьющиеся волосы, синие глаза и стройные гладкие икры. И ходила она очень красиво, как не ходят пятиклассницы. Каждый её шаг отдавался музыкой в моём сердце, словно она носила на лодыжках невидимые браслеты с бубенцами.

Она занималась балетом. С тех пор, как я случайно об этом услышал, балет стал интересовать меня больше, чем футбол и хоккей. Балет в то время показывали по телевизору не реже, чем спортивные состязания. Я узнал, что такое деми плие, батман тандю и рон де жамб, а также тюники и пуанты. Я не сомневался, что она будет знаменитой балериной, как Адырхаева и Плисецкая. В каждой балерине я видел её, и я смотрел и томился невнятными желаниями. Я никак не мог понять, что меня беспокоит. Я словно хотел схватить рукой парящее в солнечных лучах пёрышко, но оно снова и снова ускользало из моей ладони вместе с воздухом.

Я никогда с нею не говорил. Из всех девочек нашего класса с ней одной я никогда не перемолвился ни словом. Не то что я избегал её, но мне ни разу не представилось повода, а без повода это было невозможно. К кому угодно я мог подойти, чтобы сказать какую-нибудь глупость, но не к ней. Только однажды мы столкнулись в школьном гардеробе: наши куртки оказались на соседних крючках. Одновременно потянувшись к крючкам, мы посмотрели друг другу в глаза, а потом быстро разошлись в разные стороны, каждый со своей курткой, будто чем-то друг друга обидели. С тех пор я смотрел на свою куртку как на предмет незнакомый и таинственный, потому что она соприкасалась с её курткой, и надевал её с благоговейным трепетом.

В то время у девочек была мода на анкеты: они заводили толстую тетрадь, украшали её наклейками и собственными рисунками и виньетками и записывали в ней вопросы, на которые комунибудь предлагалось ответить. В одной из таких анкет я случайно увидел её страничку. Я узнал, что её любимое блюдо — салат «Московский», любимый напиток — лимонад «Буратино», любимая книга — «Хоббит, или Туда и обратно», а любимый популярный исполнитель — Джо Дассен. Салат я ел, лимонад я пил, хотя никогда не сознавал, насколько это изысканно; а вот Джона Толкина не читал и Джо Дассена не слушал.

Книгу я нашёл только в городском читальном зале и прочитал её, вместе с предисловием и примечаниями, в три присеста, просиживая над ней до вечера. Так я узнал, что есть наука филология и профессора, которые пишут ни на что не похожие сказки. Весь мир Средиземья, от Хоббитона до Железных холмов и Бурых равнин, был озарён её призрачным присутствием, и нередко мне мерещились её синие глаза в теснинах Туманных гор или в чащах Лихолесья; меня восхищало, что она тоже ходила этими опасными тропами, что гномы, эльфы и отважные люди Эсгарота, несомненно, помнили её... Потом я выпросил у папы денег и купил грампластинку с песнями Джо Дассена в красивом картонном конверте с его портретом. Я с грустью отметил, что совсем на него не похож, и внимательно, с пристрастием, прочитал статью о его жизни, которая была напечатана с обратной стороны. Так я узнал, что есть шансон, Таити, Полинезия и французские евреи американского происхождения.

Благодаря ей у меня развилось шестое чувство. Или открылся третий глаз: я научился видеть не глядя. Её парта была сзади и справа, через ряд, но я каким-то образом угадывал каждое её движение и слышал каждый вздох. Всякий раз, подходя к школе, я заранее знал, в какой она стороне, в какой толпе девочек она стоит, и тем более я безошибочно предчувствовал, если её нигде не было. Когда она простужалась и пропускала уроки, я искренне недоумевал, что уроки проходят по-прежнему, что школу не закрывают.

А потом её семья переехала в другой город. Потому что её папа был военный и получил новое назначение. Далеко, на Север. Я нашёл на карте город Полярные Зори и всматривался в эту едва различимую точку, впервые осознав огромность мира. Я стал изучать Север. Я забывал о домашнем задании, зато, набрав в школьной библиотеке книг о Севере, читал про белых медведей и песцов, про оленей и тюленей; я узнал о северном сиянии, о Полярной звезде и полярной ночи, о вечной

мерзлоте, о заснеженных степях, в которых добывают алмазы, нефть и газ. Мне было это очень важно, важнее всего на свете. Я похудел и стал получать двойки и тройки.

— Что с тобой? — спросила мама.

— Он влюбился! — крикнула моя младшая сестра.

— Правда?.. Ничего, пройдёт. Первая любовь всегда проходит. Потому она и называется первой.

Мне было неловко узнать, что я влюбился. Нет, я, пожалуй, и сам знал, что влюбился, а всё-таки мне было стыдно и как-то жутковато услышать это со стороны, как если бы речь шла о предательстве. Я знал про любовь, что можно любить маму, папу, сестёр… Но постороннего, чужого человека, даже не соседа — с чего бы?.. Я призадумался; что-то подсказывало мне, что для этого чувства нужно было другое, особенное слово. Потому что в нём было что-то как бы неправильное, потаённое и запретное, как во всём, что особенно сладко, как в дефицитном тогда шоколаде.

Потом передали по радио, что умер Джо Дассен. Я представил себе, как она горюет в своих Полярных Зорях, и горевал вместе с ней. Я целый день слушал пластинку Дассена и завидовал его бессмертной славе…

Прошло сорок лет, и однажды ночью, бессмысленно глядя в тёмный потолок, я вдруг почему-то ясно и близко увидел её золотистый хвостик, перехваченный чёрной резинкой, гладкие, ровные икры и большие синие глаза, которыми она на меня взглянула тогда, в гардеробе. Я с особой остротой заново пережил то мгновенье, и почему-то мне пришло в голову, что она тоже если не любила меня, то как-нибудь меня отличала, выделяла среди других мальчишек. Улыбнувшись этой праздной догадке, я представил себе её нынешний облик и образ жизни, её дом, большую семью и мужа, возможно, бородатого полярного исследователя, с которым они, обнявшись, стоя у окна, любуются северным сиянием. Я знал своим шестым чувством, что она, хоть и не стала знаменитой балериной, была счастлива, и был счастлив за неё.

Первая любовь — наш первый учитель. Через неё мы познаём мир по-настоящему, бескорыстно, не ради отметок. Да, всё прошло, как обещала мама. И всё же что-то осталось. И то, что осталось, не проходит и никогда не пройдёт. Я уже не люблю её так, как любил когда-то, зато люблю так, как никогда: как девочку, которую когда-то любил. Любить родных — это одно, а чужих — другое. Любовь к родным в чём-то походит на любовь к самому себе, а через любовь к чужим мы любим весь мир и роднимся с остальным человечеством. И всё же не зря два этих разных чувства называются одним и тем же словом. Любовь — наш третий глаз и шестое чувство. Любовь — конец одиночества. Любовью связаны все люди на земле. И те, что есть, и те, что были.

«W»

Я лежал, не открывая глаз, под впечатлением только что увиденного сна. Мне приснились стихи. Точнее, мне приснилось, как я, встав с постели, освежился в ванной, почистил зубы, прокашлялся и, сварив кофе и устроившись в кабинете, закурил, — и тут мне пришли в голову стихи, которые я и записал с ходу, почти ничего не поправляя, мгновенно решая в уме десятки коллизий и выводя оптимальные формулы. Потом я сидел и перечитывал их снова и снова, крайне собой довольный.

Фабула сна была тривиальна и даже глуповата ввиду методичности, с которой мой герой выполнил утренние процедуры, но стихи были очень хороши — это я, когда проснулся, знал доподлинно, и поэтому был сильно раздосадован тем, что никак не мог их вспомнить. Я помнил утреннюю негу, шум воды в кране, запах кофе, изящную струйку папиросного дыма, край светового пятна от торшера, который лежал на отброшенном в сторону тапке, а стихов не помнил. В памяти удержалась только первая строчка, а всё стихотворение — там было, в этом я тоже мог себе поручиться, четыре великолепных катрена — испарилось, оставив на ментальной сетчатке только мутный негативный отпечаток строф, первая из которых завершалась приметно более длинной строкой, и эфемерный образ развития мысли, почему-то ассоциируемого моим подсознанием с латинской буквой «W». Лёжа в кровати, я предпринял несколько судорожных попыток восстановить разом всё построение, опираясь на этот с каждой минутой всё более ветшающий образ целого, лихорадочно поворачивая его так и этак, ставя вверх тормашками и кладя то на один бок, то на другой. Когда я увидел, что мне это не удаётся, я решил действовать иначе.

Поднявшись, я записал, от греха подальше, запомнившуюся первую строчку, затем освежился, не спеша почистил зубы, как следует прокашлялся, сварил кофе, сел за стол и закурил. Усилием воли я заставил себя отрешиться от общего лирического чувства, сопутствовавшего моему сновиденному опыту, и сконцентрировался на записанной первой строке, замерев, как паук в центре своей паутины, как ловец снов, подвешенный на гвоздик.

Передо мной было пять самых обычных слов, из тех, что в течение дня мы повторяем по нескольку десятков раз. Я неотрывно и внимательно, словно под лупой, рассмотрел каждое в отдельности, прислушиваясь ко всем порождаемым ими обертонам, затем их совокупность, заставляя звучать их одновременно, затем их последовательность, снова и снова проделывая один и тот же путь, но отмечая новые обстоятельства и нюансы. Я перебрал все возможные рифмы, но ни одна из них не намекнула на разгадку; напротив, они казались совершенно чуждыми и банальными.

Однако, проделывая шаг за шагом различные мыслительные операции, я сталкивался с явно знакомыми дилеммами. «Так, здесь я уже был, был...» — говорил я себе, зайдя в какой-нибудь тупичок и рассеянно осматриваясь, и это укрепляло мою надежду найти рано или поздно выход из лабиринта. У меня уже зарябило в глазах и буквы заплясали как живые, когда, отвечая волнительному предчувствию, — так что я успел шепнуть: «Тепло, тепло...» — вдруг будто треснула нежная древесная корка — и саженец строки пустил знакомый из сна боковой побег. Боковой — потому что был обусловлен не столько значением всей строки, сколько провокацией, таившейся в третьем слове. И сразу же в моём сознании вспыхнула перекрёстная рифма третьей строчки — именно одна из тех, что я отвергал с упорством и презрением; потом, чисто логически, я восстановил вторую строчку, и уже сама собой восстала из праха забвения четвёртая, самая длинная ввиду большого количества согласных букв, — и я с удовольствием признал, что контур первой строфы в точности совпадает с отпечатком негатива, сохранившимся в моей памяти.

Я значительно продвинулся: теперь у меня было целых четыре строки, а неизвестных оставалось всего лишь двенадцать. «Всего лишь!» — повторил я с горьким сарказмом: ведь, с другой стороны, у меня не было уже ни одной рифмы, — и холодок отчаяния пробежал у меня между лопаток. Я, казалось мне, стоял уже перед неразрешимой задачей, ибо я никак не мог увидеть, при всём техническом качестве первого катрена, чтó из него следует; лучше сказать, в нём, именно ввиду афористически отточенной формы, было всё, чтобы считать его законченным текстом. Присмотревшись, я различил умозрительно несколько возможных его метастазов, разнящихся по пафосу и содержанию, но ни один из них не сулил ожидаемого эффекта. Я перечитывал катрен и вслух, и про себя, и наизусть, закрыв глаза, пытаясь попасть в ту единственно верную смысловую и ассоциативную колею, которая, как мне почему-то стало казаться, в конце четвёртой строчки должна была подбросить меня вверх, как на трамплине. Мимолётная аналогия с искомым трамплином, пришедшая мне в голову, но никак не согласующаяся с заданной стилистикой, меня насторожила и заставила затаить дыхание; машинально переправив точку в конце катрена на запятую и добавив тире, я вдруг осознал, что первый катрен характеризуется мерно понижающимся тоном. Я тут же сопоставил это наблюдение с буквой «W», именно с первой её нисходящей чертой, за которой следует восходящая: стало быть, здесь, в первой нижней точке синусоиды, синтаксис требовал сдержанно-оптимистической антитезы. «Тогда в следующей верхней точке, за вторым катреном, — быстро сказал я себе, — ищи значение уступки, вероятно, придаточное уступительное!..» — стало ясно, что символ «W» представляет собой график эмоциональной функции и вербально дешифруется как «нет — но — хотя — зато». Этих озарений было уже достаточно, чтобы я со второй или третьей попытки нащупал два первых стиха второго катрена и уже путём чисто технической работы придал им должную лаконичность, а затем, опираясь на уже отработанные алгоритмы и образ «W», восстановил, торжествуя, всё стихотворение.

Оно было прекрасно. Четыре катрена стихотворения развивали мысль и образ непринуждённо и последовательно, словно это были строки одного катрена; все члены конструкции были плотно притиснуты друг к другу так, что комар не подточил бы носу; её отшлифованная поверхность переливалась перламутром и была подобна голограмме: в каждой строчке стихотворения заключалось семя целого, матрица целого; если бы не так, как бы оно проросло заново?..

«Ай да Пушкин, ай да сукин сын, — прошептал я. — Тебе приснился вещий сон. Ты дважды сочинил одно и то же стихотворение. Ты дважды вошёл в одну и ту же реку, протёк тем же руслом к единственно неизбежному устью...» Я откинулся на спинку кресла, чтобы потянуться, и вдруг ощутил, что весь продрог, потому что остался сидеть в одной майке, забыв набросить халат. Тело было как деревянное. Дрогнувшей рукой я схватил чашку и хлебнул кофе — он был совсем холодный; папироса потухла. Я посмотрел на часы: я был уверен, что сидел никак не более получаса; оказалось — два часа и три минуты. «И зачем мне это?.. Так и вся жизнь пролетит — не заметишь», — подумал я и уже было встал, чтобы пойти размяться, но прежде решил ещё раз взглянуть на свои стихи и насладиться их красотой.

Индекс Хирша

1.

...Я человек нервный и мнительный. Мне претит любая общественность. Заседания меня изнуряют; у меня болит задница от казённых стульев. Вот и теперь мне мучительно хочется скинуть туфли, подобрать под себя ноги, громко прокашляться и закурить, — и от сознания безысходности я покрываюсь испариной. Непрерывным напряжением воли я держу себя в руках, храню внешнее спокойствие и даже стараюсь придать лицу выражение умственной озабоченности и полного сознания общественной миссии — и чувствую, что схожу с ума... Начинается голосование. Очевидно, председатель хочет узнать, нет ли тут сумасшедших.

— Кто за?.. Кто против?.. Кто воздержался?..

2.

Наконец, можно идти. Я хватаю портфель и, поднеся к уху выключенный телефон и опустив глаза, устремляюсь к выходу, чтобы не увязнуть в кулуарных разговорах.

Рука председателя, прямая, как шлагбаум, тормозит меня в дверях.

— А вас, Штирлиц, я попрошу остаться.

— Я перезвоню,— говорю я и, убрав телефон, поднимаю глаза на председателя.

Он проницательно усмехается. Очевидно, я близок к провалу.

— Пожалуйте ко мне. Это недолго.

Председатель нежно подталкивает меня к дверям кабинета.

3.

— Присаживайтесь. Чай? Кофе? Или, может быть…

— Нет, спасибо.

— Хорошо,— председатель садится напротив и смотрит на меня не то сочувственно, не то злорадно.— Небось, закурить не терпится?

— Ничего, потерплю. Вы же сказали, недолго.

— Как жена, как дети?

— Я холост.

— Ах, простите.

— Ничего страшного.

— Как ваша наука?

— Честно?

— Как хотите.

— Я не занимаюсь наукой с тех пор, как стал научным работником.

Председатель щурится, сцепив пальцы и склонив голову набок.

— Чем же вы занимаетесь?

— Планами, отчётами, индексом Хирша.

— Отлично!— смеётся председатель.— О них и пойдёт речь… Но вы наговариваете на себя. Все в восторге от ваших работ.

— Кто, например?

— Доцент Алибабаев.

— Не люблю доцента Алибабаева.

— Вот как? А он вас очень любит, знаете ли. Недавно снова вас хвалил.

— Вот как?

— Да,— председатель снимает очки и принимается протирать их салфеткой.

— Слушаю вас.

— Это, в общем, деликатный вопрос. Ему срочно нужна публикация. В вашем журнале.

— А науке?

— Что, простите?

— Науке нужна эта публикация?

— Уверяю вас, что науке она не повредит. Вы же знаете, что доцента Алибабаева никто не читает. Науке не повредит, а Алибабаева спасёт.

— Кто ж ему мешает? Пусть присылает свою статью на адрес редакции.

— Как кто мешает?— деланно изумляется председатель, отпрянув от стола, затем садится прямо и, надев очки и сложив на столе руки, произносит вкрадчивым полушёпотом:— Вы и мешаете-с.

— Чем же-с?

— Своим авторитетом. Ему перед вами… стыдно. Надо отдать ему должное: именно так он и сказал. Статья нуждается в доработке.

— И вы хотите…

— Его отделу грозит срыв плана. Да и индекс Хирша надо подтянуть. Помогите ему закончить. Приведите его текст, так сказать, в кондицию. Он никак не может связать концы.

— Это ужасно,— говорю я обречённо, опустив голову и утирая со лба испарину.

— Понимаю вас. Но ведь мы же одна команда, не так ли?..

— Почему именно я?

— Помилуйте, кто же ещё, как не вы? Никто другой не сделает это так же легко и ловко.

— И безвозмездно.

— Ну, это вы напрасно.

— Пожалуй.

— У меня здесь нет никакого интереса; только забота о корпоративном рейтинге… В самом деле, осмотритесь: специалисты есть, но к кому мне ещё обратиться?.. Они ведь из этой мухи слона сделают. А вы умеете снизойти и посмотреть философски. Даже доцент Алибабаев это понимает. Оттого-то он вас и стесняется. Прося меня о содействии, он говорил, что не хотел бы, чтобы его материал попал к вам, но при этом, как мне показалось, он втайне надеется, что он именно к вам и попадёт…

— Пф!.. Достоевщина какая-то!

Председатель сочувственно улыбается и разводит руками.

— Впрочем, это только предположение; забудьте. Он, вообще говоря, неплохой человек. Согласитесь.

Молчу, глядя в точку.

— Что же вы молчите?..

— Когда-то меня просили написать диссертацию.

— Отказали?

— Конечно. Тогда у меня хватило духу отказать. Потому что я был ещё безработный и занимался наукой. А теперь я сижу и дрожу перед вами, как тварь.

— Вы, конечно, право имеете, но что толку, если скажете «нет»? Увы,— вздыхает председатель,— рано или поздно мы все расстаёмся с идеалами молодости. Университет нас учит одному, а жизнь— другому. Но жизнь всё-таки больше университета. Раскольников, пока его старушка была жива, тоже был идеалистом.

— Неплохая мысль.

— Дарю. Только не губите Алибабаева. Может быть, тем самым вы сохраните и верность принципам. Принципы— это, конечно, красиво, но они мертвы, а доцент Алибабаев— как-никак живая душа, семьянин, гражданин, не пьёт, не курит.

— Лучше бы вы не называли имя автора, а использовали меня втёмную.
— Надеюсь, мне не придётся об этом пожалеть.
— Не знаю,— говорю я, чтобы сохранить хотя бы видимость свободы.— Это ужасно, ужасно… Ладно, отправьте мне на электронную почту. О чём хоть статья-то?..
— Вы шутите? Ведь в том и проблема.
— Только, ради Бога, не проговоритесь ему,— я беру портфель и решительно встаю.— Пусть так и думает, что над его статьёй работает кто-то другой.
— О, это я беру на себя!— саркастически смеётся председатель, утешительно похлопывая меня по плечу и провожая до двери.— Но и вы не очень старайтесь, проявите толику небрежности, позаботьтесь о том, чтобы ваш почерк не слишком просвечивал.

Выбегаю на воздух и закуриваю. Боже мой, какое это счастье!

4.

— Это немыслимо! Это грандиозно! Это ошеломительно!..

Текст Алибабаева напрочь лишён какого-либо смыслового или стилистического единства. На каждом предложении Алибабаева лежит печать собственной прихоти, словно статью писали сорок научных разбойников,— и я поминутно вздрагиваю и хватаюсь то за сердце, то за голову. Каждый абзац Алибабаева— начало новой, ещё более изощрённой пытки. Надеясь обнаружить связи, я открываю только страшные бездны алибабаевщины, непроходимые булькающие болота терминологии, сумерки, полные каких-то странных оговорок, ужимок и междометий, риторических восклицаний, нелепых намёков на несуществующие обстоятельства и непроизвольных, грубых двусмысленностей и тавтологий. Цитаты из классиков, хоть Алибабаев и тут наврал с запятыми, представляются мне дивными оазисами, и каждый раз, ощутив под ногами их райскую твердь, я падаю на колени и целую эту благословенную цветущую землю… Потом поднимаюсь, беру слегу и снова вступаю в зловонную жижу…
— Это невероятно! Это потрясающе! Это великолепно!— взвизгиваю я и бросаюсь на кухню выпить ещё стопку.

С пугающим меня самого сладострастием я воображаю, как, взяв доцента Алибабаева за горло, душу его, поставив ему колено на грудь, как синеет его лицо и глаза, полные изумления и мольбы о пощаде, лезут из орбит, как он пускает пену ртом, содрогается в последних конвульсиях и, наконец, застывает. Тогда я бросаю его горло и принимаюсь топтать его ногами…

Раздаётся звонок: это председатель. Хватаю мобильник и палю без предупреждения:
— Ему, видите ли, стыдно передо мной!.. Постыдился бы лучше Достоевского! Толстого! Чехова! Нашего многострадального языка! Нашей… великомученической литературы!..

Беру паузу, чтобы отдышаться. На том конце— резонная, умная тишина. Мне становится стыдно.
— Алло?..
— Я слышу, слышу. Вы что, выпили?

Пауза смятения.
— Да! Так я, видите ли, снимаю стресс…

Председатель смеётся.
— К тому же вы у себя дома. Пейте на здоровье. Как это у Крылова? «По мне, уж лучше пей, да дело разумей!» Это доценту Алибабаеву нельзя, а вам можно… Но неужели всё так плохо?
— Легче написать новую статью, чем привести в порядок эту.
— Ну так напишите.

Пауза недоумения.
— Что же он скажет?.. Ведь он, чего доброго, заартачится, заявит, что это не его статья?..
— Не извольте об этом беспокоиться. Это я беру на себя.

Председатель смеётся. Я молчу.
— Что же вы молчите?
— Не знаю, что и сказать.
— Небось, думаете: не слишком ли много он на себя берёт?..

Славный он всё-таки человек, председатель.
— Так вы не откладывайте. Через месяц заседание.
— Через месяц?!
— А что вас удивляет? Ведь вы сами за это проголосовали.
— Когда?..
— Не далее как вчера,— смеётся председатель.— Дайте Алибабаеву отчитаться, и забудем об этом.

5.

В зале царит оживление. Члены совета собираются к заседанию. Всплёскивают руками, гремят стульями, восклицательно обнимаются, словно сто лет не виделись, похлопывают друг друга по плечу, снимают друг другу былинки с лацканов, дамам неловко целуют ручки, берут один другого под локоть, расходятся по фракциям, обмениваются новостями, делятся секретами; на лицах— выражение умственной озабоченности и полное сознание общественной миссии…
— Здесь свободно?

Доцент Алибабаев стоит, указывая пальцем на соседний стул, уже слегка повернув и оттопырив зад. Кругом ещё полно незанятых мест, поэтому я настораживаюсь, чтобы не быть застигнутым врасплох.
— Конечно.

Алибабаев садится, и я кожей чувствую, что он обуян каким-то сомнительным воодушевлением.

Некоторое время он пыхтит, ёрзает, шелестит повесткой дня, проектами постановлений, своим отчётом и то и дело косится на меня, как богомол на мушку… Вдруг, бросив бумаги и опустив руки на бёдра, поворачивается ко мне всем торсом.
— Читали мою статью?
— Да. По долгу службы… я ведь член редколлегии.
— И что скажете? Признаюсь, у меня такое чувство, что это лучшая моя работа.
— Пожалуй, неплохо, да. Но вы могли бы дать на меня ссылочку. Я ведь тоже касался вашего вопроса.
— Правда? Эх. Как жаль, что я упустил.
— Да ладно. Ничего страшного. Только…
— Только?
— Вы там пишете в одном месте: «Раскольников, пока его старушка была жива, тоже был идеалистом». Как это понимать? Кто ещё был идеалистом?
— Ещё?..
— Ну да. Вы же говорите: «тоже». А кто ещё?

Улыбка Алибабаева бледнеет и как бы мумифицируется; затем, замерев и не сводя с меня взгляда, он начинает тихо и сипло подхихикивать, и я вижу в его глазах мольбу о пощаде и одновременно угрозу и лютую ненависть. Это длится с полминуты. Мне становится жутко.

Наконец председатель просит тишины. Слава Богу. Славный он всё-таки человек, председатель.

Заседание начинается. Курить хочется…

Кредит

Были два соседа. Один был пенсионер, бывший учитель-филолог, а другой — средних лет алкоголик. Они были едва знакомы и встречались только на лестничной площадке.
— Добрый день,— говорил пенсионер.
— Добрый,— огрызался алкоголик.

Однажды алкоголику надо было выпить, а денег не было. Недолго думая, он постучался к пенсионеру.
— Добрый день,— сказал алкоголик.
— Добрый,— сказал ласково пенсионер.
— Не займёте мне… пятьсот рублей?..
— Отчего же?— обрадовался пенсионер.— Конечно. Вы проходите, не стойте там.
— Да не. Я тут подожду.

Взяв деньги, алкоголик помялся и сказал:
— Я верну… через неделю.
— Не переживайте,— махнул рукой пенсионер.— Вернёте, когда будет с руки.

Через неделю алкоголик постучался.
— Добрый день,— сказал алкоголик.
— Добрый,— обрадовался пенсионер.
— Я пока не могу вернуть вам…
— Да не беспокойтесь вы,— рассмеялся пенсионер,— чего не бывает!
— Но, может быть, вы займёте мне ещё раз?.. Через неделю я точно верну…
— Ах, как это хорошо, что вы решились снова попросить!— сказал растроганный пенсионер.— Ведь это гораздо лучше, чем если бы вы совсем не пришли. Вам сколько, пятьсот?
— Да.
— Да вы зайдите, не стойте там.
— Да не. Я тут подожду.

Прошла неделя. Тук-тук-тук.
— Добрый день.
— Добрый, добрый!
— Я, как говорится…
— Ну что вы, в самом деле?.. Мы ведь соседи. Стоит так переживать из-за пустяков?
— Но, может быть… У меня через неделю…
— Хотите ещё занять? Конечно. Вам сколько, пятьсот?..
— Да.
— Может быть, тысячу?
— Ну, вообще-то…
— Ещё бы! Тысяча в два раза лучше, чем пятьсот! Да вы заходите, не стойте там.
— Да не. Я тут подожду…

Прошла ещё неделя. Тук-тук, тук-тук, тук-тук.
— Добрый день.
— Добрый день.
— Это, конечно, смешно, но у меня…
— Увы,— развёл руками пенсионер и жалостливо улыбнулся.— Нету больше.
— Как — нету?..— удивился алкоголик.
— А так,— рассмеялся пенсионер.— Закончились. Ничего, через неделю пенсию принесут. Продержимся?..

Марат Валеев

Путевые истории

Международный конфликт

Дело было в Болгарии, куда я ездил по комсомольской путёвке (но за свой счёт) с павлодарской делегацией в далёком уже теперь 1976 году. А конкретно — в Пловдиве.

Когда наша группа, выделяясь ярким гомонящим пятном на фоне одетых преимущественно в чёрное и серое болгар, шла по мощёным улицам старинного города к какому-то музею, я вдруг почувствовал, что одна из моих туфель начала как-то странно прихлопывать.

Я остановился, вывернул ногу ступнёй кверху и не поверил своим глазам: подошва отклеилась до самой середины туфли и при ходьбе издавала тот самый странный хлопающий звук. Вот же, перед отъездом только купил!

— Ну ёкарный бабай! — присвистнул я от огорчения. — Этого мне только не хватало.

Стараясь не привлекать к себе внимания всей группы, я догнал руководителя нашей делегации (назовём его Петей Дюбановым) и в двух словах объяснил свою проблему.

Петя, с большой неохотой оторвавшийся от общения на ходу с приставленным к нашей группе гидом — сексапильной болгарочкой Виолеттой с узенькой талией и греховодно круглой попкой, тоже поначалу растерялся.

Но Виолетта, увидев, в чём дело, и мило сморщив от смеха свой точёный носик, тут же сориентировалась.

— Через пару шагов здесь должен быть магазин обуви, — сказала она волнующим грудным голосом с очаровательным болгарским акцентом.

Да, не случайно комсомольский вожак областного масштаба Дюбанов потерял от неё голову: Виолетта была чудо как хороша.

И в самом деле, прошли всего метров десять, как за большой стеклянной стеной одного из магазинов я увидел стеллажи с выставленными на них туфлями, ботинками, сапогами.

— Иди, выбирай себе башмаки и догоняй нас, — сердито сказал Петя. — Тут всего через квартал музей, где мы будем ждать тебя.

Я быстро-быстро покивал головой и тут же захлопал расклеившейся туфлей в магазин. От обилия обуви разбегались глаза. Но одни туфли, выбранные мной самим, оказались большими, другие, предложенные продавщицей, не понравились.

Наконец, уже взмокший от усилий, потраченных на десяток примерок, я остановил свой выбор на очень ладных светло-коричневых, с мелкими дырочками по всему корпусу, летних туфлях, с достаточно высокими каблуками на конус.

Они оказались западногерманского производства, так ладно сидели на ногах и чудесно гармонировали с моими светлыми штанами, что я тут же влюбился в них. Отсчитав на кассе что-то в пределах двадцати левов, тут же переобулся в новые туфли, а свои старые, всего неделю назад тоже бывшие новыми, переложил в коробку от обновки, затолкал её в полиэтиленовый пакет и торопливо вышел на улицу.

Глянул вправо, влево — родной группы нигде не было видно. Я швырнул пакет со ставшими старыми туфлями в мусорную урну (который тут же вытащила какая-то тётка) и, топая каблуками новеньких, блестящих, только что приобретённых обуток, помчался в ту сторону, где, как я запомнил, должен был находиться музей.

И очутился на перекрёстке. По какой из разбегающихся в разные стороны четырёх улиц ушла наша группа? А хрен его знает! И я стал останавливать прохожих болгар и задавать один тот же вопрос: «Где музей, товарищ?»

И меня посылали на все четыре стороны. Потому что, как оказалось, на всех этих четырёх улицах были какие-то музеи. Так, шляясь по этим улицам, приставая то к одной пёстрой туристической толпе, принимая их за своих, то к другой, я вдруг вышел на привокзальную площадь.

Понять это было несложно: от перрона как раз отходил какой-то поезд, сновали люди с ручной кладью, подъезжали-отъезжали автобусы, такси.

В крайне расстроенных чувствах я остановился, огляделся, выбирая, куда бы присесть на минутку и перекурить это дело.

Неподалёку, в тени большого дерева с пышной зеленой кроной, стояла группа темноволосых парней на три-четыре усато-носатых особи. Один из них, воровато озираясь по сторонам, подошёл ко мне и что-то спросил.

— Извини, друг, не понимаю,—ответил я, сокрушённо разводя руками.—Сам я не местный, заблудился вот.
— А, русска туриста-а!—протянул смуглый незнакомец и неожиданно, отхаркнувшись, плюнул мне под ноги, совсем рядом с носком новенькой блестящей туфли.

«Ни хрена себе! Болгарин, братушка, можно сказать, а задирается,—растерялся я на какое-то мгновение.—Да, не зря всё же говорил тот мужик из КГБ, что в одиночку даже в Болгарии лучше не ходить. Вот тебе и „Добре дошли, другари!"»
— Ты чё, братушка, перца болгарского объелся?—придя в себя, с весёлой злостью спросил я своего обидчика.

И хотел было двинуть этого странного недружественного «другаря» в челюсть, но вовремя передумал, помня наставления кагебешника.

Меня ведь пока ещё не били, хотя явно провоцировали к активным действиям. Поэтому пока что я решил ограничиться адекватным ответом (а там поглядим!). И тоже плюнул задиравшему его болгарину под ноги. Но попал на его штанину.

Стоявшие в сторонке приятели усатого брюнета, у которого глаза буквально начали наливаться кровью, громко заржали, распугивая бродящих под ногами жирных голубей. Неизвестно, чем бы вся эта история закончилась, но тут хлопнула дверца стоящего неподалёку такси, и из «жигулёнка» (в Болгарии таксомоторы тогда сплошь были вазовские) вылез плотно сбитый такой крепыш.

Он что-то сердито сказал усатым парням, и те тут же потеряли ко мне всяческий интерес и неторопливо пошли в сторону вокзала.
— Куда-то едем?—по-русски спросил меня таксист и приветливо улыбнулся.
— Спасибо тебе, братуха, что вмешался!..—обрадованно сказал я, услышав родную речь.

И тут же подумал: вот кто мне сможет помочь в моей беде. Таксисты—они народ ушлый, что у нас в Союзе, что, надо думать, и здесь, в Болгарии.
— …Хотя я и сам бы с ними расплевался на раз-два.
— Конечно!—хохотнул таксист, колыхнув небольшим пузиком.—Я видел. Добре! Ты молодец!
— Слушай, братуха, а что это были за типы?—польщённо улыбнувшись, спросил я.—Какого чёрта им от меня надо было?
— Это турки,—огорошил меня таксист.
— Какие ещё турки?—изумился я.—Как, самые настоящие турецкие турки?
— Самые настоящие,—подтвердил таксист.—Только не турецкие, а болгарские турки. Местные. Они у нас давно живут. И не совсем любят вас, русских. Вернее, совсем не любят. Эти вот хотели тебя немножко побить.
— За что? Что я им сделал?—возмутился я.
— Не ты, а твои прадеды,—напомнил мне таксист.

Фу ты! Я совсем забыл, что как раз в эти дни исполняется сто лет со дня освобождения Болгарии от турок войсками генерала Скобелева. Стало быть, эти, даже не турецкие, а болгарские, турки всё ещё горят желанием отомстить за то вековой давности поражение?

Ну и дела! Это ж я, выходит, был всего в полушаге от нового грандиозного русско-турецкого побоища! Хотя нет, получилось бы—татарско-турецкого!

И ничего в этом странного бы не было: мои предки, хотя и были в контрах с русскими до взятия Казани, после много лет служили и воевали сначала в царской, а потом и советской армии.

Так что не исключено, что и здесь, на болгарской земле, они тоже дрались с турками сто лет назад бок о бок с тысячами других солдат славного скобелевского экспедиционного корпуса.
— Так мы куда-то едем?—вежливо прервал мои сумбурные размышления таксист.

Выслушав меня, Христо немного подумал и выложил своё соображение: лучше не метаться по городу, а вернуться к отелю и ждать там. Я тоже подумал и согласился.

Спустя полчаса мы уже были на месте, у отеля на берегу прекрасного озера, название которого я, к сожалению, забыл. Я ещё раз сердечно поблагодарил Христо за помощь, и когда тот назвал свою сумму за поездку—что-то около пяти левов, протянул ему купюру номиналом в два раза больше и попросил оставить сдачу себе.

Но Христо лишь улыбнулся и молча отсчитал сдачу.
— Больше не теряйся, братушка!—пожимая мне руку, пожелал он на прощание.—И не трогай, я тебя прошу, наших турок! Им и так сто лет назад досталось…

Мы одновременно расхохотались, и Христо, продолжая смеяться, дал по газам, и юркий «жигулёнок» помчался обратно в Пловдив.

Я огляделся. Среди прогуливающихся по мощёным и асфальтированным дорожкам, сидящих на лавках редких туристов, любующихся видами крутых, поросших густым зелёным лесом горных склонов, в каньоне которых покоилось изумрудное озеро с покачивающимися на его поверхности лодками, катерками, ребят из моей группы не было. Да и знакомого автобуса не было видно. Значит, ещё и не подъехали.

Я присел на свободную лавку, закурил и стал любоваться этим горным озером, на которое можно было смотреть, не уставая, часами. «Интересно, а что за рыба в нём водится?—пришла в голову мне, выросшему на Иртыше большому любителю рыбалки, эта вполне ожидаемая мысль.—С кем бы из местных договориться, чтобы хоть пару раз закинуть удочку?»

И тут я увидел поднимающийся по дороге к отелю натужно рычащий знакомый автобус. За рулем

топорщил усы наш угрюмый шофёр Стоян—ну до чего же болгары, как, впрочем, и турки, любят усы!—а рядом с ним светилась красная физиономия Пети Дюбанова со спадающими на лоб всклокоченными светлыми волосами. Даже слишком светлыми, чем ещё сегодня утром. Похоже, Петя немного поседел.

Я радостно помахал ему рукой: мол, я уже здесь, Петя, всё в порядке. Но Петя явно не разделял моей радости. И когда автобус подкатил к месту стоянки и с тяжёлым вздохом остановился, первым из него выскочил именно Петя и со сжатыми кулаками бросился ко мне.

— Ну чё, тебе прямо сейчас в глаз дать?—сдавленным от злости голосом сказал Петя.

— Не советую, Петя,—спокойно ответил я.—Тут вот недавно некоторые турецкие товарищи на меня уже покушались…

— Так ты ещё чего-то натворил?!—взвыл Петя, своей искушённой комсомольско-секретарской задницей чувствуя неприятности, которые сулили ему на родине здешние похождения этого свалившегося ему на голову обалдуя из какой-то районной газетки, о существовании которой он ранее и не подозревал.

Петя обессиленно шлёпнулся рядом со мной.

— А ещё корреспондент! Вот сообщу твоему редактору…

— Ну и чего ты сообщишь моему редактору? Как вы бросили меня в чужом иностранном городе? И из-за вас меня, одинокого, турки чуть в заложники не взяли?

— Какие, на фиг, турки? Зачем в заложники?

— Зачем, зачем… Чтобы наше правительство пересмотрело итоги русско-турецкой войны!

Каким бы ни был замороченным и основательно разозлённым Петя—шутка ли, вся группа, кто пешком, а кто на автобусе, целых три часа моталась по Пловдиву, надеясь отыскать отставшего от группы своего туриста, то есть меня,—но в чувстве юмора ему отказать было нельзя.

И он так заразительно хохотал, когда я пересказывал ему свои похождения, что скоро нас окружили и остальные члены группы.

Забыв, что всего с полчаса назад сговорились объявить мне бойкот, они потребовали повторить рассказ. И когда я изложил, ещё более приукрасив, свою невероятную историю, хохот стоял такой, что недоумевающие туристы разных стран и народов высовывались даже из окон отеля… И я был прощён.

Хотя—что я такого сделал-то?..

Аппендикс

В 1976 году и я запросто мог склеить ласты—от обычного аппендицита. Да где—или в Болгарии, или на Украине, или в пути между ними. Вот как это было.

В день отъезда домой нашей казахстанской комсомольской туристической группы из Варны мне стало плохо. Скрутило живот, и я, думая, что это обычное расстройство, пока все остальные туристы пили отвальную, несколько раз сбегал в туалет. Но безрезультатно, так как это был вовсе не понос, а что-то другое.

От приступов боли я покрылся липким холодным потом и порой едва сдерживал стоны, но пересилил себя и вместе со всеми сел в автобус, который повёз нас на вокзал.

Выпитая водка всё же несколько приглушила боль, и я даже нашёл в себе силы шутить, подпевать горланящим на все голоса одногруппникам.

Но на вокзале мне стало совсем плохо. Я присел на жёсткий деревянный диван и с глухим стоном обхватил живот и согнулся пополам.

— Где болит?—обеспокоенно спросила тут же присевшая рядом со мной Женечка—медсестра, с которой у меня во время этого тура чуть не завязался роман, но вот не срослось—пугливой очень оказалась Женечка.

— Да весь живот,—промычал я.

— Ну-ка пойдём, тут я видела медицинский пункт,—повелительно сказала Женечка.—Пусть посмотрят.

В медпункте болгарский врач попросил меня снять рубашку и прилечь на кушетку. Он сосредоточенно и осторожно пропальпировал мне живот, измерил давление, заглянул зачем-то попеременно в оба глаза. Потом что-то буркнул стоящей рядом медсестре, и та набрала шприц.

От укола мне стало сразу жарко, спустя пару минут боль отступила, и я впервые за последние часы улыбался уже не натужно, а радостно. Я поблагодарил болгарских медиков и тут же побежал курить. Женечка же задержалась в медпункте.

— У тебя подозрение на аппендицит,—сказала она, когда я, выкурив подряд две сигареты, вернулся к группе.—Конечно, лучше бы тебя положить в больницу сейчас же, но болгары надеются, что ты доедешь до дома. Так что держись! Если что, я рядом.

— Спасибо, Женечка!—чмокнул я её в щёчку, пребывая в эйфории после чудодейственного болгарского укола.—Конечно, доедем!

В поезд я взобрался на верхнюю полку и почти сразу заснул под стук колёс и равномерное покачивание вагона.

Проснулся я от рези в животе ранним утром, когда поезд уже катил по молдавской земле. Сначала я лежал, прислушиваясь к своим ощущениям и пытаясь мысленно заглушить боль. Но экстрасенс из меня был плохой, и не подчиняющаяся мне какая-то беспощадная зверюга вновь и вновь начинала грызть мои внутренности, и лоб у меня покрывался липким холодным потом.

Чувствуя, что вот-вот начну стонать, я слез с полки, осторожно вышел из купе и, упёршись лбом в холодное стекло тамбурной двери, стоял там, кусая губы от боли.

— Что, опять болит?

На моё плечо легла тёплая узкая ладошка Женечки, серые её глаза смотрели жалостливо и тревожно.

— Очень,—признался я.

— Так, пошли со мной!—приказала Женечка.

Мы прошли к служебному купе, Женечка в двух словах объяснила заспанной проводнице ситуацию. И та по рации связалась с ближайшей станцией.

Как только поезд остановился, в вагон вошла моложавая врач с сурово поджатыми губами и быстро осмотрела меня, отрывисто командуя:

— Поднимите рубашку! Лягте на полку! А теперь на бок!

— Похоже на «острый живот»,—сказала она.—Но у нас на станции ничего сделать нельзя. Через сорок километров будут Черновцы. Я позвоню в областную больницу, вас там встретят. Потерпите ещё немного, хорошо?

В Черновцах, как только поезд втянулся на станцию, к нашему вагону от дожидающейся на перроне машины скорой помощи тут же поспешила целая бригада медиков: врач и двое дюжих санитаров с носилками.

Но я сам вышел им навстречу, Руководитель нашей группы Петя Дюбанов нёс мой чемодан, а из вагона высыпала чуть ли не вся группа, сдружившаяся за время этой двухнедельной поездки в Болгарию.

Все они старались как-то приободрить меня: кто-то хлопал по плечу, кто-то пытался пожать мне руку.

— Ну, раз-два!—скомандовал Петя, когда я, одной рукой взявшись за безбожно ноющий живот и вцепившись другой в поручень распахнутой дверцы машины, неловко взобрался в салон.

— Вы-здо-рав-ли-вай!—хором прокричала группа.

Я слабо улыбнулся и помахал им в ответ. Поднявшиеся вслед за мной врач и санитар захлопнули дверцу, и машина, миновав привокзальную площадь, покатила по зелёным, уставленным домами непривычной архитектуры черновицким улицам к областной больнице.

Я думал, что меня сразу же положат на операционный стол, и с нетерпением ждал этого момента как единственной возможности избавиться, наконец, от терзавшей меня боли, из-за которой всё это время хотелось зажать ноющий живот обеими руками и согнуться в три погибели.

Но прошло не менее трёх часов, прежде чем меня оформили—сначала в саму больницу, потом в палату, затем к врачу, который должен был сделать мне операцию.

В палате, куда меня определили, уже маялись два постояльца—молоденький, голый по пояс парнишка с залепленной большим пластырем спиной (ударили ножом сзади, как пояснил он) и пожилой дядечка с вислыми унылыми усами и таким же невесёлым выражением лица.

Ему вырезали грыжу и вот-вот должны были выписать, чтобы он мог отправиться к себе на какой-то карпатский хутор—чтобы нажить там новую. Потому-то, видимо, он и был такой печальный.

И обитатели палаты, и медсёстры, и заглянувший позже ко мне хирург говорили только на западно-украинской мове, и надо было не раз переспрашивать каждого, чтобы понять, что они говорят.

Тем не менее я их всё же понимал—видимо, сказалась моя любовь к невероятно смешному журналу «Перец», который я выписывал уже не один год.

Хирургу я рассказал, как здесь оказался и куда собираюсь продолжить путь после Черновцов, и темноволосый врач средних лет с ироничными карими глазами понимающе покивал:

— А-а, Казахия! Ну да, ну да…

А пацан с заклеенной спиной, Остап, поведал свою печальную историю. Он влюбился в одну дивчину, а ейный папаша, «бандеровская морда», как охарактеризовал его Остап, был против того, чтобы он кохался с его доней. Раз сказал, два сказал, а Остап—ноль внимания, всё ходит и ходит к Марысе. Ну а вчера вечером, когда они сидели на лавочке, этот ужравшийся самогона «бандера» подкрался сзади и ткнул его ножом.

Вот только под утро заштопали. Болит очень, «трясця его матери».

— Почему «бандера»-то?—спросил я его.

— А, туточки уси «бандеры»!—махнул рукой Остап.—Последних из них тильки в шестидесятые роки и повыкуривали из их схронов в Карпатах. А може, ще и не усих…

Пришла здоровенная широколицая медсестра с самыми настоящими, только редкими, усами на верхней грубо накрашенной губе и позвала меня за собой.

Пришли в перевязочную, эта усатая уложила меня на кушетку и жестом велела заголить живот. А в толстых пальцах её мощной руки уже тускло засветился металлический бритвенный станок.

— Это ещё зачем?—испугался я.

Бабища снова зашевелила усами, что-то горячо втолковывая мне, и из всей этой бессвязной булькотни я поначалу уловил только одно знакомое слово: «операция».

А, ну да, растительность в месте предстоящего разреза следует сбрить—об этом мне рассказывали.

Я покорно задрал футболку, и медсестра, шевеля от усердия усами, заскребла станком по моему беззащитному животу. Причём насухую. И я

поневоле малодушно морщился от неприятных ощущений, терпеливо дожидаясь конца экзекуции.

Но когда медсестра, не выпуская станка из правой руки, левой потащила мне вниз треники вместе с трусами, я резво вскочил с кушетки.

— Ку…куда лезешь?—заикаясь, рявкнул я.

— Тоди брий сам!—раздражённо сказала медсестра и бросила станок на кушетку.—Брий, кажут тоби! Там тоже треба!

— Ну, треба так треба,—успокоился я, решив, что лучше всё же самому выполнить эту ответственную работу в таком деликатном месте.

Вон какие ручищи у этой так называемой сестры милосердия—вдруг станок дрогнет да полоснёт не там, где надо? За этим ли я ехал в такую тьмутаракань, чтобы какая-то бандерша нечаянно оскопила меня?

Мы ещё успели с Остапом покурить в открытое окно, как за мной пришли. В операционную я ушёл на своих ногах. Там меня положили на холодный стол, пристегнули руки-ноги—ну мало ли, вдруг начну дёргаться,—накрыли простынёй поверх вертикальной рамки на груди, чтобы я не мог видеть, что там мне делают в больном месте.

Затем я почувствовал, как мне сделали пару довольно ощутимых уколов в живот на некотором расстоянии друг от друга. Это была местная анестезия, так что я был в полном сознании, когда ощутил, как скальпель прошёлся—как будто кто слегка ногтем провёл—по брюшной стенке, рассекая кожу, мышцы.

Боли не было, но я почувствовал, как мне под спину потекла моя тёплая кровь.

Я беспокойно закряхтел, и хирург только было завёл со мной разговор о «Казахии», куда я должен буду вернуться после операции, как что-то там у меня внутри лопнуло, и в глаза, на маску хирургу и ассистирующей ему медсестре брызнули какие-то тёмно-красные сгустки.

— У-у-у!—выпрямившись, озадаченно протянул хирург.

А медсестра суетливо обтёрла лица ему и себе тампонами. Они молча переглянулись, и хирург тут же склонился надо мной, и я вновь почувствовал прикосновение скальпеля—похоже было на то, что мне удлиняли разрез.

А потом пришла очередь материться мне. Пустяковая вроде операция затянулась на два с лишним часа. Врачи так и не сказали мне, в чём была причина, но я подозреваю, что, как только они меня вскрыли, аппендикс лопнул (с чего бы вдруг забрызгало морду хирургу?). И, удалив прохудившийся отросток, медики, прежде чем заштопать меня, прочистили кишки, на которые попали остатки содержимого лопнувшего аппендикса.

Было жутко больно, и я сначала просто шипел сквозь зубы, потом не выдержал и начал материться и обзывать колдовавших надо мной черновицких медиков живодёрами и бандеровцами. Удивительно просто, как они меня не зарезали тут же, на столе!

В палату меня привезли на каталке, обессиленного, бледного и всего мокрого от пота. Я почти тут же заснул, а утром уже самостоятельно встал и, придерживая рукой тупо побаливающее место вчерашнего разреза, пошаркал в туалет—пользоваться уткой я не стал принципиально, хотя видел, как медсестра принесла эту несуразную посудину и затолкала её под кровать.

Через неделю меня выписали, и, простившись с сопалатниками и тепло поблагодарив часто приходившего навещать меня хирурга за спасение жизни (а что это действительно было так, я ничуть не сомневался, ведь запросто мог пасть жертвой перитонита), я пошёл к кастелянше за своим чемоданом.

Переодеваясь, я вдруг нашёл у себя в чемодане бутылку с надписью на этикетке «Горилка» и полукольцо копчёной колбасы с острым дразнящим запахом.

«Откуда „дровишки“?»—растроганно подумал я, блаженно вдыхая чесночный аромат колбасы. Этот сюрприз могли мне сделать и руководитель группы Вася, и так и оставшаяся не тронутою мной медсестра Женечка…

Переложив из чемоданного кармашка в карман брюк остатки не разменянных на левы денег—где-то рублей пятьдесят-шестьдесят—и подвязавшись полотенцем, я спустился к ожидающей меня в больничном дворике машине скорой помощи и поехал на вокзал.

По дороге я уже более внимательно разглядывал проплывающие за окнами виды очень симпатичного, чистенького и сплошь зеленого города Черновцы и думал, что не мешало бы потом как-нибудь приехать сюда и пешком побродить по этим старинным мощёным улочкам…

Александр Молотков

Ещё раз о любви

Он был пьяный немного дурак.
А. Новиков

По молодости лет или по незнанию жизни, я никогда не задумывался о таком жизненно важном деле, как создание семьи. Мне, не знавшему всех тонкостей: смотрин, сватовства, и прочих деликатностей, что должно познакомить и определить людей, быть им счастливыми и не одинокими,—мне было «до лампочки». В восемнадцать мне ещё казалось: «люди встречаются, люди влюбляются, женятся», как в песне, и обязательно все. Выражение «старая дева» для меня было что-то книжное, старинное, как пьеса «Гроза». Но жизнь, шагнувшая в прогресс и кибернетику, оставляла людям вопрос: как найти свою вторую половину?

Мне исполнилась восемнадцать. В первый год по окончании десятого класса мы все поехали по разным городам поступать на учёбу в вузы. Я умудрился попробовать свои силы в двух высших учебных заведениях, только на разных потоках. Как мне ни хочется вспоминать об этом, но я скажу: я провалил экзамены и в технологический, и в политехнический институт, и все—по русскому языку. Да, я писал сочинения на заданные темы, но я старался, чтобы в сочинении был виден я. Последовательно раскрывая тему, я старался вносить свои суждения, забывая об образе советского человека! Мои суждения для проверяющих деканов и профессоров были неправильными. После спорного вопроса, что такое сочинение, когда в нём нет ошибок, а видится глазами какого-то приезжего абитуриента совсем под другим углом, я был легко отправлен на свободу с «неудом» в экзаменационном листе.

Домой я ехал утомлённый и грустный. Мне было стыдно перед всеми, особенно перед отцом и матерью. Двое суток в поезде я переживал и хандрил настроением, но делать было нечего—жизнь продолжалась!

Родители мои—простые рабочие люди, они чутки и внимательны, не лезли ко мне в душу с укорами.

— Не поступил? Да и ладно, больше готовься, впереди—жизнь,—сказал отец.

Мне стало легче на душе, я благодарен моим близким людям—отцу и маме, они понимали моё горе.

— Пошли к нам в кочегары?—сказал мне сосед дядя Миша Курочкин.—У нас не хватает кочегаров, заработок хороший, график удобный, да и самое главное—бронь от армии дадут на три года, а там глядишь—ты поступишь.

Наш Усть-Баргузинский рыбозавод на своей территории имел новую полуавтоматическую котельную, построенную вместо старой. Пар и горячая вода подавались производству, жилому сектору. Угольная котельная имела три паровых, три водогрейных котла—это и рабочее и резервное оборудование. Новшество котельной было в том, что котлы имели объёмные бункера для угля и угольные забрасыватели. Кочегар не бросал в топку уголь лопатой, он регулировал забрасыватели, и лопата ему нужна была, чтобы только подбирать россыпь угля на площадке под забрасывателями. Механизация облегчила труд кочегара, и женщины в новой котельной работали кочегарами тоже.

Спасибо дяде Миши, я вспоминаю его только добрыми, хорошими словами. Он взял меня за руку и привёл в отдел кадров. Кадровику он сказал:

— Оформляй, я сам его буду обучать и стажировать, мне оплаты не какой не надо!

Такие были советские времена. Кадровик долго благодарил дядю Мишу и назвал его «наставником молодёжи».

Пройдя все формальности по трудоустройству, я был зачислен приказом по предприятию учеником кочегара и закреплён за М. Курочкиным, кочегаром шестого разряда.

Вот уже год я работаю кочегаром пятого разряда и думаю: сниму бронь и пойду отслужу в армии, а потом институт и учёба.

В нашей котельной трудятся и мужчины, и женщины, молодые и средних лет, люди пенсионного возраста—добрые товарищи. Заработок у нас хороший, коллектив дружный. Выплачиваются тринадцатая заработная плата, выслуга лет, вредность. Работай, учись—получай по очереди жильё. Конечно, в армию мне не очень хотелось. Я стал копить на автомобиль, «Жигули» или «Москвич», и подумывать, как бы откосить от Советской армии.

Я работал уже вполне самостоятельно, когда к нам в котельную пришёл молодой специалист

после окончания института, Гусаров Игорь Анатольевич.
— Симпатяга,— так сказала наша табельщица баба Надя.

В отделе кадров начальник прятал глаза от вновь прибывшего специалиста. Место начальника смены, на которое приехал Игорь Анатольевич, было занято другим человекам. Запрос на специалистов был подан кадровиком год назад, и он предложил пареньку поработать кочегаром шестого разряда, пока не освободится место мастера. Игорь Анатольевич мог и отказаться, но, рассудив и взвесив, молодой специалист дал согласие поработать пока кочегаром.

Выбор Игоря Анатольевича имел много преимуществ. Первое: оклад кочегара шестого разряда — сто восемьдесят рублей, у мастера — меньше, всего сто пятьдесят. Второе: место в общежитии. Третье: выплата пособия — двухнедельных подъёмных. Четвёртое: стаж по отработке диплома зачитывается.

Пройдя, так же как и я, все формальности по трудоустройству, Игорь Анатольевич пришёл к нам в цех. Ему предстояло простажироваться две недели. Его почему-то закрепили за мной, начальники сказали:
— У тебя, Санёк, свежие практические знания — стажируй.

Что можно сказать о человеке, увидев его в первый раз? Много — и ничего… Мы познакомились в курилке. Парень он был высокий и жилистый. Рука у него крепка на рукопожатие. Блондин с серыми глазами. Подстрижен в полубокс, а скулы чуть в угрях. Его фигура напоминала выросшее на песке дерево, как у нас на берегу Байкала: обнажённые корни цепко держали в своих руках песок. Молодое крепкое дерево выросло всем невзгодам наперекор и стоит, крепко держась за землю.

Это потом, когда мы стали общаться, узнали, что он из интеллигентной семьи учителей. Проживал и учился в городе Бийске. Игорь Анатольевич был единственным ребёнком у родителей, к нам приехал по распределению после окончания политехнического института. Имел диплом по специальности инженера-теплотехника.

Мы начали работать. Неизвестно, кто кого стажировал. Игорь Анатольевич объяснял мне, как происходят процессы в топке горения котла. Пар и парообразование, барботация, конденсат. Я слушал его, непроизвольно отмечал для себя: какой же умный и грамотный человек в нашей профессии. Мне пришлось только показать и научить его растапливать котёл, подключаться к паропроводу и отработать аварийную остановку котла — больше его учить было нечему. Но две недели мы должны были работать вместе.

Я уже упоминал, что, как и на любом предприятии, у нас в котельной работают и молодёжь, и пенсионного возраста люди, женщины, мужчины. В нашей смене также работал кочегаром немолодой товарищ, Бубенцов Пётр Михайлович. Ему было уже за пятьдесят, он с нами сильно не дружил: привет, здравствуй, до свидания. Он не любил субботники, сдавать деньги на общественные мероприятия. Мог выпить один на работе и в столовой для приёма пищи садился за стол один, не желая ни с кем разговаривать. Работу кочегара знал, так как трудился не один десяток лет. Мы не докучали ему дружбой, звали просто Михалычем.

Странное поведение Михалыча я заметил сразу. Он подходил к нам с Игорем (работал он на соседнем котле), сначала всё расспрашивал у Игоря о его семейном положении, где живёт и кто его родители. Я даже удивился, какой Михалыч у нас общительный, я ругал себя в душе, что плохо думаю о человеке. На следующую смену Михалыч принёс целый шмат копчёного сала, солёных помидор и пригласил нас в обеденный перерыв к своему накрытому столу, как закадычных друзей. Видно было по раскрасневшемуся лицу Михалыча, что он выпил. Он деловито вёл разговор о рыбалке, на Алдане, что по реке за деревней Макаринино, клёв хороший, а в деревне живут его сестра с племянницей. Племянница молода и уже выучилась на учительницу, а мужа нет. Всё это он рассказывал нам. Хвалил свою племянницу Полину, как хорошо она стряпает, и что он пьёт чай только с её ватрушками. На дворе ещё стояла зима, а Михалыч уже закидывал удочки в рабочей столовой с молодыми ребятами: что бы это значило?

Но шло время, неделя за неделей. Мы привыкли к нашему третьему другу. Игоря Анатольевича он вообще, кажется, усыновил. Он принёс тёплые вязаные носки и подарил Игорю их, сказав, что их вязала его племянница Полина. На профсоюзных собраниях Михалыч брал слово. Крушил прогульщиков, доставалось людям пьющим, но в конце речи он всегда ставил в пример Игоря Анатольевича.
— Берите пример с воспитанного человека, его знания и ум помогут вам всем,— повторял он.

Из зала кто-нибудь выкрикивал:
— Опять племяннице жениха нашёл?

Мы боялись попадаться людям на глаза во время таких народных разоблачений и прятались за спинками кресел на этом собрании.

Я спросил Игоря:
— Игорь, а если он нас свататься к племяннице повезёт? Я лично не намерен жениться.
— Успокойся,— сказал Игорь.— Я постарше тебя, поэтому я не против, лишь бы девушка понравилась мне. И знай: мне ни капли нельзя пить спиртного.

Он рассказал мне, как трудно выжил после вирусного менингита, который дал ему осложнение

на мозг. Он раз выпил по просьбе однокурсников, когда они были на уборочной в колхозе. Очнулся в больнице. Хорошо, родители близко были, их вызвали, а он ничего не помнит. Так Игорь доверил мне свою тайну. Я не был любителем выпивок тогда, я любил охоту, рыбалку, любил читать, а если приходилось в праздники поднять рюмку, то это чисто символически. Я понял, что несу ответственность за Игоря.

Весна пришла вовремя, природа не ошибалась. Зажурчали ручьи вдоль дорог, снег таял быстро вокруг котельной, он был пропитан сажей. Утрами поднимались холодные туманы, как в предбаннике моей бани, но в полдень было так тепло от солнца, что мы сбрасывали с себя тёплые одежды.

— Саша, Игорь, мои друзья, едем на рыбалку! — не уставал напоминать нам Михалыч.

— Ты что, Михалыч, речка ещё ото льда не вскрылась, отец мой ещё лодку на речку не отвозил. Клёв будет, когда черёмуха зацветёт. Месяца полтора ещё ждать хорошей рыбалки.

Мы работали все в одну смену, каждый на своём котле, и было видно, как Михалыч всё своё свободное время не отходит от Игоря, любознательно интересуется его подноготной. В обед он угощал Игоря вкусностями, которые приносил из дома. Раз он принёс целый термосок домашнего вина и целый день ходил за Игорем, уговаривая его с ним выпить. Игорь отказался, отбивая все уговоры Михалыча. К вечеру Михалыч подошёл ко мне и стал жаловаться на Игоря, что он с ним пить вина не хочет. Он чуть не плакал.

— Михалыч, — сказал я ему, — я тоже не пью. Какие тут могут быть обиды?

Он не понимал этого. Обозвав нас баптистами, он за смену выпил свой термосок, но от планов своих и задуманного не отказался.

С каждым днём солнце поднималась всё выше. Его тепло дышало оживлением. Поднялись зелёные сочные травы, на всех деревьях появились шёлковые ярко-зелёные листья, там, у реки, и здесь, в лесочке, появились яркие цветы — жарки́, белые цветы тысячелистника, воздух благоухал ароматом мяты, подгоревшего сахара и сладостью цвета иван-чая.

Михалыч каждый день скулил, задавая один и тот же вопрос: когда поедем на рыбалку? Я чувствовал, что он что-то задумал. Конечно, он будет знакомить и сватать свою племянницу Полину. Все знают, что он так делает; да и Игорь, кажется, готов познакомиться с барышней. Почему же мне так неспокойно? Я не знал тогда, что есть внутри нас — предчувствие.

— Хорошо, — сказал я моим друзьям, — завтра мы уходим на длинные выходные. Отец лодку уже отвёз на берег, мотор опробовал, так что готовьтесь, поедем на рыбалку по речке вверх на Алдан. Копайте червей больше.

Река наша — Баргузин. Она несёт гордо и плавно свои воды к батюшке Байкалу. Если подняться вверх по реке, в противоположную сторону от Байкала, мимо деревни Макаринино, что стоит на правом берегу реки, мимо зелёного острова Черёмуховый, который обнимает река своими рукавами, есть тихая заводь, где мы всегда рыбачим на удочки. Мы знаем, что когда зацветёт черёмуха, начинается здесь, на Алдане, хорошая рыбалка. Лов сыровой рыбы — окуня, ельца, язя, щуки. Вообще по расстоянию это миль десять от рыбозаводского пирса, где стоит наша лодка.

Правый берег нашей реки, если смотреть по течению, — болотистый почти до деревни Макаринино, с озерцами, стаями диких уток, цапель, чаек, кайр, всегда бегающих по песчаному берегу куликов и плисточек, зелёными кочками, где под каждой живёт ондатра; этот берег хорош осенью на утиную охоту, а пока не сезон — здесь детсад для вывода птицы. Утки летают стаями вдоль реки, с озера на болото. Жиреет утка так, что заезжий гость цокает языком, дивится нашему богатству. Вдали за обширным болотом поднимается чёрный лес. Листвяжный лес растёт вблизи русла реки, таёжные люди об этом знают. Ещё дальше белоснежными шапками упираются в синеву неба горы — гольцы. Левый берег реки Баргузин по течению — промышленный: Пирсы, причалы, заправка на воде, паромная переправа, магазины, кафе и жилые дома — всё по этому берегу до самых «лопаток», где впадает река в Байкал.

От рыбозавода идёт хозяйство леспромхоза. Здесь вяжут лес в сигары — длинные и объёмные связки леса. По реке их отводят в открытый Байкал, где брёвна, сцепленные одно за другое, теплоходом, буксируют в Иркутск на железную дорогу. Маленькая река Шанталык впадает в реку Баргузин, и дальше — болотистые, лесистые берега, где наши охотники по осени всегда добывают ондатру.

Лодка у моего отца деревянная, килевая. Лодка проверена в штормах и на мёртвой зыби, сделана из чистого кедра, лёгкая, устойчивая и груза берёт много. Лодка — под лодочный мотор «Ветерок-12». Иногда отец ставит мотор «Москва», а сам ругает его после каждой поездки — говорит, капризный.

На рыбалку мы выехали ранним июньским утром. Вверх берега реки пологие и песчаные, но сразу за песчаным берегом — болото, высокая трава, кочки подступают прямо к дремучему лесу. Деревня Макаринино старше всех деревень в округе. Здесь поселились первопроходцы, русские казаки — первые люди, пришедшие осваивать Байкал. Это было в середине семнадцатого века, в 1641–1648 годах. До наших дней деревня растянута одной улицей вдоль реки. Крепкие рубленые дома, большие огороды, везде раздолье

и достаток. Красотой кружева, зелёной вязью деревню обнимает лес, он шумит, когда ветер дует вдоль русла реки, поднимая на реке волну.

Наши удочки торчали на носу лодки, рюкзаки и вёдра тоже были уложены там, подвесной мотор «Ветерок-12» пел свою монотонную песню устойчиво, с подвыванием. Михалыч смотрел на берег, высматривая кого-то, и от хорошего настроения, которое было у каждого из нас, запел:

Макаринино-деревня против острова стоит,
Мимо той деревни тихо Баргузин-река бежит!

— Молодец, Михалыч! — крикнул я ему. — Ты как дед мой: без песен — никуда!

Михалыч вдруг замолчал, он увидел на берегу женщину, махавшую белым платком, вокруг неё возле ног гуси, утки, курицы подбирали с земли корм.

— Сестра моя, Лида, птицу свою кормит. Обратно заедем — чаю попьём, — он помахал ей рукой, лукаво улыбаясь своей мысли.

Остров Черёмуховый — узкий и длинный, возле берегов его растёт донная трава, здесь водится щука. К осени здесь на стремнине можно поймать крупного ленка. Но нам надо пройти ещё два поворота реки. Дикие утки разлетаются — это селезни-самцы нагуливают жир, утка на гнезде.

Через двадцать минут показывается наша заводь — Алдан. Здесь берег белый от цвета черёмухи. Ветки наклонились совсем низко к воде, белый цвет сливается с кромкой берега, и кажется нам — берега реки в пене. Рыба выпрыгивает из реки, хватая мошек. Солнце, освещая своими лучами гладь воды, отражается бликами, которые слепят нам глаза. Хорошо, мы приехали…

Мы выбрали место. Эти места видно. Из палок и веток сделаны шалаши, кострище с чёрными углями, импровизированные столы. Мы почему-то называем эти места табором — уж так повелось. Цыган нет, мы приехали — занимай табор. Первым делом мы вытянули на берег наполовину лодку. Выгрузили наши вещи под навес и развели костёр, поставили вариться чай. Михалыч принимал участие во всём, как руководитель нашей бригады. Он смело командовал:

— А без чая с молоком какая рыбалка? Рыба не любит этого… Сейчас разберём удочки, рыбу прикормим, наживим червей на крючки — и вперёд!

Он диктовал нам, как действовать, и мы слушались покорно его.

И вот после всего мы расселись на берегу реки недалеко от огромной расцветшей черёмухи, наживили крючки красными земляными червями, закинули их в речку, приговаривая:

— Ловись, рыба большая и маленькая!

Как будто услышав наши заклинания, а они есть у каждого рыбака, рыба сама искала крючок с червяком. Рыба ловилась так, что крючок не успевал уйти на дно: секунда — и, проглотив наживку, сидел крупный окунь или елец на крючке. У Игоря горели глаза, в азарте он кричал:

— Окунь! Елец! Ой, хариус какой…

Михалыч, довольный рыбалкой, улыбался. Он блеснил. Уже вытащил из воды трёх щук-травянок, а наша рыбалка только началась. Светило солнце, река медленно несла свои зелёные воды в Байкал, мошки и комары порхали над водой, а нас распирал рыбацкий азарт. Я тоже уже вытащил с десяток хороших окуней, подъязков и ельцов; как говорят у нас, «на сковородку есть».

Мы половили так рыбу до обеда. Солнце стояло над нашими головами, оно уже грело так, что наши бейсболки накалялись. Один Михалыч был в шляпе-накомарнике, и ему всё было нипочём. Туман утренний давно был разбит лучами солнца. Где-то там, вдалеке, и тут, близко, крякали утки, которые сидели в это время на яйцах. Беспокойные кулики прыгали по песчаному берегу напротив, и длиннохвостая плисточка летала над водой, ловя мошек и стрекоз в свой клювик.

— Всё! — сказал Михалыч. — Жара пришла, рыба по ямам спряталась. Клёва и лова как утром не будет, собираем манатки, едем к сестре чай пить. Она ждёт нас, все глаза проглядела.

Я хотел возразить, но Михалыч и слушать меня не захотел. Он твёрдо сказал:

— Мы с Игорем порешили, и невеста ждёт!

Я посмотрел на Игоря, он во всю свою физиономию улыбался. Видно было, что они уже давно договорились.

Вещи, удочки и рыба — всё было погружено в лодку. Рыбы мы наловили по ведру, пересыпав от жары её солью. Михалыч щук отобрал отдельно.

— Сестре гостинец, — сказал он, — у них мужиков нет.

Я грустно посмотрел на него и сказал:

— Михалыч, Игорю нельзя пить после когда-то перенесённой болезни. Давай без застольной выпивки?

— Я, Саша, знаю, и никакой выпивки, пусть молодые посмотрят друг на друга и пусть решают. Тянуть не будем со свадьбой.

Он отвечал мне так гарантированно-убедительно, что я принял всё это с полным спокойствием в душе. Конечно, вид у нас был — не до смотрин и сватовства, но Михалыч и тут убедил нас.

— Встречают по одёжке, а провожают по уму! — повторил он несколько раз, как заклинание.

Мы оттолкнули лодку от берега. Мотор «Ветерок-12» завёлся с первого раза. Убедившись, что струя воды для охлаждения двигателя поступает, мы тронулись в обратный путь по течению реки до деревни Макаринино.

Водная струя голубой лазурью поднималась по обе стороны носа лодки. Ещё прохладную скользящую воду мы трогали руками, пытаясь

зачерпнуть и попить из ладошки. Горячо грело солнце, утки не взлетали, а уступали нам дорогу, крякая недовольно, расплываясь в стороны. Как хорош был день, как хороша была наша компания!

Минут через двадцать, когда мы вышли из поворота реки, показались белые крыши, покрытые шифером, деревни Макаринино. Пологий песчаный берег, добротные дома с палисадниками все вытянулись в одну улицу, по которой проходила автомобильная трасса. Мы мягко и легко уткнулись носом лодки в песчаный берег. Стаи уток и гусей разбежались под нашими ногами. Дичи здесь было много: домашние утки, гуси, выводки домашней птицы, тут были и дикие утки и гуси, прилетавшие к друзьям в гости покормиться. Как разбирались с этой дичью хозяева, только им известно. Мы шли за Михалычем по деревне, здоровались с редкими прохожими. Михалыч предупредил:

— Здесь давно коммунизм, поэтому всё оставим в лодке, никто не тронет.

Мы пришли. Хороший, добротный дом, пристроенные сени. Двор широкий и раздольный. Баня, беседка возле бани, в конце двора хозяйственные постройки, хрюкает свинья, блеет овца, а птица и тут шныряет под ногами. Что и говорить, всё добротно сработано, крепко.

Нас встретила женщина средних лет, немолодая, но ещё совсем не старая. Лицо её дышало здоровьем, был виден на щеках румянец. Из-под повязанного белого платка впереди у лба выбивалась чуть заметная прядь седых волос. Она была светлолица, что у нас, на берегу Байкала, редкость, все мы тут обветренные и закопчённые. Ясные и светлые глаза её синего цвета, по всем приметам, говорили, какая она была красавица, да и теперь ещё можно любоваться ею. Она была ещё стройна, хотя была старше своего брата Михалыча на три года.

— Здравствуйте! Проходите, гости дорогие! — сказала она нам.

Она подошла к Михалычу, они обнялись и расцеловались.

— Сестра моя, знакомьтесь, Лида!

Мы представились, добавив почему-то: сослуживцы Михалыча.

— Проходите, гости дорогие!

Минуя простор ограды, мы вошли в дом. Дом был большой: с просторной кухней, раздельные комнаты, зал, застеленный домоткаными дорожками. В доме — спасительная прохлада и успокаивающая тишина. Всё как надо. Байкальский быт нам сродни. Мы сняли обувь и верхнюю одежду в сенях, и хозяйка повела нас в зал. Здесь мебель стояла на своих местах: комод, этажерка с книгами, сервант с хрустальной посудой, сундук, накрытый рисованным ковриком, и большая, с блестящими набалдашниками, кровать, над которой возвышался на стене персидский ковёр с красными узорами. Подушки на кровати положены одна на другую стопкой, а сверху прозрачная накидка. Кожаный диван с зеркалом, соратник эпохи культа личности, стоял в этом же зале. Напротив него — круглый стол под белой скатертью, уставленный аппетитными закусками.

Мы сели на кожаный старинный диван в ожидании хозяек, а Михалыч начал рассказывать, приглушая свой голос:

— Мужа у моей сестры нет давно уже. Полечка, племянница моя, маленькая ещё была. Заломил медведь зятя моего. У Шаман-камня это было. Он бруснику собирал, брусники в тот год уродилась море. И медведь-то осенью не бросается на людей. Да это была медведица, а пестунов её местные мужики выловили — в зоопарк, в столицу нашей Бурятии. Её ранили, собаки её подрали, а двух медвежат они притащили в деревню. Через неделю приехал с города покупатель и увёз этих двух котят в железную клетку. Это летом было. А осенью уже все и забыли, что медведица мстить может, да ещё как! Все так и думали: раненая, померла где-нибудь в тайге. Нет, друзья, мстить она начала: Сначала в деревне Адамово женщину растерзала, потом в Нестерехе охотника выследила, тоже порешила. Да, говорят, ещё живого деревьями завалила, чтобы он умирал, мучился за её детишек, хотя он ни при чём был. Но для неё человек — убийца. Той осенью брусника уродилась, на косогорах особенно, на них она раньше поспевает. Говорила сестра: «Не ходи, Степан, прошлогодней ягоды полно». — «Нет, пойду рябчиков постреляю». Ушёл и не вернулся вечером, не вернулся утром следующего дня. Созвали деревенских мужиков-охотников, собак взяли, недалеко и нашли — всего разорванного, кровью истёкшего. Так же, змеюга, завалила его валежникам. Стали обследовать: ружьё лежит, два патрона в стволах стреляных. Значить, он стрелял в неё, да дробью — что ей будет? На рябчиков пошёл, а дробь бекасиная, номер пять. Что ей от этого выстрела будет? Собаки взяли след, мы за ними. Километра через два лежит у ручья, только голову поднимает. Оказывается, успел Степан выстрелить дуплетом в живот ей, дробь кишки пробила. Раненый зверь лапой из себя кишки выдрал, рана серьёзная. Знал Степан, куда стрелять, живот у него — самое слабое место. Добили мужики эту несчастную мамашу-медведицу, а шкуру сняли и Лиде отдали как память. Да только Лида не смогла на неё смотреть, лет пять как я продал её на базаре.

Хозяйка на некоторое время покинула нас — наверное, прихорашивала Полину. Михалыч всё рассказывал нам о сестре и племяннице.

— Полина уже выучилась и работает учительницей в районном центре, в Баргузине. Живёт в общежитии, на выходные приезжает помочь матери.

Мы сидели на старинном диване, слушали Михалыча, когда в зал вошла молодая красивая девушка. Михалыч соскочил с дивана, путаясь в своих ногах; он протянул жалобно руки.
— Полиночка,—повторял Михалыч и целовал её в щёки,—деточка, дядя с друзьями заехал вас проведать.

Без всякого умысла она улыбнулась:
— Вчера только был. Мы и грибков с подвала не успели достать.

Дядя слегка сконфузился, но, не подав вида, начал о картошке, о помидорах разговор. Потом спохватился, подвёл Полю к нам, мы встали и протянув по очереди руки—знакомились.
— Очень приятно,—сказала она, внимательно нас рассматривая.

Потом она остановила свой взгляд на Игоре, она ему улыбалась. «Проинструктировал Михалыч»,—с изжогой подумал я. А всё-таки жених он, чего злиться?

Мы почти были ровесники, я, может быть, чуть-чуть помладше, но на неё я смотрел как-то совсем по-другому, чем на девочек, которых я знал. А смотреть было на что!

У неё были светло-зелёные глаза, тонкие изогнутые чёрные брови. Когда она улыбалась, ямочки на щеках делали овал её лица нежным. Я первый раз видел такие в бантик сложенные губки, что застеснялся сам грешных своим желаний. Волосы её были каштанового цвета, пряди прикрывали нежный овал лица, а сзади заплетались в косу. Я невольно подумал: Олеся, героиня Куприна.

Меня вдруг прервал голос хозяйки Лидии Михайловны:
— Гости дорогие, прошу вас к столу!

Михалыч суетился, подставляя нам венские стулья, приговаривая:
— Отведаем угощения!

Стол ломился от яств: Тут были жареная курица, котлеты в бульоне, маринованные опята, квашеная капуста, огурцы солёные и, конечно, царица стола—картошка-пюре в большом разрисованном блюде. Не позабыла хозяйка и о запотевшей бутылочке «Столичной». Компот был налит в красивом графине.

Михалыч преобразился, он исполнял роль хозяина и тамады, командовал и разливал. Сыпал прибаутками, а где и повторял: «Ваш товар—наш купец»,—и всё это выходило у него складно, без запинок и пауз.

Наконец, когда всё было разлито, наложено в наши тарелки, Михалыч поднялся и с рюмкой в руке провозгласил тост—за хозяйку, за её дочку, за бурятского бога Бурхана, но вдруг увидел, что у Игоря в рюмке налит компот, изменился в лице, посерел разом.
— Ты что, Полечку с Лидочкой не уважаешь? Ты что, им зла желаешь?

За столом нависла тишина. С минуту мы приходили в себя, я сказал:
— Михалыч, Игорю нельзя даже капли выпивать после болезни, ему врачи запретили.

Я думал, на этом и кончатся все обиды, но этого старого понесло... Он почему-то вспомнил армию, больных коней, которых звали чаморошными, сословья и рода древних и добавил:
— Ты нас уважаешь?

Я видел, как бледнел и краснел Игорь, как на него смотрели тётя Лида, красавица Полина—они молчали...
— Ты что, Михалыч?—возражал я.—Так мы не договаривались, тебе ясно было сказано: нельзя!
— Ничего не знаю. Может, на работе нельзя, а здесь люди ждали, готовились!

Я даже почувствовал, как нехорошо было тёте Лиде и Полине, как они были сконфужены за брата и дядю: из-за такого пустяка он нёс пургу и создавал неудобство за столом.

Желваки шевелились на скулах Игоря. Нам встать бы да уйти... Игорь поднял наполненную водкой рюмку, стоя выпил.
— Вот молодец,—одобрял Михалыч, наполняя вторую рюмку Игорю.—Между первой и второй промежуток небольшой,—сыпал прибаутками Михалыч.

Он снова начал наливать—третью. Игорь накрыл рюмку рукой.
— Нет, нет, дружок—Бог любит Троицу.

Мы и не заметили, как в его руках появилась вторая бутылка «Столичной». Разговор не клеился. Поговорили о погоде, о рыбалке, как обычно, о заготовке дров на зиму. Михалыч опять завёл разговор о купце и товаре, подмигивая то Поле, то Игорю, а иногда, всё путая, и мне. Водка начинала действовать, и первое, что я услышал,—это желание Игоря:
— А у вас есть музыка?

Он взял бутылку, налил себе в рюмку, поднял и сказал:
— Ну что, выпьем, старая сволочь? Полечку я унесу в тундру...

У Михалыча отвисла челюсть, он открыл рот, но не мог его закрыть ни с первого, ни со второго раза—мычал только. Тётя Лида перекрестилась, а я понял: с Игорем происходит то, чего я не знал и не видел. Он наливал себе, запрокидывая голову, вливал рюмку за рюмкой в рот. Видя это, я отобрал у него бутылку. За столом царили конфуз и молчание остальных.

Он повернулся ко мне. В его глазах я не увидел прежнего Игоря, на меня смотрел дурак, как разлившаяся река, безумно топя всё, что попадалось на его пути.
— Ну, как я выгляжу?—спросил он, как будто мы были вдвоём за столом.

Ему что-то мешало на лице, он взял и смял в кулаке несколько салфеток и стал ими растирать себе лицо. Я спросил:

— Игорь, тебе плохо? Пойдём выйдем на улицу?

Он не понимал меня, а был в своём каком-то мире. Михалыч не пил и не жевал, он схватил вазочку, в которой были салфетки, спрятал её от Игоря.

— Ну как я, ничего?—обращался он к Поле.

Он подсел к ней ближе и стал нагло обнимать за талию.

— У тебя сеновал есть?—он всё больше не увязывал слова со смыслом.—Включите музыку, мы лучше потанцуем танго!

Тётя Лида, испуганная, не зная, что делать, пошла и включила свою радиолу «вэф». На чёрном блестящем диске было написано: «Песни Людмилы Зыкиной». Из динамика красивый голос певицы пел: «Малая земля—священная земля…»

Игорь прямо выскочил из-за стола. На одной ноге он стал кружиться на месте, не обращая ни на кого внимания. Тётя Лида качала головой, смотрела то на Игоря, то на своего брата, а Поля вообще убежала из-за стола. Закрылась в своей комнате.

Игорь стоял на одной ноге, вращал руками, как будто плыл по реке. Он сорвался с места и двумя руками вцепился в персидский ковёр, который висел над кроватью. Срывая его с гвоздей, кричал:

— Это все моё, хозяйское добро!

Повалился с ковром на пол, роняя по пути с тумбы радиолу «вэф».

Михалыч, бледный, как поганка, бросился вытаскивать чудака из-под ковра. Тётя Лида закричала:

— Караул! Какого чёрта ты нам привёз?

— Полотенце давай, Лида, дурака вязать надо. Александр, помогай…

Мы с тётей Лидой стали помогать Михалычу вязать Игоря по рукам и ногам. Может, всё на этом и кончилось бы, но Игорь был силён и жилист, он разбросал нас и выбежал во двор.

Во дворе он чудил. Игорь гонялся за утками и гусями, что к вечеру явились в свой двор и в свою стайку. Гусиный гогот, лай собак, матерщина внутриутробная и драка. Мы выбежали на улицу. По ограде летало перо, два гуся валялись во дворе без голов. Они были ещё живы и поднимали свои шеи без голов. Игорь дрался с соседом. Сосед, сорокалетний парень в тельняшке десантника, прямым ударом в челюсть опрокинул Игоря на землю и орал:

— Ты за что моих племенных гусей погубил? Ты кто такой, дядя?

Игорь тоже орал:

— Мама, убивают, гуси заедают, они Рим спасли, а меня все бросили!

Михалыч схватил Игоря за грудки, прижал его к земле. Я ухватился за ноги.

— Лида, неси покрепче верёвку, вязать его надо. Дом сожжёт.

Тётя Лида принесла неводную толстую капроновую верёвку, на которой таскали копны сена. Вязали мы Игоря крепко, нам помогал сосед. Бить я Игоря не давал, повторяя им, что Игорь—больной человек. Мы отнесли его в лодку, постелили телогрейки в носу лодки и положили на них Игоря. Лёжа на носу лодки, связанный, он орал:

— Не нужен мне берег турецкий, и Африка мне не нужна. Дайте свободу Анджеле Дэвис! Где мои пиастры?

Что у него творилась в голове, знала одна медицина. Мы с Михалычем рассчитались за гусей с соседом, помогли тёте Лиде поднять радиолу с пола, по-быстрому попрощались, оставив всю рыбу хозяйкам, и уже при первых звёздах по течению тронулись домой.

Ночь накрыла своим чёрным подолом дальние горы, лес и болотистую местность на той стороне реки. Где-то ещё на западной стороне, где лежал Байкал, светилась красная полоска на смыкающемся горизонте, обещавшая завтра ветер. Крякала утка, прорывался рык сплавных буксировочных катеров, а по воде прямо к нам простирались световые дорожки от огней, освещающих сплав, рыбозавод, пирсы. Мы тронулись. Зашипела вода под носом лодки. Струи тёплой, за день нагретой солнцем воды ласкали руку. Я сбавил скорость: здесь много топляков, нам неприятности не нужны.

Игорь молчал, уткнувшись в телогрейки на носу лодки. Михалыч был сер, как земля, видно было, что он вообще пал духом от провалившегося сватовства Полины.

Мы причалили к водозаборному пирсу, где стоял у сторожа мой мотороллер «Муравей». Когда нас осветил свет от ламп на пирсе, я увидел, что Игорю плохо, он стонал, белая пена выходила у него изо рта. Я в испуге перевернул его на бок.

— Михалыч, быстрей! Грузим Игоря на мотороллер и везём в больницу. Ему плохо. Ему совсем плохо. Что мы наделали?

Михалыч нехотя помогал мне уложить Игоря на телогрейки в кузов «Муравья», сам же ехать в больницу отказался.

— Я посторожу вещи. Приедешь, загрузим—и по домам.

Хорошо, что в нашей больнице мы знаем всех врачей. Мне повезло, в приёмном покое находился дежурный врач Антон Павлович Конев. Это хирург от Бога, он много лет оперирует, лечит людей, и мы все ему благодарны.

Он осмотрел Игоря, расспросил меня. Я честно рассказал, что Игорь болел вирусным менингитом, что мы на рыбалке выпили, что Игорь чудил.

Врач Конев покачал головой.

— Очень тяжёлый случай. Вам что, не дорог ваш товарищ? Первым делом промоем желудок, капельницы поставим. Вызывайте родственников, чтобы они привезли выписку из истории болезни. Надеюсь, что молодой организм справится, но лежать ему долго, лишь бы не впал кому.

Я вернулся на пирс, где остался Михалыч сторожить вещи, но его уже не было. Михалыч собрал свои вещи, удочки и спокойно ушёл домой. Теперь мы с Игорем ему были не нужны.

У нас оставался один день выходного, поэтому я сходил в отдел кадров, взял у кадровика адрес родителей Игоря, дал им телеграмму, как велел врач Конев. Я зашёл на обратном пути в больницу—узнать о состоянии здоровья Игоря. Игорь лежал в реанимации, куда меня не пустили. Дежурный врач сказал мне, что Игорь впал в кому.

Не было ужасней этого дня, когда я остался один на один со своей совестью. Я терзал себя: зачем я поехал, зачем согласился на эту авантюру? Пусть сами решали бы свои вопросы сватовства и знакомства. Кто я такой? Просто знакомый, коллега по работе, и всё. Теперь я буду прямой виновник, если Игорь не выживет. Михалыч ещё там, в деревне, сделал вывод, что Игорь ему и его Полине не приглянулся. Ещё там, на берегу, кричал: «Нам такой зять, пьяница и дурак, не нужен! Хорошо, что напоили и всё увидели. Пусть в другом дворе невесту поищет, а мы даём от ворот поворот».

Я вдруг стал понимать, что этот предприимчивый дядя имел свою технологию по подбору женихов своей племяннице. Мы с Игорем попали в его хитро расставленные сети. Я вспомнил, как некоторые наши рабочие, смеясь, говорили: «Опять Михалыч жениха нашёл своей Полине? Подкармливает и подпаивает претендентов».

Прямо какое-то средневековье! Но в жизни это было так. Утром следующего дня, когда мы вышли на работу, я, переодевшись, вдруг услышал из курилки доносившийся хохот. Я вошёл в курилку и увидел, как окружённый нашими рабочими Михалыч смачно рассказывал об Игоре, о рыбалке и…

— И сорвал ковёр со стены, кричал: это всё моё! А я подливаю ему водочки. Посмотрим на тебя пьяного, парнишка. Вот бы Полечке моей досталось в замужестве за таким! Ха-ха, ха, не прошёл испытания… Я сразу сказал этому Игорю…

— Ну и гадкий ты человек, Михалыч, редиска! Был бы помоложе ты—по-другому бы с тобой поговорил! Я тебе твердил, и Игорь умолял, что он не пьёт, а ты в своих эгоистических интересах довёл человека, что он в реанимации,—выпалил я Михалычу.

Он замолк и, глядя на меня, как будто я это всё устроил, ответил:

— Вот когда будешь своих детей иметь и у тебя дочка на тридцатом году будет не замужем! А детишек, внучат нет! А как от больного рожать? Проверить надо?

Он орал мне прямо в лицо. Брызги от его слюны чуть не долетали до меня.

— Человеком надо быть, Михалыч! Твои приёмы или иезуитские обычаи убивают в нас людей. Твоё личное несёт горе и страдание другим. Мы вот с тобой здесь, а Игорь в реанимации, и не знают, выживет ли он после такой болезни. Вчера родителей врач велел вызвать. А помрёт если? Нас с тобой судить будут. Твоё испытание—издевательство над человеком. Тебе сто раз сказали: не пьёт, нельзя, болен.

Смех резко прекратился. Михалыч посерел в лице; было видно, как испуг остановил его потехи. Я добавил:

— Посадят по статье «Покушение на жизнь», врачи констатировали отравление. На старости лет пойдёшь не на пенсию, а в лагерь за свои проделки.

Он совсем подогнул колени.

А лето старалась, грело нас за все холодные месяцы зимы. Светило солнце, в воздухе тополиный пух летал так, что щекотало в носу. Небо было голубое, без облачка, и от солнца по всему небу большой радужный круг кольцом катился по чистому простору с солнцем, и казалась: солнце—это ось, а радуги круг—колесо. Вершины тополей хлопали в ладоши, когда лёгкий байкальский ветер влетал в их кроны, и этот шум исчезал в мареве разогретого воздуха. В траве стрекотали кузнечики, чирикали воробьи, пчёлы целовали цветы—всем сказочно хорошо летом.

Я снова подумал об Игоре, и мне снова стало нехорошо на душе. «После смены поеду к нему в больницу»,—думал я, успокаивая себя.

После того как я отработал смену, я решил зайти домой, а уже после идти к Игорю в больницу. У моего дома на нашей лавочке сидела Поля. Поля ждала меня уже давно, и когда я подошёл, она встала. Мы поздоровались.

— Мне совсем не радостно, и я не злорадствую, что получилась так у нас. Мой дядя—недалёкий человек, со старым укладом по жизни. Человек он хороший и домовитый. Я хотела бы увидеть Игоря и сказать: «Игорь, извини с этой выпивкой». Я прекрасно поняла, что он специально закатил этот концерт, обидевшись на дядю.

Я ничего не стал ей рассказывать и посвящать в детали. Она не знала, что Игорь в больнице.

— Вы знаете, Полина, Игорю действительно нельзя пить. После болезни, перенесённой в детстве, врачи на выпивку наложили табу. А Игорь разволновался.

Я старался преподнести ей всё помягче и, видя в её глазах накатившиеся девичьи слёзы, понял, как она неравнодушна к Игорю.

— Если ты хочешь, пойдём проведаем его в больнице,—сказал я ей просто.—Он, наверное, будет рад!

Я взял дома кое-что из продуктов: ягоды брусники, чтоб ему делали морс, курить, пирога рыбного, который накануне испекла мама. Мы пришли в приёмный покой Усть-Баргузинской больницы. Первое, что услышали мы от дежурного врача,—это была хорошая новость: Игорь пришёл в себя.

Нас, конечно, не пустили в реанимацию, но мы поднялись к окну. Поставив рыбный ящик под ноги, мы в раме окна показывали Игорю жестами: мы здесь, рядом, и переживаем за него. Игорь, накрытый белой простынёй, лежал подключённый к капельнице. Изголовье его кровати было поднято высоко. Он без труда видел нас, помахивая свободной рукой, он нам улыбался. Мою передачу поставили в холодильник, который стоял в коридоре больницы, подписав кому. Дежурный врач сказал нам:

— Дня через три приходите, переведём в общую палату. Организм молодой, справится.

У меня на сердце было светло и радостно. Игорь будет жить. Полина тоже была в хорошем настроении. Я рассказывал ей, какой Игорь хороший друг. Как он умён и грамотен в нашей профессии, как он не побоялся пойти сначала поработать кочегаром, познать профессию с азов. Она улыбалась и сказала мне:

— Вы знаете, Александр, мне чудится, что я давно-давно с ним знакома, мне кажется, я с ним встречалась где-то. Во сне, что ли? Вы как хотите, я завтра приеду к нему. Я не знаю, почему меня к нему тянет.

Она попрощалась со мною, я смотрел ей вслед — на её заплетённую косу, на девичий лёгкий стан. Я невольно любовался ею, завидовал Игорю.

Ночью меня разбудил стук в ворота. Я пошёл открывать, спросил кто и удивился. Это приехали родители Игоря, которым я давал телеграмму. Это были солидного вида люди, что они учителя — было видно по интеллигентному общению. Меня они долго расспрашивали, мама Игоря украдкой вытирала слёзы, отец ко мне обращался на «вы» и с добавлением: «Скажите, пожалуйста, Александр». Я, конечно, рассказывал, как всё было хорошо, но и как мы в гостях выпили. Просили проводить в больницу. Они не стали пить чаю, не захотели отдохнуть с дороги: сын, их любимый мальчик, был ещё в опасности.

Утро мы встретили на лавочке в аллеях больничных акаций. Рыбный ящик возле окна реанимации был помощником свидания родителей с сыном.

В больницу мы вошли в семь утра, родителям выдали белые халаты, и они вошли Игорю в палату. Я пошёл домой. Мне не хотелось быть свидетелем материнских слёз. Я решил, что к Игорю приду дня через три, впереди у меня две смены работы в ночь.

Я вышел на работу в ночь, мечтая, что уже скоро поеду поступать в машиностроительный вуз. Во время смены подошёл наш дежурный электрик Алексей Курносов, он спросил:

— Ваш Александр Михалыч подал заявление, срочно уходит на пенсию, а пока взял отпуск. Ты, говорят, посадить его хочешь за то, что он вас отравил водкой заговорной? Мужики говорят, в бега Михалыч хочет податься?

Мне стало смешно: видимо, этот Михалыч «капканов» нам наставил, даже водку заговорил. Я посмеялся. Игорь шёл на поправку. Ответил электрику:

— Наш Михалыч проказлив, как кошка, а труслив, как заяц, сам себе ужасу нагнал. Скажи ему: пусть спит спокойно, все живы.

Я не хотел вспоминать, как сам натерпелся этого ужаса, но всё уже было позади.

Через три дня я пошёл проведать Игоря. Придя в больницу, я в приёмном покое встретился с родителями Игоря. Я спросил, где они остановились.

— У Полечки, у Игоревой невесты, мы уже три дня там живём! В Макаринино ездим, там и Лиде по хозяйству помогаем.

У меня чуть не раскрылся рот от удивления. Прошло три дня, а тут уже играйте свадьбу!

— А где Игорь? — спросил я их.

Они мне показали аллею, где стояла лавочка, там я увидел державшихся за руки двух влюблённых. Они ни на кого не обращали внимания, что-то рассказывали друг другу, у Полины на плечах был надет пиджак Игоря. Я посмотрел на них и подумал: «Как мало и много надо людям для счастья, и сколько неизведанных и извилистых троп лежат к двум сердцам. Вот они счастливы, это видно по их глазам, а столько было суеты и финта, столько неприятностей! И слава Богу — нашли друг друга. Не буду им мешать уйду домой».

Прошло тридцать лет. Они тридцать лет муж и жена. У них двое детей, четверо внучат. Игорь Анатольевич — директор ТЭЦ города Владивостока, он защитил по теплу кандидатскую. Михалыча давно простили. И ему они говорят: «Судьба ты наша», — а он катает на своей больной спине правнуков, превращается легко в «коника», а выпить водки — Боже упаси, и без неё можно жить счастливо.

Осип Фуфачев

Впереди была дорога назад

Автостопный рассказ

Есть только дорога, а всё остальное — смерть…
А. Непомнящий

Гм… Ну, начнём с того, что я совершенно не знаю, о чём писать. Просто сижу, подперев ладонью подбородок, и таращусь по сторонам. Дело даже не в том, что я не вижу сейчас осенних октябрьских туч над окраиной Красноярска, грязно-синего скрежещущего «жигулёнка» на пустой дороге, исчезающих за поворотом товарищей. Нет, напротив, эта картина вырисовывается в памяти довольно ясно, просто я понятия не имею, куда эта самая память меня заведёт и что в итоге получится. Что ж, буду ловить проходящие мимо мысли: может, одна и притормозит у обочины. Так это и происходит: есть начало пути, конечная цель, а остальное подёрнуто туманом. Наверное, так и следует об этом писать…

Вот дорога, вот октябрьские тучи, я вижу вдалеке синий «жигулёнок», и рука отрывается от клавиатуры с поднятым вверх большим пальцем. Как и тогда, успеваю подумать: а на хрена мне всё это надо, и зачем я в это ввязался? — но моя попутчица, девочка шестнадцати лет, уже смотрит на меня вопросительно, и я вновь кладу руки на клавиши. Итак, поехали!

Хочется сказать предварительно: «Было что-то тогда в этой осени», — но нет, ничего особенного в ней не было. Осень как осень. Хмурые прохожие, хмурые дома, ветер колючий, предчувствие скорой зимы и незавершённость короткого лета. Мы с утра до ночи бродили по пустеющему городу без особой цели и каких бы то ни было перспектив. И осень постепенно выдворяла нас с наших любимых улиц.

Помню, подбила нас на эту авантюру как раз моя будущая попутчица, девочка шестнадцати лет, с огромными карими глазами и тягой к разным дурацким затеям. Мы встречались с ней какое-то время, гуляли рядышком, держались за руки, целовались украдкой у неё на балконе и там же втихаря пробовали курить. Опять же её инициатива, «дурацкая затея», от которой я не избавился до сих пор. Кроме того, она оставила мне на память след от своих зубов — укус на запястье, несколько шрамов и, что, пожалуй, страшнее всего, удивительную способность не видеть ничего дальше света фар попутной машины, случайно подобравшей меня на жизненном маршруте. Так теперь и живу: есть начало, цель, а в остальном — будь что будет. Только ночь, дальний свет фар и летящие навстречу автомобили, с которыми мне не по пути.

Но всё это было несерьёзно. Да и что могло быть серьёзным в нашем возрасте? Осень прогрессировала вокруг, как проказа, покрывая зелёные ещё листья жёлтыми струпьями. Тучи мокротой скопились в небе, нехотя прорываясь вялым кашлем дождя, и каждый день становился холодней предыдущего. Это, пожалуй, беспокоило больше всего. Неизменная старенькая гитара стала лаять на холоде раздражённо, замёрзшие пальцы отказывались гнуться на струнах. В любимых двориках гулял ветер. Лето ушло, и держаться за руки стало неприятно.

Тогда ушла и она, девочка шестнадцати лет. Ну, не то чтобы ушла, просто пропала, и никто не знал куда. Честно говоря, не помню, чтобы я был сильно этим обеспокоен; нет, конечно, мне было не наплевать, просто тогда я не слишком ценил в людях верность, и у меня легко нашлись другие занятия. К тому же, зная её нрав, я резонно решил, что ей пришла в голову очередная глупость; как впоследствии выяснилось, я оказался прав.

Объявилась она лишь в октябре, когда лужи по утрам стали покрываться тонкой корочкой льда, а ветер гонял вместе с пылью сухие обрывки листьев.

Не особо утруждая себя объяснениями, она рассказала нам вкратце о своих новых друзьях, о местах, где побывала, не преминула добавить о вольной жизни путешественника и, окинув меня выразительным взглядом, подытожила свой рассказ тем, что объявила нашу прошлую жизнь сплошным развратом и пьянством. Сарафанное радио работало отлично, и ей уже были известны все мои нехитрые забавы. Так или иначе, монолог её сводился к тому, что в следующую поездку мы отправляемся вместе, то есть вся наша маленькая компания, что скрылась от ветра в ближайшем подъезде и с грустью созерцала погоду за окном.

Один парень, лишь глянув на улицу, просто покрутил пальцем у виска, другой обещал подумать, я же согласился сразу.

Во-первых, я был задет её поведением, тем, что она вот так запросто является ко мне через долгое время, как будто ничего не случилось, тем, что глаза её сверкают, она весела, счастлива и даже не думает извиняться.

Во-вторых, в моей жизни ещё не было ничего подобного, и я не хотел упускать возможность опробовать всё на себе. В конце концов, у неё получилось — почему бы и нет?

И в-третьих, откуда мне было знать, что, когда я выйду на трассу, хлопну дверью первой же разбитной легковушки и она отвезёт меня на несколько километров от города, километры эти начнут удлиняться, вытягиваться, с чудовищной скоростью наматываясь на счётчик моего одометра, и со временем превратятся в бесконечную шипящую под колёсами ленту?

Откуда мне было знать, что назад повернуть станет невозможно, что, куда я теперь ни отправлюсь, я буду ехать только вперёд и не увижу больше висящих над окраиной города осенних октябрьских туч? (Позже, сколько раз я туда ни возвращался, они всегда были другими.)

«Всё отныне твоё: фляга с тёплой водой, города и вокзалы, ужас белых полей…» — меня об этом не предупредили. Может, и я бы покрутил пальцем у виска!

Как бы то ни было, через день вся наша небольшая компания стояла на окраине города, с тревогой всматриваясь в безжизненные поля, начинающиеся вслед за домами, и поглядывая на плывущие над полями невесёлые тучи. На дорогу длиной в тысячу километров у нас на четверых оказалось: вода, две банки тушёнки, полбулки хлеба, бутылка водки (чисто в профилактических целях), и пятисотрублёвая бумажка, которую один из моих товарищей незаметно выудил у матери из кошелька. Ещё был старенький фотоаппарат «ФЭД», и мы воображали, что станем встречаться в каждом городе на нашем пути и непременно фотографироваться на фоне его достопримечательностей. Так мы, ещё никуда не отъехав, делились друг с другом радужными планами, а наша более опытная подруга неизменно хранила таинственное молчание.

Приходило время расставаться. Что естественно в таких ситуациях, вчетвером мы ехать не могли, и, решив разбиться на пары, принялись делить провизию. Это, конечно, сопровождалось галдежом, и моя необыкновенно молчаливая сегодня попутчица, заглянув в рюкзак, извлекла оттуда лишь хлеб и, кажется бутылку с водой. На мой немой вопрос бросив коротко:
— Мы и так доедем, — сунула это всё в нашу дорожную сумку.

Несколько погрустнев, я побродил вдоль дороги, подобрал обрывок картонной коробки и, помусолив найденный в кармане карандаш, принялся писать. После чего я подошёл к чахлому, растущему здесь же дереву и закрепил на нём картонку.
— Ну что ты там застрял? — окликнула меня моя спутница. — Машина едет, лови давай!

Повернувшись, я неопределённо махнул рукой. Потрёпанный синий «жигулёнок», поравнявшись с нами, резко затормозил, скрипнув при этом всеми своими деталями, дверь приоткрылась, и, засунув голову в салон, я увидел вполне добродушное лицо мужичка-фермера, который, улыбаясь, спросил меня:
— Куда вам ребятки?

Растерявшись, я просто кивнул головой в сторону горизонта и тупо ответил:
— Туда!
— Садитесь, — усмехнулся фермер в усы.

Мы сели, двери захлопнулись, и машина, кряхтя, тронулась. Я оглянулся: товарищи махали нам вслед руками, стоя у низкорослого деревца, да трепыхалась на нём картонная табличка с карандашной надписью «Красноярск — Новосибирск», выведенной на ней моею рукой. В последний момент порыв ветра сорвал её с деревца, и она, кувыркаясь и весело подпрыгивая на мёрзлом асфальте, полетела вслед за машиной.

С каждым километром тревога моя увеличивалась, и хотя жил я один, вдали от родных, в студенческой общаге, и вдобавок платил нерегулярно, рискуя со дня на день вылететь на улицу, всё же это был город. Там ходили поезда, были телефоны, друзья могли выручить в любую минуту, и я чувствовал, что не одинок. Здесь же, на трассе, рядом с незнакомым человеком, в чужой машине, я совсем растерялся, моя упорно продолжавшая молчать подруга ничуть меня не успокаивала. За стёклами тянулись всё те же унылые поля и убегала вперёд к горизонту серая полоска шоссе. Изредка попадались небольшие деревушки, дачные посёлки, или одиноко торчащие по обочинам пустые коробки автобусных остановок. То здесь, то там однообразие пейзажа разбавляли куцые пролески, лепившиеся тёмными пятнами к просёлочным дорогам, в разные стороны разбегавшимся от основной магистрали.

У одной из них наш шофёр начал сбавлять скорость.
— Ну что, ребятки, мне направо, — улыбнулся он, блеснув из-под усов золотыми зубами, которых я раньше не заметил. — А вам, я так понимаю, прямо, да? Давно хоть едете?
— Не очень… — наконец подала голос моя спутница.
— Ну, счастливо вам добраться, ребятки! — оскалился шофёр.

Я горячо поблагодарил его, и вскоре «жигулёнок», гремя и поднимая облака пыли, скрылся за деревьями, оставив нас одних.
— Даже не спросил, куда мы едем…—задумчиво протянул я.
— Может, он знает!—буркнула в ответ девушка.— Я его ещё на Байкале видела, когда первый раз стопом ездила…
— То есть как?!—изумился я, ещё не знакомый с разного рода чертовщиной, поверьями и необъяснимыми явлениями, в изобилии водившимися на трассе.
— Ты, когда спрашивают: «Вам куда?»—говори: «В сторону Новосибирска»,—не обратив внимания на моё удивление, продолжила она.—Вдруг машина туда и идёт, а если нет, то хотя бы до ближайшего поворота подбросят! И на регион смотри: если пятьдесят четвёртый, то это наш клиент, можешь хоть под колёса прыгать, чтоб его остановить!
— Ладно,—я посмотрел направо, потом налево— на трассе не было видно ни одной машины.—Что дальше?
— Дальше? А дальше пошли!—просто сказала она и, не дожидаясь меня, зашагала вдоль дороги.
— Куда?
— В Новосибирск!—улыбнулась она через плечо.

Следующей нашей остановкой было придорожное кафе, приткнувшееся боком к опушке леса. Когда мы, с ног до головы покрытые пылью, повалились на лавочку возле него, только что вышедшее из-за туч солнце уже садилось за кроны деревьев. От леса тянуло сыростью, и синие сумерки ползли оттуда на асфальт, ощупывая его трещины и ямы, прячась в них до утра. В небе стали загораться маленькие пугливые звёздочки, но с каждой минутой наступающей ночи их лукавое мерцание становилось всё ярче, и вот уже они повисли совсем близко, над самыми верхушками деревьев, отражаясь в чёрном влажном асфальте, как в тёмной глади воды.

Я с наслаждением вытянул уставшие ноги и закурил, привалившись к спинке скамейки. Глядя на стремительно темнеющий небосвод, я думал о том, что совсем недавно смотрел из окна в освещённое фонарями городское небо, пока мои друзья собирались в дорогу. Разглядывал знакомую улицу, видел, как в соседних домах загорались окна.

«Ничего общего со звёздами!»—невольно помотал я головой. И мне вдруг сразу расхотелось вспоминать об оставшемся за спиной городе, казавшемся теперь бесконечно далёким. Я даже перестал смотреть в ту сторону, откуда мы пришли. Интересно было только, где сейчас находятся наши товарищи. Не выйдут ли они, такие же пыльные и усталые, из темноты к этому кафе? Обогнали они нас или шагают где-то сзади, покуривая, по блестящей в ночи магистрали? Может, присели перекусить или ловят машину? За сколько километров они от нас?

На всякий случай я осмотрелся. Силуэты припаркованных неподалёку трейлеров напоминали туши расположившихся на ночлег доисторических ящеров, играющая в кафе тихая музыка и приглушённое бормотание отдыхающих там дальнобойщиков нагоняли дремоту. Сидевшая рядом девушка совсем притихла, большие глаза её блестели в темноте, уголёк сигареты то мерно вспыхивал, то постепенно угасал, покрываясь пеплом.
— Почему ты раньше не брала меня с собой?— посмотрев на неё, тихо спросил я.
— Не хотела… Не хотела делиться…—помолчав, ответила она, осторожно положив мне голову на плечо.

Обняв, я попытался привлечь её к себе, но она мягко отстранилась.
— Может быть, поедем? Ночью будет холодно…
— Машин нет. Или опять пешком поедем?
— У тебя есть мелочь?—спросила она, чему-то улыбнувшись.—Кинь на дорогу…
— Зачем?—опять удивился я, шаря по карманам и доставая оттуда копейки.
— Дань духам трассы… Попробуй!

Я встал, дошёл до обочины, посмотрел в разные стороны—машин опять не было—и, взвесив мелочь на ладони, бросил её на асфальт. Монетки, блеснув, со звоном покатились по нему. И не успел их звон затихнуть, как замелькал среди деревьев свет мощных фар, раздался гул двигателя, и тяжёлый бензовоз, присев на все свои шесть колёс, как на мягкие лапы, остановился напротив меня.

Ошарашенно взобравшись на подножку, я потянул дверь. Уж не знаю, кого я собирался увидеть за рулём, заглядывая в кабину,—гнома, эльфа или Бабу Ягу, но на мой вопрос:
— В сторону Новосибирска не подбросите?—утвердительно кивнул всего-навсего усталый дальнобойщик, в тельняшке и с жёваной сигаретой в зубах.

Он буднично предупредил, что у него только два места, и мы полезли в кабину. Но напоследок я взглянул всё же на освещённый фарами асфальт у самой морды тягача, куда я швырнул мелочь. Никаких монет там и в помине не было!

В тепле, чувствуя, как за спиной гулко ударяются о стены цистерны сорок тонн горючего, и начиная дремать, я слабо следил за деревьями вдоль шоссе, за их прыгающими в свете фар тенями. Тени метались, дёргались, выскакивали на дорогу перед машиной и снова исчезали в лесу. Казалось, в темноте чащи они бегут вровень с нами, толкаются, запнувшись, попадая в сноп света, стремглав бросаются обратно.

Тяжёлый бензовоз с зевающим за рулём водителем в тельняшке и двумя юными пассажирами

уходил всё дальше, разбрызгивая свет мощных фар по влажному асфальту. Шипела под колёсами чёрная лента. И охраняли его в темноте духи трассы, провожая до самого утра.

На следующий день, стоя на развилке, мы с недоверием разглядывали стрелки указателей. Бензовоз, погудев на прощание и, словно из ноздрей, выпустив из труб над кабиной клубы чёрного дыма, повернул влево и вскоре исчез.

Дорога в этом месте прерывалась перекрёстком, далее виднелся виадук, на котором висел синий щит с многочисленными названиями окрестных населённых пунктов. Как назло, нашей пятьдесят третьей магистрали поблизости не было, она, согласно указателю, находилась в двух километрах от этого места; видимо, ночью мы проехали дальше, чем того требовалось.

Мы сверились с картой в автомобильном атласе, который моя спутница предусмотрительно захватила с собой. Поскольку м53 проходила под углом от этой дороги и встречалась с ней только через пару километров, решено было не делать крюк, а срезать путь через сосновый лесок, примкнувший к обочине. Мы покурили, съели остатки хлеба и, спустившись по насыпи, вошли в лес.

Поначалу ничего странного мы не заметили. Лес как лес, не очень густой, вокруг росли молодые стройные сосенки, изредка попадались кустарники, но без буреломов,—в общем, идти было удобно и легко, и мы радовались, что не приходится дышать сейчас придорожной пылью и копотью надоевшей трассы. Повеселев, мы стали кидаться шишками, в изобилии валявшимися повсюду, и гоняться друг за другом, прячась среди деревьев. Так, смеясь, мы продвигались в глубь леса, оставляя за спиной дорогу, шум которой был уже почти не слышен.

Но чем дальше мы уходили от неё, тем неуютнее я себя чувствовал. Что-то здесь было не так, и я не мог понять, что. У деревьев невдалеке показались внушительных размеров насыпи, будто кто-то свалил вокруг сосен огромные кучи земли, хвои и прочего лесного мусора. Я хотел было подойти ближе и разглядеть, что это такое, но моя подруга вдруг вцепилась мне в локоть.

— Смотри!—сдавленно прошептала она.

Я проследил за её взглядом и тоже замер на месте. Метрах в трёх от нас между двух сосен, чуть подрагивая, висела гигантская паутина. Идеально ровная, она составляла не менее двух метров в окружности, за ней ещё одна и ещё, дальше весь лес, будто сетями, был перекрыт бледными кругами паутины.

Сглотнув собравшуюся во рту слюну, я решил сорвать с дерева ветку, чтобы попробовать паутину на прочность, но звук ломающейся древесины показался мне на удивление громким. Эхом он прокатился по лесу, и белые круги вновь задрожали. И тут я понял, что нагоняло на меня беспокойство. В лесу стояла мёртвая тишина! То есть не было слышно решительно ничего. Здесь не пели птицы, деревья не шумели на ветру, не было ни единого шороха!

— Мне страшно, пойдём отсюда…—зашептала моя подруга, всё ещё продолжавшая сжимать мою руку.

И снова шёпот её качнул паучьи сети.

— Согласен!

Я стал оглядываться по сторонам. Но забрели мы уже далеко, и куда теперь идти, было не совсем ясно. Наконец, выбрав, как нам казалось, правильное направление, мы двинулись в ту сторону, старательно огибая преграждающую дорогу паутину.

По-прежнему единственным звуком, сопровождающим нас, был шорох хвои под ногами, гул долгожданной теперь дороги до нас не доносился. И по-прежнему на глаза нам попадались странные насыпи вокруг деревьев.

Поравнявшись с одной из них и присмотревшись, я с удивлением обнаружил, что никакая это не насыпь. Передо мной, возведённый из хвои, травинок и мелких веточек, вздымался огромный муравейник. Он кольцом опоясывал сосну, верхушка его находилась на уровне моей груди, а вдалеке виднелись муравейники и побольше. Непроизвольно я сделал пару шагов назад, теперь и мне захотелось убраться из этого места.

К счастью, побродив по лесу ещё какое-то время, мы заметили просветы меж деревьев, муравейники становились всё меньше, паутина и вовсе исчезла, а в переплёте ветвей показались синие куски неба.

Выбравшись из чащи, мы были искренне рады вновь видеть виадук, перекрёсток и синий щит с указателем «До м53 два километра», несмотря на то, что дорога вновь оказалась пуста.

Уже на асфальте, чувствуя себя в относительной безопасности, я всматривался в глубину притихшего леса, стараясь найти в нём что-нибудь странное, но видел лишь, как играют на хвое и стволах деревьев солнечные лучики. Лес как лес. Ничего необычного.

Тут невдалеке послышался рокот мотоцикла, и вскоре он пронёсся мимо нас. Я, мельком оценив, что мотоцикл без люльки, тут же потерял к нему всякий интерес. Но мотоциклист неожиданно вернулся, встал поодаль и призывно махнул рукой.

— К бабе своей еду в соседнюю деревню,—пояснил он, когда мы подошли.—Садись, подвезу!

— Куда?—удивился я, разглядывая его видавший виды «ижак».

— Ты сюда,—кивнул парень моей подруге, указывая ей на заднее сиденье,—а ты сюда!—он похлопал по ржавому багажнику.—Да не боись! Мы с пацанами вчетвером на нём ездим!

Много позже я добирался из Питера в Нижний Новгород с бандой байкеров, но более экстремального вождения мотоцикла, чем у этого деревенского парня, мне видать пока не доводилось!

«Ижак» прыгал, как мустанг, на каждой колдобине, его мотало из стороны в сторону, он брыкался, стараясь сбросить своих наездников, но доморощенный гонщик только добавлял скорости.

Спутница моя вцепилась в куртку сельского ковбоя так, что костяшки пальцев её побелели. Я же одной рукой ухватился за ржавое железо болтающегося на честном слове багажника, другой прижимал к голове норовящую улететь кепку. Моя дорожная сумка колыхалась на ветру за спиной.

Когда мы наконец остановились, нас обоих шатало, как матросов, сошедших с палубы на сушу. Тело продолжало трястись, а в ушах стоял оглушительный треск мотора.

— Счастливо!—улыбнулся парень, крепко пожимая мне руку.—А куда едете-то?—вдруг вспомнил он.

— В Новосибирск...—пожал я плечами.

— Ну вы на всю голову!..—вновь просто и открыто улыбнулся он, зачем-то добавив:—Ладно, увидимся!—пнул стартер своего мотоцикла, съехал с шоссе и помчался вдаль по грунтовой дороге.

Мы действительно увиделись с ним через год, когда возвращались со знакомым из очередной невнятной поездки. Увиделись на том же самом месте, примерно в то же время и проделали тот же путь, только в обратном направлении.

Но это было потом, а сейчас перед нами стоял долгожданный синий указатель с надписью: «М53. КЕМЕРОВО. ТОМСК. НОВОСИБИРСК».

Помню, что нашим транспортом на тот вечер стал, казалось, самый обыкновенный ржавый КАМАЗ, что тысячами, окружённые клубами пыли, плетутся по российским дорогам от точки к точке, от городка к городку, словно навьюченные верблюды по Великому шёлковому пути.

С неба стало накрапывать, тучи, чуть отставая, тянулись вслед нашей тяжело груженной, нехотя ползущей фуре. Шофёр в засаленной телогрейке хитрыми крестьянскими глазами с любопытством поглядывал на замученных дорогой, с потускневшими лицами нас. Грязная магнитола, прикрученная изолентой к приборной доске, похрипывала что-то об усталом дальнобойщике, и звук её терялся в неровном гуле двигателя.

Но странности, не покидавшие с начала пути, не оставили нас и сейчас.

Водитель, задав пару дежурных вопросов о том, откуда и куда мы едем, и получив ответ от моей вновь притихшей и задумчивой подруги, что мы студенты и добираемся домой, удовлетворился и замолчал. Но вскоре снова забубнил, продолжая излюбленное занятие всех недосыпающих дальнобойщиков, которые часто берут попутчиков, чтобы, поболтав с ними, отогнать навалившийся сон. Не особо утруждая себя общением, я позволял своей спутнице односложно отвечать ему, наблюдая за «дворниками», размазывающими дождевые капли по лобовому стеклу.

— А везу я посуду, тарелки там всякие, кружки, кастрюльки, здесь недалеко городок есть, вы, наверное, и не знаете...—слышал я обрывки его сбивчивых фраз, думая про себя о том, как хорошо, что дряхлый КАМАЗ ещё способен на такие короткие походы.

Сравнивал его мысленно с доживающей свой век понурой лошадью, впряжённой в скрипучую телегу, груженную деревенской утварью, а самого шофёра—с сидящим на телеге, дремлющим, нахохлившимся старичком, состарившимся вместе со своей любимой лошадкой.

— Раньше далеко ездили, и в Кемерово, и в Новосибирск ваш, и в Омске бывали, а теперь состарился мой кормилец,—водитель любовно погладил баранку руля,—теперь чуть проедем—отдохнём, травку пощиплем и дальше трогаемся...

Я поглядел на него, но шофёр лишь мечтательно улыбался, смотря на мокрую дорогу. КАМАЗ устало вздохнул, поднимаясь на небольшую горку, будто соглашался с хозяином.

Потеряв интерес и списав сказанное водилой на случайное совпадение, я вновь погрузился в свои мысли и вялотекущие воспоминания. Вечерело, лениво моросил за окнами дождик, путь наш медленно сокращался, а лента трассы только начинала разматывать передо мной скрученный в рулон серый ковёр. Деревья, домики, всё те же пустые остановки, обочины, как поля на убористо исписанном дождём бетонном листе. Тогда я впервые об этом задумался, не подозревая о том, как повлияет это на мою дальнейшую жизнь. Не столь важно, что выведено на листе косыми каплями—рассказ, стихи, ноты... Песня ли записана стуком дождя на мокрой шуршащей магнитной ленте дороги и звучит из-под колёс проходящих машин. Зарисованы ли на полях силуэты ползущих в никуда фур. Рулон трассы разворачивается впереди, теряясь в подёрнутой дымкой бесконечности, и тут же тает, растворяется, как туман в сыром воздухе, за спиной. Уже нельзя вернуть понравившуюся страницу, как прочитать книгу задом наперёд, послушать наоборот песню или сыграть нужную мелодию, расставив ноты в обратном порядке. Нельзя попятиться, можно только развернуться, повернуть назад, но это будет уже совсем другая история.

Мне вдруг страшно захотелось курить. Поёрзав на сиденье, я в некотором смятении всё же посмотрел в зеркало заднего вида—дорога не исчезла, не испарилась в воздухе, однако за только что пройденным нами поворотом расплывалась

в дождливой пелене, казалась призрачной. Я нашарил в кармане зажигалку, взял в ладонь, но постеснялся курить в машине без разрешения.
— Кури! — вдруг лукаво блеснул на меня глазами водитель, опережая мой вопрос. — У меня жинка тоже лютует, я ж столько лет в дороге, а всё равно на неё тянет… как раз вышел, да там и остался, говорит, а вернулся, говорит, совсем другой, может, и не ты это вернулся… Тебя как хоть зовут?

Изумлённо глядя на него, я только сейчас стал вспоминать, что, пропуская мимо ушей его бормотание, слышал, как он словно перескакивает с темы на тему, совершенно между собой не связанные, теряя то и дело нить разговора. Он то замолкал на полуслове, прислушивался, то вдруг начинал говорить с обрывка непонятно как попавшей к нему на язык фразы, всё так же улыбаясь, всматриваясь в серую даль. Я же, свалив его манеру разговора на местную особенность речи, не обращал внимания на то, что его слова искажённым эхом следуют за моими собственными, разбредающимися в разные стороны мыслями.

Нервно дёрнувшись и закурив, я перебрал в уме несколько случайных имён, желая избежать ненужных вопросов, связанных, как правило, с моим более редким именем, и тупо назвался Васей.
— Хорошо придумал, похож! — шофёр снова с хитрым прищуром поглядел на меня. — Что, Вася, музыку сочиняешь?
— Музыку, стихи — по-разному… — уклончиво ответил я, стараясь не сильно раздумывать над сказанным.
— Музыка — хорошо, — медленно протянул водила и снова замолчал, на этот раз надолго.

Глаза его потускнели, подёрнулись плёнкой, он продолжал чему-то улыбаться, держа, как поводья, баранку руля.

Немного придя в себя, я аккуратно поискал между сиденьями руку моей спутницы, погладил её пальцами, взял в ладонь, но девушка отняла руку и положила к себе на колени, даже не взглянув на меня. Я с опаской покосился на шофёра, боясь пустить в голову нахлынувшие догадки относительно прохладного поведения ко мне моей подруги, но тот, по-видимому, совсем о нас забыл, прислушиваясь к неровному, со свистом, урчанию своего КАМАЗа. Я, несколько успокоившись, принялся раздумывать, что стало причиной её недовольства ко мне, так или иначе проявляющегося всю дорогу.

Был ли у неё кто-то ещё? — спрашивал я сам себя и сам же отвечал: был! Да, конечно, был! Или она злится на меня, узнав о моих похождениях?

Я стал перебирать в памяти своих недавних пассий, вспомнил пару её подруг, короткие, на раз, встречи с ними, вспомнил остальных, что сменяли друг друга во время её отсутствия. Поразмыслил над тем, кто мог меня выдать — не те ли самые её подруги? Мимоходом, на всякий случай, пожелал и им «счастливой жизни».

Теряясь в предположениях, я мучительно думал, стараясь угадать: что из всего этого известно ей? На что именно она злится? И как в связи с этим грамотно выстроить линию обороны? Впрочем, это мало походило на злость, на бурные, как у неё это часто бывало, её проявления. Скорее, по своему обыкновению, она исцарапала бы мне лицо, но спутница моя вела себя спокойно и нарочито холодно.

Зато тут же оживился водитель! Он с интересом посмотрел на меня, сразу выпав из своего транса, и в глазах его запрыгали весёлые чёртики.
— Что, Вася, девок любишь? — растянулся он в бесцеремонной улыбке, будто в замочную скважину заглянул.

«Чтоб тебя!» — про себя выругался я, уже не сомневаясь, что он это услышит. Одновременно я безуспешно старался выбросить из памяти подробности последнего приключения, чувствуя, как краска заливает моё лицо.

Но тут я заметил озорную, чуть мстительную улыбку моей спутницы и понял, что прощён.

КАМАЗ, чихая и кашляя, взбирался на уже невидимые в темноте пригорки и неровности вновь почерневшей мокрой полосы, шаря по ней подслеповатыми глазами круглых фар. На душе потеплело, и трое попутчиков молча улыбались, каждый о своём, во тьме кабины.
— Ни взрывы, ни пули не остановят нас… — вспомнил я слова старой афганской песни и попробовал восстановить в голове её забытый текст.
— Вперёд ползёт КАМАЗ! — промурлыкал за меня водитель, довольно жмурясь со своего места.

После этого случая я стал тренироваться в умении ни о чём не думать, если надо — выбрасывать из головы любые мысли, и даже достиг некоторых успехов, при бессоннице помогает.

Промозглая осенняя ночь застала нас задолго до города. Вокруг глухой, непроглядной стеной, сливаясь верхушками с небом, опять стоял лес. Редкие легковушки проносились со свистом мимо, посылая нам в лица мелкие капли брызг из придорожных луж, и габаритные огни их тут же терялись вдали. Естественно, нас никто не подбирал, да и кому бы это пришло на ум? Посадить к себе в салон, посреди ночи, двух пассажиров, в лесу, у которого даже названия нет. Мы вяло плелись вдоль магистрали, осознавая всю плачевность нашего положения, желудки стало подводить от голода, и я недобро смотрел в спину своей попутчицы, помня об оставленной у друзей тушёнке. Идти всю ночь было бы безумием, мы еле волочили ноги, да и до Кемерово оставалось по меньшей мере километров сто пятьдесят. Остановиться на ночь, укрывшись под деревьями? Нет уж, о том,

чтобы ночевать в этих лесах, мы даже не думали; я, например, с большей радостью свернулся бы калачиком в ближайшей луже.

Надо сказать, что в будущем мне часто приходилось ночевать в подобных местах (в лесу, конечно, не в луже), но никогда я не чувствовал себя там комфортно. Ох уж эти придорожные безымянные леса! Не имеет значения, где я спал. В избушке ли, поросшей мхом, одиноко торчащей тёмным силуэтом среди деревьев, где кем-то были заботливо припасены дрова и гостеприимно распахнута скрипучая дверь. Дверь ночью заклинило, и нам с другом стоило недюжинных усилий её выломать. И пока мы колотили в неё ногами, меня не покидало чувство, что в маленькое грязное окошко под потолком за нами кто-то наблюдает. Спал ли я в палатке, слушая всю ночь, как вокруг неё кто-то бродит. Или просто задремал под деревом, а открыв глаза, увидел чёрную одинокую тень, плывущую над ночным шоссе.

Вообще-то аномалии с завидной периодичностью таскаются по русским дорогам и их окрестностям. Что только не пригрезится, когда поток машин затихает на ночь. Один мой друг клялся и божился, что вот в такую же сырую осеннюю ночь, что когда-то застала нас на трассе по пути в Новосибирск, топал по мокрому асфальту неподалёку от озера Светлояр в Нижегородской области. Внезапно за спиной посветлело, и мой друг, решив, что это свет фар, обрадовался наконец подвернувшейся попутке. Свет усилился и заплясал на асфальте красными всполохами. Друг обернулся и еле успел упасть на дорогу, как над его головой с воем пролетел светящийся огненный шар. Подняв глаза, он увидел, как шар завис в воздухе у придорожных деревьев, покружил среди них и, махнув дымным хвостом, исчез в тёмном лесу.

Ничего этого тогда я, конечно, не знал, но мне не доставляло удовольствия лезть в мокрую чащу, а вспомнив муравейники и гигантскую паутину, я брезгливо поморщился.

Тем не менее необходимо было что-то предпринять. Подруга моя, идущая впереди, беспомощно продолжала поднимать руку навстречу пролетающим автомобилям, опуская её, лишь когда они исчезали из виду.

Между лесом и насыпью дороги находилась довольно широкая полоса земли, поросшая увядшими травами. Само собой, что спать в сырой траве, под открытым небом невозможно, но если развести огонь и разогреть место для ночлега, накидать веток и сверху постелить мою куртку, можно пережить эту ночь. Сейчас, конечно, я понимаю, что затея была идиотская, Но тогда я просто впал в отчаяние, ко всему опыт мой был невелик, основывался на прочитанных книгах, организованных турслётах и походах в тайгу с отцом ещё в раннем детстве. Естественно, палатки у нас не было, не было и спальника, не было даже банально тёплых вещей (кстати, до сих пор считаю, что ездить со всем этим барахлом неспортивно), и я всерьёз прикидывал, стоит ли повалить пару сухих деревьев вокруг нашего лагеря, поджечь их и греться от их жара, лёжа на разогретой заранее земле. Информация эта была почерпнута мною из какого-то охотничьего справочника. Охотники, оставаясь зимой на ночь в тайге, валили сухие деревья вокруг своей лежанки, поджигали и спокойно спали всю ночь. Как это собирался сделать я, я вопросом не задавался. И со словами:

— Стой здесь, я что-нибудь придумаю! — я сбежал по насыпи, оставив на дороге свою растерянную подругу.

Для начала я приступил к поиску бумаги. Обшарив сумку, я обнаружил в ней лишь старый проездной да тетрадь со своими стихами и текстами песен. Тогда, скомкав проездной, вырвав из тетради пустые страницы, оторвав от полторашки с водой этикетку и высыпав в карман сигареты, освобождая пачку, я решил, что этого вполне достаточно, и побрёл к лесу, ища дрова.

После того как, вопреки ожиданиям, и дрова, и хворост под сенью деревьев оказались сырыми, как и всё вокруг, а тайная надежда разжиться берестой в хвойном лесу провалилась, я, с опаской поглядывая в тёмную чащу, собрал всё, что имелось, и, несколько огорчённый, зашагал обратно — разводить спасительное пламя. Сложив мелкие веточки в подобие домика, я запихал внутрь все запасы бумаги, чиркнул зажигалкой, прикрывая крохотный огонёк ладонью, и мой костёр начал дымить.

Язычки пламени плясали на бумаге, подгоняемые ветром, оставляя тёмные пятна хрупкого пепла с бегающими по нему красными точками, вода стала закипать и пузыриться на сосновых, сырых насквозь ветках, никак не желавших загораться. Боясь, что бумага скоро истлеет, я принялся подкладывать в огонь веточки хвои, высохшую на солнце и мокрую сейчас траву, срывая её прямо из-под ног, подсовывая в пугливое пламя. Всё это шипело, дымилось и окончательно портило дело. Тут, видя, что костёр гаснет, я принялся рвать из тетради исписанные текстами листы, засовывать их в огонь, глядя сквозь дым, как бегают по строчкам красные огоньки. А ещё говорят, что рукописи не горят! Это правда, они тлеют, многое из того, что я спалил тогда, восстановить мне было уже не суждено.

Дым застилал глаза, огонь продолжал неумолимо угасать, и я услышал, как окликнула меня моя спутница, оставшаяся на дороге. Я обернулся и сквозь дым и едкие слёзы увидел её размытый силуэт, выхваченный из ночной мороси и обрамлённый лучами фар. Она махала мне рукой, и я тут же, забыв рассказы Джека Лондона и охотничьи справочники, бросился к машине.

Поравнявшись с девушкой, я почувствовал, как она легонько коснулась моей руки и шёпотом произнесла мне:
— Только не спи,—а когда я стал протискиваться в салон на заднее сиденье «Нивы», то сразу понял в чём дело.

Сжимая огромными волосатыми лапами руль, на меня хмуро смотрел наш очередной попутчик. Заросший чёрной щетиной, из которой торчал горбатый нос, с горящими под густыми бровями глазами, он втиснул своё больше напоминающее гору тело, казалось, сразу в два передних кресла. Было похоже, что он не сам сел за руль—это машину строили вокруг него, или же он в ней вырос, вырос и застрял, сдавленный тесным салоном. Пробравшись назад, я вдобавок обнаружил рядом с собой лежащий на сиденье пояс штангиста, и мысль о ночлеге на опушке леса под дождём вновь стала для меня привлекательной. Но моя спутница уже юркнула на переднее кресло, где повернулась и, ещё раз выразительно взглянув на меня, чуть кивнула на верзилу за рулём.

Ехали в основном молча. Кавказец впереди сопел, как медведь, и время от времени ёрзал в неудобном кресле. Я же что было сил гнал от себя навалившийся сон, продолжал клевать носом, но вновь поднимал слипающиеся глаза. Подруга же моя, напротив, крепко спала, предоставив мне право следить за ситуацией и охранять её покой.

Охранять! И что же мне делать, если эта горилла что-нибудь задумает? В ухо ему стукнуть?! Никаких подручных средств у меня нет, даже перочинный ножик остался у друзей вместе с консервами. Набросить сзади ему на шею ремешок сумки или, скажем, этот пояс? С тем же успехом я мог бы попытаться задушить слона или носорога. Даже будь у меня с собой, например, гитарная струна или удавка (впрочем, тут и десантной пилы маловато будет), шансы мои близки к нулю. Если меня, сидящего сзади, он, возможно, сразу не достанет, то оторвать голову моей подруге, мирно спящей справа от него, я ему помешать не смогу.

Так я размышлял в полудрёме, пока горец-водитель, в очередной раз поёрзав в кресле, вдруг не пробасил:
— А чем вы за дорогу платите?

Подумав, он добавил:
— Ну, девки понятно, а пацаны чем?

Дело принимало скверный оборот, и, собравшись с духом, я, как можно будничней ответил:
— Ничем. Ни я, ни она ничем не платим.
— За всё надо платить!—скупо обронил кавказец, ещё посопел и, снова задумавшись, умолк.

Следует заметить, что за свои странствия я никогда не слышал о какой бы то ни было плате для автостопщиков, тем более о специфической плате для «девок». Наоборот, многие водители помогали путешественникам деньгами, едой, иногда сами искали попутку у кафе или на придорожных стоянках. Удальнобойщиков одно время поверье было: мол, взял с собой в дорогу такую вот невинную бродяжью душу—и беда в пути тебя обойдёт.

Ни я, ни мои знакомые не встречались на трассах с подобными вопросами и подобных людей тоже никогда не встречали; я подозреваю, что они существуют, но мне они не попадались.

Слышал, правда, одну страшилку от знакомых девушек про насильника-дэпээсника где-то на Урале. Что бродит в тех краях по дорогам подобный гражданин. Что ж, вполне возможно; в любом случае автостоп—это дело опасное, и стоит сто раз подумать, отправляясь в путешествие.

Что касаемо дэпээсников и прочих сотрудников министерств, то мои контакты с ними на трассе пока не заканчивались ни отсидкой, ни мздой, ни, слава Богу, «специфической платой». Однажды мы с моим другом случайно остановили ментовский «жигулёнок», и это была довольно забавная история, поэтому я позволю себе немного на ней задержаться.

Произошло всё примерно в те же годы и всё на той же пятьдесят третьей магистрали. Сразу добавлю, что зрение моё оставляло желать лучшего как тогда, так и сейчас, и именно это сыграло с нами злую шутку. В общем, я просто не заметил расцветки кузова и мигалок на крыше идущего вдалеке автомобиля, а когда разглядел и опустил руку, было уже поздно, машина тормозила рядом с нами. Наверняка вид мы имели довольно глупый, стоя чёрт-те где на пустой магистрали, в сотнях километров от места официальной прописки, все в грязи, рядом с автомобилем дорожно-постовой.

Пока мы переминались с ноги на ногу и хлопали глазами, переднее боковое стекло поехало вниз, и сперва, вместе с грохотом музыки из салона, до нас донёсся стойкий запах перегара, а затем оттуда показалась красная и щербатая, словно планета Марс, рожа сотрудника ДПС.
— Документы,—скучно проговорила рожа.

Порывшись в карманах, мы протянули свои мятые паспорта. Вяло полистав их, краснолицый сотрудник задержался на страницах с регистрацией, посмотрел на нас и снова скрылся в салоне. В машине послышалась возня, несомненно, они там обсуждали несоответствие наших штампов в паспорте и теперешнего географического положения. Второе окно тоже опустилось, явив ещё двоих стражей правопорядка, водитель выглянул, перевесившись через соседа, а краснолицый открыл свою дверь, опустив на асфальт пухлые ноги.
— Вы х…ли тут забыли?—озадаченно протянул краснолицый, судя по всему—старший.
— В Новосибирск едем…—помялся я.
— Куда, куда?—изумился уже водитель.—Из Красноярска?!

— Ну да…

Я стал соображать, какую бы ложь придумать на вопрос, зачем нам это нужно, но один из сидящих сзади сотрудников перегнулся вперёд и предложил старшому:

— А давай их в отделение, ну или пэпээсам сдадим? Они же малолетки ещё, восемнадцати нет!

— Правильно, Саныч,— поддержал его сосед и громко икнул.— Верняк — из дома съе…лись!

— Дяденьки, не надо! — вдруг заблажил мой друг, стоящий рядом.— Я к девушке своей еду!

Все недоуменно уставились на него. Друг мой на тот момент, как, наверное, и сейчас, являлся сторонником крайне правых взглядов, и это стоит учесть. Выглядел он соответствующе: гриндера, джинсы на подкате, бомбер, спущенные подтяжки и гладко выбритый череп с торчащими ушами. Особенно подчёркивало образ выражение его лица. Он и от природы-то не блистал аристократичностью черт, так вдобавок пытался придать своему лицу исключительную свирепость, что у него в конце концов получилось. Он стал необыкновенно схож с неандертальцем, и физиономия его отныне уже не менялась.

Менты, которые вначале не слишком обращали на него внимание, теперь с интересом его разглядывали. И было на что посмотреть. Товарищ мой силился сменить свою приобретённую свирепость на образ кроткий и влюблённо-печальный, в тон своим «дяденьки, не надо» и «к девушке еду». Дело было в том, что он совершенно не знал, как это изобразить. В какой-то момент мне стало за него страшно. Представьте, если бы вы желали придать кирзовому сапогу форму туфельки, причём ежемоментно, не представляя, как эта туфелька выглядит, и образца её при себе не имея.

С лицом его в доли секунды произошло множество метаморфоз. Оно даже испариной покрылось. Мой друг хотел застенчиво улыбнуться, а выходила злобная гримаса. Попробовал поднять брови вверх — и лоб угрожающе сморщился. В итоге он зачем-то решил «пошире распахнуть свои печальные глаза», но переборщил, вытаращил их на изумлённых ментов, да так и застыл, не двигаясь с места.

— Ты чё, дебил, бабу поближе найти не мог? — неуверенно хохотнул краснолицый, озираясь на своих подчинённых.

Тут друг мой раздулся, выпятил грудь, символизируя крайнее оскорбление своих светлых чувств, и вдруг выпалил:

— Вы ничего не понимаете! Я её люблю!

Не выдержал даже я, менты же просто покатились со смеху, водитель даже посигналил от удовольствия.

— Ты только ей этого не говори!..— краснолицый схватился руками за трясущийся живот.— С такой мордой!..

Паспорта нам вернули, немного подбросили, накормили и даже дали выпить. Когда дэпээсникам пришла пора поворачивать обратно, они остановили для нас проходящую мимо фуру, и мы без проблем добрались до Новосибирска, куда ехали на футбольный матч. Нет, не к девушке, конечно.

Так что хороших людей на дорогах больше, чем плохих, ну это мне так кажется, насчёт остального мира я не уверен. Меня ни разу не грабили, в серьёзные переделки я не попадал, и если пишу эти строки, то пока ещё жив. Но раз на раз не приходится, и в ту ночь, в машине штангиста, я вдруг проснулся в абсолютной тишине.

Вот и приехали!

Вокруг стояла полная темнота. Фары и огоньки на приборной доске не горели, зажигание было выключено. Продрав глаза, я ровным счётом ничего не мог разглядеть.

«Как я вообще мог уснуть?! Где мы?» — думал я, шаря в темноте в поисках ручки задней двери, которой в короткой машине попросту не было. Воображение принялось рисовать страшные картины осквернённого и обезображенного тела моей спутницы, которое я непременно увижу, лишь только выгляну в окно. Я принялся тереть рукавом запотевшее стекло. Первое, что попалось мне на глаза, были густые кусты по бокам машины, и я тут же решил, что именно там злодей и совершил своё надругательство. За кустами виднелось вспаханное поле с уходящей вдаль колеёй просёлочной дороги. Никакой трассы поблизости видно не было.

В памяти тут же всплыли десятки жутких историй о кавказском плене, о рабах, картофельных полях и кирпичных заводах. Надо было срочно что-то делать, для начала хотя бы выбираться из машины, а не дожидаться здесь своей участи. Заметьте, что все эти обрывочные мысли пронеслись в голове за считанные секунды, состояние моё было близко к панике, и, думая о том, что надо валить, я продолжал смотреть в боковое стекло, ловя ладонью несуществующую ручку. В таком состоянии люди часто ведут себя не совсем адекватно. Я же, наконец сообразив, что никакой двери сзади нет, решил открыть переднюю, а когда понял, что опустить сиденья мне что-то мешает, просто ломанулся к выходу между ними.

Происходило это всё, как я уже говорил, в полной темноте, в салоне не было ни единого источника света, прибавьте к этому мою возрастающую панику. В общем, я стал на ощупь протискиваться меж спинок, и первое, на что наткнулся, было тело моей спутницы, лежавшее в кресле без движения. Уже ничего не соображая, я ухватил свою подругу за шиворот и с силой встряхнул, отчего та вдруг взвизгнула и закатила мне такую пощёчину, что я разом пришёл в себя.

Темнота слева от меня, обретая форму, заворочалась, и, судя по интонации, выругалась на непонятном мне языке. Затем добавила по-русски:
— Чего ты там возишься? — и включила свет.
— Ничего, — пожал я плечами, садясь на своё место. — Выйти хотел, покурить…
— Здесь кури! — оборвал меня кавказец, зевая и заводя двигатель.

Машина, ощупывая кусты ближним светом, тронулась, за кустами показался поворот, который в темноте я видеть, конечно, не мог, а за ним и магистраль М53, расчерченная в ночи трассёрами габаритов.

Видимо, когда я вырубился, горец также решил немного отдохнуть и поспать, для чего и съехал с дороги. А теперь казавшаяся тоже отдохнувшей машина мчалась по блестящему асфальту по направлению к Кемерово, где нам суждено было оказаться ещё засветло, и уже через час мы стояли, держась за руки, на круглой площади этого города.
— М-да… — протянул я, провожая взглядом «Ниву» кавказца. — Немудрено было на измену сесть! Ты извини, что уснул, — помедлив, добавил я, чувствуя неловкость за случившееся. — Представляешь, глаза открываю — не видно не хрена, что произошло, где ты, где боров этот, непонятно!..
— Ты меня тоже извини, — она мягко коснулась пальцами моей щеки. — Я же думала, что это он!

Несмотря на недолгий сон в машине, отдохнуть, прежде чем продолжить путь, нам было необходимо.

Вообще, у стопщиков, как правило, имеется с собой список адресов (вписок), где можно остановиться на ночь, список этот уточняется у тех, кто ездил ранее этим маршрутом, и передаётся из рук в руки. Это квартиры, комнаты, общежития людей, которые не против приютить на ночь знакомых, знакомых знакомых или вовсе незнакомых путешественников. Да, есть такие люди!

Был подобный список и у нас, но, как и всё наиболее ценное, он остался у второй группы нашей экспедиции. Тогда нам было невдомёк, что эта самая вторая группа примерно в тот же час в полном отчаянье выезжает из Кемерово в обратном направлении. Никаких мобильных средств связи тогда у нас ещё не было, и знать мы этого просто не могли.

Лишь позже выяснилось, что эти двое довольно удачно добрались до Кемерово, поменяв всего две машины. Съели все запасы, выпили водку, переночевали на упомянутой вписке и решили дальше не ехать. Только вот обратный путь дался им совсем нелегко. Окончательно замёрзнув, один из них забрался на трубу теплотрассы, есть такие широкие трубы, обитые алюминием, повис на ней, обхватив её руками, и отказывался куда-либо идти. Второй же тем временем, надев на руки шерстяные носки и намотав на голову шерстяной шарф наподобие тюрбана, пытался ловить автомобили. Нетрудно догадаться, что подвозить их никто не хотел, водители даже газу добавляли, проезжая мимо них.

Мы же раздумывали, где скоротать остаток ночи. Деваться нам было некуда, и, переглянувшись, мы зашагали в сторону первого попавшегося на глаза подъезда. Путём несложных манипуляций я, чуть поколдовав над кодовым замком, открыл дверь и пропустил вперёд свою зевающую спутницу. Замок, к счастью, оказался простым и легко поддался, но в подъезде было холодно, батареи не работали, и кое-где отсутствовали стёкла.

Поднявшись повыше, мы обнаружили площадку между этажами, которая была относительно чистой, с целыми окнами, и, бросив сумку у холодной батареи, решили остаться здесь до утра.

Усевшись на сумку и посадив свою попутчицу на колени, чувствуя спиной холод стены и тепло её тела в моих объятиях, я закурил, разглядывая облупившийся потолок.

Всё было настолько чужим и нереальным, что казалось сном. Этот ночной город, будто проплывший мимо, в который я уже никогда не вернусь, круглая площадь за окном, залитая жёлтым светом фонарей, названия которой я не знал и вряд ли узнаю. Эта дорога ради самой дороги. Даже девушка в моих объятиях казалась чужой.

Возможно, так оно и было. Просто призрак, тень на трассе. Я смотрел на неё и не мог узнать. Те же губы, запах волос, подрагивающие веки, но что-то неуловимое, холодное было в её образе. Знал ли я её раньше? Вряд ли! Когда повстречал я её на дороге, и за каким поворотом фигура её начнёт бледнеть, пока вовсе не растает в утренних сумерках?

Девушка заворочалась, устраиваясь поудобнее. Я поплотнее укрыл её своей курткой и провёл ладонью по волосам, она чуть приоткрыла глаза и чему-то улыбнулась. Тогда я не выдержал и, скорее руководствуясь любопытством, нежели желанием, поцеловал её. Она сонно ответила и вновь опустила голову мне на плечо. Губы её были тёплыми, но дыхание холодным ветерком пробежало по моей щеке.

Разбудил меня топот ног по лестнице: жильцы дома своей проторённой дорогой отправлялись на работу. Несмотря на явное недовольство на лицах, вызванное, очевидно, нашим присутствием в подъезде, нас никто не выгонял, они лишь, брезгливо косясь, перешагивали через наши ноги. Я же с удивлением отметил, что и сам чувствую к ним презрение. Позже, на всех своих случайных работах, больше всего меня угнетало однообразие маршрута, поэтому долго я на них не задерживался, это выше моих сил — повторять его изо дня в день.

Я посмотрел на свою спутницу и осторожно её поцеловал. Она потянулась и, моргая, открыла глаза. Только тут я почувствовал, как затекло моё тело, несмотря на её незначительный вес, и как холод стены за спиной, просочившись сквозь одежду и кожу, запустил щупальца в лёгкие. Подруга же моя, проспав под курткой всю ночь, казалась вполне отдохнувшей и готовой продолжить путь.

Правда, я путь продолжать готов не был. Пошарив в кармане, я решил для начала закурить, теша себя надеждой согреться табачным дымом, но сигарет в кармане не оказалось. Вдобавок меня мучил голод. Честно говоря, в тот момент я и сам с радостью бы повернул в обратном направлении. Останавливало меня лишь то, что родной город был равноудалён от этого места, как и пункт окончательного назначения. Да и вообще, обратная дорога рисовалась в воображении совсем уж смутно; ещё в начале пути я стал уверять себя в том, что домой мы поедем более цивилизованным способом. Делать было нечего, надо было двигаться дальше, и я поплёлся за своей бодро прыгающей через две ступеньки подругой.

Из города мы выбирались пешком. В городах ловить попутку — последнее дело, всё время нарываешься либо на таксиста, либо на частника-бомбилу, а те, в свою очередь, узнав, что у тебя нет денег, пошлют тебя туда, куда тебе вовсе не надо. И вот, стреляя сигареты у смурных работяг или похмельных гопников, я оглядывал проступающие в утренней дымке смутные очертания… Кемерово.

Крыши рельефом начинали темнеть на фоне тускло светлеющего неба, на стенах кирпич выглядывал из ран трещин сквозь жёлтую коросту штукатурки, блестели влагой чуть замёрзшие за ночь углы домов. Один раз я едва не наступил в блевотину. Город больше не казался загадочным, как ночью за окном подъезда, он постепенно становился реальностью, и мне поскорее захотелось отсюда уехать.

Не в обиду будет сказано вышеизложенное жителям Кемерово, для меня решительно все города в это время суток выглядят одинаково. Будто ждут часа открыть тебе все свою выщербленную убогость. Можно сравнить с тем ужасом, когда, проснувшись с похмелья, находишь рядом с собой уличную девку, хотя точно помнишь, что засыпал с настоящей леди.

К счастью, долго заниматься мне этим не пришлось, и, настреляв с полпачки сигарет (иногда гопники бывают очень человечны), мы всё же оказались на ставшей уже родной магистрали. Отмахнувшись от моего предложения прочесать стоящие вдоль дороги дачные домики на предмет еды, моя спутница стала ловить машину.

И всё-таки на трассе полно моментов, воспоминания о которых заставляют тебя невольно улыбнуться. Попутку мы поймали сразу, но что это была за попутка! Я, например, сначала вообще не понял, зачем он остановился, в машинах подобного типа всего два места, позже выяснилось, что место там одно — водителя. Но он остановился, чуть не развалившись у наших ног. Это был «каблучок», народное название автомобиля, полученное за его характерную форму. Для тех, кто не знает: это что-то вроде лёгкого фургончика с водительским и пассажирским сиденьями впереди и будкой, предназначенной для хозяйственных нужд, сзади.

Пока моя спутница разговаривала с шофёром, лицо её выражало крайнее изумление, я, стоя чуть поодаль, понять, в чём дело, не мог. Но тут водитель вылез, два раза с силой хлопнул дверцей и раздражённо спросил:

— Ну вы поедете или как?

Подруга моя неуверенно кивнула.

— Тогда залазьте! — и мужик стал обходить свой «каблучок».

Тут-то я и смекнул, где нам предстояло ехать. Но ехать в будке было бы намного комфортнее, если бы не… в общем, будка по нижний бортик, есть там такой, не буду вдаваться в подробности, была завалена картошкой. Не в мешках, а просто так, просто картошкой.

Я посмотрел на свою спутницу как на сумасшедшую.

— Лучше, чем ничего, — пожала плечами девушка, виновато улыбаясь.

— Вот и лезь туда первая! — буркнул я, тоже, однако, улыбнувшись.

Поездка обещала быть незабываемой, как, впрочем, и случилось. До сих пор чувствую дыхание юности, авантюризма или просто глупости, и от улыбки я удержаться по-прежнему не могу.

Сложность ситуации заключалась ещё и в том, что между картошкой и потолком будки осталось чуть больше метра, то есть попасть туда можно было только на четвереньках. С немалым трудом проделав эту операцию, мы всё же расположились, лёжа на моей куртке и поджав под себя ноги. Водитель хлопнул верхней дверью, есть там такая, опять же не буду вдаваться в подробности устройства этого, без сомнения, сложного автомобиля, и мы остались в темноте.

— Слушай, а почему он тебя впереди не посадил? — спросил я, переворачиваясь на спину.

— Некуда, там сиденья нет.

— То есть как нет? А что там есть?

— Ну, понимаешь, — она уже давилась от хохота, — у него там хлеб!

— Как хлеб?

— А вот так — хлеб! — и, не выдержав, она расхохоталась, уткнувшись мне в грудь.

Смеялась она до слёз, а я смеялся вместе с ней, хотя и не понимал над чем. Просто так, над нелепостью ситуации. Что-то неудобно упиралось мне

в спину, я пошарил там рукой и вытащил огромный клубень картошки. Тогда я показал его ей, и это вызвало новый взрыв хохота.

— А знаешь,— отсмеявшись, заговорила она, лукаво заглядывая мне в лицо,— мы с тобой, наверное, тоже овощи, нас, наверное, так и надо перевозить…

Не помню, сколько мы ехали; кажется, нам даже удалось немного подремать. «Каблучок» еле тащился, трясясь на каждой колдобине. В маленькое зарешеченное окошко под потолком, сделанное, видимо, для освещения будки при погрузочных работах, почти ничего не было видно. Но это было не важно. Всё равно куда мы едем, просто было хорошо.

Мы болтали обо всякой ерунде, лёжа в темноте, целовались в промежутках. Заняться чем-нибудь бóльшим не позволяло пространство, ну и картошка, в которой мы прятали наши окурки, хотя, наверное, это было бы романтично.

Её глаза весело блестели, и я понимал, чтó тянуло её всё дальше и дальше от привычных мест, людей и городов. И сам смутно догадывался, что и для меня это только начало пути.

Апофеозом поездки стало то, что в кабине водителя вдруг неожиданно заиграла музыка. Музыка звучала приглушённо сквозь стенку и угадывалась смутно, но, прислушавшись, я всё же различил слова песни. Это была песня популярной тогда группы «Нас не догонят». Привстав на руках, я снова выглянул в окошко. Мимо мчались автомобили, обгоняя нас, словно мы стояли на месте. Я улыбнулся, опустился к своей подруге, обнял её и уже собирался поспать ещё, но «каблучок» остановился, верхняя дверь, скрипя, открылась, и в проёме показалась фигура нашего водителя.

— Все, приехали, выходим.

На улице я осмотрелся. Находились сейчас мы то ли в деревне, то ли в селе, где по федеральной трассе, ничего не стесняясь, бродили куры. Мужичок, повозившись с дверью, закрыл свой фургончик и зашагал к кабине.

— Эй, парень!— неожиданно окликнул он меня.— Пойди-ка сюда!

Я подошёл, а он тем временем открыл пассажирскую дверь кабины, откуда извлёк булку хлеба. При этом несколько буханок вывалились, упав прямо на асфальт.

— На вот вам, вы голодные, наверное,— протянул он мне буханку.

Я поблагодарил, взял хлеб и успел-таки заглянуть в кабину. Второго сиденья там действительно не было, всё пространство занимал наваленный кучей хлеб. Везде — на полу, на приборной доске, рычаг коробки передач торчал среди золотистых буханок.

Поворот на Томск мы проехали легко. Если ничего не врезалось в память, то, значит, ничего исключительного с нами на этом отрезке не происходило. А вот дальше начались проблемы.

«Только бы проскочить!» — повторяла, как мантру, моя подруга ещё задолго до этого места. Я же, будучи не слишком сведущ в расположении перевалочных пунктов на нашем пути, не очень обращал внимание на её мольбы. Ну, Болотное и Болотное, подумаешь! На деле, желай я так же, как и она, преодолеть эту точку на карте, быть может, у нас это и получилось бы, но этого не произошло, и мы застряли в сотни раз проклятом всеми стопщиками месте.

Позже я узнал, из-за чего Болотное пользуется у путешественников дурной славой. Дорога в этом месте будто вымирает, болота вокруг трассы нагоняют уныние и тоску, и здесь всегда идёт дождь. Но мне только предстояло ощутить все эти прелести на собственной шкуре, и, вылезая из машины под мерзкий моросящий дождик, я не испытывал каких-либо особенных эмоций.

Только через четыре часа под дождём, от которого совершенно некуда спрятаться, с лихвой налюбовавшись местными понурыми пейзажами, замёрзнув и насквозь промокнув, я стал замечать, что начинаю тихо ненавидеть это место. Трасса была всё так же пуста. Показавшиеся на ней машины сворачивали на насыпную дорогу, не доезжая до нас. Дорога эта петляла меж болот, поросших какой-то красно-жёлтой растительностью, и терялась в них, уходя, очевидно, к одноимённому населённому пункту. Я, ёжась, отщипывал кусочки от промокшей, ставшей похожей на губку буханки хлеба или курил, прикрывая сигарету от дождя ладонью. Моя попутчица тоже нахохлилась, втянула голову в плечи и, время от времени вздрагивая, без надежды вглядывалась в мутную даль.

— У меня даже мелочи не осталось,— удручённо сообщил я, пошарив в карманах.— Может, в кредит у духов трассы помощи попросим? Я верну, честно-честно!

— Очень смешно!— оторвалась моя подруга от созерцания своих сырых кроссовок и снова посмотрела на дорогу.— Кажется, кто-то едет.

Теперь и я увидел нёсшийся вдалеке автомобиль. Но, присмотревшись, руку я поднял лишь для порядка, без всяких иллюзий. Чёрная спортивная машина летела по трассе не менее ста пятидесяти километров в час, и вряд ли два промокших печальных человеческих существа на обочине могли заинтересовать хозяина такой машины. Проскочив мимо, автомобиль обдал нас тучей брызг, и я с тоской отметил пятьдесят четвёртый регион на номере спорткара. Но вдруг я услышал визг тормозов у себя за спиной. Невероятно, но машина стояла метров за тридцать от нас, и асфальт под её колёсами дымился. Дверь плавно поехала вверх, когда я подошёл, маня тёплым запахом

кожаного салона. Хозяином этого чуда оказался усатый мужик средних лет в солидном костюме и галстуке, кого-то мне отдалённо напоминающий. Судя по его виду, ему больше подошёл бы автомобиль представительского класса, нежели этот скоростной зверь, но лезть со своими советами мне никто не предлагал. Водитель просто сказал:
— Садитесь,— даже не взглянув на нас.

На этот раз я пропустил свою подругу назад, а сам плюхнулся на переднее сиденье, в котором тут же утонул. Колёса машины несколько раз прокрутились вхолостую, и, наконец найдя сцепление с дорогой, она рванулась вперёд.

И вот уже вскоре за окном замелькали придорожные кафешки, эти вестники приближения любого большого города.

Это был конец путешествия. То есть тогда мне так казалось. Я разглядывал высотки Новосибирска на другой стороне Оби, его многолюдные широкие улицы, пока машина, томясь в пробках, постепенно подбиралась к центру. Город, который миражом высился на горизонте, наконец стал обретать форму. И мне вдруг стало грустно. На секунду показалось, что как мираж он мне нравился больше.

Перед самым Новосибирском, когда мы уже чувствовали его приближение, нас ждал неожиданный подарок. Точнее, шикарный, по нашим меркам, обед.

Хозяин спорткара решил зачем-то подкрепиться перед самым городом, притормозил у кафе, пригласив нас с собой. Отказываться мы не стали, прошли внутрь и уселись за столик. Усатый водитель скучно пролистал пухлое меню, кивнул, получив ответ от моей спутницы:
— Нам то же самое,— и сделал заказ официантке.

«То же самое» оказалось довольно внушительным, и мы жадно ели, запивая всё большими глотками горячего кофе. Водитель же наш молча курил, о чём-то задумавшись; к еде он почти не притронулся.

Прикончив второе, я несколько освоился, развалился в кресле и даже решился стрельнуть у нашего попутчика сигарету.
— Да, конечно,— встрепенулся тот, протягивая мне пачку неизвестной марки.

Я затянулся вкусным сладковатым дымом и посмотрел в окно. За окном был пасмурный день, изредка моросил дождь, барабаня по тентованным фурам. Машины неслись по м53, которая упиралась в город и терялась где-то за ним, убегая дальше.

Дальше… думал я… петляя и извиваясь, меняя названия и города, сужаясь и ширясь, пока не встречала свой собственный хвост или начало, тянулась серая лента шоссе. Хотя начало и конец — условные понятия, они есть лишь у человека, вставшего на неё, для трассы, видимо, таких понятий не существует. Впрочем, что касается нас, то мы были почти на месте… я допил кофе, поставил чашку и посмотрел на подругу.
— Скоро приедем!
— Хорошо, если так…— вдруг обронил наш попутчик, выпустил дым и добавил,— ребятки.

Он внимательно смотрел на меня с лёгкой усмешкой на лице. Я же заворожённо следил за тем, как он курит, как путается дым в его усах и как золотом сквозь дым поблёскивают его зубы. Клянусь, это был тот самый мужичок-фермер, которого встретили мы под Красноярском.
— Давно хоть едете?— всё так же улыбаясь в усы, спросил он, туша сигарету.
— Нет, не очень…— улыбнулся я в ответ.

Уже прошло много лет с той поездки. Спутница моя, девочка шестнадцати лет с огромными карими глазами, давно вышла замуж, у неё дети, приличная работа, уютный дом; а я же лет десять как не бывал в тех краях. Лет десять не видел висящих над окраиной города осенних октябрьских туч и вряд ли увижу.

Плывут миражами мимо города, перемешиваются улицы, дома и люди, расплываются и исчезают в клубящемся тумане памяти за спиной. И невозможно повернуть назад, вернуть их, как пытаться вернуть шестнадцатилетнюю кареглазую девочку, что была тогда со мной. Её фигура давным-давно растаяла за поворотом, как я и предполагал.

Однажды я сидел в съёмной комнате в коммуналке на окраине Питера. В комнате почти ничего не было: стол, стул и кровать, и ещё окно. Я сидел за столом и смотрел в окно. Внизу гудели машины, жёлтые фонари бросали тёплый свет на обледенелую дорогу. Куда она вела, я не знал, фонари освещали небольшой кусок, но дальше она пропадала во тьме. Я давно мечтал о встрече с этим городом и, наконец оказавшись в нём, чувствовал знакомую уже грусть. Нет, он нисколько меня не разочаровал, просто… «Это что, всё?— думал я, глядя на освещённый отрезок.— Что дальше?» Мне даже на миг показалось, что там, где обрывается фонарный пунктир и свет гаснет, больше ничего нет, пустота, и тьма безучастно взирает оттуда. Я даже глаза отвёл. Тут взгляд мой упал на газету, торчащую из-под ножки стола. Что в ней, меня не интересовало, заметил я всего несколько строк. Подняв газету, я аккуратно оторвал от неё кусочек и закрепил его на стене. «Санкт-Петербург — Милан, Париж, Нью-Йорк, Торонто, Рим и т. д.»,— было написано на обрывке газеты. Не знаю, может, этот клочок до сих пор там, хотя, наверное, пожух и завалился за кровать.

Вернуться обратно? Вряд ли. Я могу промотать курсором текст к началу рассказа, но уже точно не окажусь в том городе и в том времени, где его начал. Слишком много поворотов позади. Да и не нужно

всего этого. Считая пройденные километры или топчась на месте, ожидая своей счастливой попутки или же желая развернуться — мы всё равно продолжаем идти вперёд. Есть только дорога… у неё не бывает начала и конца. Всё остальное — смерть.

Пробыв в Новосибирске три дня, мы опять стояли на трассе. м53, обрамлённая голыми, почерневшими от дождя деревьями, блестела в вечернем воздухе. Она манила, и хотя мы возвращались домой, лежащая впереди дорога была нам совсем незнакома. Город, покинутый нами, вновь стал наваждением. Свет его огней уже почти не отражался в чёрном влажном асфальте. Я ещё раз глубоко затянулся, глядя на вставший поодаль грузовик; в разрывах туч показались первые маленькие пугливые звёздочки. Я выбросил окурок и зашагал к кабине. Впереди была дорога назад.

Д*и*Н симметрия

Владимир Фриче

Октябрь в поэзии

(фрагмент)

Всё прочнее закладывается фундамент для коммунистического строя жизни, чувства и мысли.

А в поэзии свершилась ли Октябрьская революция? И что значит «Октябрь в поэзии»?

Футуристы были весьма склонны толковать это понятие в том смысле, что Октябрь наступит в поэзии тогда, когда господствующим течением станет именно их течение — футуризм.

С той поры и сами футуристы уже успели стать поэтами вчерашнего дня… На смену им пришли имажинисты, а на смену последним — экспрессионисты, а ныне и экспрессионисты уже объявлены мертвецами новой сектой — «реалистами» (в их рядах имеются, впрочем, пока что только художники).

Но даже если объединить все новейшие течения в нашей поэзии — футуризм, кубизм, центрофугизм, имажинизм, эвфонизм, экспрессионизм — под одним общим названием «футуризм»,— а это не только можно, но и должно сделать, ибо это всё разные фракции единого направления,— то в самом деле утверждение этого течения в роли господствующего означало бы, что в поэзии наступил Красный Октябрь, что в ней восторжествовали принципы пролетарской революции?

Все указанные «школы» нашей поэзии ставили себе и ставят себе одну лишь задачу — создать новый поэтический стиль «футуристический», как продолжение и как противоположность символизма. Разница между ними сводится лишь к тому, что каждая фракция специализируется на одной какой-нибудь стороне этого нового поэтического стиля: имажинисты — на особом подборе и сочетании образов, кубофутуристы — на создании нового синтаксиса, новой этимологии, центрофугисты — на изобретении новых ритмов, эвфонисты — на придумывании новых рифм (ассо-диссонансов).

О содержании поэзии эти новаторы думают весьма мало. В своих манифестах и декларациях они об этой стороне поэзии распространяются очень неохотно или совсем умалчивают. Важно не что выражено, а «как» выражено. Так поступает и последнее из этих течений, выдающее себя за «синтез» футуризма,— экспрессионизм. В его «хартии» повествуется о новом «хроматическом» стихосложении, о «полистрофике», о «высшей эвфонии», о «содержании на полслова».

В этом отношении наша новейшая интеллигентская поэзия представляет контраст новейшей поэзии французской. Там, во Франции, накануне войны существовало неизмеримо больше «школ» и «направлений», чем это имеется у нас. Парментье насчитывает их около 25. Там были «натюристы», «интегралисты», «изотеристы», «синсеристы», «динамисты», «унанимисты» и проч., и проч. Они тоже выпускали в свет свои манифесты, и в них обычно излагается сначала новое новое философское или даже социальное credo, и только затем уже — да и то не всегда — они переходят к новым техническим принципам, ибо форма для них не самоцель, а только средство выявления нового психологического и идейного «содержания». И так, надо сказать, поступили и западные футуристы в лице Маринетти, очертив сначала новое «содержание» своей поэзии и лишь впоследствии издав в свет свои «психические манифесты».

Наши новаторы стремятся быть исключительно «техниками-специалистами», но, сколько бы новых образов, ритмов, рифм ни изобрели они, от этого по существу поэзия не обновится, от этого она не станет художественным выражением принципов Красного Октября.

Начало 1920-х

Николай Толстиков

Приходинки

Лётчик

Жорж, низкорослый старичок с плешивой головой и огромной бородищей, пономарь новый, в алтаре от всего испуганно шарахается и крестится невпопад. Состоял он прежде недолго сторожем и одновременно дворником при храме: ночью блаженствовал на топчане в сторожке, днём помахивал метлой по дорожкам внутри ограды. Числился Жорж лицом без определённого вида жительства, но, обосновавшись на приходе, стал выглядеть вполне прилично, прибарахлясь шмотками, оставленными на паперти прихожанами. Как же иначе: форс держать надо — в авиации, бабкам хвастал, в молодости служил.

Жизнью такой он был доволен. Жаль, что скоро закончилась она. Жоржа взяли на послушание в алтарь вместо заболевшего пономаря. На этой «должности» блаженствовать некогда: то батюшке просфоры подай, то принеси со свечного ящика записки от прихожан, да ещё и следи, чтобы угли в кадиле не потухли. То одно, то другое…

Вроде всё мелочи, но кру́гом идёт голова у Жоржа, никуда он, бедолага, не успевает, всё из рук у него валится. Морщится только он виновато на упрёки батюшки да, отвернувшись, втихаря ворчит — сетует на такую судьбу.

А тут ещё и архиерейская служба подоспела. Народу в алтаре — не протолкнуться: мальчишки из архиерейской обслуги, диаконы, священники… Зажатый в угол, Жорж трясётся, ровно овечий хвостик, взирает на происходящее испуганно вытаращенными глазами и радуется, что никто у него ничего не спрашивает и не требует.

Но и про Жоржа вдруг вспомнили…

На литургии перед началом Великого входа архиерей, стоя у жертвенника, вынимает из просфоры частицы за здравие всех сослужащих ему в алтаре. По старшинству, от благочинного до алтарника, все по очереди подходят к владыке и, поцеловав его в плечо, называют для поминовения своё имя. Прошли все, лишь один Жорж жмётся в своём уголочке. Порядок есть порядок: ребята-иподиаконы подхватили Жоржа под локотки и — к владыке.

Перепуганный Жорж отбивается, будто на казнь его волокут.

— Куда вы меня, охламоны, тащите?! — вопит истошно и что есть сил упирается.

— Это что у вас за больной? — сердито вопрошает архиерей.

— Да он нормальный. Авиатором был, лётчиком! — пытается сгладить неловкость настоятель.

— С парашютом неудачно спрыгнул?

— С печки упал! — честно и покаянно признался Жорж.

Всё равно согрешила!

Благочестивая старушка-одуванчик жалуется товаркам по лавочке возле храма:

— Вот же какой строгий и въедливый батюшка! Все свои грехи и грешочки на исповеди вроде бы ему выложила. А он вдруг спрашивает: «Воровала?» Да я сроду в жизни нитки чужой не брала!

Старушка какое-то время отпыхивается от возмущения и продолжает:

— Он говорит: «Валяется вот сторублёвка на дороге — что делать будешь?» Я молчу, думаю и так, и этак. Пенсия у меня грошовая, одни слёзы, а надо бы и дочке помочь, и внучке гостинчик купить. Может, эта денежка-то и не нужна никому, раз никто не ищет, валяется себе… «Вот тут ты и согрешила!» — восклицает батюшка. «Так не подняла же деньгу!» — «Помыслила!»

Приятная мелочь

Отец Леонид — протодиакон солидного вида. В том его упрекающим мягко и беззлобно возражает: мол, хорошего человека должно быть много.

Архиерей, с поджарой по-спортивному фигурой, в чёрной монашеской скуфейке на голове, за рулём служебной «Волги» всегда сам. Протодиакон важно развалится рядышком на пассажирском сиденье, только стёклышки очков деловито поблёскивают.

«Волга» с «генеральскими» номерами — презент архиерею от губернатора. Притормаживают на перекрёстке; гаишник, подтянутый молодой лейтенант, почтительно наклоняясь, козыряет отцу Леониду.

Тот, поначалу изумлённый, расплывается потом в довольной улыбке: за генерала небось посчитали. Вроде бы мелочь, недоразумение, а приятно!

Только вот архиерей из-за руля что-то хмуро покосился…

Заступница усердная

В восстанавливаемом храме любой помощи рады. И жертвуют люди кто что может — по желанию и по достатку. Одна бабулька образ иконы Казанской Божией Матери принесла. Вырезана икона из настенного календаря, но заботливо скрыта под стекло и заключена в красивую рамочку.

— Заступница усердная… Возьмите! — передала свой скромный дар старушка батюшке. — Поможет когда, защитит!

Через два дня замок на дверях нашего храма взломали, ловко перекусили пассатижами у замка тоненькую дужку. Из помещения только-только выехал продуктовый магазин; хозяин его замки и те забрал с собой. Староста наш — из творческой интеллигенции. Купил он замочек впору где-нибудь на даче на уборную вешать, и с этим запорчиком легко справился злоумышленник. В полутьме храма он сорвал со стены икону и бывал таков…

Нет худа без добра. Бизнесмен ещё не полностью освободил прихрамовую территорию: остался как раз напротив входа в храм гараж и при нём — видеокамера. Для полиции повязать грабителя было делом техники.

Икону нам вскоре вернули.

— Хоть бы старинная какая… А то простой календарь! — посетовали стражи порядка. — Никакой ценности.

— Понимали бы, что говорите! — проворчал настоятель. — Что с вором-то сделали?

— Он гастарбайтер. На историческую родину отправили как бы в наказание.

— Ловок мужик!

Старушка-дарительница приложилась к иконе, смахнула слезу:

— Пресвятая Богородица, спаси нас, грешных!.. Ты и храм от большего поругания оберегла, и пропащему человеку-нехристю домой помогла возвернуться!

Персона

Храм мы восстанавливаем в своеобразном городском квартале, прозванном в народе «дворянским гнездом». И правда — в соседних особнячках и коттеджах, прочих элитных домах тихо проживает отставная советская партноменклатура.

Даже магазин, который был прежде в обкорнанном до неузнаваемости храме, назывался «Комсомолка».

Настороженно и с удивлением следили за нами неотступно чьи-то глаза из-под занавесок на окнах.

Но первая ласточка из тех домов появилась: дед, тяжело опирающийся на трость, но сохранивший прежнюю «начальственную» выправку.

Постоит он, не крестясь, до конца службы у самой солеи и потом, вроде б как чем-то недовольный, убредёт.

Причина скоро выяснилась — сам он озвучил. Туг на ухо оказался.

— Почему вы мои записки о здравии и упокоении вслух никогда не читаете?

— Да как же? — возражает батюшка. — Все обязательно прочитываем на литургии.

Но дед продолжает пенять настоятелю:

— Не под силу, что ли, вам вот так громко во всеуслышание объявить: «Сейчас мы будем читать записки товарища Полякова! Персонально!»?

Поборник морали

У проруби в крещенскую ночь следят за порядком казаки. По берегам реки — толпы людей: и тех, кто окунуться в ледяную купель жаждет, и просто зевак и сочувствующих. Слепит глаза прожектор, застуженными голосами поют певчие на молебне; кружатся, падают неторопливо снежинки.

Водосвятие закончено: храбрецы устремляются к вместительным солдатским палаткам с нагретым печками воздухом и потом уже в «купальных костюмах» сигают в прорубь. Казаки на краях её топчутся, помогают купальщикам выбраться из воды.

Шумно, гамно, оживлённо.

— Эх, была не была! — решается молодой батюшка. — И я окунусь!

Тоже скрывается в палатке и выбегает из неё ясно что не в подряснике. С ходу, отчаянно творя молитву, плюхается в прорубь и выныривает обратно с жутким оханьем, выдыхая воздух и тараща глаза.

Тут же над батюшкой склоняется казак и строго грозит пальцем:

— Не матюгаться, молодой человек!

В душе поэт

Наш алтарник Валера, подвижный мужичок за сороковник, обросший чёрной кучерявой бородой, обладает прекрасным баритоном. Запоёт, бывало, народные песни, перебирая струны на гитаре, — заслушаешься! Понятно: такой в любой компании свой!

После службы спешно собираюсь на творческий вечер своего однокашника по Литинституту, известного в городе поэта.

— Куда так торопимся, отче? — недоумевает Валера.

— Да вот, поэта (такого-то) поздравлять с юбилеем и выходом новой книжки.

— Возьмите меня с собой! Я хоть стихов его и не читал, но всё равно его люблю и уважаю. В одной школе мы с ним, если не ошибаюсь, учились. А фуршет там будет?..

В небольшом читальном зале городской библиотеки, где собралось десятка два человек, Валера быстро освоился: снял жмущие ему ноги новые ботинки, под монотонное чтение стихов задремал

и встряхнулся, только когда присутствующие стали юбиляра шумно поздравлять.

Валера повертел головой, и вдруг взгляд его ухватил гитару с шикарным ярким бантом, повязанном на грифе. Валера забыл и про снятые ботинки—в носках стремглав подпрыгнул со стула и выхватил музыкальный инструмент из чьих-то рук.

На глазах у всех он троекратно облобызался со слегка ошеломлённым поэтом—благообразным чопорным старичком, восклицая восхищённо:

—Люблю! Уважаю! Горжусь! И как представитель церкви исполню в подарок юбиляру наверняка любимую им песню…

Все в зале настороженно попритихли, разглядывая бородатого мужичка в носках, навострили слух.

—Песню «Виновата ли я?..»,—громко объявил Валера и, взяв аккорды на гитаре, зарокотал своим баритоном.

Все стихотворцы—и авангардисты, и традиционалисты—замерли в изумлении с раскрытыми ртами.

—Откуда взялся этот поп с гитарой?—растерянно вопросил кто-то.

—Да не поп он, а тоже, наверно, поэт. Народный только.

Долг платежом красен

В наш храм посреди совпартноменклатурного «дворянского гнезда» иногда прибредает дед. Путь сюда, пусть и из соседнего дома, даётся ему нелегко. Заметно, что старик «отходит» от недавнего инсульта: сядет на лавочку в углу и, уперев руки в поручень своей клюшки, остаётся неподвижным до конца службы. Сразу видно—он не из «простых»: одет в весьма приличный костюм, при галстуке.

Дождётся отпуста литургии, одним из первых подойдёт приложиться ко кресту и, повернувшись к прихожанам, вознимет руку с прилипшей к ладони пятитысячной.

—Слушайте все! Я выполняю свой долг и торжественно вношу…—дед громко сообщает всем, которую по счёту купюру сегодня жертвует, и неловко пытается дрожащими пальцами просунуть её в щель ящика для пожертвований.

Наконец это ему удаётся, и он, тяжело опираясь на трость, но стараясь гордо запрокидывать седую голову, движется среди расступившихся прихожан к выходу…

В богоборческие тридцатые годы прошлого века наш странноватый прихожанин вряд ли храмы разрушал—может, бегал пацаном в тюбетейке, сшитой из обрывка поповской ризы. А вот в семидесятые годы, когда в центре города добивали танками громадину всеградского собора, вполне мог быть среди тех, кто совершал это чёрное дело. Не среди «отцов» города—замшелых «партайгеноссе», подписавших приговор храму, а среди тех солдатиков-танкистов. Ничем не могли разрушить вековечные стены собора, и тогда пригнали на подмогу из воинской части танки. Парнишки-комсомольцы, накануне проинструктированные замполитом «до слёз», сидя за рычагами мощных машин, азартно и рьяно расправлялись с останками «проклятого и тёмного прошлого»…

Говорят в народе, что судьба тех разрушителей—и кто командовал, и кто выполнял—была печальна и трагична.

А вот, наверное, один из тех юнцов в танкистских шлемах тогда «засветился», обласканный начальством, попёр в гору по партийной линии, сменяя чин за чином и… оказался в конце жизни вдвоём с больной женой-инвалидом в просторной, но неуютной квартире, выходящей окнами на восстанавливаемый храм. И на исходе лет, видно, встрепенулась, заболела и затосковала душа у старика. Сберёг её Господь.

Враг уныния

Бывает такое на службе: не ладится—и всё тут. И певчие на клиросе фальшивят: то комариками запищат, то забасит кто из них невпопад и не к месту. Пономарь сонной мухой шевелится—из кадила угли рассыпал.

У служащего священника голос пропал: скрипит, точно рассохшаяся доска в деревянном полу.

Как трудно сосредоточиться в молитве!

А ещё к середине службы прихромал старый протоиерей отец Василий. Давным-давно он «за штатом», негнущиеся ноги еле переставляет—без клюшки никуда, вдобавок почти слеп. Но слух сохранил изумительный: вроде бы не видит человека, но точно по голосу определит, кто есть кто.

Вот, наверное, мысленно подсмеивается над нашими неумехами старик!

После службы подхожу к нему, бормочу, оправдываясь, извинения, на что протоиерей, неторопливо перекрестившись щепоткой, бодро возглашает:

—Что ты, брат, пригорюнился? Отслужили вы ведь не хуже, чем в кафедральном соборе!

Благословение

Иеромонах Амфилохий—на все руки мастер в одном лице: и настоятель монастыря, и клирошанин, и трудник. В общем, «сам читаю, сам пою, сам кадило подаю».

Монастырь возрождается в благодатном месте: вблизи—нетронутый сосновый бор, где под сенью вековых деревьев ласково журчат, наполняя водой крохотные озерки, целебные источники. Изумительная тишина, чистый до звона воздух.

В храме, недавно освобождённом от складских завалов, сохранились кое-где росписи, под

ними—рака с мощами местночтимого святого, основателя обители.

Сначала потянулись сюда паломники, чтобы помолиться в монастырской тиши, приложиться к святым мощам, окунуться в источнике. Потом и турфирмы разнюхали—покатили в эти веси автобусы с разношёрстными туристами. Кто побыть в монастырской благодати, а кто просто из праздного любопытства.

В одной такой глазеющей по сторонам группе крашеная дамочка с всезнающим видом заявляет:

— Надо не забыть благословение у настоятеля взять! У кого бы узнать, где он?

Озирается и видит: у скотного двора какой-то трудяга в длиннополой одежде перекидывает вилами навоз.

Морщит напудренный носик дамочка, но никого больше, кроме туристов-попутчиков, тут нет—придётся подходить и спрашивать.

— Не знаете, где найти здешнего настоятеля? Я хочу у него благословение попросить.

— А сподобитесь?

Монах улыбается, втыкает в землю вилы и стряхивает с рук унавоженные рукавицы.

— Я настоятель!

Дамочка немного опешила—но что делать под взглядами начавших усмехаться туристов? Подошла под благословение и поцеловала натруженную руку.

Пустяк

Русский пенсионер и кавказец в храме.

Старик, зайдя в храм и молитвенно сложив перед собой ладони, просит, взирая на икону:

— Мне б к пенсии моей прибавки тысчонку-другую!

В это время порог храма переступает уроженец знойного юга.

Старичок, видать, глуховат: кажется ему, что говорит-то шёпотом, а на самом деле звук слов его отчётливо раздаётся в храме. Южанин хмыкает, услышав просьбу, вытаскивает из кармана кошелёк и сует старичку пару тысячерублёвок.

— И всего-то?!—бурчит.—Стоило беспокоить Бога по пустякам.

Время—деньги

Женский, со строгими нотками, голос из телефонной трубки пригласил батюшку освятить квартиру и детский развивающий центр.

Иду по адресу. Обычная «трёшка» в пятиэтажке, увалень-хозяин и энергичная худощавая хозяйка, оба лет тридцати. Двое парнишек: один школьник, другого в детсад ещё водят.

— Вам оплата как? По часовому?—с порога деловито осведомляется хозяйка.

— Да, конечно!—отшучиваюсь.

Но, оказывается, напрасно это делаю. Потом и сам не рад. Время-то—деньги, как ни крути!

Младший пацан—егоза, не сидится ему на месте: то кропило со столика ухватит, то за край епитрахили дёрнет.

Когда освящение жилища было завершено, на кухне он успел опрокинуть чайник с горячей водой. Слава Богу, не на себя, а только несколько капель обожгли парнишке руку. Малыш вопит, папаша бестолково возле него хлопочет.

— Сырой картошки ножом настрогайте и к ожогу приложите!—советую отцу.

Вроде помогает.

Мамаша следит за всей суетой бесстрастно, но беспокойно взглядывает на часы.

— Вам ещё развивающий центр освящать!—резко напоминает мне.—Время пошло!..

Испытатели

Одна бабушка после службы подходит ко мне с предложением:

— Батюшко, капусточки квашеной хочу тебе принести. Мне самой она что-то не очень нравится.

— Может, лучше не надо?—отвечаю.

— Да что ты, батюшко, Господь с тобою! Вон регент ваш накануне её попробовал и до сих пор жив!

Цена любви

Прихожанка, учительница из соседней школы, стоит на службе в храме сама не своя. Потом рассказывает, расстроенная:

— Я—классный руководитель у пятиклашек. У них—пора первых «чувств» друг к дружке, только вот выразить их не знают как.

Мальчишка дёрнул приглянувшуюся девчонку за косу, а та в ответ—его за рубаху. Рубашка—сверху донизу тресь по шву! Выразили чувства!

Вечером родительское собрание. И сразу проявилось социальное расслоение. Мальчик—сын банкира, а у девчонки мать—простая рабочая на молокозаводе. Банкир, сытый, холёный, уверенный в себе мужчинка, приносит злосчастную рубашонку и расправляет её, располосованную, напоказ, на общее обозрение. Вот, дескать, какие нравы царят в современной школе!

Классная руководительница рада бы превратить всё в шутку, но не тут-то было!

— Я хочу, чтобы виновные возместили мне убытки, а именно: испорченную рубашку заменили на точно такую же!—капризно надувает губы банкир.

— Давайте я вам деньгами заплачу!—поднимается с места худенькая, скромно одетая женщина.

— Я в деньгах не нуждаюсь!—сурово отрезает банкир.—Возместите мне в точности утраченное!

— Да простил бы… Этакая для вас потеря!—пробурчал кто-то из родителей с задней парты.

— Не ваше дело!—резко обернулся в ту сторону банкир.—Для меня важна справедливость.

Купила женщина, мать-одиночка, на другой день банкирскому сыну такую же точно рубаху. Только носить её парнишка не стал — наверное, из «солидарности» с той девчонкой-«зазнобой», которой дома от матери, без сомнения, основательно влетело.

Наши служители собирались у того банкира попросить денег на ремонт храма, да передумали. Хотя… может быть, и дал бы.

Месть атеиста

В нашем городе местные писатели собрались восстанавливать полуразрушенный храм. Создали общину, получили настоятеля.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело подаётся, тем более доброе. Богатенькие «буратино» — спонсоры — толпой не набежали, а у иного писателя сейчас в кармане вошь на аркане. Но всё-таки старались, что могли — делали. Перво-наперво богослужение в изувеченном до неузнаваемости храме было восстановлено; вместо иконостаса алтарь отделила простая занавеска. А снаружи и говорить нечего: стены ощерились карминно-красными выбоинами кирпича, на крыше берёзки растут. И всё-таки народ в окрестностях стал называть храм «писательским», раз там обретались кудесники слова.

Здание храма уцелело каким-то чудом посреди «дворянского гнезда» — обиталища бывших партийных и советских номенклатурщиков. Кто из них взирал на оживающий храм с молчаливым равнодушием, кто — с ехидной усмешечкой. А один — восьмидесятилетний, но ещё шустрый старикашка — однажды налетел на настоятеля петухом:

— Где виден труд ваших писателей в деле восстановления церкви? Где купола, где леса по стенам? Писатели же богатые люди, что это жалеют отстегнуть на ремонт?!

— Помилуйте! — возразил настоятель, тоже писатель. — Откуда у них большие деньги? Живут, нищенствуют.

— Враки всё! — не унялся старикан и принялся считать деньги в чужих карманах. — Вон у председателя вашего союза сын — бизнесмен, да и у других щелкопёров родственнички тоже небедные.

Выяснилось, что старикашка этот был в молодости и в зрелых годах флотским замполитом и наверняка морячкам ахинею о вреде религиозного дурмана истово втюхивал, а сейчас, поди ж ты, о храме Божьем стал радеть. На службах он никогда не стоял, а всё вот так налетал с набега на настоятеля. И стал кляузы во все инстанции строчить, на что оказался редчайший мастер.

Начальство, от греха подальше, перевело настоятеля на другой приход; община захирела; всё точно рассчитал старый атеист: поражу пастыря, и овцы разбредутся. И, похоже, потерял всякий интерес к храму, больше вблизи его и не видывали. Добился вроде своего.

А всё дело-то оказалось вот в чём. Как и многие старикашки на склоне лет, вообразил он себя «писателем», стал своими опусами местное отделение Союза писателей заваливать. А наши писатели к графоманам жёстки и суровы: пожалуйте-ка в «корзину»!

Вот и удумал старикан отомстить, раз не взяли его в свои досточтимые ряды…

Молитвенно!

Отец Василий, настоятель храма, — из музыкантов, в прошлом преподавал в консерватории. Любая фальшивая нотка, проскочившая во время совершения службы, вводит его в расстройство.

Недавно рукоположенный во диакона отец Федот — из армейских прапорщиков. Грубоват, голосина ровно труба, и с музыкальным слухом он не в ладах, не иначе медведь на ухо наступил.

Страдальчески морщится от диаконских рулад на утрене отец Василий, но куда денешься — надо новорукоположенного диакона учить.

Возгласив на каноне с солеи перед богородичной иконой: «Богородицу и Матерь Света в песнех возвеличим!» — так, что вздрогнули подвески на паникадиле, возвращается в алтарь Федот, покадивши храм.

— Отец Федот! — трагично вздыхает отец Василий. — Не надо так орать «Богородицу и Матерь Света…», как будто взвод солдат в атаку поднимаете. Благоговейно, молитвенно надо…

Вера

Отец Федот хотя и в зрелых уже годах, но диакон ещё «молодой», всего с неделю. Утомился, видать, с непривычки на службе. И петь с прихожанами «Символ веры» на солею застеснялся ещё выйти, притулился передохнуть на табуретке в уголке алтаря. Батюшка служит с ним тоже молодой, ничего не скажет, не попеняет. А так хоть на пару минут гудящие с непривычного долгого стояния ноги ныть перестанут.

Но в это время в алтарь заходит настоятель отец Василий:

— Отец диакон, где ваша вера?

— В садике, — отвечая, вскакивает с табуретки смущённый, как провинившийся школьник, Федот.

— Где-где? — не понимает растерянный настоятель.

— В садике, — повторяет отец Федот. — В школу ещё младшую дочку не берут, мала.

Примета

Дама — бизнесвумен: пусть за пятьдесят, но внешность броская, иномарка — шикарная. Приходит в храм исправно по воскресеньям; стоит на службе, повязавшись платочком, — скромная овечка.

Говорит:

— Я, батюшка, как истинная христианка, во всякие там приметы не верю. Пусть чёрная кошка дорогу перебежит, или тётка с пустым ведром навстречу попадётся, или ваш брат поп рясой где-нибудь на углу зачернеется — всё равно еду прямо! И не подумаю трусливо объезжать за квартал, как другие!

Едем как-то с этой дамой за попутье по делам. Навстречу — узкий проезд через туннель под железнодорожными путями, по ним неторопливо тянется состав. Дама вдруг отрывает руки от руля, плюёт в ладони и оглушительно хлопает ими.

— Это зачем? — удивляюсь. — Чтобы поезд на нас, не дай Бог, не упал?

— Да нет! К деньгам это! К прибытку! — восклицает прихожанка.

Монашкина ходьба

Часто можно видеть где-нибудь в парках бодро шагающих бабулек с лыжными палками в руках. Скандинавская ходьба. Говорят, помогает жизненный тонус удерживать и к долголетию стремиться.

Но почему-то хочется думать, что придумали её не финны, а наша русская баба Дуня. Сухонькая, всегда в тёмного цвета одежде, укутанная по самые брови чёрным платком, жила она в маленьком, переделанном из амбара, домике. Соседки рассказывали про неё, что в юности она на каком-то полустанке спрыгнула с замедляющего ход поезда и замоталась при этом её длинная коса за подножку вагона. Так и поволоклась Дуня по насыпи вслед за набирающим скорость составом. Взмолилась: мол, жива останусь — жизнь Богу посвящу! И… отцепилась.

Монастыри в ту богоборческую пору были закрыты, стала Дуня монахиней в миру…

Нам она запомнилась бодрой старушкой с двумя батожками в руках и котомицей за плечами, семенящей по бездорожью в храм за несколько километров от нашего городка. Неизменно — и в непогоду, и под палящим солнцем — шепча молитву.

Никто не мог бы сказать, сколько было монахине лет, пока однажды на избирательном участке — в советское время все обязаны были прийти и проголосовать за одного-единственного кандидата — председатель комиссии, сверив Дунин паспорт со своим списком, не произнёс во всеуслышание то ли потрясённо, то ли восхищённо:

— Вы знаете, сколько этой бабушке лет? Не поверите — сто три!..

Вот вам и ходьба. С молитвой на устах только.

Молодой, да ранний

Перевело начальство с прихода старого настоятеля. Мол, храм восстанавливает он медленно, клянчить у богатеньких спонсоров средств за годы то ли не наловчился, то ли просто стесняется. В общем, сделал «мавр» своё дело — открыл храм для богослужений, должен теперь и уйти.

Прибыл на его место юный поп. Недавно из семинарии, но, видать, молодой, да ранний. Нашёл краткий список благодетелей, ткнул наугад пальцем в первое попавшееся имя и отправился знакомство заводить.

Сидевший за столом добродушный на вид здоровяк, глава строительной фирмы, вопросительно поднял глаза на стремительно влетевшую в его кабинет тощую фигурку батюшки.

Тот прямо с порога взял «фирмача» в оборот, загибая пальцы:

— Вы мне дайте железо для ремонта кровли, дайте рабочих!.. Дайте то, дайте это…

Глава фирмы в ответ что-то невразумительно промычал, замотал головой и наконец сумел прервать словоохотливого батюшку, озадачив вопросом:

— А вы, молодой человек, что нам взамен дадите?

Повисло молчание.

— Воды крещенской дам! — нашёлся юный батюшка. — Бесплатно. Приходите!..

В бегах

Прихожане идут обычно прямиком в храм Богу молиться, но иногда появляется «захожанин», кто в обширном церковном дворе, сосредоточенный, топчется на месте и, едва завидев батюшку, подлетает к нему, пламенея красноносо.

— Не хватает немного денег до родины добраться! — с самым жалостливым видом посетует, а то и слезу смахнёт.

Такого бедолагу издали видно, и на приличный куш ему явно рассчитывать не приходится.

Но вот однажды кто-то осторожно тронул батюшку за рукав рясы и с восточным акцентом сказал:

— Выручай, брат! Мулла я бывший, крещение принял. Земляки следом идут, не простят. Уехать мне надо срочно из вашего города! Спасай!

Батюшка от такого натиска порастерялся и, что говорить, на выручку пришёл: «позолотил» протянутую руку.

На другой день он позвонил по делам настоятелю соседнего храма и упомянул о происшедшем.

— Так от меня только что такой же бегляк ушёл! — тоже растерянно ответил тот.

— А давай-ка мы позвоним отцу (он назвал имя настоятеля третьего храма)…

Что был за ответ, догадаться нетрудно.

Ловок же мужик! Воистину, голь на выдумки хитра!

Карина Кулумаева

Если чатхан зазвенит-запоёт…

Весеннее равноденствие[1]

Крепкие корни народа
В травах отчизны степной
День ото дня, год от года
Оберегались тамгой[2].
Небо светлеет с востока,
Горы в тумане плывут.
В кроне берёзы высокой
Радостно птицы поют.
Праздник весельем искрится,
Шумно за щедрым столом.
Пусть и очаг угостится…[3]
Дышит земля чабрецом.
Путь поколениям новым
Делом своим отмечай.
Не забывай свои корни,
Род свой всегда защищай
И о традициях помни,
Волю небес исполняй.

Звёздное мягкое небо

Звёздное мягкое небо
Весь Абакан накрывает.
Свет одинокой луны
Блеском в глазах играет.

Сердце моё ищет выход,
Зимнюю ночь согревая,
И никому незаметно,
Как крылья любви сияют.

Ты бросил слова на ветер,
А ветер их в волосы вплёл.
В танце теней, полыхая,
Жестокий цветок расцвёл.

Один лишь вопрос остался
В глубинах моей души:
Сможешь ли ты всё увидеть
В сиянии глаз моих?

Пой, сказитель!

Пой же, хайджи[4], песню свою
Вместе с парящей душой.
Поёшь лучше многих в нашем краю,
К тасхылу[5] взлетаю с тобой.

Если варган запоёт-зазвенит—
Будто на белом коне,
Пусть эта песня мой дом защитит,
Птице подобно в гнезде.

Если зелёный хомыс запоёт—
Слышу зов гор и шум рек.
Песня богатству тайги воздаёт,
Почтителен к ней человек.

Если чатхан зазвенит-запоёт—
Сдвинется с места земля.
Ветер прошедших времён донесёт
Древнюю быль бытия.

Пой же, сказитель, пой песню свою,
Пусть льётся её благодать.
Пусть счастье обнимет землю твою,
А духи народ защитят.

Природа, любуясь песней твоей,
Украсит свои плоды.
А хай для заблудшей души моей
Станет глотком чистоты.

Вкус кофе к утру

Вкус кофе к утру
Приятно волнует.
Метель за окном
Всё кружит и дует.
В игру снегопада
Мысли влетели.
Растаю навеки
В танце метели.

1. Весеннее равноденствие—этот день в хакасском календаре отмечается как начало нового года.
2. Тамга—родовой знак, клеймо, которое ставилось на скот и имущество.
3. «Очаг угостится»—имеется в виду обряд кормления огня в очаге.
4. Хайджи—сказитель, исполняющий сказания горловым пением (хаем) и сопровождающий процесс сказывания игрой на национальном инструменте (это может быть чатхан, варган, хомыс).
5. Тасхыл—высокая гора, обычно со снежной вершиной.

Пробуждение

Словно пустыня, Уйбатская степь
Тонет в коричневых красках.
Как пирамиды здесь горная цепь,
Словно в египетских сказках.

А в сердцевине Уйбатской степи,
Между соцветий-созвучий,
Ветви берёзка качает свои
Под переливчатой тучей.

Ленточки треплет ей ветер с песком
Под шелест степного бурьяна.
Туча повисла над богатырём,
Спящим под тенью кургана.

Зима отступает к дальним холмам,
В тёмных оврагах ночуя.
Стрелою взмывает орёл к небесам,
Духов весенних почуяв.

В розовых платьях все до единой,
Девушки посолонь реют.
Косы их чёрные длинные
Западный ветер лелеет.

Славным героем духи гордятся,
Песню о нём распевая,
В пляске своей вечной кружатся,
Землю мою пробуждая.

Ночная прогулка

От светлой улыбки луны
Повеет вдруг теплотой.
Взгляд серебристой звезды
Следует тихо за мной.

Будто цветной фейерверк,
Вспыхнул снежок и пропал.
Грустных деревьев тень
Спрятал белый туман.

В парке гуляю одна,
Мысли свои отпустив.
Эта зима холодна,
В ней грустный царит мотив.

«Снова гуляешь одна?»—
Спросит подруга в лс.
Ответит ей тишина
Мглою туманных завес.

Заглянет в душу фонарь,
Утешит игра теней,
Дав сил пережить январь—
Грусть долгих холодных дней.

Перевёл с хакасского
Илья Новиков

ДиН ревю

Владимир Шанин

Ощущения

Красноярск, 2021

● ● ●

Бродит во мне хмелем
Дух путешествий.
Я против шерсти—умею…
А если меня—против шерсти?..
Вспыхну, сбегу в деревню,
В горы, в тайгу, на Ману,
Где камни, речка, деревья
Не предадут, не обманут.
И, может быть, в сотом начале—
Немолодой, непрыткий—
Такое вдруг повстречаю
И сам удивлюсь открытию.

● ● ●

Почему я живу?
Потому что мне жить приказано
Памятью тех, кто не смог:
Не дожил, не допел—устал…
И так отцу моему
Сердцем было приказано,
Чтобы остался я,
Чтоб никогда не упал…

Виктор Ларин

Чёрные аисты

Фантастико-приключенческая повесть

Мальчик по имени Мальчик

Я открыл люк, и в шлюзовую камеру космошлюпки ворвался душный, обжигающий ветерок. Держась за огибающий вырез люка поручень, я высунулся наружу. Сквозь запах гари отчётливо пробивался густой аромат, не похожий на запахи Земли. Расплавленный солнечный шар безмолвно повис над заброшенным космодромом, щедро расточая тепло. На небе ни облачка, только расплывался белыми пушистыми хлопьями инверсионный след ракеты. Плоско и чётко, словно аппликация, выступала на фоне густой синевы лесная стена. Деревья поражали воображение размерами—полусотметровая мачта радиомаяка, торчащая из песчаных наносов на краю космодрома, доходила только до их фиолетовых крон. Знаменитые мегадендры Сиесты! Картина в постимпрессионистских тонах не могла не вызвать у меня восхищения. Я подумал о Гогене: вот так же, наверное, высаживался он на берег своего Таити…

И вдруг я увидел: от леса, прямо к космошлюпке, бежит человек. Он был почти голый—яркая набедренная повязка составляла всю его одежду. Впрочем, ничего удивительного для тропического мира. Я усмехнулся: «Одного я всё-таки разбудил на планете с сонным именем!»

Это был подросток. Быстро семеня загорелыми ногами, он во весь дух чесал по сверкающему под солнцем полю, и я воспринял это как счастливый знак. Значит, селение колонистов где-то неподалёку, если мальчишка так быстро появился на месте посадки ракеты.

—Осторожно! Тут горячо!

То ли я слишком поздно крикнул, то ли мальчишка так сильно разогнался, что не смог вовремя остановиться, но это случилось. Тишину сонного мира прорезал истошный вопль. Подпрыгнув в воздух на добрый метр, мальчишка пустился наутёк.

—Туземец, стой!—крикнул я, едва не вывалившись из люка.

Услышав мой голос, подросток остановился, обернув ко мне коричневое лицо. Рот мальчугана был широко открыт. С минуту мы смотрели друг на друга. Я молил Бога, чтобы парень не дал стрекача.

—Ты ведь из посёлка, верно?—спросил я, чтобы хоть что-нибудь спросить.

Мальчишка ничего не ответил. Я глянул вниз: стекло под кормой ракеты багрово светилось. Правда, раскалённый круг был под самыми дюзами, чуть дальше от посадочных лап почва не дымила. Таймер челнока давал мне ещё пятнадцать минут времени: вполне достаточно, чтобы спуститься с рюкзаком по остывшим скобам и отбежать в ботинках на толстой подошве на безопасное расстояние. Но я боялся, что мальчишке надоест торчать на солнцепёке.

—Так и быть, иду,—бросил я ему.—Ты только не исчезай!

Взвалив на плечи тяжёлый рюкзак с приторороченной к нему надувной палаткой и накинув на шею ремень этюдника, я спустился по наружным скобам вниз. Только бы не растянуться на чёртовом стекле! Даже сквозь толстые подошвы моих «милитари» ноги жарило. Мальчишка с явным интересом наблюдал, как я отчаянно взмахиваю руками, пытаясь сохранить равновесие.

—У-у-ух!—шумно выдохнул я, когда скользкий каток под ногами кончился и я оказался нос к носу с малолетним жителем Сиесты.

—Тебя как зовут?—спросил я.

Мальчуган спокойно посмотрел на меня своими голубыми, как весеннее небо, глазами. Какой, однако, мускуланчик. Прямо настоящий атлет! Невольно я обратил внимание, что тело подростка, которому на вид было лет двенадцать-тринадцать, покрывают многочисленные шрамы. Мне стало как-то не по себе: бедняга-ребёнок, похоже, побывал в переделке.

—Бой,—ответил он мне чуть гортанным голосом.

—Твои родители большие оригиналы,—улыбнулся я.—Мальчик по имени Мальчик!

Я никак не мог отвести взгляд от рубцов на его руках и ногах. Когти зверя? Следы стихийного бедствия, случившегося на планете?

Люк космошлюпки с лязгом закрылся, и тотчас взвыла предупредительная сирена. Надо уносить ноги! Я схватил Боя за руку и, как маленького ребёнка, потащил за собой. Отбежав метров на сто пятьдесят от ракеты, мы остановились. Мне

было интересно посмотреть, как стартует автоматический челнок.

Заострённый силуэт ракеты дрожал в жарком мареве. Вой сирены поднялся до угрожающей ноты. Внезапно гром и вибрирующий свист распороли тишину, я открыл рот, чтобы не оглохнуть, и скосил взгляд на Боя: тот прикрыл уши ладонями. Не знаю, о чём он в эту минуту думал, но на его лице я не прочёл ничего. Могло показаться, что провожать в полёт космошлюпки было для него делом будничным.

Я стоял рядом с Боем и смотрел вслед челноку, направлявшемуся в космос, к орбите большого корабля.

Когда ракета исчезла из виду, я улыбнулся и протянул мальчугану руку:

— Алексей.

Бой вопросительно уставился мне на ладонь, словно хотел понять, зачем этот дядька показывает ему пустую руку. Он ткнул пальцем мне в ладонь:

— Грязь?

Я тоже посмотрел на свою ладонь: краски. Я как раз заканчивал пейзаж по памяти для кают-компании «Умбриэля», когда мне вдруг дали полчаса на сборы.

— Это краски, Бой,—сказал я.—Я—художник.

Бой задумчиво поковырял в носу. Светские манеры, похоже, не были его сильной стороной. Я снова уставился на его боевые шрамы, и тут меня словно громом ударило: ведь мальчишка этот не мог родиться на Сиесте! Планету колонизовали только семь земных лет назад.

— Признайся, Бой,—заговорил я дружеским тоном. (Во всяком случае, я надеялся, что так это и прозвучало.)—Тебя не в кофре с дырочками родители привезли?

Вопрос я задал ему не случайно: закон запрещает брать в Дальний Космос несовершеннолетних пассажиров.

Подросток посмотрел на меня, помолчал и вдруг сказал:

— Нед ругать меня будет, что я убежал.

— Нед—это твой отец? Ты меня отведи к нему, и я объясню, что ругать тебя совершенно не за что. Идём?

Бой охотно послушался, повернулся ко мне спиной и зашагал в сторону леса.

— Постой!—опешил я.—Я не могу так быстро…

Бой остановился, а я снял с шеи этюдник и накинул ремень ему на плечо, подумав при этом: «Акселерат, всё ушло в рост, голове ничего не досталось!»

Было очень жарко. Солнце стояло в зените, и наши тени на сверкающем стеклянном шлаке жались к ногам.

— Ваш посёлок в лесу?—спросил я недоуменно.—На корабле мне сказали, что поселенцев искать надо вдоль берега реки.

Мой проводник ничего не ответил. Мы миновали полосу гари и ступили в благодатную тень.

Лес встретил нас влажным полусумраком. Гигантские стволы деревьев обвивали лианы; они свешивались сверху, с высоких, плотно сомкнутых крон, как толстые канаты, или сети. Подлеска не было: очевидно, для роста кустарника не хватало солнечного света. Ноги тонули в мягком моховом ковре, густо дымившем спорами. В нос ударил сильный и стойкий запах—смолистый, тягучий. Я тотчас расчихался. Мне, как художнику-пейзажисту, приходилось бывать и в северной тайге, и в экваториальных джунглях, но *этот* лес с самого начала показался мне особенным, необычным; было в нём нечто такое, что меня удивляло, если не сказать—настораживало. Шагая за своим проводником, я озирался вокруг.

Внезапно я понял причину тревоги: тишина! Ни пения птиц, ни жужжания насекомых. Меня охватило какое-то странное чувство. Будто рядом было что-то. И это «что-то» затаилось. Может, за стволами деревьев, может, там, наверху, в кронах.

Я глянул на проводника-мальчишку. Тот шагал как ни в чём не бывало, бодро шевеля едва прикрытыми ягодицами. Тем не менее я продолжал испытывать неприятное ощущение в затылке. Словно какое-то атавистическое предупреждение.

— Бой,—окликнул я юного колониста, неизвестно как появившегося на планете.

Подросток придержал шаг и оглянулся.

— В лесу есть хищные звери?—задал я ему вопрос.

Он тупо посмотрел на меня, и по спине моей пробежал холодок. Он действительно не понял вопроса или придуривается? Склонившись к последнему, я подхватил игру—сделал страшное лицо и, занеся над головой руки со скрюченными пальцами, зарычал:

— Р-р-р-р!..

Бой испуганно моргнул кукольными ресницами, потом схватился за живот от смеха. Хохотал он долго. Может быть, минуту или две. Этюдник соскользнул с его плеча и упал в мох.

— Кажется, я тебя развеселил,—проговорил я смущённо.

Я поправил на груди лямки рюкзака, и тут это случилось. Голова Боя резко запрокинулась вверх, рот широко открылся, так что стало видно розовое нёбо. Тишину леса вдруг прорезал низкий тоскливый вой. Звук его, словно электрический ток, поразил меня. Я почувствовал, как на голове у меня зашевелились волосы.

Вой продолжался несколько секунд, но и этого было для меня достаточно. Мне с трудом удалось проглотить застрявший в горле комок.

— Это кто же…—договорить я не успел: из глубины леса донёсся заунывный вой—и это не было эхо.

Я глядел на мальчишку: паршивец улыбался! «Если это местные шутки,—подумал я,—то

в юморе им не откажешь». Я не стал ни о чём больше его спрашивать, лишь указал на этюдник:
— Подними, пожалуйста…

Местность заметно понижалась. Вскоре мы вышли к небольшому озерцу. Высохший илистый берег его сплошь был испещрён трёхпалыми следами размером с ладонь. Можно было только догадываться: приходили сюда на водопой местные птицы, или эти отпечатки принадлежали каким-то тварям, вроде двуногих ящеров. После экспромта с «хищником» спрашивать Боя о следах у меня как-то не возникло желания.

Видимо, жара проняла и его. Опустившись на четвереньки, мальчуган непринуждённо лакал языком воду. У меня хватило соображения сделать вид, что всё в порядке, а учитывая то, что малый положил мой этюдник на сухом месте, восхититься его умом.

Да, прогнило что-то в их королевстве, подумалось мне. Кряхтя под тяжестью набитого консервами рюкзака, я присел на корточки и зачерпнул ладонью воду: на вид чистая. Вообще-то на Земле мне сделали все прививки, какие положено иметь туристу, отправляющемуся в вояж на Сиесту. Планета, в микробиологическом плане изученная. «Всё, что может ждать вас там первое время,—это расстройство желудка от непривычной кухни колонистов»,—заверил меня доктор. «Ну что ж,—подумал я,—зря, что ли, я терпел уколы?» Напившись, я глянул на часы, поставленные на время часового пояса, в котором я высадился. В пути мы около получаса. Как долго ещё идти? Я задал вопрос Бою.
— Идём,—всё, что он мне сказал.

Мне ничего не оставалось, как последовать за проводником.

Дорогу преградил густой кустарник. Непонятно, как без живительного света вымахали такие заросли. Подойдя к ним ближе, я остановился, разглядывая жуткие обоюдоострые шипы, унизывающие сухие переплетённые ветви. Неужели голый мальчишка туда полезет?
— А другой дороги нет?—спросил я потерянно.

Вместо ответа мой проводник поднырнул под нависающую ветвь—только мелькнул под короткой набедренной повязкой поджарый зад.
— Значит, нет,—сказал я себе и как-то совершенно бездумно полез в колючие кусты.

Плотная ткань моей штормовки могла служить достаточной защитой от порезов. Рюкзак гнул меня к самой земле. Я отводил альпенштоком встававшие на пути ветви; шипы на них походили на хирургические инструменты. Одно неосторожное движение—и прощай, глаз! Лоб и уши прикрывал мне капюшон, туго завязанный на подбородке. Раза три я должен был остановиться, чтобы передохнуть, и, несмотря на относительную прохладу, по спине у меня струился пот. Боя я потерял из виду.

Откуда это так пахнет? Внезапно в нос мне ударило страшное зловоние—запах разлагающейся плоти. Я осторожно повернул голову и увидел на ветвях какие-то подозрительные лоскуты. Дряблые бурые клочья с торчащими из них тонкими белыми костями свисали с пятнадцатисантиметровых шипов-ланцетов. Мерзость! Я гадливо поморщился и опустил взгляд: зубастые маленькие черепа скалились из колючих сплетений. Видимо, спасаясь бегством (либо, наоборот, увлёкшись преследованием), звери не заметили, как попали в смертельную ловушку. Теперь некоторые из них ещё висели, распятые на ветвях, останки же других истлевали на земле.

От волнения я поранил шипом руку. Порез был глубокий. Не хватало ещё, если куст-стервятник занёс мне какую-нибудь заразу. Ведь эта шипастая дрянь питается падалью. Я выплюнул кровь, которую машинально слизнул с кисти.

А мальчишка исчез!

Я набрал в грудь воздуха и крикнул:
— Бой!

Ответа не было.

Я рванул вперёд по хрустящим костям, рискуя изрезать себе лицо, и… облегчённо вздохнул: кусты кончились. Вверх по склону пригорка тянулось безлесное пространство. Я осмотрелся вокруг. Колючий кустарник, через который я только что продрался, заполнил собой низину, протянувшуюся под холмом. На вершине его, под отвесными лучами солнца, стояла загорелая фигурка с этюдником на плече.

Всё-таки он меня не бросил… Я стал взбираться вверх по склону.
— Ты так больше не делай,—сказал я Бою, когда дыхание немного выровнялось.

Я сбросил с себя рюкзак и присел на торчащий из земли валун.
— Идё-о-ом…—протянул мальчишка и всхлипнул.
— Э! Да ты никак хочешь зареветь… Погоди! У меня есть для тебя одна вещица,—я достал из нагрудного кармана штормовки миниатюрный «звучок».—Тебе на какие мелодии настроить? «Афро» подойдёт?

Лесная поляна огласилась зажигательным ритмом. Бой вздрогнул и в изумлении вытаращил глаза: всё-таки он был настоящий дикарь.
— Выключается таким вот манером,—я накрыл пальцем светящуюся точку и протянул замолкшую игрушку подростку.

На глуповатом его лице отразилось возбуждение.
— Это мне?
— Тебе. Только у тебя нет карманов, потому что нет штанов. Повесишь «звучок» на шею, верно? Так, где-то был шнурок…

Я согнулся над рюкзаком, шаря в наружных карманах. А когда поднял голову, Боя на месте не оказалось.

— Х-хых! — выдохнул я шумно. Затем позвал: — Бой…

Ответа не было.

«Если это шутка, — подумал я, — то не самая лучшая».

— Бой!

Тишина.

Встав с валуна, я огляделся. Окружённый лесом холм был пуст, если не считать нескольких кустов, впрочем, почти прозрачных.

— Эй, ты где?

Молчание.

Вконец растерянный, я вновь огляделся вокруг, затем приложил руку ко рту и во весь голос прокричал:

— Мальчик!

Как будто хрустнула ветка — там, под склоном, где колючие заросли.

Несколько секунд я напрягал слух, потом сам показал себе пальцем направление и быстро пересёк плоскую вершину холма. Присев за кустом, осторожно отвёл ветку.

В колючих кустах стоял вовсе не Бой. Это был длинный и сухой, как жердь, человек в чёрном. Он стоял неподвижно, задрав вверх чёрное, словно обугленное лицо с белёсыми бельмами глаз и огромными оскаленными зубами: зомби из старинных фильмотек! Похоже было, что шипы кустарника были нипочём страшилищу.

Я бережно опустил ветку. Не знаю, сколько времени я просидел на корточках, слушая гулкие удары собственного сердца, но когда я решился вновь заглянуть в заросли, бредовой фигуры там не оказалось.

Я вернулся на свой валун. В глазах у меня всё ещё стоял чёрный человек. Если такой являлся с заказом к Моцарту, депрессию композитора нетрудно понять. Монстр наверняка понравился бы Иерониму Босху.

«Боже мой, — подумал я, — а что, если это был Нед, отец Боя, изуродованный какой-то местной болезнью?»

Между тем что-то случилось с погодой. Моя укороченная тень с каждой минутой становилась всё более неясной. Я поднял голову и вместо слепящего солнца увидел белёсый диск, проглядывающий сквозь низкую облачную пелену. Да облака ли это вообще? Казалось, над деревьями стелился дым таёжного пожара. Я потянул ноздрями воздух: нет, гарью не пахнет… На лоб мне упала тёплая капля. Дождь? Не может быть. По справочной информации космоагентства, на северном полушарии Сиесты сейчас должен быть сухой сезон. Никаких дождей!

Кроны деревьев полностью скрылись в молочно-белой пелене. Некоторое время ещё можно было видеть встававшую в полусумраке колоннаду гигантских стволов.

Но вот туман опустился на землю, и всё исчезло. Лишь небольшой участок неба, где должно было находиться солнце, продолжал ронять на холм бледный свет. Слышался стук капель, падавших с высоты на землю.

И тут до моего слуха стал доходить звук, похожий на гул. Он был низкий, басовитый и, казалось, шёл со всех сторон сразу. Так гудеть может мощный грузовой аэрокар, движущийся на малой высоте.

Полная ерунда! Где угодно, только не на Сиесте. В колонии гринпов каждый второй — убеждённый луддит и бежал с Земли из-за засилья машин. Во всяком случае, так мне говорили.

Сырой мрак вдруг ожил. Из тумана раздавался пронзительный визг; где-то близко с утробным рёвом один за другим промчались (пропрыгали… проскакали?) неведомые существа, о размере которых я мог судить только по шуму, с каким они пронеслись.

Гул… Гул, топот бегущих животных и плывущие над землёй клочья тумана.

Огромная чёрная тень внезапно сгустилась надо мной, и я вдруг почувствовал, как голову и руки мне облепляет живая копошащаяся масса.

Острая, жгучая боль!

У меня было такое чувство, будто мою голову и руки сунули в котёл с кипящим маслом. Задушенно замычав — рот был забит хрусткой пакостью, — я бросился на землю.

Да где она?

Руки слепо шарили по вьюку: «Вот чёрт! Верёвка!» Боль и омерзение придали мне сил. Руками, без ножа, я разорвал шпагат, которым был привязан к рюкзаку тюк с надувной палаткой.

Где чека?.. Никак не найти!..

…Позднее я размышлял, что было бы, окажись газовый патрон пустым. Надуть палатку ножным насосом я уже не смог бы. Прорезиненный купол ещё продолжал наполняться, когда я кубарем вкатился внутрь. В глазах у меня прыгали жёлтые круги. Я понял, что это означает. Через несколько секунд я выдохну воздух из лёгких и…

Я сунул руку в рот, полный шевелящейся мерзости, и меня вырвало прямо на надувной пол. Выплёвывая оставшихся во рту кровососов, я повернулся на четвереньках к входной щели палатки. Глаза по-прежнему ничего не видели. Я просунул руку в упругую щель, нащупал лямку рюкзака и втащил его внутрь. Баллончик с аэрозолем, по счастью, был засунут в наружный карман.

Прежде всего я направил струю на себя. Химическая атака имела успех — крылатые твари возмущённо зажужжали, не смея больше ко мне приблизиться. Я провожал их щедрыми порциями; надувной пол в палатке, словно свадебным рисом,

был усеян дохлыми насекомыми. Замечательный инсектицид! Я разделся до плавок и опрыскивал одежду, не пропуская ни одной складки, до тех пор, пока баллончик не пустил пузыри.

Потной футболкой я смёл крылатые трупики к выходу и, обессиленный, лёг. Разные мысли лезли мне в голову, и одна из них: как колонисты Сиесты, эти убеждённые природолюбы, мирятся с этой жалящей нечистью? Вон, даже лесные зверюги ревут в голос. Наверное, в свою «Декларацию о правах животных» переселенцы внесли соответствующую поправку.

Тело жгло, словно огнём. Я приподнялся на локте и подтащил к себе рюкзак. Аптечка оказалась на самом дне рюкзака, под жестянками с тушёнкой. Лучшего места было не найти! Впрочем, откуда мне было знать, что лекарства понадобятся так скоро? Я возлагал надежды на прививки, на которые доктор Филин, последним благословивший меня на космическое путешествие, был весьма щедр.

Из наличного арсенала я выбрал шприц-тюбик с красным содержимым. Судя по цвету, эта штука должна убить любую микродрянь, проникшую в мой организм.

Затаив дыхание, я воткнул иглу себе в бедро и сдавил прозрачную подушечку большим и указательным пальцами; место укола заклеил пластырем. Видимо, в лекарстве содержался анальгетик. Боль мало-помалу стала отступать. Опухшими, покрытыми сливающимися волдырями руками я достал из рюкзака футляр с бритвой и, повернувшись к окошку, заглянул в зеркальце. Навстречу мне посмотрело отражение: маска из театра кабуки, правда, не белая, как положено по канонам японского театра, а багровая, как луна на заходе.

Я покривил задубелые губы:

— Будет, будет мошкара веселиться до утра…

Очевидно, лесные беглецы нашли укрытие от гнуса. Обострённым слухом я иногда улавливал отдалённый плеск воды и мокрое фырканье ноздрей. Трансформаторное гудение за стенкой палатки продолжалось.

Мне страшно хотелось пить. Я встал на колени и из-под вороха вещей, вываленных из рюкзака, извлёк термос. Но выпить кофе я не успел. Длинный тоскливый вой раздался вдруг совсем рядом с палаткой.

Это был *тот самый вой*.

Я вскочил как подброшенный и сейчас же приник к круглому окошку, из которого струился в палатку рассеянный свет. Но уже снова было тихо, только звенела, кидаясь на запотевший пластик, озверевшая мошкара.

— Надеюсь, это не папа Нед ищет блудного сына,— поёжился я.

Продолжавшееся ещё действие комариного яда сделало меня очень нервным. Я вновь потянулся было к термосу, когда снаружи прошуршали шаги. Вот они смолкли перед входной щелью.

«О Господи, только бы не *он*!..»

Секунды стали вечностью. Я не мог двинуться с места. Меня трясло как в лихорадке. Раздался треск отдираемой липучки, и в палатку просунулась голова без лица.

Я сидел в каких-нибудь полутора метрах от входной щели, когда закутанная в длинный полотняный саван фигура, громко сопя, полезла в палатку, заставив меня отодвинуться, чтобы уступить ей дорогу. За фигурой волочился на ремне мой этюдник с привязанной к нему пачкой грунтованного картона; у меня даже отлегло от сердца.

— Полуденный туман, ни зги не видно!—доложил гость, стягивая с головы чулок.

Лицо у гостя было круглое, с двухнедельной щетиной. Он представился:

— Толстый Нед. Не удивляйтесь, меня так все тут зовут.

— Да… гм… Алексей… Мазин. Здравствуйте!

Толстяк кивнул головой и протянул мне руку. Рука была слегка скользкая, будто смазанная жиром.

— Прошу прощения за мой вид,—сказал я,—я не ждал гостей. Вы присаживайтесь. Я сейчас оденусь.

— О, не стоит беспокоиться,—он плюхнулся точно на то место, где меня вытошнило, подобрал по-турецки ноги и стал снимать перекинутый через голову ремень этюдника.—Вот, заберите свою вещь.

— Я вам так благодарен!—я всё-таки натянул на себя брюки.

— Чего уж там. Нам с Боем чужого не нужно.

— Если можно узнать: сколько лет вашему сыну?

Толстый Нед пожал плечами:

— Не знаю, может, двенадцать, может, тринадцать. Кто их поймёт, этих «подкидышей»?

— Что вы такое говорите? Бой не ваш родной сын?

— Мой родной сын остался на Земле. Бог ему судья.

— Простите.

Колонист, очевидно, решил сменить тему разговора. Вытянув руку, он бесцеремонно потрогал моё лицо.

— Та-ак, с психрогнусом вы, вижу, уже успели познакомиться?

— На Земле мне ничего не говорили про ваших кровососов. Хорошо, боцман на корабле сунул мне в рюкзак спасительный баллончик. А то нашли бы вы здесь, в палатке, одну пустую оболочку от меня.

Толстяк угрюмо хохотнул:

— Будет наукой, Алекс. Гулять в полдень в нашем лесу, не надев «москитеро», не рекомендуется.

— Меня ваш Бой бросил, не предупредив.

— Бросил, потому что понял, что надо уносить ноги. «Подкидыши»—они сразу замечают, когда деревья начинают потеть.

— Так этот полуденный туман…

— …не что иное, как естественная защита листвы от палящего солнца в сухой сезон.

— А жалящие твари сырость, как я понял, обожают. Н-да… Действительно, наукой мне будет! Постойте-ка… вы сказали «подкидыши» во множественном числе?—я уставился на колониста.

Мой гость в этот момент занимался тем, что внимательно оглядывал стенки моей палатки. Стенки были надувные, с множеством карманов для бытовых мелочей, и на одной из сторон светилось круглое пластиковое окошко.

— Хорошее жильё,—заключил он,—только, если вы собрались у нас осесть, советую начать строить дом до прихода сезона дождей. Народ у нас отзывчивый, помогут устроиться.

«Он принимает меня за переселенца»,—мелькнуло в голове у меня. Переубеждать его я не стал. В космических колониях праздных туристов, мне говорили, не очень жалуют.

Он снова потрогал пахнущими мускусом пальцами моё опухшее лицо и поцокал языком.

— Обязательно обратитесь к нашим эскулапам в посёлке. Не нравится мне ваша физиономия.

«В каком смысле?»—хотел спросить я, но воздержался. Сказал только:

— У меня прививки.

— Ерунда ваши прививки, Алекс!

— Что вы хотите сказать?—прошептал я.

Толстый Нед охотно объяснил:

— Прививки у нас против местных патогенов, понимаете? А микробы, которых мы завезли на Сиесту,—они что, сидели сложа лапки? Мутировали они! Бог весть какие штаммы летают в воздухе. Нечувствительны к «оборотням» только те, кто на планете родился. Представляете,—как-то безрадостно сказал он,—дети здесь вообще ничем не болеют. Позавидовать можно…

Он стал поспешно собираться.

— Разболтался я тут с вами. А дома дела. Приятно было познакомиться.

— Погодите!—воскликнул я.—Я же не знаю дорогу в ваш посёлок.

— А-а, дорога здесь простая. Есть карандаш?

Из кармана лежавшей на полу палатки штормовки я достал огрызок угольного карандаша и протянул ему. Повертев головой, колонист схватил лежавший рядом этюдник и принялся что-то чертить на его крышке. Рука у него заметно дрожала, когда он делал пояснительные надписи на своём чертеже.

— Вот смотрите,—передал он мне этюдник,—идёте в обратную сторону через космодром и выходите к просеке—я её нарисовал и даже написал, что это—просека… видите?

— Вижу.

— Значит, идёте по ней, по просеке, и выходите на обрыв. С него увидите дома вдоль берега реки. Это и будет селение.

Я недоумевающе уставился на толстяка.

— Позвольте, а где же сейчас я нахожусь?

— Я, кажется, сказал: на противоположной от просеки стороне космодрома.

— Ваш Бой—малолетний Сусанин. Зачем он меня сюда затащил?

Толстый Нед не ответил, только поинтересовался, кто такой Сусанин.

— Волонтёр был такой. Людям дорогу показывал.

Толстый колонист ухмыльнулся и стал натягивать на голову свой чулок.

— Счастливо оставаться!

— И вам удачи.

После его ухода в палатке остался тяжёлый мускусный запах. Если это местный репеллент, то над ним следовало бы ещё поработать.

Усталость, нервное напряжение, а может, и яд кровососов делали своё дело. Выражаясь языком старинных романов, я впал в прострацию: никаких мыслей, образов или воспоминаний в голове. Полное безразличие. Даже таинственные звуки за стенкой палатки больше не волновали меня.

…Снился Шишкин. Великий пейзажист, голый, с мокрой бородой и в клеёнчатом фартуке, замачивал в банной шайке веник. Я заметил, что веник был не берёзовый, а из веток терновника.

«А что, не поддать ли ещё пару, сударь?»—осведомился передвижник.

Сердце у меня ёкнуло.

«Может, не надо, Иван Иванович?..»

«Ну, как знаете».

И он наотмашь хлестнул по моей голой спине колючками. Я взвыл не своим голосом и проснулся. В палатке была кромешная тьма, я задыхался, грудь моя ходила ходуном.

Я сел, весь обратившись в слух. За стенкой палатки творилось что-то невообразимое. Сквозь надрывный, с резкими перепадами вой доносился резкий звук пилы. Волосы на голове у меня зашевелились. Что происходит там, кого с такой яростью распиливают?!

А кошмар в лесу продолжался. Будто всплывая на гребнях невидимых волн, гнусавый голос принимался вдруг бубнить на тарабарском языке, затем гнусавый исчез. Его перебила пронзительно визжащая и гогочущая компания—откуда только она взялась? Казалось, что я схожу с ума. С минуту я смотрел на тёмное окошко, размышляя, что бы сделать, и в конце концов я поступил так же, как однажды в детстве. Как-то вечером родители ушли в гости к соседям, а меня оставили одного в загородном доме. Среди ночи в комнате по соседству с моей спальней раздался шум и грохот. Я долго трясся от страха, а потом со всей серьёзностью своих шести лет сказал себе, что никогда не дождусь родителей, если буду лежать в кровати, накрывшись с головой одеялом. Я понял, что просто должен встать и посмотреть, в чём

там дело. Дрожа от страха, я вылез из постели и направился через освещённый ночниками дом к комнате с полтергейстом. Оказалось, что это наш пёс стащил со стола скатерть вместе с цветочной вазой. Мне сразу стало легче, и я спокойно отправился спать.

Теперь, терзаемый самыми худшими подозрениями относительно этой планеты, я понял, что должен разобраться в происходящем за стенками палатки. Мне ничего другого не оставалось, как на ощупь найти между вываленных из рюкзака вещей фонарик и выйти наружу.

Над безлесной вершиной холма царила ночь; яркие тропические звёзды пылали в чёрном небе. Лес, встававший вокруг холма невидимой в темноте стеной, как будто ничем не выказывал своего участия в этой ни на секунду не утихающей вакханалии, которая безжалостно терзала мой слух. Внимательно прислушавшись, я пришёл к выводу, что источник дьявольского шума где-то неподалёку. И действительно, стоило мне сделать два шага в темноту, как безобразный гогот прекратился. «Так,—подумал я,—весельчак или весельчаки—за палаткой!» Крепко сжав в руке увесистый фонарик—«пущу в ход, если что!»,—я осторожно стал продвигаться вокруг куполообразной палатки.

Я ступал на цыпочках, влажный мох холодил босые ноги. Пара зеленовато-жёлтых глаз светилась прямо впереди.

Всё моё лицо покрылось потом. Теперь я был уверен, что Сиеста не настолько безопасная планета, как мне о том говорили. Я неожиданно остановился—глаза продолжали светиться, шагнул вперёд—они остались неподвижными.

Зверь изготовился к прыжку?

Не задумываясь о последствиях, я зажёг фонарик—и слегка ошалел. Навстречу мне таращила выпуклые глаза большущая лягушка. (Во всяком случае, тварь, застигнутая светом врасплох, весьма походила на неё.) Своим появлением я, очевидно, прервал любовную серенаду—резонаторы у голосистой квакши были раздуты, словно за щёки ей засунули пару футбольных мячей.

— Кш-ш-ш, зараза!—крикнул я и с устрашающим рёвом кинулся к ней.

Тварь повернулась ко мне задом неспешно и с несомненным достоинством, но прежде, чем прыгнуть в темноту, обдала стекло фонарика меткой струёй.

У меня подступило к горлу, фонарик выпал из моей руки.

Бегом, бегом в палатку!

Когда я проснулся, в окошко пробивался неясный свет. Я поднёс к глазам руку с часами: пять местного (сутки на Сиесте мало отличались от земных). На краю моего сознания промелькнуло где-то вычитанное: «Пять утра—час самоубийц». Я поднял голову, и тут какая-то тень заслонила снаружи окошко. В запотевший пластик стукнули.

— Кто там?—невольно откликнулся я.

Ответа не последовало.

Это не было животное. Я отчётливо слышал, как чьи-то руки ощупывают купол палатки. Слепой, что ли? Вход в палатку отмечен снаружи светящейся яркой краской. Между тем царапанье ногтей по куполу продолжалось, и интуиция мне подсказала, что здесь что-то не так. В палатке было почти светло. Тот, кто был снаружи, в конце концов нашёл вход. Когда раздался треск липучки, меня охватил невообразимый ужас. Казалось, что теряю сознание: тёмная длинная рука медленно просовывалась в палатку.

Я сидел как зачарованный, глядя на приближение когтистой конечности. Рука (если это была рука, а не лапа) была чёрная, с синеватым отливом, ороговевшая чешуйчатая кожа делала её действительно похожей на птичью лапу. Она просунулась в палатку чуть ли не на метр, извиваясь и поворачиваясь во все стороны, словно змея, не имеющая суставов. Неожиданно изогнувшись вниз, «рука» схватила консервную банку и тотчас выскользнула со своей добычей обратно в щель.

Я схватил баллончик из-под инсектицида, забыв, что он пуст.

Липучка входа вновь затрещала. В следующий миг я увидел перед собой оскаленное лицо «чёрного человека». Впрочем, моё воображение наделило это существо человеческими чертами лишь инстинктивно. Лица у него не было. Была обугленная маска, безносая, но с огромными вывернутыми наружу ноздрями, с двумя вылезшими из орбит глазами без век; глазные яблоки с узкими вертикальными щелями зрачков светились изнутри какой-то гнилостной белизной. Из голых синих дёсен—губ у существа тоже не было—торчали напоказ два ряда длинных лопатообразных зубов.

Потом, правда, значительно позднée, я нарисовал в своём альбоме такую голову, но это был рисунок, который перед сном лучше не рассматривать.

Видимо, «чёрный» был изумлён не меньше, чем я. Свои эмоции он выказал таким истошным, ужасным воплем, что сердце у меня чуть не выскочило из груди. Я запустил в монстра баллончиком, уже не думая о последствиях. Голова скрылась.

Я сидел, потрясённо уставившись на затянувшуюся щель. Какое-то время спустя мой слух уловил отдалённый треск кустарника под холмом. Видимо, мой вид тягостно подействовал на гостя. Я потянул носом воздух и замер: в палатке стоял тяжёлый мускусный запах.

Точно так же пахло от балахона Толстого Неда.

Колонисты

Тень лесной стены падала на космодром. Белое гладкое поле блестело и искрилось, словно лёд

на зимнем озере,—иллюзия моего северного воображения. За полосой тени начиналось пекло, и воздух над покрытым шлаком пространством колебался и бежал, как дым. Дрожащая тёмная стена мегадендров сторожила границу космодрома от окружающего мира.

Свою душную штормовку я засунул в рюкзак. На мне были яркая майка и потёртые походные штаны. На голове—видавшая виды бейсболка. Я люблю старые вещи, они напоминают о прежних походах и приключениях. Стоя под мачтой радиомаяка, я разглядывал сквозь тёмные очки противоположную сторону космодрома: искал просеку, изображённую на чертеже Толстого Неда.

Самая трудная часть пути осталась позади. Я всё ещё гадливо морщился, вспоминая дорогу через смрадные заросли, полные звериных костей. Колонист так и не объяснил мне, зачем мальчишка затащил меня в лес, вместо того чтобы сразу указать правильную дорогу. Тут была какая-то загадка. Я предположил, что у Толстого Неда в лесу был охотничий домик или то, что называлось в старину заимкой. Иначе откуда он так быстро появился, маленький голый туземец, на космодроме?

Просека—дрожащая светлая щель в лесной стене—обнаружилась как раз напротив того места, где я сейчас стоял. Полкилометра, не меньше, прикинул я расстояние. Поправив лямки рюкзака, я решительно пошагал вперёд. Под ногами с хрустом подавался слежавшийся слой песка, перемешанного со стеклянным крошевом. Незаживающую рану когда-то нанёс планете садившийся здесь корабль.

Когда я пересёк границу тени, солнце метнуло мне в шею огненное копьё зноя. Печёт, чёрт побери. Надо было взять с Земли сомбреро…

— И опахало из перьев,—добавил я, сдувая углом рта пот со скулы.

Я миновал место, где накануне высаживался из космошлюпки. Стеклянный оплавленный круг отливал фиолетовым блеском. Интересно, думал я, где сейчас «Умбриэль»? Корабль должен был доставить на соседнюю планету горнодобывающее оборудование, за мной он вернётся только через два земных месяца.

Ага, а это уже след истории!

Я остановился перед глубокой ямой правильной прямоугольной формы. Её отвесные стенки покрывали натёки стекловидной массы, блестевшие под ярким солнцем; здесь когда-то пылал небывалый жар.

Взирая на отпечаток посадочной опоры, я представил себе картину.

На выжженную землю с лязгом падает ступенчатый трап. По нему спускается нескончаемая вереница людей. Они тащат на себе неподъёмные рюкзаки. Из люков грузового отсека торчат стрелы кранов—выгружают скарб переселенцев. Лица их под непривычно ярким солнцем кажутся немного бледными. Раздаются нарочито громкие голоса мужчин; женщины—те больше молчат, робко жмутся к плечам мужей, поглядывают на странное кобальтовое небо. Как всё здесь непривычно! Можно только догадываться: вызвал ли новый мир у переселенцев восторг своей яркостью—или тревогу и раскаяние?

Доставивший их на Сиесту звёздный лайнер—этот «Мейфлауэр»[1] века колонизации Дальнего Космоса,—по-видимому, был последним большим кораблём, садившимся на планету. Отпечаток гигантской опоры был наполовину заметён песком.

Вблизи просека производила угнетающее впечатление. Страшную рану лесу нанёс, судя по всему, направленный выхлоп боковой дюзы корабля. Прибывшим с Земли колонистам, похоже, было не до экологических сантиментов: слишком тяжёлой оказалась поклажа, чтобы её можно было протащить через девственный лес.

Просека была пуста, в дальнем конце её дрожало жаркое марево. Двумя рядами вздымались ввысь обугленные стволы деревьев без сучьев и вершин. Поднявшееся высоко солнце насквозь прожигало лучами мрачную аллею чёрных колонн. Царившая здесь тишина была плотной и какой-то давящей. Помедлив минуту-две, я двинулся вперёд.

Не похоже, чтобы колонисты часто пользовались этой дорогой. Во всяком случае, я не заметил никаких следов. Песок свободно переметал мёртвую спёкшуюся землю. В одном месте из песка торчал какой-то продолговатый предмет. Нагнувшись, я поднял его.

Это был кожаный бумажник, утративший цвет, точно он пролежал тут не один год. На почерневшей серебряной пластинке можно было разглядеть монограмму: «РК». Стряхнув с бумажника песок, я сунул находку в задний карман брюк: может быть, найдётся владелец?

Чертёж не обманул меня. Просека вывела к крутому обрыву, с которого совершенно неожиданно открывалась действительно прекрасная панорама.

Далеко подо мной лежала уходящая к горизонту долина, пересечённая широкой полноводной рекой. Сразу от реки вдаль простиралась плоская, как стол, пойма—яркий малахит лугов, дрожащие серебряные полоски озёр.

Местность просматривалась с обрыва на десятки километров, однако саму линию горизонта, где, по данным навигационного локатора космошлюпки, находились горы, разглядеть я не смог. Даль мягко растворялась в сгущавшейся синей дымке, в которой тонули лучи солнца.

Я уронил взгляд под ноги. От того места, где я стоял, вниз сбегала едва заметная тропинка.

1. «Мейфлауэр»—корабль, доставивший первых поселенцев в Северную Америку.

А внизу, под кручей, почти невидимые между густых зарослей древовидного кустарника, охристо высвечивали тесовые крыши.

«Хотел бы я знать,—размышлял я,—этой тропинкой пользуются только для подъёма, или всётаки находятся сумасшедшие?»

В конце концов, оценив трассу как мне доступную, я решился.

И ринулся вниз—чуть замерло сердце от полузабытого ощущения. Я не подумал, что за спиной у меня стокилограммовая ноша. Когда я попытался вписаться в крутой изгиб тропинки, чудовищная сила инерции швырнула меня, словно ватную куклу, в кусты, к счастью, не колючие. Сквозь них я пронёсся практически без потери секунд. А спуск продолжался, и остановиться я не мог. Отчётливо врезался в память полутораметровый плетёный забор. Его я попросту протаранил: к счастью, во дворе усадьбы никого не оказалось! Не задержал меня и второй плетень, располагавшийся ниже по склону. Сразу после него была река, и она стремительно приближалась.

Уф! Я резко крутанул ногами, обутыми в тяжёлые ботинки, выбросив в сторону эффектный песчаный фонтан.

—Класс!—восхищённо произнёс приятный баритон за спиной.

Я обернулся. В нескольких шагах от меня стоял, держа в руке ковбойскую шляпу, полную ягод, двухметрового роста детина атлетического сложения. Он был в шортах и сетчатой майке, под которой бугрились мышцы. Детина был занят серьёзным делом. Он брал из шляпы ягоды, подкидывал высоко вверх и ловил ртом. Получалось это у него весьма ловко.

Я сбросил на песок свои вьюки и утёр тыльной стороной ладони пот со лба (бейсболку я потерял где-то в кустах).

—Здравствуйте,—сказал я, когда дыхание немного успокоилось.—Меня зовут Алексей.

—Чак,—представился атлет, выплюнув на песок косточку.

Мы с интересом разглядывали друг друга. Не стал бы клясться в этом на Библии, но я где-то видел этого человека. Уж больно приметный. На вид ему было лет тридцать—тридцать пять: мой ровесник или около того. Массивное широкое лицо с крупными выразительными чертами, словно вырубленный подбородок. Бросался в глаза необычный, цвета морёного дерева, загар. Красноватая обветренная кожа туго обтягивала рельефную мускулатуру. На нём, как я уже говорил, были шорты цвета хаки и сетчатая майка-безрукавка. Босые волосатые ноги мощные, в каких-то белых рубцах, с вздутыми венами и сильно развитыми икрами, как у профессионального спортсмена.

—Я вам там заборчик поломал,—повинился я.

В тёмно-синих глазах мужчины прыгали искры смеха.

—Горнолыжник?—осведомился он.

—Любитель.

—Ну а я лыжами всерьёз занимался... давно, правда.

—Погодите! Вы не тот самый Чак Мур? Зимняя Олимпиада девяносто второго... Золото в скоростном спуске...

Олимпиец улыбнулся с гордостью и от всего сердца.

—Надо же,—сказал он.—Я думал, никто и не помнит уже. Кстати, угощайся,—Чак Мур протянул ко мне шляпу с ягодами.

Это обращение на «ты» (разговаривали мы на интерлинге) в сочетании с дружеским тоном в голосе пришлось мне весьма по душе и избавило меня от необходимости начинать разговор с темы погоды.

—В этой реке можно купаться?—спросил я, взяв из шляпы ягоду.

—В принципе, можно, но я бы тебе, Ал, не советовал здесь купаться,—сказал Чак и почему-то показал на свои ноги.—Это следы от кипятка.

Я недоверчиво посмотрел на него, затем на водную гладь.

—Хочешь сказать, на дне бьют такие горячие ключи?

—Если бы! Дно в реке как дно, но местами покрыто слизью. Наши рыбаки называют эту пакость «антонов огонь». Я бы сказал, образно! Клейкая дрянь, жжёт кожу до волдырей, а вдобавок—лупит током! И отлепить эту гадость можно только кипятком... Если сможешь, конечно, добежать до дома и там окажется на плите горячий чайник.

«Так!—подумал я.—Сначала летающие кровососы, теперь вот „антонов огонь“. Какие ещё сюрпризы ожидают меня на экологически безупречной планете?»

Похоже, Чаку стало жаль меня.

—Сейчас организую такой душ—до костей проберёт!—рассмеялся он и легко, одной рукой, закинул за плечо мой рюкзак с привязанной к нему палаткой, а мне вручил свою шляпу с ягодами.

Мне ничего не оставалось, как отправиться за ним.

Подобно Сизифу, уронившему в очередной раз свой камень, я карабкался снова вверх по склону. Крутая тропинка вывела нас к деревянному дому, скрывавшемуся в тени высоких древовидных кустарников, чем-то похожих на доисторические папоротники.

—Вот,—остановившись, обернулся ко мне хозяин,—здесь мы и живём. Нравится бунгало? Всё своими руками построено.

Я с любопытством смотрел, во что превратили жилище колониста топор и фантазия плотника.

Большой рубленый дом с весёлыми переплётами окон окружала крытая терраса с перилами

на точёных балясинах, с высоким ступенчатым крыльцом. Столбы террасы кто-то очень умело и со вкусом украсил резьбой. По замыслу мастера, это были тотемы; но не те тотемы, с которых смотрят на тебя оседлавшие один другого полузвери-полу-чудовища, а тотемы совсем другого рода, где персонажами послужили зверушки из детских сказок.

Чак глянул мне в глаза, словно хотел проверить, какой эффект произвёл его дом на меня.

— Здóрово! — сказал я. — Говорю тебе как художник. Неужели это ты сам всё вырезал?

— Марта. Моя жена. Она и архитектор дома, и скульптор.

Мне интересно было посмотреть на эту Марту.

По ступеням из массивных деревянных плах мы поднялись на террасу. Чак свалил мои вещи на чисто выскобленные полы, при взгляде на которые я поспешил снять ботинки.

Нас будто ждали. В глубине дома раздались шаги, затем открылась застеклённая дверь. На пороге стояла молодая женщина и с откровенным любопытством разглядывала меня. В том, что это и была Марта, у меня даже не возникло сомнения. Высокого роста, плечистая, с золотистыми длинными волосами, перехваченными на лбу лентой; в серых глазах её отражалось солнце. Модель для полотна «Космическая колонистка». Одетая в светлый открытый сарафан, жена Чака была очень загорелой и атлетически стройной.

— Это — Ал, Марта, — представил ей меня Чак.

Колонистка протянула мне руку. Ладонь у неё была твёрдая, в бугорках мозолей. Взгляд Марты упал на мой этюдник, брошенный в кучу с рюкзаком и палаткой.

— О, вы ещё и художник, — одобрительно заметила она.

Что она хотела сказать словом «ещё»? Ах да, конечно! Меня вновь принимают за переселенца.

— Да вот, — смутился я, — хочу попробовать себя в ксенопейзаже. Не ново, конечно. Но мне интересно.

— Это хорошо, когда человеку интересно, — сказала она и повернулась к мужу: — Обед будет готов через полчаса.

— Вот и замечательно, — ответил тот. — Я обещал Алу душ. Кстати, а где Индейцы?

— Полагаю, на тропе войны. Ты же им вчера читал на ночь эту чушь про Кожаного Чулка.

— Вовсе не чушь, дорогая. Это Фенимор Купер. Классика.

— Классика — это школьный букварь. Ладно, идите. У меня там мясо на огне…

— Я не ослышался, когда Марта что-то сказала про мясо? — спросил я у Чака; мы шли по тенистой тропинке вдоль склона обрыва с выступавшими из него известковыми обнажениями.

— Ну?

— Мне говорили, что колонисты Сиесты — поголовные вегетарианцы. Охота у них запрещена.

— Глупость какая! Запрещена охота с применением промышленного оружия. Согни себе лук и стреляй по дичи сколько тебе надо. Разумеется, без яда на наконечниках стрел.

— И ты так охотишься?

— Легко!

— Молодцы вы всё-таки. Соблюдаете свою «Декларацию».

— Не все, к сожалению.

— Есть нарушители?

— Увы, да. Кое-кто завёз на планету автоматическое оружие. Рано или поздно мы браконьеров накроем.

Мы остановились у небольшого грота, из которого бежал шумный ручей. Вода падала из промоины в каменном своде. Поперёк входа в грот была сложена запруда из плотно пригнанных камней, вода переливалась через запруду.

Чак сказал:

— Раздевайся.

Я сбросил прилипавшую к телу одежду и плюхнулся в ледяную купель. Чак последовал за мной. Своим огромным телом он занял две трети купальни.

— Вот так и робинзонствуем! — сказал он не без гордости.

Меня дёрнуло за язык спросить:

— Марте тоже здесь нравится?

Гигант на мгновение отвернулся; в приглушённом свете, проникавшем сквозь листву в грот, его резко очерченный профиль, увенчанный волнистыми, блестящими от воды каштановыми волосами, напоминал античный барельеф.

— За детей переживает, — проговорил он после долгой паузы. — Тарзанчиками они у нас растут. Для здоровья оно, конечно, хорошо, но сам понимаешь… Хотя эйнштейнами можно стать не только в физике, верно ведь?

— Да, эйнштейнами на Сиесте не обязательно быть, — заметил я рассудительно. — Послушай, Чак, — спросил я вдруг. — А вы уверены, что заселили необитаемую планету?

— Как тебя понимать, Ал?

— Я видел «чёрного человека», ещё до того, как меня обработал психрогнус… И потом ещё раз его видел. Несомненный гуманоид, хотя и страшненький.

Реакция на мои слова оказалась совершенно неожиданной. Никогда в жизни я не видел, чтобы человек едва не утонул в воде от хохота.

— Знаешь, кого ты встретил, Ал? — высунул голову из воды Чак. — Самое смирное существо на планете! Симпатягу блэки! По-научному — экзодонта, наружезубую обезьяну. Беднягам не повезло: оказались тупиковой ветвью эволюции. Так бывает, когда живёшь слишком беззаботно.

Я вспомнил вой за стенкой палатки. Нет, от беззаботности так вопить не станешь, подумалось мне.

У меня была ещё куча вопросов к бывшему олимпийцу, но я решил придержать их до удобного случая. Всё-таки я был гостем у людей, которым не все вопросы могут прийтись по вкусу.

Когда мы вернулись на террасу, стол был уже накрыт. Я вручил Марте собранный по дороге из купальни букет цветов.

— Я восхищён вашим талантом…

Я не закончил фразу. На крыльце раздались жизнерадостные детские крики, и в следующую минуту на террасу взбежали, обгоняя друг друга, двое мальчуганов. Маленькие светловолосые крепыши были голые и до черноты загорелые. Они остановились передо мною и принялись внимательно рассматривать. Мне казалось, что у меня двоится в глазах—так похожи были братья. Даже царапины на их коленях повторялись с зеркальной точностью.

— Ну и кто из вас есть кто?—спросил я дружеским тоном.

Близнецы хитро переглянулись: очевидно, этот вопрос им задавали не раз. Они спокойно посмотрели на меня и дуэтом проговорили:

— Отгадай.

— Вот те на! Я же даже не знаю ваших имён. Чак,— я повернулся к колонисту,—познакомь нас, пожалуйста.

Глава семейства, не колеблясь, ткнул пальцем в мальчугана, стоявшего слева:

— Сид!

Указал на второго блондинчика:

— Пит! Верно, Индейцы?

«Индейцы» тряхнули своими выгоревшими на солнце гривками:

— Велно!

Марта внимательно оглядела близнецов.

— В речку не лазили, нет?

Братья ответили, что в речку лазят «дулаки». При этом почему-то посмотрели на отца.

— Сожалею,—это Марта обратилась к нам с Чаком,—но вам придётся подождать, пока пообедают маленькие мужчины.

На крыльце была тень, и мы присели там.

— А знаешь, кто самый первый встретил меня на космодроме?—сказал я.—Подросток по имени Бой. Я не мог поверить своим глазам.

— Ты имеешь в виду мальчишку Толстого Неда? Хотя—что я спрашиваю? Откуда тебе знать нашего затворника?..

— Да уж знаю,—усмехнулся я.—Колоритная личность!

И я поведал Чаку о своих вчерашних приключениях.

— Да, для одного раза много!—рассмеялся колонист.—А что касается Боя, так толстяк действительно его усыновил. Предварительно, конечно, купив.

— Это как?—не понял я.

Чак искоса поглядел на меня.

— Вот ты спросил прошлый раз: не обитаемую ли планету мы заселили? Нет, Сиеста никогда не была обитаемой, это установленный факт. Открыта она была ещё в начале прошлого столетия. Кто знает, сколько экспедиций её посетило за прошедший с той поры век. Известно лишь, что не все корабли вернулись домой, на Землю. Разумно было бы предположить, что где-то в лесах живут одичавшие потомки потерпевших кораблекрушение космонавтов. Иначе откуда появляются эти маленькие дикарёныши в шрамах?

— И много их у вас появилось?

— Я точно тебе не скажу, но уже не меньше десяти «подкидышей» живёт в пожилых семьях бездетных колонистов. И можно только радоваться за них, за «подкидышей».

Нас позвала Марта.

— Тс-с,—поднёс палец к губам Чак.—О «подкидышах» за столом ни слова. Марта очень расстраивается.

Когда мы вернулись на террасу, мальчишек там не оказалось; я подумал, что Марта уложила их на послеобеденный отдых, и спросил её об этом.

— Смеётесь?—сказала она.—Как только поели, сиганули оба через перила. Не знаю, что из них вырастет.

— Не переживай, дорогая,—оптимистично произнёс Чак.—У нас растут очень хорошие дети. Тьфу-тьфу!

— Вот именно: «тьфу-тьфу»!

Понять было невозможно: ссорились они в эту минуту или, наоборот, пребывали в полном согласии. Я заглянул в свою миску:

— Боже, мне столько не одолеть, друзья!

— Одолеешь,—заверил меня Чак и вручил мне резную деревянную вилку и нож.—Такого дикокролика тебе на Земле не подадут. Как человек искусства,—он кивнул на мой этюдник,—ты должен знать Жан-Жака Руссо.

— Французский гуманист восемнадцатого столетия.

— Заметь—гуманист! И знаешь, что он сказал относительно кухни: «Предпочитаю простую деревенскую пищу».

— По портретам он был тщедушный человек.

— Зато сила духа какая!

— Да… сила духа у него была крепкая…

Не знаю, как выглядел до сковородки дикокролик, но лап у него было значительно больше четырёх. Глядя на моё старание, Марта подкинула мне в миску какой-то травки, очевидно, стимулирующей аппетит. Кончилось тем, что к концу обеда я мог только отдуваться.

Надо было чем-то отблагодарить хозяйку.

— Друзья, у меня есть кофе! Будете?

Тяжело поднявшись с табурета, я добрался до рюкзака. Банка «арабики», естественно, оказалась на самом дне. Пришлось вывалить все жестянки на пол.

— И вы всё это на себе тащили, Ал?—ужаснулась Марта.

— Мне так посоветовал боцман «Умбриэля», корабля, на котором я прилетел. Он и набил мне рюкзак. Мол, продержишься первое время, пока привыкнешь к сыроядению.

Чак заржал:

— Марта, ты слышала, какие слухи ходят о нас на Земле?

— Ничего удивительного.

Она взяла у меня банку и ушла в дом варить кофе. Спустя время вернулась с подносом, на котором были кофейник и чашки.

— Самое время послушать анекдот о колонистах,— сказала она, разливая кофе по чашкам.

Я почесал затылок.

— Только не подумайте, что эта история про вас. В Дальнем Космосе полно колоний. В общем, приходит на Землю телеграмма из некой колонии: «Кончились охотничьи патроны. Голодаем». Естественно, с Земли отправляют челнок с боеприпасами. Приходит новая телеграмма: «Что вы нам прислали, недоумки? Калибр наших ружей—левый мизинец вождя». Это мне на корабле рассказали,—добавил я, словно в оправдание.

Чак весело хохотнул:

— Это точно не про нас. Как раз с вождём у нас вышел бы облом.

— Хочешь сказать, у вас тут полное безвластие?

— Ну почему же? Есть у нас и мэр, и шериф. Только вот на вождя ни тот, ни другой не потянут. Выбрали мы их для шика. Чтобы всё как у людей было. Понимаешь?

— Понимаю,—кивнул я.—Интересно вы тут живёте.

— О да!—воодушевился Чак Мур.—Вот завтра сплаваем с тобой на Мост, сам увидишь, как мы тут живём.

Мост

Проснулся я рано, неизвестно почему, и первой моей мыслью было: я в гостях у добрых людей. Потом я вспомнил, что мы с хозяином дома должны куда-то плыть, вроде как на какой-то Мост. Ещё некоторое время я лежал в постели, настоящей, с простынями и подушкой, вспоминая предыдущую беспокойную ночь в душной палатке, пока не пришёл к успокоительной мысли, что моим злоключениям пришёл конец.

В дверь постучали. Я соскочил с кровати и натянул брюки. Из заднего кармана выпал бумажник с монограммой «РК».

— Доброе утро!—шагнул в спальню Чак Мур.

Он был бодр и весел.

— Доброе,—подтвердил я.—Смотри, что я нашёл на космодроме,—я протянул хозяину дома бумажник.

— «РК»—это кто же у нас такой?—он заглянул в бумажник.—Ага, тут есть паспорт... Роберт Курт... Знакомая фамилия.

Помимо идентификационного паспорта, в бумажнике оказались кредитки, два билета на космолайнер (очевидно, Курт прилетел на Сиесту с женой или девушкой) и небольшая стереофотография. Некоторое время мы разглядывали её. Дымящиеся руины какой-то подстанции на берегу живописного озера, а на переднем плане—молодой парень и девушка в эффектной форме «зелёных борцов». Экстремисты. Только зачем им надо было улетать с Земли? Ведь умрут со скуки на планете, где взорвать можно разве что нужник на участке какого-нибудь фермера!

Чак вернул содержимое бумажника на место.

— Отдадим хозяину меновой лавки,—сказал он.— Рано или поздно этот Курт там объявится.

Мы отправились сразу после завтрака. Солнце ещё не поднялось над косогором, и над рекой струился лёгкий туман. По знакомой мне тропинке мы спустились к воде. Здесь дул лёгкий ветерок, приносивший после душной ночи приятную прохладу.

Сказать по правде, судёнышко Чака показалось мне довольно хлипким для такого крупного кормчего, как он. В своём роде это был катамаран: два выдолбленных бревна, соединённых несколькими досками. Чак указал мне место на носу катамарана, сам он встал на корме, держа в руках длинный шест. На венецианского гондольера он, пожалуй, не тянул—в облике не хватало утончённости.

— Поехали!—произнёс он сакраментальное слово и оттолкнулся шестом от берега.

На всякий случай я ухватился руками за доски. При каждом толчке шеста о дно реки настил под нами приходил в движение, и катамаран судорожно изгибался, словно моля о пощаде. Полагаю, хищная слизь на дне наблюдала за нашим передвижением с большим интересом. Перед отплытием олимпиец успокоил меня—в том смысле, что у других колонистов посудины гораздо хуже будут. «Навыка пока нет в судостроении!..»

Мы шли вверх по течению.

Мимо неторопливо проплывал обрывистый берег с лепившимися к нему ласточкиными гнёздами хуторов. Человеческое жильё. Сонное. Архаичное. Своей незащищённостью от стихий игрушечные домики вызывали трогательное чувство. Как бы ища защиты у горы, они цепко держались за склон. Признаться, я представлял другую картину. Благоустроенные коттеджи с водопроводом, фотоэлементные крыши, питающие электричеством бытовую автоматику. Дом Муров показал мне, что на этот счёт у сиестцев свои принципы.

Просыпались тут, как видно, рано. В утренней тишине далеко разносились над рекой голоса и смех людей, какие-то перестуки, детский плач. День в тропиках начинается быстро. Ярко-оранжевое солнце уже катилось над лесом, венчающим крутогор.

Я сидел на носу катамарана, боязливо зажав коленями завязанный мешок, в котором дёргалось что-то живое. Мешок мне вручил Чак в последний момент перед отплытием. Кто сидел в мешке, он не сказал. Но, надеюсь, не кобра.

Чак был в превосходном настроении, о чём я мог судить по его пению; надо сказать, музыкальным слухом, в отличие от мускулов, природа его не наградила. Но певца это ничуть не смущало.

— А вон и остров Джилла Хасси,—шест над моей головой указал куда-то вперёд.

Я повернул голову. Туман над рекой рассеялся. Что-то тёмное маячило вдали над сверкающей водой. Мало-помалу остров светлел, пока не превратился в горбатую скалу, отделённую от крутого берега узкой протокой. Скалу увенчивала одинокая постройка.

— Джилл Хасси—это кто? Местный феодал?

— Ты попал в самую точку. Это потрясающая история. Только не упади в воду от смеха…

То, что Чак успел мне поведать об обитателе острова, пока мы приближались к скале, впоследствии представлялось мне как некая сага, достойная пера классика, творящего в этом жанре.

Изгой какого-то реликтового королевства в горах, Хасси вовсе не был «зелёным борцом». Сбежать в звёздную колонию его вынудили обстоятельства. Будучи при дворе смотрителем криогенного склепа, где покоились в жидком азоте венценосные особы, Хасси допустил какую-то техническую оплошность, приведшую к непоправимым последствиям. Вроде как кто-то там у него разморозился, не долежав до срока оживления. И бедняге пришлось уносить ноги, чтобы спасти голову! Правда, сам он утверждает, что стал жертвой дворцовой интриги: слишком много завистников у него было. Они и устроили утечку охладителя. Хасси удрал на Сиесту, где стал комендантом скалистого островка на реке. Он сам объявил себя комендантом. На скале рядом с домом (построенным не без помощи односельчан) он воткнул шест и поднял флаг. На флаге был непонятный герб.

Хасси объяснил колонистам: «Это флаг моей территории».—«Флаг—это хорошо,—сказали колонисты.—Но тебя скоро начнёт воротить от моллюсков, которыми ты будешь питаться, сидя на этой скале».—«А вы будете приносить мне разную еду».

Колонисты понимали толк в шутках. «А морда не треснет, Джиллик?»—«Хорошо. У меня есть идея. Вы построите прочный Мост между берегом и моей скалой. Такой, чтобы его не снесло паводком».—«И что мы будем с этого иметь?»—спросили колонисты. «Вы сможете торчать на Мосту сколько вам заблагорассудится и ничего не делать. Что может быть лучше?»—«И то правда. А ты—голова, Джилли! За топоры, парни!»

—…В общем, обвёл нас всех вокруг пальца,—заключил Чак, усмехаясь.—Хотя идея Хасси с меновой лавкой не так уж и плоха. Человек он оказался деловой.

Высокий бревенчатый Мост (Чак произносил это слово как бы с заглавной буквы) был перекинут через порожистый речной рукав со стремительным течением. Похоже, в сезон дождей уровень воды в реке здорово поднимался. Это было заметно по сухим водорослям, свисавшим неопрятными мочалами с мощных опор из связанных пачками брёвен. Мост был огорожен крепкими перилами. Вдоль перил—шпалера зевак.

Повернув голову, я с любопытством разглядывал людей на Мосту. Широкополые шляпы, яркие майки, шорты-раструбы. Впрочем, арабские бурнусы и шотландские юбки там тоже имели место быть, что неудивительно, учитывая жаркий климат планеты. Народ подобрался всё больше крупный. Можно было видеть лица всех цветов человеческой палитры.

Несмотря на царившее на Мосту безделье, не было похоже, чтобы люди там скучали. Сквозь шум речных порогов то и дело до нас доносились взрывы хохота.

Чак налёг на шест, чтобы преодолеть бурное течение протоки. Под приветственные возгласы мы причалили к берегу, где уже уткнулись носом в гальку десятка два разномастных судёнышек. Чак воткнул шест в песок и привязал свой катамаран.

Держа в руке дёргающийся мешок, я сошёл на берег. Где-то звенело банджо. Я повертел головой и увидел молодого черноволосого бородача, сидевшего на перевёрнутой лодке и меланхолично бившего по струнам.

Чак направился прямо к нему.

— Привет, Цыган!

— Привет, Чаки!—бородач положил банджо на днище лодки.—А это кто с тобой? Парень с ракеты?

— Это—Ал,—представил меня ему Чак.—Он прилетел с Земли.

Музыкант поднялся с места и протянул мне смуглую руку:

— Джо,—он белозубо улыбнулся.—Как там старушка-Земля?

— Вертится!—успокоил я его.

Он повернулся к Чаку:

— А я вчера ушёл из дома.

— Зачем?

— Как ты не понимаешь?.. Чтобы не спугнуть этого… проводника!

— Ну ты даёшь! Парень сам к тебе придёт. Своими ногами. Так у всех было.

— Что же я наделал? А вдруг он уже там… ждёт голодный?.. Я побежал! Прощайте!

И, схватив своё банджо, бородач припустил вдоль берега.

— Что это с ним? — спросил я Чака.

— Цыган ждёт «подкидыша», — просто ответил тот. — На Земле он вырос в большой семье, и здесь ему одному одиноко.

— Зачем же он тогда сюда прилетел? Оставался бы на Земле.

— Тебя когда-нибудь бросала любимая девушка?

Я надолго закрыл рот.

Джилл Хасси не обманул колонистов. Мост, построенный по его инициативе, действительно оказался для них чем-то вроде клуба. При нашем появлении на Мосту техасские шляпы и мексиканские сомбреро пришли в движение.

— Чаки! — раздавалось со всех сторон. — Что так долго тебя у нас не было?

— А кто это с тобой в такой смешной кепочке?

Для отточенных деревенских языков новичок в колонии — лакомый кусочек. Меня разглядывали с нескрываемым интересом; понять этих людей было можно: сенсорный голод. Чак сгрёб меня своей мощной рукой и быстро повлёк к двустворчатой двери — полагаю, к немалому огорчению здешних остряков.

Мы оказались в небольшом полутёмном помещении. Оно было разделено на две половины барьером, вроде барной стойки. На ней лежал раскрытый гроссбух, рядом несколько «вечных» ручек. Там же имелись отрывной блокнот, тюбик клея, кувшин с водой и кружка, пристёгнутая цепочкой. По другую сторону барьера — дверь. Она была приоткрыта. В лавке явственно пахло плесенью и… мужским одеколоном.

На звук входного колокольчика из-за двери показался хозяин лавки.

Джилл Хасси был небольшого роста, сухощав и подтянут. Одет он был в безупречно чистую белую рубашку с завёрнутыми рукавами и бежевые шорты с золочёными пуговицами на ширинке. На ногах — полосатые гольфы и светлые спортивные туфли, в которых он передвигался совершенно бесшумно.

Свежесть, которую нёс этот человек, могла бы впечатлить ещё больше, не злоупотребляй он так парфюмерией. Запах одеколона был излишне сильным, чтобы оценить его по достоинству.

— Здравствуйте, господа. Чем могу быть полезен?

Чак положил на стойку упаковку рыболовных крючков.

— Детские игрушки, — сказал он лаконично. И добавил: — Для мальчиков.

Поглаживая указательным пальцем с перстнем гладко выбритый подбородок, Хасси закатил глаза.

— Игрушки — это трудно, — сказал он. — Но вам, кажется, повезло, Чак. Одну минутку!

И с этими словами хозяин лавки бесшумно удалился в соседнее помещение. Вскоре он вернулся с яркой коробкой, которую положил на прилавок перед клиентом.

— Заводные самураи, сражающиеся на мечах. У человека, который это принёс, родилась девочка.

Чак кивнул:

— Дерущиеся самураи — это действительно не для девочки.

— Именно! — охотно подтвердил Хасси.

Он снял с коробки крышку, демонстрируя нам двух свирепых воинов со сверкающими катанами, занесёнными для удара.

— Вам их запустить?

Чак ответил, что испытает игрушки дома.

— С вами приятно иметь дело, господин Мур, — улыбнулся Джилл Хасси, аккуратно перевязывая коробку шпагатом. — Всегда готов вам и вашей супруге услужить.

Слова и манеры сиестского менялы произвели на меня приятное впечатление; я подумал, что таким и должен быть деловой человек, если он хочет добиться успеха.

Пока хозяин лавки что-то записывал в свой гроссбух, я продолжал рассматривать необычного колониста; лет сорока, с прямой осанкой, волосы светлые, коротко остриженные, негустые. Внешность, пожалуй, приятная, хотя голова у него была не совсем правильной формы — слишком расширенная в висках, она резко сужалась к подбородку; говоря грубо — треугольная была голова. Из-под выпуклого широкого лба смотрели глубоко посаженные бледно-голубые глаза. Их взгляд был острый, но неназойливый. Женщинам опальный придворный должен нравиться, сделал я заключение.

Сделка была оформлена, и встал вопрос о комиссионных.

— Я слышал, ты хочешь завести зверюшку, Джилл, — сказал Чак.

Меняла поднял украшенный перстнем палец:

— Домашнюю!

— Тогда тебе подойдёт эта. Ал, — обернулся ко мне Чак, — отдай Джиллу мешок.

Я охотно исполнил просьбу. Хасси развязал мешок и заглянул в него.

— Какой красавец!

— Будет ещё красивее, когда отрастёт новый хвост. Хвост он отбросил, когда дети тащили его домой. Местные игуаны — они пугливые. Чуть что — разбирают себя на части. Зато чистоплотные, спят у хозяина под кроватью и едят всего раз в неделю. Пара бёдрышек дикокролика — ерунда какая!

Я оставил их беседовать о ящероводстве, а сам отошёл к противоположной стене, сплошь заклеенной какими-то листками. При ближайшем

рассмотрении, я понял, что на стене написанные от руки объявления. Бумажные листки, судя по всему, были вырваны из блокнота, лежавшего на стойке. Я принялся читать наугад. В основном это были предложения услуг по ремонтным и строительным работам.

«Интересно,—подумал я,—как колонисты расплачиваются с мастерами? Насколько известно, деньги не имеют хождения в аграрных колониях. Надо будет спросить у Чака».

Попался шедеврик:

«Мастер на все руки. Чего не умею, осваиваю на месте».

И дальше следовал адрес мастера-универсала по имени Френик.

А это что?..

Листок, похоже, вырвали не из блокнота лавки: другая бумага.

«Потерявшийся мальчик ищет родителей. 100 кмн».

Я перечитал загадочное объявление. Неизвестный, предлагающий мальчика за сто «кмн» (камни? драгоценности?), даже не использовал печатные буквы: очевидно, за своё инкогнито он нисколько не волновался. Потрясающе! Мне пришла в голову мысль.

Я достал из кармана бумажник Роберта Курта и вернулся к стойке, где Чак и Хасси продолжали беседу о содержании домашнего ящера.

— Не могли бы вы передать эту вещь владельцу?—сказал я и протянул хозяину лавки бумажник.—Там внутри паспорт на имя Роберта Курта. Он потерял свой бумажник на космодроме.

И пока любезный Хасси перебирал содержимое бумажника, я заглянул в лежавшую перед ним книгу регистрации обменных сделок. Нет, почерк у Джилла Хасси совсем другой, то, что в старину называлось—каллиграфический. Ничего общего с небрежной рукой писавшего объявление о потерявшемся мальчике. Мне даже стало стыдно за свою наивную попытку изобличить торговца детьми.

Хасси бросил бумажник в выдвижной ящик.

— Курт и его друзья редко у меня появляются,—сказал он.—Они живут коммуной, вещами меняются между собой. Но я буду иметь в виду вашу просьбу.

Мне ничего не оставалось, как поблагодарить его. Мы уже собрались уходить, когда дверь со звоном распахнулась, и через порог шагнул, шумно дыша, весьма колоритный посетитель.

Это был высоченный, широкоплечий, бородатый мужчина с грозным выражением глаз. Одет он был не по погоде: древний музейный армяк—в таких армяках озоровали на дорогах крещёной Руси лихие люди,—брезентовые штаны; на голове—бесформенная шляпа, из-под полей которой заносчиво торчал пористый туфлеобразный нос. Топор с широким лезвием, не без шика засунутый ручкой за кушак, довершал разбойничий ансамбль.

После яркого света колонист моргал глазами. Наконец он заметил нас и прогудел:

— Моё почтение!—он повернулся к хозяину лавки:—Когда ты, наконец, заведёшь в своей пещере лампу, Джилли?

И колонист протопал тяжёлыми сапожищами к стойке. Я с интересом ждал, что будет дальше; Чаку, похоже, тоже было любопытно.

Задрав бороду вверх, колонист долго рылся в кармане своего армяка.

— Чёрт… неужто посеял? Сколько раз говорил старухе, чтобы зашила… А, вот вы где спрятались!—он повернул к нам торжествующую физиономию.—За подкладку провалились! Ха!

Он вытащил из глубин армяка правую руку и, протянув её к меняле, разжал ладонь. Что-то сверкающее в полусумраке раскатилось по прилавку. Невольно я подался вперёд: я хотел рассмотреть, что это такое высыпалось у колониста из руки.

— Тут ровно две дюжины,—постучал твёрдым ногтем по прилавку бородач.—Можешь не считать, Джилли.

Всё это время Джилл Хасси молча стоял за барьером, опершись холёными пальцами о прилавок. На его лице не дрогнул ни один мускул. Он спросил у колониста:

— Что вы мне принесли, Филипп?

— Не видишь? «Камушки».

— Вижу. Но зачем вы их принесли *мне*?—на слове «мне» хозяин меновой лавки сделал ударение.

— А кому же ещё?—ошалело вопросил Филипп.—У нас одна меновая лавка—твоя.

— Ну и кому ваши камни я смогу предложить?

— А вон на стене бумажка висит!—Филипп ткнул большим пальцем за плечо.—Намыть сто «камушков»—пупок развяжется! А тут сразу четверть платы человеку. Мальчишек-то кто покупает? Люди престарелые, чёрствая твоя душа! Тебя бы загнать в реку со старательским лотком…

Какое-то время лицо менялы оставалось неподвижным.

— Ладно. Вы меня убедили,—сказал он, смягчаясь.—Что вы хотите за свои камни?

Филипп закатил под шляпу глаза и стал загибать пальцы:

— Ножовку… рубанок… стамеску… нет, две стамески: широкую и узкую… Записал?—он обернулся к нам.—Представляете, парни, всё утопил, когда опрокинулся на «душегубке»! Вот, только этот топор и остался… Нырял, а там по всему дну—слизь, хрен чего достанешь! А я плотник, куда мне без инструмента?

— И ты решил намыть камней?—поинтересовался Чак.

— Да не мыл я их, камней этих ваших,—возразил Филипп.—Просто взял из дома ведро и верёвку.

Сосед вывез меня на своей лодке к месту, где предположительно утонул мой инструмент. И стали мы с ним драгировать ведром дно реки. Инструменты не достали. Зато зачерпнули вместе с песком и слизью россыпь «камушков». Если вам нужно, могу показать то место.
— Да нет, спасибо!—поблагодарил его Чак.
— Ну, как знаете.

Плотник Филипп подождал, пока хозяин лавки сгребал ребром ладони камни в выдвижной ящик, потом бросил на стойку мокрый рюкзак:
— Это твой гонорар, Джилли. Запечённый в глине угорь. Пальчики оближешь!

Лавочник был сама любезность:
— О, я слышал, ваша жена—умелый рыбак?
— Да уж получше некоторых.

Что имел в виду плотник, осталось загадкой.

Мы втроём вышли из лавки, и я зажмурился, ослеплённый ярким солнцем.

Плотник Филипп закинул за плечо опустевший рюкзак и, кивнув нам прощально бородой, двинулся крупными шагами. Глядя ему вслед, я коротко хохотнул:
— Сдаётся мне, Чак, это первая ласточка!
— Что ты имеешь в виду?
— «Камушки». Вы и сами не заметите, как придёте к денежному обращению в колонии.
— Интересная мысль. Но это не про нас. Посмотри на этих бездельников, подпирающих перила на Мосту. Им нужны драгоценности?

Мы оба рассмеялись.

Между тем толпа шляп и сомбреро стала перемещаться на одну из сторон Моста. Деревянные перила разве что чудом не обрушились под тяжестью навалившихся на них тел. Люди жестикулировали и что-то кричали.

Что-то необычное происходило выше по течению реки. Приглядевшись, я увидел плывущий по сверкающей воде небольшой плот. Увлекаемый течением, он неторопливо приближался к острову. Вскоре можно было рассмотреть и людей на плоту. Шестом орудовал загорелый подросток в набедренной повязке. Пляжный зонт на мачте прикрывал от солнечных лучей пассажира в пробковом шлеме, сидящего в шезлонге. На сей раз Толстый Нед был не в своём пугающем саване, а в майке и шортах. До моего слуха донёсся гул тамтамов. Я узнал свой «звучок».

С Моста кто-то кричал:
— Вы только посмотрите—сагиб на отдыхе!

Не рискуя войти в порожистую протоку, Бой причалил плот непосредственно к острову. Прихватив какой-то мешок, Толстый Нед стал карабкаться на скалу. Бой остался на плоту. Время от времени он налегал на шест, чтобы плот не снесло течением. Тамтамы надрывались.
— О, какая встреча!—остановился напротив меня Толстый Нед.—Ну и как вам у нас, Алекс?
— Замечательно.
— Ну-ну!

Когда двустворчатые двери за ним захлопнулись, кто-то из самых неугомонных устремился вслед за ним.

Я покачал головой:
— Не хотел бы иметь такую популярность!
— В старину,—заявил Чак,—каждая уважающая себя деревня имела своего дурачка.

Он подумал и добавил:
— А знаешь, я от кого-то слышал, что Нед Лоунес на Земле профессорствовал в каком-то престижном университете.
— В самом деле?
— А почему бы и нет? Сейчас очень велик интерес к внеземной экзотике.

Я лежал на низкой, сколоченной из досок кровати, тщетно пытаясь заснуть. После речной прогулки в теле осталось ощущение мягкого покачивания; в ушах у меня всё ещё звучали громкие голоса и хохот. Всё-таки хорошо, что меня приютили такие чудесные люди, как эти Муры, в который раз подумалось мне. Не знаю, чем я их отблагодарю. Марта—человек, близкий к искусству. Было бы здорово подарить ей несколько полотен. Только сначала их надо написать! Потом я вспомнил об объявлении на стене в лавке менялы и своей наивной попытке вывести сиестского денди на чистую воду; меня немного смутило, что такое вообще могло прийти мне в голову. Ещё некоторое время я лежал, пока не пришёл к мысли, что я лезу со своим уставом в чужой монастырь.

По версии Чака, которую он мне изложил, пока катамаран плыл вниз по течению, в лесах действительно обитают потомки потерпевших кораблекрушение космонавтов. По сути, они—туземцы. И не только по рождению, но и по укладу жизни. Можно только догадываться, какую роль в их жизни играют «камушки». Факт тот, что они готовы отдать за них собственных детей. Причём только мальчиков, девочками они весьма дорожат. Кто пишет и вывешивает объявления в меновой лавке? А посредник—кто-то из колонистов, наткнувшийся в лесах на странное племя, говорящее на земном языке, но совершенно дикое. На мой вопрос, зачем это нужно посреднику, Чак ответил в том смысле, что посредник либо чокнутый, либо фаталист, что почти одно и то же. Спасая мальчишек от тягот лесной жизни, он всерьёз опасается прямого контакта дикарей с колонистами: мол, в истории Земли это случалось и ни к чему хорошему никогда не приводило.

В романтичной версии Чака, на мой взгляд, была некая натяжка: ведь если «туземцам» действительно так любы сверкающие «камушки», то почему они не добывали их сами?

В комнате было душно. Где-то под домом выводила рулады неведомая тварь. Постель была совсем мокрая. Я слез с кровати и вышел на террасу.

Душная тропическая ночь пылала над рекой. На фоне ослепительных созвездий безмолвно и неторопливо плыли прозрачные облака. Я отыскал глазами красноватый Террис, к которому сейчас нёсся «на всех парах» тяжелогружёный «Умбриэль». У яркой планеты был густой маслянистый блеск.

Внезапно ночную тишину прорезал истошный горловой вопль. Это было как электрический удар. Возникшее было желание вынести на террасу постель у меня сразу пропало. Я стал отыскивать в темноте дверь.

Пока я прохлаждался, моя постель немного просохла. Я натянул на себя простыню, заснул, но скоро проснулся. Какое-то время лежал, вспоминая сон. Очень странный был этот сон: будто бы я, ни о чём не подозревая, поднимаю крышку какого-то ящика, а оттуда вылезает что-то чёрное и бесформенное.

Забылся я только под утро.

Крах творческих планов

Сутки на Сиесте на три с половиной часа короче земных. У колонистов, уже семь земных лет живущих на этой быстровращающейся планете, вероятно, перестроились и биоритмы. Во всяком случае, когда, потягиваясь и треща всеми костями, я вышел с полотенцем на шее на террасу, я обнаружил там Чака и Марту. Лица супругов были озабочены.

— Доброе утро,—сказал я.—Что-то случилось?

Марта молча указала на детскую пластиковую ванну, поставленную в углу террасы. В ванне, погружённые по грудь в мыльную воду, плескались Пит и Сид. Близнецы были облеплены пеной, которую они с удовольствием кидали друг в друга. Радужные пузыри пари́ли над ванной. Дети весело смеялись.

Я вопросительно посмотрел на колонистку.

— Вся надежда только на вас, Ал,—сказала та.

С этими словами Марта одного за другим извлекла близнецов из ванны, поставила на дощатый пол и стала обливать их из черпака водой, заранее принесённой в вёдрах. Мальчишки радостно визжали: холодный душ пришёлся им по вкусу. Я ничего не мог понять. Но когда мыльная пена была смыта, сердце упало у меня в груди.

Мой этюдник, подумалось мне. Просвещённые романами Фенимора Купера, братья решили предстать в образе краснокожих героев. И у них это получилось! Благодаря моим краскам!

— О Господи…—еле слышно простонал я.

Пит и Сид в боевой раскраске команчей—или кого там ещё?—были великолепны. У меня рябило в глазах. Мужественные полосы, нанесённые киноварью, ультрамарином, охрой, щедро покрывали загорелые тела Индейцев. Зелёный цвет тоже не был забыт! Польщённые моим вниманием, мальчишки охотно поворачивались, демонстрируя мне своё искусство; на их спинах и ниже были отпечатки ладоней: очевидно, братья раскрашивали друг друга.

Я перевёл взгляд на Марту.

— Когда это они успели?

— Понятия не имею. Наверное, когда была в кухне. У вас ведь есть какое-нибудь средство для удаления краски?

Я повернул голову и посмотрел на свои вещи, всё ещё сваленные у перил террасы. Над этюдником явно поработали. Грунтованный картон, который был привязан шпагатом к чемоданчику, лежал теперь всей пачкой на полу; чемоданчик был приоткрыт: представляю, что творится внутри! «Сам виноват,—подумал я.—Надо было унести в спальню».

Чак проследил за направлением моего взгляда.

— Боюсь, в тюбиках осталось немного,—сказал он.—Может быть, Джилл Хасси поможет? В колонии есть любители живописи. Кто-нибудь поделится.

— Я вот думаю, как привести в божеский вид наших «команчей».

— Есть универсальный растворитель,—сказал Чак.—Абсолютно безвреден: «зелёная метка» на флаконе. Мы ждали, когда ты встанешь, поэтому не опробовали сами.

— И правильно сделали, что не опробовали,—сказал я.—Эти краски готовил мой знакомый химик. Очень стойкие к агрессивной среде. Приятель думал, что я лечу на пленэр на Венеру, чудак!

Марта взмолилась:

— Ал, голубчик! Сделайте что-нибудь!

Я погладил подбородок, всё ещё пухлый после комариной атаки.

— Вообще-то есть у меня эксклюзивное средство… Правда, оно…

— Ядовитое?!

Это вырвалось у Марты.

— Нет. Но дело в том, что его синтезировал всё тот же приятель-химик, который сделал стойкими мои краски. В результате несчастного случая он полностью утратил чувство обоняния. Но таланта не утратил.

— Воняет?—осведомился Чак.

— Мягко сказано. Отведи меня и Индейцев куданибудь к воде, но подальше от людей.

— Купальня подойдёт?

— Пожалуй, задохнёмся.

Чак наморщил лоб.

— Гм-м… Есть такое место! Ручей, что бежит от купальни.

— С детьми и Алом пойду я!—решительно заявила Марта.—Доставайте ваше средство, Ал.

Я полез в рюкзак, к счастью, не тронутый Мурами-младшими.

…Ручей впадал в реку. Подоткнув подол сарафана, Марта вошла в воду, волоча за собой разрисованных Индейцев. Я протянул ей флакон с маслянистой жидкостью. Колонистка мужественно откупорила флакон и налила немного жидкости на мочалку; сунула флакон за лиф.

Вначале ничего не происходило.

Потом…

— Боже милостивый!—пролепетала она, когда тошнотворный запах накрыл её волной.

Бедная женщина! Она открыла рот, чтобы не дышать носом, и стала поспешно тереть мочалкой первого подвернувшегося ей под руку мальчугана. Тот заливался смехом—щекотно! Смрад растворителя ничуть не смутил и второго Индейца. Он с интересом наблюдал, как стараниями матери его брат превращается из сына прерий вновь в бледнолицего.

«Хомо тарзанус»,—подумал я о Мурах-младших. Запах растворителя дошёл до меня, и я позорно ретировался. Отошёл от ручья к реке и остановился у кромки воды. Напротив, на сверкающем солнечными бликами перекате, бродили двое мужчин в болотных сапогах и сомбреро. Они зачерпывали пластиковыми тазами гальку со дна, некоторое время разглядывали содержимое своих посудин и разочарованно вытряхивали гальку в воду. Чем они были заняты? На рыбалку это не походило.

Я с любопытством наблюдал за колонистами. Ближе к берегу промышлял с тазом пожилой бородач в шортах и клетчатой рубашке, туго облегавшей упитанный торс. Его товарищ, коренастый крепыш в трусах и майке, тоже преклонного возраста, бороздил воду вдоль песчаной отмели, тянувшейся от берега справа. Голоса колонистов отчётливо доносились до моего слуха.

Лёгкий ветерок, тянувший с берега, подхватил летучие молекулы растворителя. Первым почувствовал неладное клетчатый. Какое-то время он растерянно оглядывался вокруг, потом окликнул товарища:

— Санчес…

Тот, кого звали Санчесом, тотчас же отозвался:

— Что?

— Тут у нас никто не держит скунсов?

— С ума спятил, Билли? Откуда на Сиесте скунсы?

— И то правда. Откуда тут взяться скунсам? Но воняет точь-в-точь как в моём питомнике в Канзасе!

— Это ты ностальгируешь по своему Канзасу, вот тебе и воняет. Погоди, купим тебе парнишку, перестанешь… Матерь Божия!—Санчес вертел головой.—А ведь и вправду смердит!

Теперь они оба внимательно оглядывали берег. Заметив в устье ручья Марту, старики почтительно прикоснулись к сомбреро. Плескавшиеся в воде дети их внимания не привлекли. Тогда они вперили свои взгляды в меня.

— Парень,—обеспокоенно осведомился клетчатый Билли,—там у тебя на берегу всё в порядке?

— О чём это вы?—я изобразил на лице искреннее удивление.

— Странно,—пробормотал бородач и повернулся к Санчесу:—Галлюцинации! Пойдём-ка, старик, по домам, пока тепловой удар не хватил.

И, окончательно сбитые с толку, они оба побрели по мелководью к привязанной невдалеке лодке.

Я вернулся к ручью. Марта, в мокром, прилипающем к телу сарафане, «выполаскивала» близнецов в ручье. Запах почти рассеялся. Видимо, молекулы растворителя были не такими стойкими, как краски, с которыми они боролись.

— Ребятишки как новенькие,—сказал я, присаживаясь на песок.—Любо глянуть!

Марта сунула мочалку и опустевший флакон в прозрачный мешочек, который завязала туго узлом. Бросила на берег.

— Скажите вашему товарищу, когда вернётесь на Землю, что растворитель у него первоклассный. Но к врачу он пусть всё-таки обратится. Нельзя так издеваться над художниками, даже если они ксенопейзажисты и не могут отскоблить с рук свои ужасные краски.

— А-а, вы тоже заметили!—рассмеялся я.—Первый колонист, который встретил меня на планете, отказался пожать мне руку. Посчитал, что она слишком грязная.

— Вы не рассказывали. Это кто же был?

«О, чёрт,—спохватился я.—Чак просил меня не трогать эту тему при Марте».

Но она сама заговорила о «подкидышах».

— Эти люди на реке, с которыми вы разговаривали, знаете, чем они занимались?

— Полагаю, ловили устриц.

Мокрой рукой Марта откинула со лба упавшую прядь волос.

— В реке нет съедобных устриц.

— Значит, они мыли золотой песок.

— Почти угадали, Ал. Только они мыли не песок, а «камушки». У Билли Хогарта—это который с бородой—три земгода назад погиб взрослый сын. Унесло торнадо. Они с женой решили купить «подкидыша».

Я изумлённо открыл рот.

— Вы говорите об этом так просто?!

— Что вас так шокировало, Ал?

— Да нет, это я так…

— Валяйте, говорите, Ал, не стесняйтесь. Вас смутило слово «купить»?

— В какой-то степени,—смущённо промямлил я.

— Хорошо. Я вам отвечу так: кому станет плохо, если старики окружат заботой ребёнка-дикарёныша?

— Тут вы правы, Марта. Но почему бы вашим односельчанам не организовать поисковую экспедицию? Никому не приходило это в голову?

— В вас говорит землянин, Ал. Цивилизатор.

— Звучит нелестно! — рассмеялся я.

— Не обижайтесь. Мне тоже жалко этих людей, живущих первобытной жизнью где-то в лесах. Но это — всего лишь эмоции. Почему мы должны думать, что они несчастны? Сиеста — их мир, который они любят и почитают. И не важно, что их предками были земляне. Для них это только легенда, сказка стариков. Вы согласны со мной?

— Вы говорите совсем как Чак. Контакт не принесёт ничего хорошего племени.

— Массовый суицид он может принести!

— Вы очень мрачно смотрите на вещи.

Колонистка пожала атлетическими плечами.

— Я этнограф по образованию. В своё время специализировалась на истории амазонских племён — горькая это история.

Я ошеломлённо моргнул, но не нашёлся с ответом.

Происшествие

Утром мы отправились с Чаком осматривать силки. Мы вскарабкались по крутой тропинке на косогор. Лес подступал к самому краю обрыва. Свои нехитрые охотничьи приспособления — закреплённые на колышках петли из сталистой проволоки — Чак установил на опушке, не замаскировав их даже ветками.

— Самый ленивый способ охоты, — объяснил он мне. — Добыча сама лезет в ловушку. Мозгом Творец обнёс здешних животных.

— А может, не в мозге дело? — предположил я. — Бедняги просто никогда не встречались с человеком. С его коварными ловушками.

Чак Мур бросил на меня насмешливый взгляд.

— И ты, Брут! Вот останешься голодным, послушаю тогда твои «зелёные проповеди».

Чак не злоупотреблял глупостью местных тварей. На его участке было всего пять силков. В одном из них оказалась добыча: крупная, с индюка, птица, явно не летающая, ибо вместо оперения она была покрыта какой-то щетиной. Птица была уже мёртвой, и я вздохнул с облегчением.

Чак бросил добычу в мешок.

— На два дня мы обеспечены вкусной и здоровой пищей, — сказал он. — Ведь интересно у нас жить, правда?

— Да, очень, — сказал я и вздохнул: вспомнил о разгромлённом этюднике.

Мы поднимались по ступеням крыльца, когда в доме раздался пронзительный крик Марты. Чак бросил мешок и, в один прыжок пролетев террасу, рванул дверь. Я устремился за ним. Уже вбегая в дом, я успел краем глаза заметить, как большая чёрная масса кубарем прокатилась по двору и исчезла в зарослях кустарника. Кто это или что это было, я не понял.

Вопли Марты доносились из детской. Ворвавшись туда, мы увидели хозяйку стоящей посередине комнаты; она прижимали к груди руки со сжатыми кулаками. Лицо её было смертельно-бледным, несмотря на загар.

Чак тряс её за плечи:

— Что? Что случилось?..

После нескольких тщетных попыток произнести хоть слово Марте удалось наконец проглотить застрявший в горле комок.

— Я... п-пришла заправить п-постели... а он... тут!

— Кто?!

Вместо ответа Марта отняла руку от груди и показала на поднятое окно:

— Он туда выпрыгнул!

— Дорогая, кто выпрыгнул?

— Чёрный.

— Блэки?!

— Он был огромный, под два метра...

Чак быстро оглянулся на меня:

— Этого не может быть. Блэки панически боятся человека! — он снова повернулся к жене, обнял её за плечи: — Может, тебе привиделось, дорогая?

Марта отстранилась от него.

— Что ты такое говоришь? Тебе что, нос заложило?

Действительно, в комнате стоял знакомый мне мускусный запах. Никаких сомнений: «чёрный человек» здесь был!

— Марта говорит правду, — сказал я. — Я тоже его видел. Он прокатился через двор туда.

И я показал через окно на кустарник. В комнате, где мы стояли, повисла зловещая тишина.

— Самурай! — неожиданно воскликнула Марта. — Исчез один самурай! Я точно помню: обе игрушки стояли на столике, когда я заходила в детскую, чтобы открыть окно.

— Где Индейцы? — поинтересовался у неё Чак.

— Пит и Сид позавтракали и, как всегда, убежали... Боже... он ведь может...

— Успокойся. Не может. Не было случая, чтобы чёрная тварь обидела ребёнка. Ал, — Чак повернулся ко мне, — сейчас отвяжешь катамаран и поплывёшь к Викингам. Это вниз по течению, справишься.

— Как я их найду, этих Викингов?

— Бревенчатый частокол, что-то вроде форта, мимо не проскочишь.

— Меня там примут?

— Спросишь Рыжего Рагнара, скажешь, что от меня, и тебя там замечательно примут. Мы с Рыжим давние друзья.

— Понятно. И что я должен сказать твоему другу?

— Расскажешь всё как было про сегодняшнее вторжение. Рагнар — прирождённый этолог[2]. Профессионалам со степенями нос утрёт.

2. Этолог — учёный, изучающий поведение животных.

У Викингов

К форту Викингов я подплыл после полудня. Вернее сказать, меня принесло после полудня туда течением реки.

На бревенчатом причале, у которого стояла большая многовёсельная ладья и к которому я шестом подвёл катамаран, меня встретила колоритная фигура с курительной трубкой. Это был пожилой коренастый человек с неспешными движениями; одежда его состояла из кожаной безрукавки, кожаных шорт и фуражки, какие носили старинные шкиперы. Обут старик был в высокие сапоги. Посасывая трубку, он равнодушно наблюдал, как я привязываю к столбу причала канат. Пока я занимался этим делом, на берегу появились новые зрители: женщина, русоволосая, тоже немолодая, и с ней несколько детей, видимо внуков,— мальчишки и девчонки в ярких футболках и шортах.

Обитателей форта как будто не удивило появление незнакомого человека. Все стояли молча, неподвижно, глядя, как я взбираюсь по косматой от сухих водорослей лестнице на причал.

— Добрый день,— сказал я, переведя дух.— Я к Рагнару от Чака Мура.

Похоже, мои слова всех удовлетворили. Старик, женщина и дети разом развернулись и дробно застучали подошвами по деревянным ступеням, ведущим в гору, где над кустарником поднимался частокол из остро заточенных брёвен. На ограде укрепления не хватало разве что черепов.

Смазанные петли глухой калитки не скрипнули. Старик подождал, пока вся вереница встречающих втекла внутрь, потом кивнул мне трубкой:

— Заходи.

Просторный двор: детские качели, щиты мишеней с торчащими в них стрелами, высокая деревянная вышка ветряка; похоже, Викинги не брезговали электричеством. Любопытный факт! Правда, сейчас стояло безветрие, и лопасти ветрогенератора были неподвижны. Посередине двора, поросшего травой, аккуратно подстриженной, темнел большой рубленый дом с тесовой крышей и множеством пристроек. Из окон выглядывали любопытствующие лица. В набитой исторической ерундой памяти всплыло слово «фаланстер»— дворец, где проживали безмятежной коммуной утопийцы Фурье. Женщина погнала свою стайку в дом, а меня старик повёл куда-то за угол, где мы разминулись с беременной колонисткой, тащившей за руки двух упиравшихся малышей.

Их тут целый клан, этих Викингов, подумалось мне. Мой провожатый подвёл меня к высокому, как пожарная лестница, крыльцу.

— Тебе туда,— указал он на дверь и удалился, как видно, не нуждаясь в моей благодарности за причинённое беспокойство.

Я поднялся по ступеням и постучал в дверь.

— Открыто!

Комната, в которой я оказался, в первый момент вызвала у меня удивление. Я ожидал увидеть жилище охотника: рога по стенам, чучела зверей и прочее. Ничего подобного в комнате Рыжего Рагнара не было. Я крутил головой: опрятно, чисто, свежо, уютно. Сквозь небольшое окно падали лучи солнца, отражаясь в зеркальной стенке бара, неизвестно как здесь оказавшегося. Из кондиционера веяло прохладным ветерком, в углу поблёскивал объектив голографического проектора, а из невидимых динамиков лилась тихая музыка. Хозяин комнаты, плечистый, средних лет мужчина, в облегающих, песочного цвета, брюках, в рубашке в красную клетку, с шейным платком, сидел с книгой в кресле и с интересом смотрел на меня.

— Привет!— сказал я ему.— Я Алексей Мазин. Меня прислал Чак Мур.

Хозяин легко вскочил с места и шагнул ко мне. Рука у Рыжего Рагнара была крепкой.

— А что же он сам не приплыл?— поинтересовался он.

— Есть проблемы. Собственно, поэтому я…

— Проблемы— потом,— остановил меня Рагнар.— Тебе чего налить, Алексей?— поинтересовался он.

Это обращение на «ты» и по имени избавило меня от той скованности, которую я испытывал после сурового приёма на причале. Я ответил, что если речь идёт об алкоголе, то я полагаюсь на вкус хозяина.

— Вот и отлично! Выпьем виски, старое средство, иногда годится. Да ты присаживайся,— он указал мне на стул, а сам повернулся к бару.

— Рагнар,— полюбопытствовал я, когда он подал мне стакан,— откуда у тебя эта роскошь?— я обвёл рукой вокруг.

Он ухмыльнулся:

— С корабля забрал. Кэп разрешил. Всё равно наш «хламовоз» своё отлетал. Смешно назывался: «Козерог».

— Так ты— космолётчик?

— Списанный. Как и «Козерог». Кэп высадил меня на Сиесте по моей просьбе. Мы перегоняли корабль к Террису, чтобы оставить его там, на орбите, как блокшив-отель[3]. По пути я вспомнил, что давно не видел родственников. Я ведь тоже из рода Сигурдссонов,— Рагнар почему-то вздохнул.

Я с любопытством смотрел на светлоглазого колониста. У него было приятное умное лицо— твёрдый подбородок и бесцветные тонкие губы, постоянно кривящиеся, будто в насмешливой гримасе. Вьющаяся шевелюра была рыжая, как огонь.

— Так что там случилось у Муров?— спросил Рагнар, опускаясь в кресло.

3. Блокшив— старый корабль, лишённый механизмов и оборудования, используемый в качестве склада или жилья.

Я рассказал.
— Гм-м. Говоришь, блэки спёр игрушку? Очень интересно!
— Чак говорит, что здешние обезьяны панически боятся человека.
— Тем не менее у неё хватило смелости забраться в окно.
— Вот именно!
Рагнар нахмурился.
— Марте не могло померещиться?
— Игрушка действительно пропала. И потом — этот запах…
— Мускусный? Откуда ты знаешь, как пахнут блэки?
— Да уж знаю!
И я поведал ему о своих приключениях в день прибытия.
— Этот запах, можно сказать, преследует меня с самого начала.
Я сделал глоток из стакана. Крепкий напиток!
— То, что ты рассказал, Алексей, очень интересно. Значит, «чёрный» появился после визита Толстого Неда?
— А что? Это как-то связано?
— Видишь ли… Есть серьёзные подозрения, что Лоунес использует местных обезьян как сырьё для получения репеллента, отпугивающего психрогнус.
— Это как? — не понял я.
— Чёрный экзодонт, пожалуй, единственное на планете млекопитающее, которое летающие кровососы обходят стороной. Всё дело в пахучем веществе, выделяемом особой железой. Браконьеры, а они есть и у нас, истребляют блэки ради этой железы.
По спине моей пробежал холодок.
— Неудивительно, — сказал я, — что они так боятся человека!
— Кто знает, кто знает! — усмехнулся Рагнар. — Всё может кончиться весьма печально. Наше вторжение в чужой мир может привести к тому, что блэки, которые и сейчас соображалкой превосходят наших земных приматов, остановившиеся на полпути эволюции, станут карабкаться вверх по лестнице. Вот тогда-то и придётся нам сматывать удочки!
Я ошеломлённо моргнул глазами.
— Уж не хочешь ли ты сказать, что блэки украл игрушку для собственного детёныша?
— Сейчас кое-что тебе покажу.
С этими словами Рагнар поставил стакан на стол и, поднявшись из кресла, шагнул к стене с книжными полками. Среди разноцветных корешков беллетристики я заметил солидные тома энциклопедических словарей. Бывший космолётчик, похоже, был эрудированным человеком. Он взял с полки небольшую коробку и протянул мне:
— Посмотри, что внутри, ошалеешь.
Тон, каким он это сказал, невольно насторожил меня. Я вспомнил вдруг свой сон, в котором я открываю ящик с чёрным нечто. Я осторожно снял крышку и положил её на край стола. Ничего зловещего в коробке не было. В ней лежала… детская погремушка, правда, поломанная, словно её топтали каблуком.
— А? — я тупо посмотрел на Рагнара.
— Обрати внимание, — сказал тот, — погремушка изгрызена зубами.
— Может, зубы резались у ребёнка?
Рагнар насмешливо фыркнул:
— У внука графа Дракулы резались зубы!
Я взял пластмассовую погремушку в руку и осмотрел её. Действительно: следы больших зубов. Собак здесь быть не могло — ввоз на планеты земных животных категорически запрещён.
Я неуверенно поглядел на Рагнара.
— Откуда это у тебя?
— Нашёл в логове блэки, — он сказал это с мрачным выражением лица.
— Не ходите, дети, в Африку гулять!
— Верно сказано! Между прочим, два земгода назад у нас во дворе пропал ребёнок. Годовалая девочка. Она сидела голая в манеже. Мать отлучилась по хозяйству в дом. Когда вышла, манеж был пуст. Мужчин здесь у нас полон дом. Обшарили всё вокруг в радиусе километра — никаких следов! А трое суток спустя малышка вновь объявилась. На том же самом месте — в манеже! Исцарапанная в кровь, но живая и здоровая. Но вот что насторожило всех: от девочки за милю несло мускусным запахом. А так только блэки пахнут. Вот тогда и появился этот частокол вокруг двора.
— Жуткая история! — сказал я искренне. — Муры знают об этом случае?
— Вся колония знает. Нашлись горячие головы, призывавшие к поголовному отстрелу наглых обезьян. Самое интересное, что на защиту блэки встали браконьеры. Во всяком случае, колонисты, которых подозревали в браконьерстве. Нед Лоунес пригрозил, что обратится в Комитет по делам колоний. Ну, этого понять можно, он единственный живёт в лесу, где регулярно подвергается комариным атакам. Истребить в округе блэки — значит, лишить его сырья для репеллента.
— А что ты думаешь обо всей этой истории с игрушками? — спросил я Рагнара прямо.
Он пожал плечами.
— Отвечу тебе словами классика: «Не всё, что есть в природе, наука в состоянии объяснить»[4]. А я даже и не наука.
— У вас тут есть весьма активные ребята. Они могли бы прочесать округу и на предмет игрушек, и на предмет «подкидышей», что не менее интересно.
— Ты имеешь в виду «зелёных бойцов»?
— Ну да. Роберт Курт и компания.

4. В переводе В. Поплавского.

Рагнар поморщился.
— Ни на что они уже не годны, твои «бойцы»! На Сиесте они стали законченными «ботаниками» в буквальном смысле слова.
— Ударились в науку?
— После того, как обнаружили, что здешние «травки» дадут сто очков вперёд и марихуане, и грибам-галлюциногенам Земли. Интересные у тебя знакомые, Алексей!

Я сидел как оплёванный. В дверь постучали. Рагнар тотчас открыл. Колонистка, стоявшая на пороге с судком в руке, походила скорее на подростка, чем на взрослую девушку. Невысокая брюнетка с короткой стрижкой, в шелковистой ярко-радужной «разлетайке» на немного угловатых плечах, босая, в коротких белых шортах, туго облегавших тело.
— Ой,— остановилась она, заметив меня.— Я не знала, что у тебя гости, Раг.
— Заходи, Катрин. Это — Алексей. Парень с ракеты. Познакомься.

Я встал со стула, всё ещё держа в руке стакан с недопитым виски. Я поспешно поставил его на стол. Катрин подала мне руку, маленькую и мозолистую, и сжала мою кисть с неожиданной силой. Потом принялась расставлять на столе принесённые кастрюльки. Хотя вечер ещё не наступил, Рагнар зажёг светильник под потолком: очевидно, электричество в безветрие давали аккумуляторы. На столе появились тарелки. Катрин, похоже, хорошо ориентировалась в расположении вещей в этой комнате.

Меня тоже пригласили к обеду.
— И чем вы собираетесь заниматься у нас, Алексей?— спросила Катрин, разливая суп по тарелкам.— На фермера вы как будто не тянете.
— Это вы точно сказали. На фермера я не тяну.

Испытующе посмотрев мне в глаза, она сказала, ткнув в мою сторону разливательной ложкой:
— Художник?
— Как вы угадали? А-а, мои руки… С этими красками целая история накануне вышла.

Рассказывать историю с красками я не стал, зато спросил что-то банальное, в том смысле, как молодой девушке нравится жизнь в колонии.
— У меня здесь папа и мама,— ответила Катрин,— и два старших брата.

Она подумала и добавила:
— А ещё куча родственников. Дяди, тёти, кузены и кузины. В общем, не скучно.

Она искоса поглядела на Рагнара:
— Верно ведь?
— Абсолютно,— ответил тот.— Родственников у нас тут с избытком.

«Они наверняка кузены,— подумал я.— Драма, старая, как мир!»

На причале меня провожал Рыжий Рагнар.
— Я буду у Муров завтра,— сказал он.— А пока пусть не волнуются. Не настолько всё страшно. Блэки не плотоядны. Жрут коренья, фрукты. В лесу этого добра достаточно. Да и навряд ли «чёрный» полезет в дом, где его однажды уже спугнули. Они не настолько глупые животные. Ладно, до встречи!

С дощатой палубы катамарана я ещё раз оглянулся. Рагнар стоял на причале, сунув руки в карманы; он смотрел мне вслед. Катившееся над невидимыми горами солнце едва просвечивало сквозь багровеющую мглу. Бревенчатый частокол, поднимавшийся над обрывом, был залит кровавой краской и угрюм. В эту минуту мне показалось, что я слышу за оградой бряцанье топоров и мечей.

Торнадо

— Ты полагаешь, что Хасси действительно поможет мне с красками?— спросил я за завтраком Чака.

Гигант подумал и сказал:
— В колонии наверняка найдутся любители живописи, забросившие кисти. Только я не хотел бы плыть на остров сегодня.
— Я могу сам. Тебе нужно ждать Рагнара.

Чак ничего не ответил. Он несколько раз поднимал голову и внимательно осматривал небо над рекой; видно было, что он чем-то озабочен.
— Что-то случилось?— спросил я его.

Мы завтракали на террасе вдвоём; ни Марты, ни близнецов за столом не было.
— Индейцы сегодня не просятся гулять,— загадочно произнёс Чак.

Я сказал, что в такую жару мало кому захочется гулять.

Чак покачал головой.
— Питу и Сиду и плюс пятьдесят нипочём. Ураган не принесло бы.

Я недоверчиво посмотрел на него.
— Хочешь сказать, дети предчувствуют перемены погоды?
— Не в пример нам, взрослым. У тех, кто родился здесь, на Сиесте, это заложено на подсознательном уровне. Все колонисты следят за поведением своих детей. Барометров не надо.

Я понял, что мне тоже не следует сегодня далеко отлучаться. Чтобы как-то убить время, я отправился проверять силки. Солнце жарило. Я был весь мокрый, когда вскарабкался знакомой тропинкой вверх на обрыв. Честно сказать, я не знал, что буду делать, если попавшее в ловушку животное будет ещё живо. Чак дал мне охотничий нож, но смогу ли я им воспользоваться — большой вопрос. Со страхом я осматривал петли, пока не дошёл до последней.

Уф! Силки были без добычи. Утирая пот со лба, я повернул назад. У края обрыва я задержался. Далеко на горизонте, едва видимые сквозь синюю дымку, подрезали небо белые вершины гор.

И тут я увидел тучу. Казалось, над горами поднялся грозящий небу кулак. Некоторое время

облако приковывало мой взгляд своей режущей глаз белизной, но тут до меня донёсся свист, и я поспешил вниз.

На террасе стояли Чак и Марта и смотрели на тучу. Лицо колонистки было напряжённым.

— А где Индейцы?—спросил я у Чака.

— В детской. Под кроватью.

Он замолчал. Молчали мы все. Стояла необычная тишина. И только где-то вдали слышался неясный гул. Я долго не решался, наконец спросил:

— Что это гудит?

— Грозовые разряды,—объяснил Чак.—Туча начинена электричеством.

Клубящееся, поднимающееся до солнца облако занимало уже треть неба. Внезапно солнце скрылось. Сверкающие полоски озёр на противоположном берегу стали чёрными. Чёрной была теперь и сама туча.

Марта вдруг крикнула:

— Смотрите, смотрите! Торнадо!

Из тёмного брюха тучи, озаряемой багровыми вспышками плоских молний, свешивался вниз изогнутый хобот. Хобот опускался всё ниже, рос в ширину, пока не превратился в чудовищную, бешено вращающуюся юлу. От противоположного берега реки её отделяло всего несколько километров.

— Вытаскивайте из-под кровати детей!—крикнул нам Чак и скрылся за дверью кухни.

Мы с Мартой кинулись в детскую. Пит и Сид были удивительно послушными. Они не имели ничего против того, чтобы я держал их обоих, зажав под мышками, как щенят, пока Марта наскоро совала в вещевой мешок одежду.

Чак уже ждал нас с туго набитым рюкзаком на крыльце.

— В укрытие!

По тропе вдоль склона мы добрались до низкой деревянной двери, закрывавшей вход в подземелье. Первой шагнула во мрак Марта.

— Детей, Ал,—протянула она руки.

Мальчишкам не требовалось особого приглашения. Видимо, мрачный бункер был им хорошо знаком. Чак подтолкнул меня в спину и протиснулся во вход сам. Захлопнул за собой массивную дверь и задвинул щеколду. Некоторое время было совсем темно. Потом появился свет: Марта зажгла свечу. Мы находились в небольшой пещере, вымытой в известняке подземными водами. У одной из стен стояла скамья, напротив—грубо сколоченный стол. Свеча горела в плошке на столе.

Чак бросил рюкзак под стол.

— Это еда, лекарства и зубные щётки,—объяснил он мне, опускаясь на скамью.—Да ты присаживайся, Ал. Дело житейское!

Марта, может, чтобы успокоить нервы, принялась одевать детей. Пит и Сид, привыкшие бегать голышом, оказывали вялое сопротивление.

— Оставь их в покое, дорогая,—сказал Чак жене.— Лучше…

Он не договорил. Бухающий удар пришёлся точно в дверь, и я увидел, как щели между рассохшихся досок ярко вспыхнули. В пещерке отчётливо запахло озоном. Снова блеснуло и загремело, потом послышался свистящий звук. Пламя свечи затрепетало и вытянулось в сторону выхода— давление воздуха снаружи резко упало, и доски угрожающе затрещали. Мне вдруг стало ясно, почему дверь убежища открывается внутрь, а не наружу: её просто сорвало бы с петель!

Я повернул голову. Марта сидела на скамье, сжимая в руках детскую одежду. Близнецов, объявивших бойкот штанам, видно не было. Храбрые Индейцы забились под стол.

— Посмотри на дверь!—прокричал мне в ухо Чак.

Щеколда, дверная скоба, петли, шляпки гвоздей светились холодным голубым светом. Огни святого Эльма, догадался я. Подобное я наблюдал в грозу в горах. В дверь забарабанил великан. Близнецы, сидевшие под столом, ухватились за мои ноги. Опустив руки под стол, я машинально гладил их по жёстким гривкам. Признаться, я сам был напуган разгулом стихии.

Внезапно свеча погасла от сильного дуновения. Снаружи что-то оглушительно загрохотало. Казалось, где-то рядом стартует стотысячетонная грузовая ракета. Я открыл рот, чтобы легче было переносить акустическое давление на барабанные перепонки. На фоне светящейся двери я различил неподвижный профиль Чака. Разговаривать было невозможно.

Но вот гул начал стихать. Я взглянул на светящиеся часы. Прошло всего двадцать минут с момента возникновения торнадо, а казалось, минована целая вечность.

Спустя время послышался лязг щеколды, Чак распахнул дверь. Вместе с ярким светом в подземелье ворвался резкий запах озона и прибитой дождём пыли. Близнецы выскочили из-под стола, они вновь были бодрыми, чего нельзя было сказать об их матери. Марта двинулась к выходу, но на пороге вдруг остановилась.

— Боюсь даже смотреть,—будто сама себе, тихо произнесла она.

С недобрым предчувствием мы двигались по мокрой тропинке. Чак шёл первым. Внезапно он нагнулся и поднял с земли какой-то обломок. Сердце упало у меня в груди, когда я увидел, что он держит в руке точёную балясину. Ещё шагов двадцать—и за мокрыми кустами появился дощатый сарай. Ураган пощадил его. Я вздохнул с некоторым облегчением: в сарае, под замком, хранились мои вещи. История с этюдником послужила уроком.

Мы обогнули постройку, и Чак, шагавший по-прежнему впереди, остановился вдруг, глухо проговорив:

— Нет больше нашего дома.

Собственно, впереди не было вообще ничего. Ни кустов, ни травы. Тянувшаяся от реки широкая полоса голой земли наискось пересекала склон берегового обрыва. Каменистая почва была словно перепахана: смерч вырывал кусты и деревья с корнем. От прекрасного дома Муров остался лишь каменный фундамент.

У моей ноги блеснуло что-то серебристое. Чайная ложечка! Я поднял её, протянул Марте. Кривящиеся её губы шевельнулись.

— Книги…

— Марта, вам плохо?

— Книги,—повторила она и схватила меня за руку.—На силиконовой бумаге… Вечные… Детям…

И мужественная колонистка зарыдала в голос.

Обморок

До самой ночи причаливали к берегу плоты и лодки. Маяком служил огромный костёр, разведённый на пляжной полосе. Колонисты выгружали на берег корзины с едой, походные палатки, плотницкий инструмент. Многие прибывали семьями. Дети, обрадованные предоставленной им свободой, носились от костра к костру, оглашая вечерний воздух восторженными воплями.

На своём многовёсельном драккаре прибыли Викинги. Вооружённую топорами дружину бородатых крепких мужчин вёл за собой знакомый старик в кожаной амуниции и с неразлучной трубкой. В молчаливой группе я заметил Рыжего Рагнара, нёсшего на спине огромный рюкзак. Колонисты рассаживались у огня, поглядывали на чернеющий пустырь, где раньше стоял красивый дом с резной террасой. Начинались разговоры:

— Мурам ещё здорово повезло.

— Что ты несёшь, Филипп?!

— Вихрем могло унести всю семью.

— Теперь им это не грозит. Снаряд дважды не попадает в одну воронку.

— Какой снаряд?

— Артиллерийский. Выпущенный из пушки. Да с кем я говорю? Ты ни одной книжки в жизни не прочитал, Бак Кен!

— А я согласен, что Мурам повезло. Ещё при свете я осмотрел участок, где стоял дом. Унесено всё подчистую!

— И это ты называешь везением?

— А то! Вон Филипп—плотник с опытом. Он тебе скажет, что легче: восстанавливать дом из обломков или рубить новый на чистом месте.

Знакомый мне Филипп подтвердил:

— Строить легче.

— Парни, а у меня идея!—воскликнул колонист в широкополой шляпе.—Я отдаю Мурам свой коттедж, а мне на этом месте вы поможете построить лачугу!

— Ты хитрец, Ли. Услышал, что говорил Григорий про снаряд.

Все рассмеялись; я хотел было отойти от костра, но плотник Филипп меня заметил:

— А-а, здоро́во, новенький. Присоединяйся. Будем уху есть.

Он подвинулся, освобождая мне место на принесённом откуда-то бревне.

Я поблагодарил его и покачал головой. Есть мне почему-то не хотелось. Оставив шумную компанию, я бесцельно побрёл по опустошённому ураганом берегу.

Вокруг костров, пронзительно визжа, носились дети. Среди них я вдруг заметил подростка, мальчишку лет двенадцати. Длинноногий, в широченных шортах, видимо, принадлежавших ранее какому-то здоровяку, он догнал убегавшую девчушку и что было силы хлопнул её рукой по спине. Девчушка упала и заплакала. Я схватил акселерата за руку.

— Ты что делаешь?!

Мальчишка глуповато улыбался. Невольно я вспомнил лицо Боя, такое же безмятежное. Мне даже стало не по себе. Я поднял девчушку с песка, погладил по кудрявой голове:

— Не плачь. Он больше не будет.

От костра к нам направилась грузная фигура. Пожилой колонист протянул руку:

— Боб Хелл. Вы уж простите моего парня. Ту мач брон энд ту литтл брейнз.

— «Слишком много мускулов и слишком мало мозгов»?

Боб Хелл улыбнулся.

— Так когда-то говорили на моей родине.

— Понимаю. Мальчуган у вас недавно?

— Год. Земной. Мы с женой бездетные. Тим—добрый мальчик, хотя и недотёпа ещё.

Колонист казался очень огорчённым, и я смягчил тон.

— Полагаю, ваш Тим сделал это не со злобы,—сказал я.—Мальчишка просто увлёкся игрой.

— Как хорошо, что вы это понимаете.

Мы посмотрели друг на друга. Я приподнял бейсболку и пожелал ему доброго вечера. «Подкидыш» выглянул из-за его спины:

— Приятного сна!

— Тебе тоже,—усмехнулся я.

Девчушка убежала, а я смотрел вслед удалявшейся паре. Толстяк шёл, положив руку на плечо Тима, и что-то ему говорил. Идиллическая картина едва не растрогала меня. Я наблюдал за ними, пока они не скрылись в темноте, затем спустился на галечный пляж, к воде.

Высоко в небе плыли звёзды, серебряная полоса Млечного Пути раскинулась поперёк ночного купола. Царила тишина, нарушаемая лишь слабым эхом голосов и плеском воды о прибрежные камни.

Глядя на звёздные огни, я размышлял о людях, сидевших у костров на перепаханной смертоносной стихией земле.

Что привело их сюда, в чуждый мир? Это казалось мне загадкой. Какой порыв побудил людей отказаться от благополучия, комфорта и покоя и отправиться навстречу опасностям, а возможно, и гибели? К какой цели они стремятся? Мне пока не удалось уяснить себе этого, но, как мне могло показаться, колонисты Сиесты не преследовали каких-то особенных целей, вроде покорения дикого мира, и что их жизнь на планете посвящена была чему-то совсем другому. Чему—этого я как раз не мог понять. Я бросил размышлять о том, зачем они прилетели на Сиесту, и поставил себе вопрос шире: зачем люди вообще отправляются в космос? Не учёные, не исследователи, а *просто люди?* На Земле всем хватает места.

Так ничего и не решив, я оставил отвлечённые размышления.

Я чувствовал тяжесть и разбитость в теле. Не считая первого дня, такого со мной тут ещё не было. Нервы! «Надо искать место для ночлега»,— подумал я рассеянно. Свою палатку я отдал в пользование Мурам.

— Сарай,—сказал себе я.—Самое подходящее место для ночлега художника-скитальца.

...Люди по-прежнему сидели у костров. Обсуждали планы на завтрашний день. Детей видно не было—очевидно, спали в палатках. У одного из костров я нашёл Чака Мура. Рядом с ним сидел на корточках представительного вида колонист в белом костюме и белой широкополой шляпе.

— Вот, познакомься, Ал,—сказал Чак.—Наш мэр. Александр Бергер.

— Очень приятно,—пробормотал я.—Прошу прощения. Я это... бай-бай пошёл. Так что ещё раз прошу прощения...

И, повернувшись, я поплёлся в сторону, где, по моим расчётам, располагался дощатый сарай. Ноги едва переступали, словно их налили свинцом.

Дотащился...

Дверь сарая была распахнута. Наружу падал свет, и доносились женские голоса. В сарае, оборудованном под столярную мастерскую, на досках, положенных на ящики, сидели пять или шесть колонисток. Среди них я заметил Марту. Она уже не выглядела такой несчастной, как несколько часов назад.

— Ал, что с вами?—воскликнула она.—На вас лица нет!

— Я ищу свой рюкзак,—сказал я.—Там аптечка... Говорите, там?

Я шагнул по указанному направлению, и тут это случилось. Верстак, на котором горели свечи, острым углом со страшной силой ударил меня в бедро. Я пошатнулся и упал на пол. В глазах у меня потемнело, а вокруг головы загудела глубокая тьма.

«Этюд в чёрно-белых тонах»

Джилл Хасси, неподвижный, с покрытым инеем лицом, сидел в ногах моей постели и застывшим взглядом смотрел прямо на меня. Бледно-голубые глаза его были как два кусочка льда. Ледяные сосульки свисали с острого подбородка и носа; обжигающий холод исходил от его заиндевелой фигуры.

Дрожащими губами я проговорил:

— Средневековые у вас нравы при дворе. За служебную оплошность—и в жидкий азот. Позвольте, сниму с вашего носа эту сосульку.

Я протянул руку и сейчас же отдёрнул: жуткая гримаса исказила вдруг лицо мумии. Прямо надо мной нависла чёрная физиономия блэки.

И тут я услышал возглас женщины.

Я поднял веки и тут же зажмурился от резкого сияния, бившего прямо в глаза. Я лежал на жёсткой кушетке в комнате с голыми деревянными стенами. Голова покоилась на мягкой подушке. На изножье кушетки, положив руки на колени, сидела незнакомка; рядом с ней стояла маленькая девочка. Я видел их силуэты на фоне ярко освещённого большого, до пола, окна.

— Где я? Это ведь не сарай Муров.

Я попытался приподняться, но комната бешено завертелась, и я рухнул назад. В глазах закружились чёрные точки.

— Вы в нашем лазарете. Я Нина Гроусс, местный врач.

— Врач...—эхом отозвался я.—Лазарет. Это означает...

— Да,—подтвердила Нина Гроусс, и по голосу было слышно, что она улыбается.—У вас перемежающаяся чёрная лихорадка. Колонисты считают её чем-то вроде вступительного взноса в клуб охотников, часто посещающих лес. Разносчик болезни—психрогнус.

Я вздохнул. Толстый Нед не зря мял пальцами мою физиономию.

— Я рад, что перемежающаяся.

— У вас крепкий организм. Обычно из бредового состояния человек выходит не раньше чем через сутки. Вам хватило ночи.

— Значит, жить буду?

— О, несомненно. Правда, приступы какое-то время будут повторяться. Но это не опасно.

Распластаться на полу, конечно, не очень опасно.

— Надеюсь, без чертовщины в голове приступы будут?

— Лично я не переболела,—призналась Нина Гроусс,—но пациенты рассказывают, что временами утрачивают цветоощущение и видят всё чёрно-белым. Через полгода это проходит.

Я снова закрыл глаза и кивнул.

— Этюд в чёрно-белых тонах,—промямлил я.— Мой сиестский пленэр потерпел окончательный крах.

— Простите, вы о чём?
— Ничего, это я так.

Шестилетняя девочка, очевидно, ждавшая, когда мы закончим медицинский разговор, обратилась ко мне:
— Тебя ведь зовут Ал?
— Ал. Алекс. Алексей. На выбор.
— Я тебя буду звать Алексей. В сказках у принцев всегда длинные имена.
— Я что, похож на принца?
— Ничуточки. Настоящий принц не стал бы хватать мою маму за нос!

Я хотел объяснить, что виноват не я, а деспот феодального государства, заморозивший живьём несчастного Джилли Хасси, но стук в дверь прервал нашу беседу.
— Войдите,—откликнулась хозяйка лазарета.
— Мы тут привезли вещи,—произнёс знакомый голос, и через порог, мягко улыбаясь, шагнул с рюкзаком за спиной Цыган Джо.

Он был не один. За ним следовал веснушчатый белокурый подросток в яркой футболке и красных шортах, нёсший на плече мой многострадальный этюдник. Картон для этюдов был аккуратно привязан к чемоданчику.
— Здрав-ствуй-те,—старательно разделяя слоги, поздоровался он.

Вот так та-ак, подумал я. Цыган обзавёлся «братиком».

Я посмотрел на Нину Гроусс. Она тоже с интересом смотрела на «подкидыша», но, кроме любопытства, никаких других чувств на её лице не отразилось. С крепкими нервами здесь женщины!
— Положите вещи туда,—показала она.

Стараясь сохранить хладнокровие, я спросил у Цыгана:
— Как строительство?
— Первые венцы уже положили. День-другой—и новоселье!

И, пожелав мне скорейшего выздоровления, «ходоки» удалились.

Эти заметки я пишу, не отмечая дат. Причина простая: на Сиесте нет календаря. Колонисты до сих пор не завели его. Сельского хозяйства, простейшего огородничества у них нет. У древних египтян, с их разливами Нила,—у тех, может быть, и надо было вести точное времяисчисление. Здешним же охотникам и собирателям достаточно посмотреть на небо, чтобы понять, какой сейчас сезон: сухой или дождливый. Сложил два сезона—вот тебе и местный год! И только мэр ведёт учёт прожитых на планете земных месяцев и лет. Это необходимо ему, чтобы вовремя оповещать поселян о подходе очередного корабля Красного Креста или комиссии по экологическому надзору. (Собственно, я и рассчитывал на подобную оказию, когда собирался на Сиесту.)

До полного выздоровления живу в доме Нины Гроусс. У меня отдельная комната, вернее, палата на четыре койки. Одну занимаю я, три—пустующие. Нина жалуется, что теряет практику. Радоваться надо, что люди в колонии не болеют, а она жалуется! Спросил: не был ли её пациентом Нед Лоунес? В смысле, Толстый Нед. Живёт человек в лесу, весь заеден мошкой. Тремор налицо. В ответ она рассказала историю, в которой толстяк проявил себя с совершенно неожиданной стороны. Никакой он вовсе не «деревенский дурачок»! Мужик с характером. Когда санитары Красного Креста тащили его, едва живого после приступа лихорадки, к эвакуационному кораблю, он порвал им халаты и сбежал в лес. Такой вот «дурачок»!

Скука ужасная. В который раз провёл ревизию этюдника. После близнецов—тоска! Впрочем, как живописец я теперь—ничто. Мир за окном вижу как кадры музейной киноплёнки: чёрно-белый, в каких-то мелькающих пятнах. Вне дома и того хуже: мерещится в кустах всякая чертовщина. Спросил у Нины—говорит: «Пройдёт». И почему я живописец, а не график? Уж чёрную тушь из сажи как-нибудь приготовил бы…

Нина—вдова. Её мужа—доктора Артура Гроусса—убило молнией, когда он рыбачил на пойменных озёрах. Как раз тогда родилась Лиз. У матери пропало от потрясения молоко. Выручили чадолюбивые Викинги. Отловили в лесу самку блэки, заперли в клетке и вакуумным аппаратом доили её. Поили и своих отпрысков, и с вдовой делились. Удивительно здоровыми младенцы росли! Марта узнала о происхождении молока гораздо позднее. По наивности она думала, что Сигурдссоны контрабандой провезли на планету коз.

Разговариваем каждый вечер. Часто подолгу. После того, как заснёт Лиз. Нина призналась мне, что ни она, ни её покойный муж никогда не состояли в «зелёном движении». На Сиесту отправились исключительно из любопытства. Порой странные поступки мы совершаем.

Лиз шесть лет. Похожа на свою мать—те же льняные волосы, те же серые глаза. Для своего возраста совсем недурно рисует. Я с интересом просмотрел её альбомы. Абсолютное чувство композиции. Для своих акварелей девочка использует сок растений и ягод, которые сама собирает неподалёку от дома. Меня это весьма заинтересовало. Лиз охотно отвела меня на ближайшую поляну, где показала, какие растения надо брать, чтобы получить тот или иной колер. До чего всё-таки сообразительные дети в колониях!

Сегодня заявил Нине, что осматривать силки отныне буду я. («Не женское это дело».) Она не возражала. Прежде чем отпустить меня на охоту, поинтересовалась моими снами. Потом заставила

выпить кружку поразительно горького настоя. Наблюдая за гримасами на моём лице, заметила, что не хотела бы потерять единственного своего пациента. «Я нормально себя чувствую».—«Ну, неизвестно, что с вами будет в лесу».—«А что со мной там может быть?»—«Сон разума рождает чудовищ». Я вспомнил сосульку на носу замороженного Хасси и поблагодарил её за напиток.

Ура! Сегодня поймал первую в своей жизни рыбу. Скользкое чудище смотрело на меня такими скорбными и укоризненными глазами, что я чуть было не выпустил несчастную тварь назад в реку. Едва сдержал себя. Сказал себе, что это мой долг, долг мужчины—кормить одинокую женщину и её ребёнка. В кухне наблюдал любопытную сцену. Прежде чем заняться разделкой моей добычи, Нина предложила Лиз понюхать рыбину. «Есть можно»,—сделала заключение девчушка и принялась с интересом рассматривать мои обожжённые руки; сачок я не взял, рыбу вытаскивал из воды руками и, как видно, потревожил слизь в камнях. К счастью, обошлось без кипятка. Во время ужина спросил Лиз, как она определила, что рыба съедобна, а не ядовита. Девочка посмотрела на меня как на недоумка: «Так пахнет же…» Я был восхищён адаптацией сиестских детей к новому миру. Нет, эти тут не пропадут!

В своей новой лодке (старый добрый катамаран унесло смерчем) приплыл Чак Мур и пригласил нас всех на новоселье. Дом был не так красив, как прежний. Зато был «застрахован» от повторной атаки стихии, что особо подчёркивали строители. Расселись за наскоро сколоченными столами на голом дворе. Народу—наверное, полколонии. Те, кому не хватило места, устроились на брёвнах, уложенных рядами друг против друга. Пили пиво из местных злаков, закусывали шашлыком. Гитары, банджо. Было очень весело. Меня и Нину с дочкой Муры усадили рядом, придвинув плотно с двух сторон.

Утром перебирал кисти. На душе—хмуро. Вошла Нина со шприцем, уколола. Поддёрнул штаны и выглянул в окно: всё тот же чёрно-белый пейзаж. Нашёл спиннинг покойного Артура, отправился на реку.

Новый гость—Рыжий Рагнар! Приплыл из своего бревенчатого форта. «Бездельничаешь?»—«Болею».—«По тебе незаметно. Я вот по какому делу, Алексей. От Мура я слышал, что ты интересуешься затерянной колонией, из которой якобы являются „подкидыши“. Ты именно тот человек, который мне нужен. Человек, сующий всюду свой нос».—«Подозрительно похоже на комплимент».—«Констатация факта. Наш общий друг Чак Мур того же о тебе мнения». После этих слов мой гость подался вперёд, навалившись локтями на стол, за которым мы сидели. «Я тоже в какой-то степени аутсайдер в колонии. Никто не хочет слушать меня всерьёз, даже родственники».—«Ты это о чём, Рагнар?»—«О Сигурдссонах! Они тоже считают, что контакт с „дикарями“ ни к чему хорошему не приведёт. Я космолётчик, Алексей, хотя и бывший. И как никто могу представить, каково это—оказаться чёрт-те где, на аварийном корабле, без какой-либо надежды вернуться на Землю. Я не исключаю, что потомки сиестских робинзонов порядком одичали, но мы не вправе говорить о них как об обречённых тёмных туземцах, не способных вернуться в цивилизацию. Что молчишь?»—«Думаю. Насколько надёжна версия с кораблекрушением?»—«На все сто процентов. Ни малейших сомнений!» Тогда я спросил его, как давно это могло случиться. Рагнар полагал, что фотонолёт (кораблей «прямого луча» тогда ещё не строили) совершил аварийную посадку на Сиесте восемьдесят земных лет назад. Ещё служа на «Козероге», он слышал от капитана историю о пропавшем корабле, старик даже показал ему ветхую карту, на которой было отмечено место крушения. Кэп был коллекционером подобных вещей. Рагнар тоже. Он снял карту на свой карманный комп. Я прикинул в уме, сколько поколений могло смениться, прежде чем родились Бой, Тим, мальчишка Цыгана Джо и другие. Не так уж и много, чтобы одичать окончательно. Отчего же тогда «найдёныши» не могут похвастать своим ки? Родители продают колонистам «брак»?! Я спросил Рагнара прямо, чего он хочет от меня. Он улыбнулся, посмотрел мне в глаза и сказал: «Хочу пригласить тебя в небольшую экспедицию. Чак говорил, что ты любишь прогулки на природе». Я едва не упал с табуретки. «Ты в своём уме? Какие прогулки?! Ко мне черти во сне приходят».—«Немного спорта твоим чертям не повредит!»—«Но почему ты приглашаешь меня? У тебя куча подходящих для такого дела родственников».—«О, я знаю, это кажется страшно мелодраматичным, но ты произвёл на меня впечатление парня что надо!»—«Оставь, не то я расплачусь». Признаться, я был польщён. «Как далеко идти?»—«О, пустяки! Километров пятнадцать-двадцать лесом, если верить карте». Я сказал, что подумаю. «Приплыву за тобой через десять дней!»—и Рагнар хлопнул меня по плечу.

Ладно… Жизнь продолжается. Хватит хныкать. Физически я здоров как бык. Сейчас допишу эти строчки и засуну тетрадь в рюкзак, на самое дно, чтобы больше не доставать.

Крутой поворот

О Господи, куда это меня занесло? Какое жуткое место… Чёрные низкорослые деревья были уродливо искривлены: голые, безлистые сучья—словно сведённые судорогой пальцы. И эти пальцы

тянулись ко мне. Невольно я прибавил шагу, потом побежал. Ноги тонули в хлюпающей трясине. Не стоять на месте—засосёт! Я едва мог вытаскивать ноги из вязкого месива. Всё—не могу! Я продолжал барахтаться, хотя провалился уже по пояс, а торфяная жижа затягивала всё глубже… глубже… пока я не погрузился в неё с головой. И тут я проснулся.

Разбудил меня щелчок зажигалки. Ослеплённый, я зажмурился, а когда открыл глаза, то увидел над собой склонившееся лицо Нины, а на дощатом потолке спальни—пушистую тень её головы.

—Ты не спишь?—спросил я, чтобы хоть что-нибудь спросить.

—С тобой заснёшь… Опять кошмары?

—Так, ерунда,—я чмокнул её губами в щёку.

Она оперлась щекой на руку, поставив горящую зажигалку на прикроватную тумбочку.

—Я вот подумала: почему бы тебе не попробовать себя в сюрреализме?

—Хочешь сказать, у меня сейчас все данные к этому? Гм. А что? Это идея. Живопись душевнобольных выставляется в музеях.

—Не говори ерунды. Ты больной, но не душевно.

—А тут вы ошибаетесь, милый доктор. Душевно! Очень даже душевно!

И я сжал её в объятиях.

Потом мы лежали, глядя в невидимый потолок. Нина заговорила так неожиданно, что я вздрогнул:

—Ты вот сказал про музеи. Тебя ещё не тянет на Землю?

На секунду я задумался—так это было сейчас далеко.

—У меня здесь—ты.

—Здесь?

—Мы можем улететь.

—У меня Лиз…—и, вероятно, из опасения, как бы я не подумал, что она говорит это, рассчитывая вызвать жалость, продолжала:—Я, видно, плохая мать. До сих пор не могу точно пересчитать возраст Лиз из сиестских лет на земные года.

—Ты не мать плохая,—рассмеялся я,—а плохой математик! Обратись в мэрию. Там тебе выдадут заверенный документ. Вы же рождение детей где-то регистрируете.

—космед считает человека взрослым в двадцать один год. Дети на Сиесте взрослеют быстрее земных. Это грустно.

—Ну почему же? Плохо ли, что *наша* Лиз растёт более приспособленной к своему миру, чем мы с тобой?

—Что ты хочешь сказать?—прошептала Нина.

Я поцеловал её в губы.

—Вовсе ничего. Просто рассуждаю о том, не пора ли и мне встраиваться в ваш прекрасный мир.

Нина сшила мне для защиты от психрогнуса комбинезон из пятнистой ткани, в котором я стал похож на «солдата удачи» из старинных кинофильмов. Я посмотрел на себя в зеркало и остался доволен. К предстоящему походу с Рыжим Рагнаром в леса я готовился серьёзно. Помимо комбинезона, Нина сшила мне маску для лица из полупрозрачной ткани.

В оружейной комнате её покойного мужа оказался настоящий арсенал. Я долго с любопытством разглядывал стоявшие в шкафу карабины и ружья. Ничего подобного я никогда не держал в руках. Нина с грустной улыбкой заметила, что Артур всё это привёз, насмотревшись детских фильмов о покорителях неукротимых планет. Сам он никогда ни из чего не стрелял, и едва ли у него это хорошо получилось бы.

—Понятно. «Пик Пайка—или лопни»[5].

Нина вопросительно посмотрела на меня, но ничего не спросила.

—Пожалуйста, закрой,—сказал я ей, кивнув на шкаф.—Можешь смеяться надо мной, но я тоже не знаю, как этими штуками пользоваться.

Моя жизнь в доме Нины обрела смысл. Я уже безбоязненно ходил проверять силки, научился рыбачить спиннингом и чуть ли не бил себя кулаком в грудь, когда мне удавалось вытащить из реки рыбу размером с ладонь. Если в такой момент рядом оказывалась Нина, она с благоговейным восторгом выражала своё восхищение. Лиз—та была скупа на похвалу. Она как будто присматривалась ко мне: стоящий ли я человек?

Мы говорили о повседневных делах, порой о несущественных мелочах, вроде кулинарных рецептов и пользы местных плодов. Но старались не вспоминать о Земле. Могло показаться, что мы оба забыли о её существовании. Как бы сам собой между нами возник негласный договор избегать этой болезненной темы. Но иногда Нина нарушала табу.

Однажды поздним вечером мы сидели на террасе и беседовали о всякой ерунде. Когда окончательно стемнело, мы подняли головы—над нами было небо, полное звёзд.

—Ты что-то сказала, Нина?

—Нам уже никогда не улететь отсюда… Мне и Лиз.

—Глупости. Лиз—не «подкидыш», которому не оформишь документ о рождении. Когда Лиз исполнится двадцать один год по земному…

—…она уже не будет землянкой,—судорожно глотнув рыдание, докончила Нина.—Как ты не понимаешь, Алексей: на Земле она всегда будет *пришельцем*… Как и все здешние дети.

—Ты…—начал было я, но успел вовремя сжать губы.

Всё именно так, как она говорит. Какие слова я должен сказать ей в утешение? «Я тебя люблю

5. Лозунг золотоискателей времён золотой лихорадки. Труднодоступная вершина Скалистых гор.

и никогда, никогда не покину»? Да, это те слова, которые я мог сейчас ей сказать.

И я их сказал.

Конец сказке

Это был странный участок леса. Огромные мегадендры, возносившие над нами недосягаемый шатёр крон со свисавшими вниз канатами лиан, внезапно расступились, будто кто-то специально выкорчевал исполинские деревья и унёс в неизвестном направлении, высадив на их месте эти ужасные плотоядные кусты, знакомство с которыми я уже имел. Над нашими головами синело небо (цветоощущение вновь вернулось ко мне), которого мы не видели весь путь от реки. Над смрадными зарослями поднималась на фоне синевы какая-то громада—то ли скала, то ли пирамидальная башня, опутанная сверху донизу лианами, так что понять, что это было, мы не смогли. Мне, бывавшему в Юго-Восточной Азии, заросшая громада напомнила затерянный в джунглях храм, с той разницей, что на лианах не висели мартышки. Ещё тридцать-сорок шагов—дальше пройти невозможно.

Рагнар достал из нагрудного кармана своего «москитеро» миникомп и с бесстрастным выражением лица долго водил пальцем по экранчику; потом посмотрел на меня и сказал:

— Если верить карте моего капитана, это здесь.

— Не может быть. Так близко от поселения?

Рагнар пожал плечами.

— Это поселение оказалось так близко от места древней аварии.

Некоторое время опутанная ползучими зарослями пирамида приковывала мой взгляд. Если это действительно старинный фотонолёт, то тело корабля как раз и должно иметь такие обводы—острый нос и широкая корма. Участок леса, очевидно, был когда-то сожжён беспощадным лучом фотореактора. На спёкшейся оплавленной почве вырасти смогли только растения, питающиеся живой добычей.

У Рагнара был топорик, но здесь требовалось орудие типа самурайского меча. Мы собрались было обойти чащу вокруг в надежде найти доступный путь к пирамиде, как вдруг Рагнар указал на едва различимую тропинку. Судя по полуистлевшим веткам колючего кустарника, лежавшим на земле по обе стороны тропинки, здесь когда-то поработало мачете. Впрочем, свежесрубленные сучья здесь тоже имели место быть. Почва под ногами поросла сухим, пылящим спорами слоем мха. Случайно направив взгляд под ноги, я увидел на тропинке череду каких-то пятен, похожих на отпечатки подошв.

— Я не следопыт,—сказал я,—но это следы ботинок!

— Вперёд,—бросил Рагнар.

Мы натянули на лоб капюшоны своих «москитеро» и, увёртываясь от унизанных шипами веток, пошли за следами. Наш предшественник (спасибо ему!) прорубил в кустарнике достаточно безопасный тоннель. Двигаясь по нему, мы в конце концов оказались перед загадочной пирамидой.

Ну нет, это никакая не скала и не древнее сооружение гипотетических сиестских аборигенов!..

В центре безлесного пространства, опутанный переплетением лиан, поблёскивал мощной выпуклостью корпус корабля.

Мы остановились перед клетью мёртвого подъёмника, всё ещё не веря в то, что изнурительный путь окончен и мы у цели.

— Я представлял фотонолёты гораздо бóльшими,—сказал я.

— Ну да. Светоотражатель в километр. Ерунда! Проблема в горючем—антивеществе. Магнитное поле может удержать относительно небольшое его количество. Если фотонолёт не возвращался из космоса, его уже не искали. Пробило магнитную ловушку—и только вспышка на фоне звёзд. Искать—нечего! Похоже, *эти* успели отстрелить контейнер при посадке. В противном случае тут бы был кратер величиной с Карибское море.

Я тупо спросил:

— И где теперь этот контейнер?

— Полагаю, самоуничтожился на орбите Сиесты. Контейнер с антипротонами ребята сбросили, а сами тут остались. Такой вот расклад был в те времена, Алексей.

Суровый расклад, подумалось мне.

Клеть подъёмника оплели ползучие стебли. Пришлось лезть по скобам, служившим на звёздном корабле чем-то вроде штормтрапа. Рагнар поднимался первым. Он добрался до люка, без труда откинул массивный круг и исчез внутри. Я нырнул следом. Песок, мелкий и лёгкий, лежал тонким слоем на полу кессона: ветер вдул его туда сквозь щель люка, видимо, оставленного приоткрытым. Следы были и тут. Правда, нечёткие.

Внутри корабль был освещён: Рагнар объяснил, что это аварийное освещение, и электричество для него дают изотопные батареи, способные работать десятки лет. Помещения старинного корабля открывались перед нами—пустые, покинутые, бедно освещённые; всюду лежали второпях брошенные вещи, в основном предметы одежды, обувь. Вероятно, катастрофа застала экипаж во время ночного отдыха. Что это было? Удар метеорита? Других версий в голову мне не приходило.

Рагнар решил подняться в ходовую рубку.

— Там и разберёмся, что случилось с кораблём,—сказал он мне и добавил:—А может быть, и нет.

Лифт осевой шахты не работал, и подниматься пришлось по лесенкам, протискиваясь в узкие отверстия межпалубных люков. Никаких следов разрушения на корабельных ярусах мы не заметили.

Тусклый свет аварийных ламп освещал аккуратно прикрытые двери кабин и служебных постов.

Вот и рубка. Полукружье пульта, утопленные в стены зеркальные экраны: точь-в-точь как в фильмах о первых звездоплавателях, увлекавших нас в детстве. Перед пультом — три мощных гидравлических кресла: командир, первый пилот, второй пилот. В фильмах до критического момента в рубке сидит вахтенный, остальные члены команды — в анабиозе; полёт-то длится десятилетия. Но так было в фильмах. В центральной рубке корабля, обнаруженного нами, в командирском кресле сидел труп человека в слишком свободном комбинезоне с золотыми нашивками на рукаве. Оба мы уставились на командира фотонолёта. Это была, собственно, мумия с серой кожей, присохшей к костям.

— А где же остальные? — задыхаясь, дрожащими губами прошептал я.

Рагнар тоже был потрясён.

— Я догадываюсь где… Спустимся двумя палубами ниже. Погоди… — он повёл взглядом по помещению. — И накрыть человека нечем. Придётся так оставить.

Двумя палубами ниже располагался отсек, закрытый тяжёлой дверью. Ещё поднимаясь вверх, я обратил на неё внимание. Собственно, не на дверь, а на светящийся транспарант над ней: «–20 °C». Морозильник? Я понял, что это за помещение, когда мы вошли внутрь отсека. Две длинных шеренги продолговатых блестящих ящиков, подозрительно погожих на саркофаги, уходили в конец помещения.

Ну конечно же! Это гибернатор. Звёздные экспедиции до появления кораблей «прямого луча» длились годы, а то и десятилетия. Сжатие времени на субсветовых скоростях хотя и давало свой эффект, но радикальным средством сохранения молодости космолётчиков оставался анабиоз — состояние между жизнью и смертью. Под прозрачными крышками саркофагов мы насчитали тридцать два человека — все мужчины. Легенда о «затерянной колонии» рассыпалась в прах!

— А что же капитан? — спросил я Рагнара. — Почему он не с ними?

Рагнар посмотрел на меня как на конченого идиота.

— Каким образом он сам себя заморозил бы, если все кнопки снаружи?

— Самоотверженный человек.

— При морских кораблекрушениях капитан покидал тонущее судно последним. Этот совсем не покинул. Оставил люк незапертым и нёс свою долгую вахту, пока не умер.

— Почему он не послал сигнал СОС?

— Видимо, он его послал, если команда решила дожидаться помощи, лёжа в анабиозе. До Земли сколько парсеков?

Я понял смысл его слов.

— Люди не рассчитывали, что доживут до прилёта спасательного корабля. Нам надо срочно возвращаться в посёлок… Есть в колонии специалисты в крионике?

Рагнар угрюмо хохотнул.

— Есть. Джилл Хасси, — он посерьёзнел, в светлых глазах его появилась задумчивость. — Боюсь, ничего не удастся сделать.

— Что ты хочешь сказать? — прошептал я.

— Температура в гибернационных боксах. Двадцать градусов мороза слишком мало для сохранения человеческого организма в состоянии полного анабиоза. Скорее всего, напряжение тока с годами упало, автоматика дала сбой.

— Умерли… — скорее делая единственно возможный вывод из этих слов, чем спрашивая, проговорил я.

— Как и красивая сказка о «затерянной колонии».

Назад мы шли в угрюмом молчании, и только на подходе к реке Рагнар сказал:

— А ведь тот, кто оставил следы в корабле, законченный негодяй!

События, события, события…

После похода с Рагнаром к мёртвому звездолёту прошла целая неделя, которую я полностью провёл дома. Я не оговорился. Нинин дом теперь был и моим домом. Поистине ирония судьбы. В принципе, я должен быть благодарен психрогнусу, уложившему меня на больничную койку.

Весть о нашей невероятной находке в лесу распространилась по посёлку со скоростью таёжного пожара. Буквально на другой день по возвращении из похода ко мне приплыл на своей лодке мэр Александр Бергер (тот самый Александр Бергер в белой шляпе, которому представлял меня Чак) и показал текст радиограммы. Радиограмма была экстренная, адрес — база Террис. Я прочитал написанные от руки строчки:

> Обнаружен потерпевший крушение корабль-звездолёт постройки прошлого века. На борту мёртвое тело, тела тридцати двух человек в анабиозе.
>
> *Мэр колонии Сиеста Бергер*

— Вы подтверждаете факт находки корабля, господин…

— Мазин.

— …господин Мазин?

— Странный вопрос. Разумеется.

— Тогда распишитесь на бланке. Да. Здесь, рядом с подписью господина Сигурдссона.

— Зачем это.

— Радиограмма составлена на основе информации, полученной с ваших слов. Ваших и слов Сигурдссона, заручившегося и за вас.

Я расписался.

— Вы идеальный чиновник, господин мэр.

— Спасибо.

Я проводил Бергера до лодки. Подумал, что Рагнару, знавшему характер мэра, следовало ещё там, на фотонолёте, сделать несколько снимков. Дело-то нешуточное — с соседнего Терриса наверняка направят корабль. Мэр со своей радиограммой брал на себя большую ответственность.

А события не заставили себя долго ждать…

По реке одна за другой неслись лодки — именно неслись, так бодро работали вёслами гребцы. Это походило на гонку-регату, если б не доносившиеся из лодок крики:

— Хасси убит!

Я стоял со спиннингом на берегу, когда одна из лодок резко повернула в мою сторону. Чак Мур!

— Бросай рыбалку! — приказал мне гигант, табаня веслом, чтобы я мог вспрыгнуть на корму.

— Нине надо сказать…

— Потом, потом…

Лёгкая лодка неслась, едва касаясь воды.

Вот и остров. Я уже издали увидел толпу людей на Мосту. Одни стояли спокойно, другие оживлённо жестикулировали, повернув головы в сторону лавки.

Как только я ступил вслед за Чаком на Мост, меня ожидал первый сюрприз, и отнюдь не неприятный: я отметил бесспорный рост своего авторитета. На меня уже не смотрели как на праздного туриста. В глазах людей я заметил живой огонёк интереса. Было такое впечатление, что все до единого знали о моём непосредственном участии в поисках звездолёта.

Мы протиснулись к двустворчатым дверям под аляповатой вывеской «Обмен вещей. Дж. Хасси». У дверей стояли двое с серьёзными лицами. Вроде как охраняли вход.

— Он там? — кивнул Чак на дверь.

— Там, в спальне, — последовал ответ. — За шерифом уже послали. Впрочем, можете посмотреть, если есть охота.

Вероятно, Чак Мур пользовался в колонии авторитетом. Хорошо быть таким огромным. Он толкнул створки дверей, за которыми сиротливо звякнул колокольчик, и мы оказались в уже знакомом мне помещении. Невольно мой взгляд скользнул по стене с объявлениями. Кажется, *тот листок* всё ещё на месте. Мы прошли через проход за барьер. Дверь, которая вела в продолжение дома, была широко распахнута. Сразу за дверью находился склад принесённых на обмен вещей; полки на стенах были завалены предметами домашнего быта и детской одеждой, очевидно, ставшей ребёнку тесной. Хасси не откажешь в предприимчивости. Из склада вверх вели крутые ступеньки — в мезонин.

— Чак, мы не помешаем следствию? — спросил я, прежде чем подняться наверх.

— Какому следствию? Ты полагаешь, шериф у нас всамделишный? Мы избрали Бэнка в шерифы, потому что он бывший егерь из Танзании. Берёг животных от шизофреников-браконьеров.

Чак поднялся по лестнице первым, сделал пару шагов и замер, преградив путь мне. Мне пришлось шагнуть в сторону, чтобы разглядеть помещение. В комнате было светло. Лучи солнца падали через широкое слуховое окно. Оно имело открывающиеся половины и было настежь раскрыто. Тем не менее в комнате стоял чудовищный запах. Прямо у ног Чака неподвижно лежало и само чудовище. Я вздрогнул.

Это был мёртвый блэки.

Обезьяна лежала навзничь, с полусогнутыми ногами, прижав шестипалые лапы к рассечённому до кишок животу. Не надо было быть ксенозоологом, чтобы понять, что блэки была самкой.

— О Господи, — еле слышно простонал я, стараясь сдержать тошноту. — И кто её, беднягу, так?.. — я поднял голову.

На полу, неподалёку от трупа обезьяны, лежал человек. Я видел одновременно и его спину, обтянутую блестящим халатом, и его лицо, повёрнутое анфас.

Это был Джилл Хасси, сиестский меняла и джентльмен. У него была свёрнута шея. Перед смертью он оборонялся саблей. Окровавленный клинок лежал неподалёку.

Я отбежал к окну и высунулся по пояс. Вытирая рот платком, подумал: «У сиестских животных кровь тоже алого цвета».

Заскрипели ступени лестницы. В спальню Хасси поднялся крепкого сложения темнокожий мужчина в широкополой стетсоновской шляпе и тёмных очках; ни дать ни взять хрестоматийный ковбой: белые ботинки, лимонного цвета рубашка, широкий ремень. С некоторым удивлением мужчина поглядел на нас, нахмурился было, но, узнав Чака, улыбнулся, показав великолепные зубы. На секунду его взгляд задержался на мне.

— Шериф Бэнк, — прикоснулся он к полям шляпы.

Я тоже представился.

Бэнк лёгким пружинистым шагом подошёл к окну и долго задумчиво смотрел в него.

— Второе вторжение экзодонта в жилище людей, — проговорил он наконец.

— Третье, — мягко поправил Чак. — В мой дом блэки тоже вторгался. Правда, ничего, кроме детской игрушки, он не тронул.

— А вот это уже интересно, — заявил бывший егерь, круто развернувшись. — У Сигурдссонов примат похищает ребёнка, у тебя — игрушку, пахнущую детьми. А что его, то есть её, — он кивнул на неподвижную чёрную тушу, — привлекло сюда? Не одеколон же Хасси.

Пока шериф размышлял над загадкой, я ещё раз осмотрел комнату. Беглый придворный на Сиесте жил скромно. Кровать со стоящей рядом тумбочкой, платяной шкаф, туалетный столик,

пара стульев. Мебель производства столяра с объявлений. Едва ли Хасси, с его ухоженными ногтями, всё это сам сколотил. Внимание моё привлекла изящная шкатулка, стоявшая на столике. Я поднял машинально крышку. Инкрустированная перламутром шкатулка была наполнена сверкающими изумрудами. Я опустил крышку: пусть шериф с этим разбирается.

И тут я вспомнил возникшее между хозяином меновой лавки и плотником Филиппом препирательство по поводу «камушков».

«Но зачем вы их принесли *мне?*—говорил Джилл Хасси.—Ну и кому ваши камни я смогу предложить?»

Это покойник за всем стоял, вдруг понял я. Именно он, Джилл Хасси, зарабатывал «кмн» на торговле детьми! Посчитав, видимо, большой ошибкой свою попытку натурализоваться на Сиесте в качестве колониста, он хотел вернуться обратно на родину. Но вернуться богачом. На Земле ещё можно было найти уединённые королевства и княжества, в которых статус человека определялся, помимо генеалогии, содержимым его «кубышки».

— Ого! Серьёзный человек был наш Хасси,—Бэнк достал из прикроватной тумбочки и продемонстрировал нам что-то похожее на миниатюрный рупор спортивного болельщика.

Но это была не «кричалка». Я сам болельщик, но подобных штук в руках никогда не держал. Рифлёная рукоятка, типа пистолетной, наводила на размышления.

— Что это?—спросил я.

— О! Это инфрафон,—Бэнк прицелился раструбом куда-то в окно.—Знакомая мне вещь. Отпугивал носорогов от туристских троп. Кстати, использовать можно как оружие. Пятнадцать-восемнадцать герц—дикий страх у противника. Пять-семь герц—смерть! Ну-ка, что у него ещё тут найдётся?..

Из тумбочки вслед за инфрафоном был извлечён мощный фонарь с солнечной подзарядкой и очки ночного видения. Шериф Бэнк долго крутил их в руках.

— Нет, он определённо совершал ночные вылазки, домосед Хасси! Не лавочник, а ниндзя какой-то!

Я хотел сказать про шкатулку, когда за стеной спальни послышался приглушённый тоскливый вой.

— Это там!—Бэнк бросил очки на тумбочку и указал на дверь, которую мы только сейчас заметили; мезонин, в котором проживал Хасси, был разделён на две половины.

Бэнк потянул задвижку и толкнул дверь. Она беззвучно отворилась. В комнате стоял полусумрак и скверно пахло, что показалось мне особенно странным, учитывая пристрастие покойного к парфюму другого рода.

Бэнк прошёл в глубь помещения, совершенно пустого, чуть освещённого солнцем через маленькое слуховое окошко, и поманил нас.

— Вы только посмотрите: так нормальные люди не поступают даже с животными!—воскликнул он.—Поделом ему блэки свернула шею! Посадить ребёнка на цепь! Это что же за человек был этот Хасси?

Тот, кого Бэнк назвал ребёнком, оказался мальчиком лет десяти. А может, и постарше. Настоящий Маугли. С густой длинной гривой волос, загорелый до черноты, худой и жилистый. Он был голый и сидел на охапке сена, брошенной на пол. Прядь чёрных волос в колтунах падала на его лицо, оставляя открытым лишь один глаз. Круглый от ужаса, глаз, казалось, превратился в один сплошной зрачок, пристально глядевший на нас. На плече у мальчишки удобно устроилось кошмарное чудище. Ощетинившаяся шипами ящерица вертела мордой и время от времени разевала пасть. У ящерицы отсутствовал хвост. Так вот, оказывается, для кого нужно было домашнее животное лавочнику.

— Бедный малыш…—я нагнулся к мальчугану.

Его шею охватывала цепь, конец которой уходил к вбитому в стену мощному загнутому гвоздю. Я помотал головой. Больше всего мне теперь хотелось проснуться и убедиться, что всё происходящее—лишь сон.

Чак одним рывком выдернул гвоздь из стены.

— Если б он не умер…

Щурясь от яркого солнца, мы вышли из лавки. Чак продолжал держать в руке конец цепи. Толпа на Мосту сгрудилась и окружила нас. Кто-то из самых слабонервных кричал:

— У мальца замок на шее! Эй, кто-нибудь может открыть замок без ключа?

Из толпы выдвинулся бородач в клетчатой рубашке, в котором я узнал Билли Хогарта, добытчика «камушков».

— Мальчонка мой!—заявил он твёрдо.—Можете глянуть на ту бумажку, что висит в лавке. Там моей рукой написан адрес. А кто не верит, тому я в лоб дам! Пойдём, парень, раскую тебя.

И, забрав у Чака цепь, Билли Хогарт повёл мальчугана за руку к своей лодке. Ящерица на плече Маугли даже не шевельнулась.

Чак оглянулся на двери обменной лавки. Вид у гиганта был на редкость мрачным.

— Хасси, этот вежливый, разумный человек! Кто бы мог подумать? Ты это куда, Ал?

— Подожди, я сейчас…

Потребовалась всего минута, чтобы забежать снова в лавку и сорвать со стены объявление, о котором вёл речь Билли Хогарт.

Старый Хогарт сказал правду. На объявлении о потерявшемся мальчике действительно было

нацарапано карандашом: «Мальчика—нам, Хогартам. Дом в два этажа на излучине». Интересно, как старик будет передавать «камушки»? И кому? То, что объявление принадлежало не руке Джилла Хасси, я установил давно.

Я сидел за столом на террасе, тупо разглядывая при свете масляной лампы смятый листок из блокнота. Над рекой—высвеченная звёздами ночь. Сзади неслышно подошла Нина и положила руки мне на плечи.

— Ломаешь голову, кто писал?

Я повернул голову и углом губ поцеловал тёплую руку.

— Не в своё дело лезу, верно?

— Ну… если ты считаешь себя не своим здесь…

Я понял, что сморозил глупость, и неловко пробормотал:

— Ты не так меня поняла. Я имел в виду сложившуюся в колонии традицию.

— Держать на цепи детей? Эта обезьяна, что свернула детоторговцу Хасси шею, заслуживает того, чтобы ей поставили памятник!

— Я с тобой согласен,—сказал я вслух, а про себя подумал: «А что, если мальчуган, найденный в доме Хасси,—ребёнок-маугли?» От этой мысли по спине моей пробежал холодок.

— Ты ложись,—сказал я Нине,—сейчас я приду.

Снился снова кошмар. С набившим оскомину сюжетом. Опять я бреду по мёртвому болотистому лесу. Снова тянутся ко мне осклизлые голые сучья. И снова меня охватывает чувство чужого присутствия. Мерзкое чувство: где-то рядом «оно», но что это, я по-прежнему не знаю. Знаю только, что за мной кто-то пристально наблюдает. И я просыпаюсь.

— Ты не спишь?—настороженно спросила Нина.

— Чертовщина мерещилась. А ты что не спишь?

— Да вот думала над этой историей… с подростками из леса… Если они даже и маугли, то кто их родители? Вы с Рагнаром нашли звездолёт, но в нём, как ты говоришь, одни мёртвые тела. Может быть, и вправду мы захватили обитаемую планету?

— Ну, во-первых, не захватили. А во-вторых, ты… умница. Спи.

— А ты куда?

— На террасу. Проветрюсь.

В полдень хоронили Джилла Хасси. В жарком климате планеты печальный обряд исполнять приходилось предельно скоро. Кладбище было расположено на высоком берегу над рекой; лес в этом месте отступал от обрыва достаточно далеко, чтобы можно было быть спокойным за сохранность могил от обрушения. Мы с Ниной пришли с цветами. На могиле Артура стояла стела с портретом: симпатичный был парень. Лиз, несомненно, была похожа на отца.

— Памятник делал мастер,—заметил я.

Нина хрипло кашлянула:

— Всё верно. Барельеф сделал друг Артура. В колонии немало людей искусства.

Я огляделся вокруг. Над немногочисленными могилами высились гранитные памятники и скульптуры. Возьмётся ли кто-нибудь облагородить место погребения Джилла Хасси, сиестского детоторговца?

Радиограмма мэра о находке старого звездолёта возымела действие. Транспортный корабль прибыл уже через неделю; горнодобытчики на Террисе были не прочь урвать себе часть славы. Прибытие тысячетонного грузового судна с соседней планеты буквально взбудоражило колонию. Пыль над космодромом не успела осесть, а корабль (тот самый «Умбриэль», на котором я совершил свою одиссею) окружила толпа. Из трюма выгрузили на неостывшую землю турболёт. В кабину забрались четверо с «Умбриэля», и с ними—Рыжий Рагнар. «Летающая тарелка» подпрыгнула на двухсотметровую высоту, на секунду-другую зависла—куда лететь?—затем уверенно устремилась на восток.

Экипаж звездолёта оживить не удалось—Рагнар оказался прав: температура в гибернаторе не соответствовала норме. Подробности расследования я узнал от него же. Очень странные подробности. Получалось так, что кто-то уже пытался вывести людей из состояния анабиоза—попытку зафиксировали приборы на пульте гибернатора. Но что-то в процедуре пошло некорректно, и размораживание тел было остановлено, что привело к необратимой смерти экипажа. Если верить приборам, попытка была произведена пять земных лет назад. Кто-то из колонистов обнаружил корабль ещё до прибытия Рагнара с его картой на Сиесту. Можно только догадываться: был этот человек специалистом в криотехнике, или он использовал классический «метод тыка»?

Приплыл на лодке Чак Мур. Торжествующий.

— Вот тебе краски, художник!—протянул он мне коробку с тюбиками.—Твори!

— Где ты взял?

— Не важно. Рассказывай, как у тебя дела?

— Ты что имеешь в виду?

— Ну… вообще.

— Всё прекрасно. Выздоровел, можно сказать, полностью. На пользу мне пошла лесная прогулка с Рагнаром. Кстати, он у меня был недавно.

И я поведал Чаку подробности расследования гибели экипажа фотонолёта.

— Специалист в криотехнике?—переспросил Чак.—Так был у нас такой специалист.

— Джилл Хасси?

— Да. После того, что мы обнаружили в его доме, я не буду удивлён, если узнаю, что Хасси совершал дальние вылазки. Кто знает, может быть, у него

была какая-то карта местности. Загадочные люди в этих забытых Богом королевствах! В их домашних музеях могут оказаться самые неожиданные вещи.
— Наверное, ты прав. Но какое отношение этот факт имеет к прикованному цепью ребёнку в доме покойного? И потом — объявление на стене лавки. Почерк другого человека.

Чак угрюмо хохотнул.
— Вижу, тебя зацепила эта история, Ал. На следующих выборах шерифа подаю свой голос за тебя.
— У меня нет такой шляпы, как у Бэнка, — заметил я. — И вообще, я прилетел на Сиесту не для того, чтобы… Погоди… Как я сказал? Почерк другого человека? Нина! — окликнул я, вскочив со стула.
— Ты меня звал, Алёша? — появилась та на пороге и настороженно поглядела на меня.
— Нина, вспомни, пожалуйста, куда я положил этюдник?
— В кладовую. Сказал, что тебе он больше не нужен.
— Спасибо, дорогая!

Оставив Чака сидеть на террасе, я устремился к дверям кладовой. Спустя минуту я вернулся, держа в руках этюдник. Бросив его на стол, принялся шарить по карманам. Да где же это объявление? Мятый листок бумаги нашёлся в заднем кармане брюк. Я разгладил его ладонью на крышке этюдника и стал сосредоточенно рассматривать чертёж, сделанный Толстым Недом, сконцентрировав своё внимание на трёх словах, написанных его рукой: «космодром», «просека», «река». Зрительная память художника не подвела. Ещё там, в меновой лавке, я обратил внимание на характерное написание буквы «р». В объявлении буква «р» употреблялась в двух словах: «потерявшийся» и «родителей».

Я покрутил головой.
— Бред какой-то! Нина, Чак, поглядите, мне не мерещится?
— О чём это ты? — осведомилась Нина.
— Буква «р», — сказал я лаконично.

Чак, всё ещё сохраняя невозмутимый вид, спокойно взял с этюдника затёртый бумажный листок.
— Да… гм… Ну, во всяком случае, некоторое сходство почерка есть, — он протянул бумажку Нине. — Посмотри, пожалуйста. Женский глаз более точен в таких вещах.

Нине потребовалась всего минута, чтобы сделать заключение:
— Могу сказать определённо: человек, писавший это, болен.
— Душевно или физически? — спросил я.
— Всего понемножку. На его месте я бы вернулась на Землю.
— К сожалению, у него нет теперь такой возможности.

Чак, терпеливо слушавший нас, не выдержал наконец.
— Объясни, Ал, чей автограф на твоём этюднике, и хватит уже темнить, — попросил он меня.
— Я что, темнил? — ухмыльнулся я. — Чего тут непонятного?
— Кто разрисовал твой этюдник?
— Нед Лоунес. Ваш «деревенский дурачок». Я же тебе рассказывал о нашей встрече.
— Не могу поверить!

Чак не очень тактично выхватил бумажку из руки Нины и снова стал сравнивать написание букв на чертеже и объявлении, сорванном мною в обменной лавке. Мы с Ниной ждали, что он скажет.
— Лопни мои глаза, одна рука писала! — произнёс он наконец.

Мы вышли, когда только начало рассветать. На планетографической широте, где располагалась колония, рассвет начинался с момента, как только погасали звёзды. Когда по заметённой песком просеке мы вышли на космодром, над дальней стороной леса взлетел, словно подброшенный катапультой, диск солнца. Время на Сиесте более торопливое, чем на Земле. При патриархальном укладе жизни, к которому теперь вынужден был приспосабливаться и я, у колонистов перестройка биоритмов прошла, как ни странно, быстро и безболезненно. Чак был бодр, словно проспал восемь полноценных земных часов. Я же продолжал всё ещё зевать.
— Ты уверен, что знаешь дорогу? — спросил я его, когда мы подошли к вышке приводного маяка.
— Ты прямо с Земли свалился! Мы же строили жильё всем миром друг другу. И Лоунесу. Правда, он выбрал место в лесу. Психрогнус наверняка одобрил его выбор.

Низину с плотоядным кустарником мы обошли стороной. Безлесная вершина холма, где я останавливался с палаткой в день прибытия, вызвала у меня почти ностальгическое чувство.

Поворотный пункт в моей жизни, подумалось мне. Здесь я подвергся атаке летающих кровососов, результатом которой была болезнь и встреча с доктором Ниной Гроусс. Неисповедимы пути Господни! Так, кажется, говорили когда-то.

В глубь леса мы шли по компасу. Если не ошибаюсь, мы двигались на северо-восток. В том же направлении располагалось место падения старинного фотонолёта. Всё верно: вот и озеро, мимо которого в прошлый раз мы прошли с Рагнаром Сигурдссоном. У меня было такое чувство, будто это происходило сто лет назад.

Озеро стояло тёмно-синее, с сероватыми каменистыми берегами: лес непроницаемой отвесной стеной отгораживал неподвижную гладь от окружающего мира, но нигде деревья не подступали к самой воде. Приземистое строение на том берегу даже не имело окон, чтобы его можно было назвать жилым домом. Но тянувшийся из печной трубы

дымок как будто указывал на то, что строение обитаемо.

— А мы ведь тут уже были,— сказал я.— Я и Рагнар. Но мы очень спешили. Боялись, что нас накроет полуденным туманом. К счастью, тот день был не очень жаркий, деревья не вспотели.

— Лоунес поделился бы с вами своим фирменным репеллентом,— отозвался Чак.

К зарывшейся в землю избушке со стороны озера вела тропинка. Ничего похожего на дверной молоток, успешно заменявший в домах без электричества звонок, на низкой входной двери не было. Вообще, дом Толстого Неда напоминал укреплённый бастион: двери из толстых плах, окна наглухо закрыты ставнями.

— Хозяева!— забарабанил кулаком в дверь Чак.

В ответ послышался лязг запоров, и навстречу нам выглянула загорелая физиономия Боя. Физиономия, надо сказать, давно не мытая. Мальчуган явно узнал меня и распахнул дверь шире. Чаку пришлось согнуться чуть ли не вдвое, чтобы пройти в жилище. Я скользнул следом. Бой тотчас захлопнул за нами дверь и загремел засовами.

— Нед так велел,— объяснил он.

Духота, полумрак, тлеющая на столе масляная плошка с горящим фитилём. Если дом Неду Лоунесу колонисты строили по его же проекту, то у бывшего профессора престижного университета была несомненная тяга к жилищам типа киношных военных землянок. Не совсем, конечно: окна и двери всё-таки поднимались на некоторую высоту над уровнем грунта. Правда, всё было наглухо закрыто.

— Кто там?— раздался из полусумрака голос, который я узнал.

— Чак Мур и Ал Мазин. Нужно поговорить.

Лежавший на койке толстяк, кряхтя, поднялся и приглашающим жестом указал нам на стол с придвинутыми к нему табуретками. На столе царил жуткий беспорядок. Немытые миски, баночки каких-то лекарств, пучки сухих трав, а поверх всего этого— короткоствольный карабин, оборудованный каким-то сложным прицелом. Профессор, видимо, знал толк в этом деле. Ещё на столе я заметил инфрафон, такой же, как у покойного Хасси. Иззубренное мачете дополняло арсенал.

— Извините, угостить ничем не могу,— развёл руками хозяин.— Бой,— обернулся он в сторону,— принеси людям воды.

— Не надо воды, Бой,— сказал Чак и щёлкнул пальцами.— Дай, пожалуйста, эту бумажку, Ал.

Я достал из кармана и протянул ему объявление о потерявшемся мальчике.

— Ведь это ваш почерк, Нед Лоунес?— Чак развернул сложенный вчетверо бумажный листочек и показал его хозяину дома.

— Ну да. Писал я. Хасси только клеил на стенку. Это его идея— пристраивать мальчишек в бездетные семьи.

— За стекляшки?— подсказал Чак.

Толстый Нед улыбнулся:

— Граф Монте-Кристо. Ископаемый человек. Хасси собирался вернуться в своё королевство. Но очень богатым. В его представлении, конечно. Смешно, правда? Должно быть, люди его маленькой страны застряли во времени,— вздохнул он.— Но разве можно их упрекнуть? Оказавшись на их месте, я и сам, возможно, стал бы таким же.

Лоунес умолк. Глаза профессора были обращены куда-то вдаль— словно он заметил что-то на горизонте… Впрочем, горизонты из его забаррикадированной избы не открывались— хотя бы потому, что на окнах были закрыты ставни.

— А вы ни слова не сказали, откуда вдруг взялись все эти ваши мальчишки, и Бой в том числе?— спросил я, прерывая молчание.

— «Подкидыши»? Так я их клонировал. Брал хромосомы от мертвецов в звездолёте и имплантировал материал в яйцеклетку самки экзодонта, яйцеклетку, лишённую предварительно собственного ядра. Операцию проводил в медицинском отсеке звездолёта. Будущую «мать» загонял туда инфразвуком— и под наркоз! Физиологически самка блэки— та же земная женщина, только покрупнее.

— Боже милостивый!— пролепетал я.

Казалось, сейчас в моей голове осталась лишь одна мысль: рвануться к выходу и сломя голову бежать отсюда. Я оглянулся на Чака:

— Да он сумасшедший! Нина по почерку определила.

— Я мучился угрызениями совести,— обиделся профессор Лоунес.— Это была моя идея— разморозить экипаж старинного корабля. Я хотел вернуть людей к жизни. Звездолёт я обнаружил в лесу случайно. А Хасси пригласил как технического специалиста. Вы же знаете его историю…

Он на секунду отвёл глаза.

— Если бы не вмешались вы в это дело, можно было бы с полной уверенностью сказать: я вернул бы к жизни всех членов экипажа, создав их клоны. Я учёный, доктор наук. И мои успешные опыты тому подтверждение. Разве я не заслужил уважительного к себе отношения?

Чак поднял брови:

— Как интересно! А не скажете, док, за что вас выперли из университета? Сдаётся мне, за ваши успешные опыты. Я прав?

Лоунес ошеломлённо моргнул помутневшими глазами, но не нашёлся с ответом.

— Твоя Нина права,— обращаясь ко мне, произнёс Чак.— Я читал книгу одного англичанина, если не ошибаюсь, его звали то ли Роберт, то ли Герберт Уэллс. В его романе тоже был учёный, доктор по фамилии Моро. Делал из зверей людей. Шизик. Кончил плохо.

Сейчас голова моя всецело была занята другим вопросом. Сколько лет профессор практикует

клонирование на Сиесте? Я спросил его об этом прямо.
— Заросший лианами корабль я нашёл шесть лет назад. Земных, разумеется, лет. Тогда я и попытался вывести людей из состояния анабиоза. Но что-то пошло не так, и мы с Хасси остановили процедуру. Но было уже поздно — ткани спящих заполнили микроскопические ледяные кристаллы. Я понял, что ничего не удастся сделать. Люди умерли. Вот тогда я и подумал о клонировании. Я доктор медицины, но ксенозоология — мой конёк. Пунктик, если хотите. Ещё на Земле я заинтересовался приматами Сиесты. Материалов на эту тему в университете было выше крыши. Собственно, я и отправился на Сиесту, чтобы разобраться на месте, почему такому развитому, феноменально близкому к человек существу, как экзодонт эректус, не хватило полушага, чтобы обрести разум.

Я мельком глянул на Чака, и тот кивнул: «Продолжай».
— Всё это очень интересно, профессор, но вы не ответили на вопрос, — напомнил я ему.
— А! Смущает возраст «подкидышей»? — оживился тот. — Хотите верьте, хотите нет, но всем моим мальчишкам менее шести земных лет. Невероятно, правда? Всё дело в «маме». Будем так называть самку блэки, вынашивающую имплантированный ей генный материал. В наследственных геномах человека и сиестского примата не совпадает примерно два-три процента «букв». Сущий пустяк. Можете утереть слезу, но обезьяна, питающая своими соками находящегося в её утробе земного ребёнка, даёт ему такой запас жизнестойкости, какой вам и не снился. Правда, имеет место быть побочный фактор: «биологические часы» матери. Все процессы в организме экзодонта протекают примерно в два раза быстрей, чем в организме человека. И этот темп жизни наследует рождённый блэки ребёнок.

Толстяк как-то странно поглядел на нас, хотел что-то сказать, потом резко потряс головой.
— Ничего не поделаешь.
— Несчастные дети, — сказал Чак Мур. — Их ждёт ранняя старость!

В сумрачном помещении, где мы сидели, наступило молчание. Немая тишина звенела над нашими головами.

Неслышно ступая босыми ногами, к Лоунесу подошёл Бой и прислонился испещрённым шрамами боком к плечу толстяка. Тот смущённо засопел и посмотрел на него. В обрюзгшем лице что-то дрогнуло, и я с изумлением увидел на этой небритой невыразительной физиономии отеческую нежность. Я бы сказал, неподдельную.
— Ну, ну… — ласково проговорил Лоунес. — Вот я скоро выздоровею, и мы пойдём с тобой гулять в лес… Заботливый парень растёт, — доверительным голосом сказал он нам. — Без него пропал бы со своими болячками…

Чак хрипло кашлянул:
— Как много детей вы «наплодили» своим… научным методом?
— Дайте вспомнить. Ага. Двенадцать.
— Точно двенадцать? — усомнился Чак. — И ни одна… гм… подопытная обезьяна не сбежала?
— Говорю вам — двенадцать! Для контроля я вшивал будущим «мамам» чип под кожу. Могу показать лабораторный журнал. Мой Бой был первым. Десять мальчуганов Хасси успешно пристроил усыновителям. Ну а с последним, двенадцатым, вы знаете как вышло.

Вид у Чака стал на редкость мрачным.
— Я так понимаю, что шею Джиллу Хасси свернула мамаша этого вашего двенадцатого?
— Подбрось-ка веток в камин, Бой, — попросил мальчугана Лоунес. — Что-то меня знобит. Проклятая лихорадка…

«Он болен всерьёз», — мелькнуло в голове у меня. В доме стояла неимоверная жара. Но хозяин кутался в толстый плед и продолжал дрожать. Неверной рукой он пошарил по столу, нашёл то, что искал, — тёмные очки — и надел их на нос.
— Это я виноват в гибели Хасси. Пожалел животное. Вырубил сонной пулей, а добивать на глазах у ребёнка не стал. Мальчишку спрятал в лесу, в замаскированной землянке, которую я вырыл для таких случаев, а ночью отвёл к Хасси. На Мосту в это время оравы не бывает. Похоже, тварь позже нашла наши следы по запаху. У блэки обоняние — собака позавидует. Не удивлюсь, если сиестские приматы и следы умеют читать.
— Вы что же, — спросил я, поёжившись, — всех этих… матерей… убивали?

Больной заговорил нетерпеливо и резко:
— А как я ещё должен был поступать? Я не садист. Но и не законченный идиот, чтобы подвергать свою жизнь смертельному риску! Понимаете? Смертельному риску!
— Объясните, — попросил я.
— Весьма охотно, — ответил профессор спокойнее и почти с облегчением. — Самка экзодонта рожает раз в жизни и треть своей жизни держит детёныша при себе. Такая вот ревнивица. Вот и представьте себе, что будет, если у такой «мамы» отнять её единственное дитя!
— Представляем, — сказал Чак. — Хасси не спасла даже сабля. Кстати, профессор, эта гора оружия у вас на столе — для чего она?

Хозяин дома словно только теперь увидел разложенный на столе арсенал.
— Да, действительно… — пробормотал он. — Ничего не понимаю… — из баночки, взятой со стола, он насыпал в ладонь таблетки и кинул в рот. Запил из кружки. — Лихорадка проклятая! У меня возвратная форма, — он потрогал карабин. — Видимо, в горячке померещилось что-то… Вы дверь за собой заперли на засов? — блеснул он на нас очками.

— Так,— произнёс Чак многозначительно и оглянулся на меня.
— Да он болен, серьёзно болен!— отозвался я, вспомнив свои недавние видения.— Его надо срочно в лазарет. Тут и думать нечего!
— Только не в лазарет!— взмолился профессор Лоунес и в страхе затряс головой.— Пожалуйста, не в лазарет! Куда-нибудь, где безопасно!
— Прекрасно,— буркнул Чак.— Мы можем отвести вас, профессор, к шерифу Бэнку. В каталажке у него крепкие двери и окно с решёткой. Никакой блэки не вломится!
— Вот и отлично!— воскликнул тот.— Только парнишку моего не забудьте.

Чак поднялся с места и поглядел на меня.
— Ал, ты говорил, что Нина жаловалась, что теряет практику. Будь так любезен, собери в вещевой мешок смену одежды и туалетные принадлежности профессора.

По дороге к реке (Чаку пришлось нести на плече потерявшего волю к жизни профессора) я вспомнил, что не задал Лоунесу вопрос: как Хасси получал от усыновителей причитавшиеся ему драгоценные камни? Ведь детоторговцу надлежало хранить инкогнито.
— О, всё очень просто делалось,— сказал Чак, когда я заговорил с ним об этом.— «Камушки» надо было заранее положить в указанное в записке место. Записку усыновители в одно прекрасное утро находили у себя на крыльце. Во всяком случае, так было с Цыганом Джо. Он мне ещё сказал, что записка была составлена из слов и букв, вырезанных из книги.
— Хасси начитался комиксов!
— Похоже на то. Кстати, «подкидышей» ведь тоже находили утром на крыльце. Отсюда и название. Этот изверг Хасси, видимо, оглушал бедняжек инфразвуком до полного оцепенения, так что они уже не могли никуда убежать и ждали, пока их кто-нибудь заберёт.

«Действительно, просто и без затей»,— подумал я.

Впереди, опережая нас шагов на десять, бодро вышагивал Бой. Просека оглашалась звуками тамтама. Батарейку в «звучке» я поменял перед самым вылетом: «африка» греметь будет ещё лет пять; если у Боя не переменится музыкальный вкус, Лоунесу я не завидую. А мальчуган упрямый этот Бой! Мне немалого терпения стоило заставить его переодеться перед выходом. Очень неохотно он снял свою дикарскую набедренную повязку, и уж совсем без всякой радости погрузился в необъятные пятнистые шорты из гардероба профессора. Подходящего ремня мы, естественно, не нашли, пришлось использовать обрезок верёвки. Вид у парня в новом одеянии был тот ещё, но, по крайней мере, он не сверкал голым задом.

Размышляя на всякие грустные темы, я смотрел ему вслед. Вторя африканским ритмам, Бой что-то напевал, гримасничая и размахивая руками. Перед самым обрывом он остановился, но ненадолго. Для маугли обрыв — сущая ерунда. Бой поднял для равновесия руки над головой, совсем как у Пикассо на знаменитой картине, и, не оглянувшись на нас, вприпрыжку двинулся вниз по спуску.

Тум-тум-тум-тум…

Доктор медицины, экстраординарный профессор Лоунес обосновался в доме покойного Джилла Хасси, где оборудовал биологическую лабораторию. Несколько раз он делал дальние вылазки к заброшенному звездолёту, откуда возвращался с рюкзаком, доверху набитым всевозможными склянками и пузырьками с реактивами. В походах его всегда сопровождал Бой. Профессор клятвенно заверил усыновителей клонов, что уже в ближайшее время создаст средство, замедляющее биоритмику несчастных мальчишек. При его фанатичном упорстве можно было надеяться на успех.

Заключение

Треногий мольберт мне изготовил мастер-универсал Френик (тот самый, с объявления). Прищурив усталые глаза от слепящего света, я долго смотрел на прямоугольник картона, помещённый на мольберте.
— Вообще-то неплохо,— сказал себе я.— Сверкающая рябь на воде удачно выписана. Нет, совсем даже недурно…

Я походил у мольберта, глядя на картон то с одной, то с другой стороны. Затем вздохнул… Восторг куда-то делся.
— Красивая картинка, и больше ничего,— пробормотал я.— Годится для проспекта туристического бюро. Но живописи тут нет, как ни жаль. Неужели я полностью ещё не выздоровел?

Этот этюд был первой моей работой после перенесённой лихорадки. Честно сказать, мне с самого начала было тревожно отправляться с мольбертом на обрыв.
— Эх, сюда бы кисть Куинджи! Вот кто умел писать свет! Хоть солнечный, хоть лунный. Глаза щурить будешь!

Я бросил палитру и кисти в этюдник, подхватил на руки вертевшуюся рядом Лиз и попросил её оценить работу.
— Здóрово! Ты молодец!
— Лицемерка маленькая!

Крепко держа девочку на руках, я приблизился к краю обрыва.

Под нами сверкала, дробя мелкими штрихами солнце, широкая излучина реки. Брызгами расплавленного серебра уходили к туманному горизонту пойменные озёра. Пронизанная падающими колоннами солнечного света дымка, казалось, хранила от глаз тайны огромного нового мира.

Я спросил Лиз:
— Тебе здесь нравится?

Кажется, она не поняла моего вопроса.
— Ты про что?
Действительно: о чём я спрашиваю? Ведь это её родина—и река эта, и те малахитовые луга с озёрами.

Сухой сезон заканчивался. По местным приметам, доступным теперь и мне, наступала осень—по рассказам, лучшая здесь пора. Я стоял, задравши голову, смотрел в пронзительно-светлое, чуть тронутое голубой кистью небо. В нём—длинные, загнутые на конце крючками полоски перистых облаков; предвестники похолодания, когтевидные облака ослепительно сияли.

За спиной прошуршали лёгкие шаги. Нина (как она сумела незамеченной подняться на обрыв?) положила ладони мне на глаза. От ладоней пахло мятой. От её ладоней всегда пахло мятой. Между тонких пальцев я продолжал видеть небо, облака, дальнюю синь горизонта.

И этот яркий солнечный мир, ещё недавно чуждый и непонятный мне, стал вдруг близким и исполненным смысла.

Д*и*Н стихи

Андрей Бутко

Родник под асфальтом

Слова

Отболело. Прогорело.
Внутри меня одна зола.
Я засыпаю неумело.
Во сне я вижу лишь слова.
Слова, что будут нашей тайной.
Слова для радости и боли.
Слова для встречи и прощанья.
Занозой в сердце. Комом в горле.
Слова, что мог тебе сказать я
тогда, теперь или потом.
Слова, что мог и промолчать я.
Моя зола—это их дом.
Поговорим о том и об этом.
Слова любви, улыбки, слёз.
Я прятал слова за жёлтым букетом.
Слова невпопад. Слова не всерьёз.
Настанет завтра новый день. И
я уже знаю: исход привычен.
Я молча ткнусь в твои колени.
Ведь я, увы, косноязычен.

Бессердечный

У меня нет сердца.
У меня внутри птица.
По ночам я слышу,
как она пытается выбраться наружу.
Я боюсь, как бы она не поранилась.
Когда-нибудь я её выпущу
и заведу себе настоящее сердце—
мыльный пузырь в твоих тёплых ладонях.

Кукушка

Уже который год
кукушка не выходит из часов.
И терпеливо ждёт,
когда затихнут звуки голосов.
Ей бы наружу—
прочь от отчаяния.
Почтите кукушку
минутой молчания.

Последняя весна

Лишив всех сна,
а уж покоя и подавно,
последняя весна
пришла совсем внезапно.
Мы от весны пьяны
и, развалясь на крыше,
глядим, как сыр луны
грызут ночные мыши.

Родник

— Люблю этот город.
Здесь небо и море.
Здесь из-под асфальта
бьёт горный родник.
— Какой же он горный,
когда вокруг гор нет?
— Ты, знаешь, не думал.
Привык.

Евгений Хвальков

Центоны

Пушкин и Цветаева

Друг Марса, Вакха и Венеры
Блуждает в сумраке пещеры,
Вняв пенью сладкозвучных строф,
А люди мимо шли без слов.
Блаженней тот, кто их не знал.
Вдруг—нищий! Боже! Он сказал:
Грустит о недостойном муже,
Душой не лучше и не хуже
В кусты припадшего стрелка,
Всё та же тайная тоска.

Я каждым утром пробуждён,
Вчерашний вызываю сон,
Воспомня прежнюю любовь,
Всем перемучиваюсь вновь.
В том нужды было очень мало,
Бегу тот час же к вам, бывало;
Невольно ль, иль из доброй воли
В том поединке своеволий;
Звёзд исчезает хоровод,
Где расплескался небосвод.

Мы очутилися в Париже:
Дома до звёзд, а небо ниже,
Куртины, мостики, лужок,
Вот с факелом Индеец Джо,
Да жаль, проезда нет подчас.
Дрожанье губ и дерзость глаз,
Хвосты хохлатые, клыки,
Дрожат на люстрах огоньки,
Полужуравль и полукот,
Всё дьявольски-наоборот!

И всё-таки—что ж это было?
Ещё одно нас разлучило…
И не раскроются—так надо—
И труд, и мука, и отрада;
Иду вдоль крепостных валов,
Хоть нет ни улиц, ни дворцов,
И боль, как прежде, глубока,
Дорога зимняя гладка,
И скромен ободок кольца,
И печи в пёстрых изразцах,
И чей-то ласковый портрет
Философа в осьмнадцать лет.
Куда-то вдаль спешили мимо,
Всё потеряв невозвратимо,
И вечер удлиняет тени
Бессонниц, лёгких вдохновений,
И безнадёжность ищет слов
Близ неоконченных стихов,
И в сердце плачет стих Ростана,
За дверью крик и звон стакана.
Захлёбываясь от тоски,
У гробовой своей доски,
Далёкая добру и злу,
Душу трагедией в углу.

Сказочный центон

(Лермонтов, Ершов, Ахматова,Бунин, Филатов)

— Что, Иванушка, невесел?
Отчаво ты чёрта злей?
Что головушку повесил?
Ну-кось душу мне излей.
Не ищи страстей тяжёлых;
Я помочь тебе готов.
Пей нектар часов весёлых.
Аль, мой милый, нездоров?
Не утайся предо мною:
Ты чаво глядишь сычом?
Всё скажи, что за душою.
Аль кручинишься об чём?
— Царь вконец меня сбывает.
Что мне делать? Как мне быть?..
Сам подумай: заставляет
То-Чаво-Не-может-быть!..
Будет камень вместо хлеба,
Листья падают в саду,
Надо мною только небо,
Одиноко я бреду.

Татьяна Щербинина

Потому что Господь—художник

● ● ●

Так стрелки обнимались на часах—
чтоб вместе быть—хотя бы на мгновение.
Слова соединялись в небесах
в стихотворение.
И облака—седые корабли—
Входили в гавань зимнего заката.
А мы с тобою рядом тихо шли
под снегопадом.
И снег мерцал, и музыка звала,
с хрустальной тишиной перекликаясь…
Сливались два серебряных крыла
в единый парус.
Я помню всё… Так больно, горячо
ладонь мою нечаянную стисни—
как будто будет что-нибудь ещё
там, после жизни.

● ● ●

Никто никого не слышит.
Загружены—выше крыши.
Не пашем, даже не пишем,
всё тычемся в телефон.
А небо дождями брызжет.
Гуляют коты по крышам.
Так хочется встать на лыжи,
но, видимо, не сезон.

Никто никого не видит.
В скафандре—в своей обиде.
Всем хочется ехать сидя,
тепло и уютно тут.
Но нет у души укрытий,
и что тут ни говорите,
но всем нам придётся выйти
когда-нибудь в темноту.

Никто никого не любит.
Вслепую бросаем кубик.
Опять незакрытый тюбик
оставил, такую мать…
И некого ставить в угол.
В костре остывают угли.
А небо нельзя загуглить,
и вечность нельзя обнять.

● ● ●

Замерзают и сопли, и слёзы.
Не согнуться уже, не вздохнуть.
Привыкай выживать на морозе
как-нибудь.
Рукавицы—почти из металла.
На ресницах висят кружева.
И не больно, и ты не устала,
и—жива.
Лучше лес, лучше белое поле,
чем людское безмерное зло.
—Красна девица, любо? Тепло ли?
—Ой, тепло!

● ● ●

От первых рубцов и отметин
До самого судного дня
Твой голос—из юности ветер—
Волной накрывает меня.

И вновь, зачеркнувши рассудок,
В глазах твоих вижу весну,
И знаю, что счастья не будет,
И руки навстречу тяну.

Не плачу, не жду, не ревную…
Пусть сердце идёт с молотка.
Рябина твоих поцелуев
Ещё горяча и горька.

Сумерки

Сумерки. Лес.
Чёрные крылья ёлок.
Медленный блеск,
неба жемчужный полог.

Матовый снег.
Воздух стеклянно-сизый.
Контуров нет,
словно снимаешь линзы.

Белая шаль—
воздух—покой и пламя.
Плачет душа
между мирами.

● ● ●

Потому что Господь—художник,
и Он хотел
рисовать этот мир
пастелью, но лучше—маслом.
Первозданная радость—жадно смешивать краски,
замирать перед белой вечностью на холсте.
Ещё миг—и лавина,
ветер—всё, что внутри,—
станет робким мазком,
неловким наброском тверди…
Рисовать, рисковать,
восставать против косной смерти,
сквозь открытое сердце ликующий космос лить…

● ● ●

Подняться в пустоту над серыми домами,
Подпрыгнуть и разбить
небесное стекло.
Поэзия—огонь, который над словами,
И больше ничего.
Тревожит по ночам бессовестною кошкой,
Царапает, скребёт и будит просто так.
Покой недостижим.
Жить с нею невозможно,
И без неё—никак.
Поэзия звенит нездешним, вешним звоном.
Бьёт ветер в барабан, и жизнь не дорога.
Мы—рекруты её.
Чисты наши погоны,
Как русские снега.

● ● ●

Белая кувшинка тишины
Дышит небом, светом и прохладой.
На байдарке плыть—какая радость—
В заповедных заводях лесных.

Со-зерцание… шёлковое слово.
Гладь мерцает, шепчут камыши.
Ты—частица мировой души
В отражении зеркала живого.

Все в единый узел сплетены.
Смерти нет. Есть только созерцание,
Только тайны тихое касание,
Белая кувшинка тишины.

● ● ●

Мир—старый добрый пятистенок.
У снега тысяча оттенков.
Синицы, весело затенькав,
клюют пшено.
Январский лес—монументальный,
лес богатырский, лес брутальный.
Хрусталь, и тишина, и тайна—
всё сплетено…

Застыли ёлочки-ракеты,
густые сны свисают с веток.
Скажи, откуда столько света
в лесной глуши?
Дороги зимняя палитра
огнём серебряным облита,
и очаровывает ритмом
живая жизнь.

Старая пластинка

Тронуть иглой
пластинки гибкую плоскость.
Голос живой
в зазубринках и бороздках.
Старый конверт,
кажется, тот же самый…
Выключен свет.
Папа танцует с мамой.
Мир молодой.
(Всё, что отнято,—свято!)
Год-то какой?
Верно, восьмидесятый.
Редкий снежок.
В тихом театре тени.
Точно ожог—
тайна прикосновенья.
В чёрном кругу
блики, хвоинки, льдинки…
Я не могу
остановить пластинку.

Елена Галиаскарова

Грустный клоун

Малефисента

Малефисента — владычица тьмы и звёзд —
Видит диковинных птиц в поднебесном мире,
Сладко поёт ей о радости Алконост,
Но предвещает несчастья угрюмо Сирин.
Воздух холодный дыханьем войны пропах;
К ведьме спешат на поклон озорные феи
В шёлковых платьях и замшевых колпаках,
Малефисенте приносят отвар шалфея.
Молвит она: «Что-то кружится голова.
Прочь уходите, от ваших устала взоров.
Льстивых придворных наскучили мне слова.
Думаю, как уничтожить дворец Авроры.
Ворон-лазутчик отправлен мной — но зачем? —
В то королевство, которого нет на карте, —
Чтобы избавиться в будущем от проблем,
Стать для народа профессором Мориарти?
Шерлоков Холмсов премудрых там, к счастью, нет,
Глупые люди не знают вороньей силы,
И не прольётся на заговор правды свет.
Жалко принцессу, ведь я же её любила».
В городе ветреном пасмурно и темно,
Серый асфальт в листопаде и лужах тонет.
Малефисента с тоскою глядит в окно,
Веретено зажимая в худых ладонях.

Женщина-осень

Любят не за что-то, а вопреки…
Он легко коснётся твоей руки,
Сердце заколотится от тоски,
Радость промелькнёт золотистой рыбкой

В том пруду, где нет берегов и дна…
Ты не хочешь осень встречать одна
И проводишь ночи опять без сна.
Встреча с ним досадной была ошибкой?

На полях раскинулся иван-чай;
Продолжаешь ты по нему скучать,
Посылаешь фото подругам в чат —
Россыпь колокольчиков, шапки пижмы,

Ломтик неба в тайге и залива гладь…
Горько-сладко стихи о любви писать;
Закрываешь резко свою тетрадь.
Верь, в его судьбе ты не будешь лишней.

Элли

Элли гуляет по тропам большой страны,
Там затяжные дожди, холода, туманы —
Частые гости от осени до зимы;
Мимо летают суровые ураганы.
В царстве зловещей Гингемы покой и навь,
Медленно движутся пугала, как паяцы.
Путник, надежду добраться туда оставь —
В топких болотах недолго и потеряться.
Манит природа оттенками янтаря,
Ветер играет мелодию в ритме скерцо.
На горизонте рубином зажглась заря…
Думает Элли, как вырвать любовь из сердца
К Урфину Джюсу, развеять души печаль;
Был цвет волос её светлым, теперь стал тёмным.
Элли задумчивый взор устремляет вдаль —
Птицы клюют торопливо пшеницы зёрна
В поле пустынном, высокие тополя
Длинные плети ветвей простирают к небу,
Рядом с дорогой мокра и черна земля,
Шепчутся травы устало: «Любви не требуй».
Элли, увидев границу иных миров,
Утром проснётся — и станет ей не до игр.
Город накроет густой снеговой покров,
И улыбнётся с плаката лукаво тигр.

Грустный клоун

Лязг металла доносится с мостовой —
В цирке затворяются на ночь ставни.
Белый клоун с работы спешит домой —
Несмешной, потерянный и печальный.
Он весь вечер входил вдохновенно в раж —
Танцевал изящно, махал руками,
Но толпа говорила: «Чужой! Не наш!» —
И теперь у мима на сердце камень.
Он идёт переулками вдоль витрин,
У обочин высятся снега груды.
Затихает навязчивый шум машин,
Огоньков рубины и изумруды
Зажигают на ёлке, трамвай пустой
По путям несётся — маршрут назначен.
Грустный мим закрывает лицо рукой
И смеётся громко, и тихо плачет.

Это тусклое небо, метельные облака…
Комья рыхлого снега шуршат под ногой слегка,
Бледно-жёлтое солнце морозного декабря
Надо мною смеётся, и помнится зря — не зря:
На полях тонкий, хрупкий лазурится василёк,
Летних дней незабудки являются между строк,
Он дрожит от прохлады, качается на ветру,
Пахнет липой и мятой, погода сулит жару…
Мыслей мрачные тени нерадостно вдаль летят,
Неизбежно в сомненьях бросаю холодный взгляд
На ряды белых лестниц и серых мостов бетон,
Сверху грустною песней доносится птичий стон.

Аленький цветочек

В параллельном мире меж мхов и кочек
Расцветает волшебный лесной цветочек;
Повелитель зáмка садится в угол,
«Что такое любовь?» — набирает в Google.
Ищет путь короткий из жизни в сказку,
Чтоб вернуть ненаглядную синеглазку —
Заплутала, сбилась она с дороги,
Камыши и осока натёрли ноги,
Преградили тропинку берёзы ветви,
Ум смутили завистниц-сестёр наветы…
Сердце принца пробила любовь навылет…
Возвращайся — он без тебя погибнет.

ДиН ревю

Тамара Львова

Медитация на ходу, или Записи между делом

Омск: Амфора, 2018

Новая книга Т. А. Львовой включает эссе, рассказы-воспоминания о детстве, поэтические миниатюры… Автор приглашает читателя в творческую мастерскую, делится размышлениями о жизни и смерти, о людях и вещах, знакомит со своим «внутренним критиком», предстающим в образе сатира. Завершает сборник произведение в традиционном для писателя жанре фэнтази «Смерть и дриада» о населённом сатирами, фавнами, дриадами параллельном мире, откуда поэтические души, соединившись со Смертью, уходят в реальный мир.

«Как творит писатель? В чём кроется его вдохновение, откуда берётся сама искра, из которой разгорается огонь литературного творчества? Пожалуй, этот вопрос будут задавать до тех пор, пока на свете останется хотя бы один пишущий человек. Уже дано множество ответов — но вопрос задают снова и снова отвечают на него, каждый раз по-разному. Отчего так? Наверное, потому что творчество неповторимо, как неповторимы мысли и чувства каждого автора.

В книге „Медитация на ходу, или Записи между делом“ Тамара Львова открывает перед читателем двери в свой собственный, сновиденный мир (так озаглавлен сборник сказок Тамары, вышедший в 2014 году). Может, следовало бы написать в предисловии, что, путешествуя по страницам книги, читатель пройдёт долгий и увлекательный путь в мир фантазии. Но это было бы ошибкой.

Дело в том, что мир здесь не делится на реальный и вымышленный. Действительности не противопоставлена чудесная волшебная страна, где всё не так и с неба светит зелёное солнце (абсолютно естественное для этого мира!). Как же тогда быть со страной фантазии? — удивится читатель. Очень просто: её можно увидеть вокруг, в нашем привычном. В звуках природы. В осколках стекла и куске фольги на мостовой. В чашке кофе и корешках книг на полке. Достаточно лишь приглядеться, прислушаться к шёпоту, задержать торопливый шаг и брошенный на ходу взгляд».

Дмитрий Овсянников

Елена Тимченко

Домовой в обычной семье с младенцем

Повесть-сказка для взрослых детей

Часть 1

1. Переезд

— Куда?.. Ох, лихо, лихо… Куды? Сундучок мой… сундук, говорю, возьми…

Домовой Кузьма Кузьмич в крайнем волнении толкался среди людей. Какие-то люди забивали ставни, заколачивали двери, по двору летали старые газеты, листочки, пластиковые пакеты, стояли в картонных коробках нехитрые пожитки и книжки.

Кузьмич, проживший в этом доме со дня его постройки, томился в непонятках: то ли остаться сторожить безлюдный брошенный дом, то ли перебраться к новым хозяевам, молодым ребятам с младенцем, то ли к Никитичне податься — даме симпатичной и для него не чужой.

Из всех вещей для домового важнейшим являлся сундук, старинная добротная вещь, сработанная на совесть, но к современной жизни отношения не имеющая, а потому небрежно отпихиваемая, всеми забытая. Так бы и остался сундук в заброшенном доме, если бы не чуемый никем домовой не дёргал всех парней подряд за рукав и не канючил:

— Сундучок, сундучок.

Пока, наконец, один из юношей, привлечённый старинной оковкой ящичка, не обратил внимания друга своего Никиты на раритетный сундучок:

— Смотри, какой прикольный. Забери его, может, картошку хранить сгодится.

Так для домового вопрос, стало быть, решился. Поехал Кузьма жить к молодым.

А дом родной как же? Хоть и пустой, нежилой, но ведь не бросишь без присмотра. Пришлось призвать на помощь дружка своего старинного — астрального сторожа Пиу.

Существо, отдалённо напоминающее человеческого роста бледную поганку, плавно покачивалось на единственной ножке, выслушивая наставления домового.

— Чуть что не так, какая опасность — зови меня, сам не ввязывайся, — тихонько втолковывал Кузьмич.

Сильно не напирал, уж больно Пиу существо деликатное, трепетное: разволнуется — так вообще никакого проку с него.

Самому домовому было очень тоскливо и смутно на душе. Перебираться с насиженного за целый век места в многоквартирный дом… «Просто всю внутреннюю разрывает», — жаловался сам себе несчастный домовой.

Что поделаешь, после ухода Мерзлотки дядя Серёжа нашёл себе работу по специальности в Питере. Уехал. У Никитичны вот внук народился — Егорка, надо присматривать… Что в пустой хате-то сидеть? Эх, жизнь! Только привыкнешь к людям — они то разбредутся кто куда, то ещё хуже… Смертные…

2. Никитична

Внучатые племянники Кузьмы, домовята Тиша и Триша, смирно сидели рядышком на диване. Дедушка специально позвал их, чтобы они позабавились.

Малыши были наряжены в одинаковые поддёвочки и колпачки, которые кренились в разные стороны, чтобы их не путали: у Тиши наклонен в левую сторону, у Триши — в правую.

Домовята во все глаза таращились на чу́дную картину: пока Егорка спал, Никитична вдохновенно и раскованно, не подозревая о зрителях, делала свою обязательную гимнастику ушу. Утром, у себя дома, она не успела сделать комплекс — надо было бежать водиться с внуком.

Упражнение №1. Листья лотоса колышутся на ветру.

Упражнение №2. Расчесать гриву белой лошади.

В особенный восторг малышей привело *упражнение №17 — Белый журавль крутит коленями*. Ну и смешная же бабушка!

— Ну всё, ну всё, посмотрели, позабавились — и будет. Поправьте колпачки и — бегом марш! Уроки учить, вам ведь ещё сочинение писать «Чудотворное действие ослиного сала и когтей совы».

Кузьма ласково подталкивал внучат к сундучку, заботливо помог им забраться в него, расцеловав на прощание. А затем вернулся в комнату. Надо бы к хозяйке присмотреться повнимательнее. Что-то она какая-то не такая.

— Никитична, ты что, свою башню состригла, что ли? — домовой критически осматривал свою старую знакомую.

У него вошло в привычку разговаривать с домочадцами. Кузьма считал, что все люди — вроде слепоглухонемых: не видят, не слышат, стало быть, ответа на свои вопросы от них тоже не дождёшься, так что стесняться нечего.

Домовой рассматривал Никитичну, словно первый раз её увидел. И действительно, перемены, что называется, — на лице, изрядно похорошевшем и как бы излучавшем застенчивый внутренний свет.

С рождением внука Ольга обрела статус настоящей бабки и призадумалась: неужели старость? Она вдруг вспомнила, что она не просто Никитична, а Ольга, что шестьдесят лет — это всё-таки не девяносто шесть и вообще не возраст для современной женщины. Решительно расправилась с причёской, сменила наконец свою допотопную башню на модную стрижку, начала вегетариански питаться, выбросила все свои чёрные платья и занялась китайской гимнастикой ушу.

— Никитична, у тебя что, кто-то завёлся?! — осенило домового.

И вдруг неожиданно Никитична ответила:

— Заводятся только тараканы.

Ответила и сама изумилась: кому? Обвела взглядом привычный ландшафт комнаты — никого же нет! Ну, наверное, мысли вслух, успокоила себя Никитична.

— Вот и нет, про тараканов неправда. У меня был друг — таракан Степан, так он был завезён. Ну… это… из Египту.

Но Никитична уже не слышала, приступ обострённой чувствительности прошёл, уступив место сложному ералашу чувств — смущения, дискомфорта, радостного ожидания чего-то хорошего и в то же время настороженности… Короче говоря, она была в смятении. Это старинное слово для подобных состояний в самый раз. В таком возрасте и… влюбиться, как девчонке. Смех и грех.

— А ты подожди до восьмидесяти пяти лет, там уж не грешно и не смешно, скажут: «Совсем из ума старуха выжила», — опять встрял домовой. — Слышь, Никитична, не вздумай меня, семью то есть, этим своим рисом с тёртой морковкой кормить. Я тебе не китаец! Я привык питательно кушать.

Никитична встрепенулась. Надо же об ужине подумать. Особом ужине…

3. Молодые

А вот, познакомьтесь — молодой отец. Никита, или, по-домашнему, Кит, потому что большой и занимает много места.

Откуда берутся такие парни, как Никита, из каких бедовых пацанов вырастают? Наверное, у очень занятых родителей или в таких обстоятельствах, как у Никитичны. Отца нет, мать на двух работах и репетиторстве — свобода попугаям! Все мосты, все недостроенные высотки облажены, и отовсюду на тарзанке спрыгнуто. Бедная Никитична! Если она хотя бы некоторые эпизоды из тайной жизни сына узнала, её бы кондрашка хватила! А так: «Что с коленкой?» — «С велика упал» — «Ну, неси зелёнку». Такое воспитание получил. Теперь и сам отец. Даром что здоровый такой, а по сути — мальчишка: двадцать лет!

Никита — черноволосый, красивый и мощный парень. То ли на цыгана, то ли на индуса, а может, на испанца смахивает. Отец — тайна, покрытая мраком, лицо совершенно неизвестное. Никитична всю жизнь молчит про отца, как рыба об лёд, то есть молчит, как рыба, но и бьётся с этим мальчишкой одна — как рыба об лёд. Характер у сына непростой, можно сказать, тяжёлый. Ему бы коней воровать, с быком на корриде управляться или Шиву-разрушителя в храме изображать. Но наша бедная на экзотику жизнь таких возможностей не предоставляла. Поэтому Никита, за неимением под рукой подходящих его статусу занятий, пребывал обычно в двух состояниях: либо лежал на печи, ленился, либо нёсся неведомо куда — забраться повыше или поглубже, с моста прыгнуть, забиться в пещеру, в глушь, в темень, в непогоду, к чёрту на рога. Самовольный, решительно гнёт своё, а если кто тронет — свирепый, как носорог, яростно крушит всё на своём пути.

В общем, вся надежда, что с рождением сына в ум войдёт. Никитична даже рада была, что так вышло с ребёнком.

А Маша из такой породы девушек и женщин, чья красота то вспыхивает, то угасает. Бывают такие дни — их дни, когда от них глаз не отведёшь: очаровательные, живые, эмоциональные, притягательные. А в иные дни — обычная хорошенькая девушка, каких много.

Маша очень старалась соответствовать. И хотя сейчас они бесконечно доверяли друг другу, расслабляться нельзя — девчонкам Никита сильно нравился. «Ничего-ничего, стройные девушки с копной рыжих волос, нежной белой кожей и серыми глазами тоже на дороге не валяются», — утешала себя Маша.

Как и во всякой дружной семье, тусовались в основном на кухне, она-то как раз Никите была особенно не в размер. «Кит в посудной лавке», — говаривала Машка. Но выбора, в общем-то, и не было — в распоряжении была ещё маленькая комнатка их съёмной квартиры, там тоже повернуться негде.

Егорка спал. Молодые самозабвенно целовались на кухне.

— Милуйтесь, милуйтесь, дело молодое, —ворковал Кузьма, которому за свою действительно долгую жизнь приходилось быть свидетелем

множества любовных сцен.—Только вот что ж вы на сундуке-то устроились? Полюбился вам мой сундучок.

Домовой решил было тихонько посидеть в уголке, но когда Никита принялся стягивать с Машки маечку, смущённо подхватился и потопал в комнату.

— Ну, милуйтесь на здоровье, а я к Егорке пойду.

Стащив с дивана думочку[1], домовой с кряхтением устроился под детской кроваткой.

4–5. Егорка

Да, у домового теперь было много работы. За такими молодыми и легкомысленными родителями нужен глаз да глаз.

Егорка, как продукт первой юношеской любви, был писаный красавец. Чего только стоили эти глазки! Два ярких камушка, промытых в чистой родниковой водице, в которых до самого дна просвечивала незамутнённая младенческая душа. А какой чубчик! Лихо скрученный в колечко, рыжий, как у мамы, он украшал тёплую, практически лысую головку.

Младенец—венец творения. Что о нём можно рассказать? Немного пока. Вот ползать научился… не совсем по своей воле, правда.

…Молодой папаша имел своё мнение, как нужно воспитывать пацанов. Так, например, он завёл обыкновение тренировать младенца на цепкость.

Если правда, что мы, люди, всё-таки произошли от обезьян, то тогда ясно, почему этот древний хватательный рефлекс по сю пору можно наблюдать у младенцев. Воображение так и рисует картину: густо поросшая шерстью мамаша-неандерталка бредёт по древнему лесу, собирает съедобные корешки, питательных червяков, а на загривке у неё—крохотный обезьянчик намертво вцепился ручонками-лапками в шерсть, трепещет: вдруг примитивная маманя его потеряет?

Примерно с двух месяцев Никита играл с сыном в такую игру. Он подносил Егорку к портьере, дожидался, когда тот рефлекторно схватится за ткань, и отпускал младенца. Бедный Егорка висел на шторе, как мишка коала.

— Ну что ты за дурень такой, Никита? Не дай Бог ребёнок упадёт. Игрушка тебе, что ли?—говорила обычно Никитична.

— Мать, всё под контролем, я же наготове,—обычно отвечал Никита.

Но однажды события начали развиваться по другому сценарию.

Итак, представьте: тяжёленький младенец (всё-таки шесть месяцев, а не два!) висит на шторе, бабушка обзывает Никиту дурнем, тот отвечает, что всё под контролем, и в это время… штора с висящим на ней ребёнком обрывается и падает на пол. Тяжёлая гардина ударяет Никиту по башке, он тоже валится как сноп. Стоп… Почему валится-то? Кит такой крепкий, его не то что гардиной, колом огреешь—устоит. Наверное, он поймал Егорку в полёте, а потом уже упал. Короче, непонятно, что там происходило под шатром вспученной ткани, только молчаливая возня отца и сына вдруг прекратилась, и, наконец, из тряпок первым выполз малыш—представляете, сам выполз!

Мать, бабушка и отец со здоровенной шишкой на лбу онемело следят за неумелыми передвижениями младенца. Егорка, испуганно тараща глазёнки, неуверенно шлёпает ладошками по полу, подтягивает одну ножку, затем другую—ползёт, ну ползёт же, ребята!

Так Егорка научился ползать. Вспомните, друзья, как это весело—ползать! На полу можно встретить много интересных, полезных (а может, даже вкусных?) вещей: например, можно подцепить маленькими пальчиками соринку, уютно сесть на попку и не спеша распробовать её на вкус.

О, это время золотое!

6. Бездомный

Пиу весь вибрировал от натуги. От него, как от «блинчика» на воде, расходились круги отчаянного трезвона: «Тревога! Тревога! Achtung!»

Побултыхавшись в ночном эфире, волны тревоги докатились наконец до адресата. Кузьма так и подскочил на месте.

Что? Где? Что?! Это Пиу?

Кузьма приложил ладошку к уху:

— Это ты, Пиу?! Что?! Ах ты, грибы-опёнки! Печку разжигает? Держись, я сейчас примчусь.

Домовой нырнул в сундук, сверкнув голыми пятками и через секунду был уже в своей старой избушке.

Пиу встретил шефа горестным потрясанием своей грибовидной башки. Ах, он такой чувствительный, такой тонкий, наш Пиу! Работа сторожа ему совсем не по силам.

— Ладно-ладно, молодец, Пиу, бдительный ты мой. А я тебя поощрю: нá вот гостинец тебе,—ласково прожурчал Кузя и протянул дружку кусочек плесневелого сыра.

Пиу весь просиял от счастья.

Успокоив своего соратника, Кузьма приступил к изучению оперативной обстановки.

В избе стоял жуткий холод, оно и понятно—несколько месяцев не топлено. Прямо на полу, на газетке, был разложен нищенский ужин: половинка ливерной колбаски (Никитична такую раньше собаке покупала), горбушка чёрствого хлеба, жалкая, подгнившая с одного бока помидорка. Возле печки шуршал газетой, пытаясь растопить печь, грязный, нечёсаный человек в жалкой одежде с чужого плеча.

1. Думочка—маленькая диванная подушечка, на которой хорошо думается.

Домовой разглядывал бомжа, наливаясь гневом за наглое вторжение. Особенно его покоробили попытки неприятеля разжечь огонь в печке — пожара домовые боятся пуще всего.

Кузьма весь поджался, как сжатая пружина, и кинулся с разбега на бездомного, тот заорал дурниной. Испуганно обернувшись и не обнаружив никого поблизости, несчастный бросился в панику.

— А-а-а!..— завыл человечек.

— Чего «акаешь»? Залез в чужой дом, хозяйничаешь тут, как ёж-переселенец! — строго прикрикнул домовой на незваного гостя.

— А-а-а!..— ещё горше завыл несчастный.— Допился, допился! Голоса слышу!

— Да успокойся ты, ничего я тебе не сделаю. Я добрый... — не закончил фразу домовой потому, что бомж опять возопил.

— Ты где?! Почему я тебя не вижу? Допился, ой допился,— бедолага спрятал чумазое небритое лицо в воротник старого пальтишка, как страус в песок.

— Да тут я, перед тобой стою, но ты меня не видишь. Домовой я.

— Кто-кто? — бомж недоверчиво высвободил из укрытия один глаз.

— Домовой — добрый дух дома. Ферштеен?

— Караул, белая горячка. А-а-а!..— опять завёлся человек.

— Слушай, ты мне надоел. Имя есть у тебя? Звать, говорю, как? — вскипел Кузьма.

— Толик.

— Толян, значит. Ты только пьёшь или колешься? Руки покажи! — велел домовой.

Рассмотрев худые грязные предплечья Толика и не обнаружив следов уколов, Кузьма смягчился:

— Ну, алкаш — это ещё полбеды. Исконно русская напасть. Стаканчики да рюмочки доведут до сумочки... Я даже позволю тебе здесь пожить, если безобразничать не будешь. Не будешь пакостить, тебя спрашиваю?

— Не, не, не буду,— затряс головой квартирант.

— Смотри, главное, с печкой поаккуратнее. Хату мне смотри не спали!

Проведя дознание, Кузьма дал подробные инструкции Пиу относительно Толика и скрепя сердце вернулся к семье.

Так в необитаемом домике появился новый жилец, а домовой приобрёл ещё одну головную боль — придётся теперь служить на два дома.

7. Егорка и Галилей

Средневековый учёный Галилео Галилей взбирался на наклонную башню в городе Пизе (кстати, эта башня до сих пор падает и никак не может упасть, поэтому её называют Падающей), чтобы предаться весёлому, я бы даже сказала — детскому, занятию.

Любознательный Галилей швырял с этой башни различные предметы и, пока они летели к земле, пристально наблюдал за их падением[2].

Вот и Егорка стоял в кроватке, с энтузиазмом метал игрушки на пол и с выражением неподдельного интереса следил за их падением. Просто в детёныше проснулся Галилей — великий экспериментатор, исследователь земной гравитации. Компанию в этой замечательной игре ему составлял домовой, который без устали, споро подавал игрушки назад.

Маша сидела за столом перед ноутбуком, она училась, параллельно прислушиваясь к звукам у себя за спиной. Бах — это полетел на пол игрушечный попугай, бух — упала погремушка, шмяк — шлёпнулся любимый мягкий жирафик... Странно, вроде бы запас предметов у младенца должен уже закончиться давно... Она обернулась и увидела фантастическую картину: игрушки сами запрыгивали назад, шалуну в кровать.

Кузьма понял, что оплошал — раскрылся. Он резво подскочил к Маше, махнул у неё перед носом своим не очень чистым клетчатым платком и произнёс скороговоркой:

— Снежок подпадал и следок застлал. Ничего не видела, не слышала.

Молодая мать тут же забыла своё видение. Зато вспомнила, что надо успеть до занятий сходить в магазин, заодно малыша выгулять.

...Маша всунула Егоркины ножки в «кенгуру» и теперь совершала невообразимые телодвижения, пытаясь застегнуть застёжки крест-накрест у себя на спине. Это было практически невозможно сделать без помощи второго лица. Висящий спереди младенец оттягивал лямки «кенгуру» вниз, и Маша, скрипя зубами и вывернув свои молодые суставы, еле-еле защёлкнула замок где-то между своих лопаток.

Егорка послушно висел на лямках. В своём зелёном комбинезончике он очень походил на парашютиста, который совершает затяжной прыжок с пока нераскрытым парашютом, но вот-вот дёрнет за колечко.

— Уф. Теперь пойдём погуляем с тобой. Потом мама пойдёт учиться, а ты с бабушкой побудешь,— вслух делилась своими планами с Егоркой молодая мать.

Кузьма этот монолог воспринял без энтузиазма. Сторонник традиционных женских занятий, он придерживался принципа: «Деточек родить — не веточки ломить. Родила — сиди дома, нянчись». Тем более сомнительными казались ему знания,

2. Галилео Галилей (1564–1642) первым догадался, что во время свободного падения тело ничего не весит, а все предметы, независимо от массы, падают с одинаковым ускорением. Хоть ты слон, хоть мышка — будете как миленькие рядышком лететь, кувыркаться! Правда, всё это верно для безвоздушного пространства, или, как говорят физики, верно, если сопротивлением воздуха можно пренебречь.

предоставляемые университетом, в который так стремилась Машка. Такие знания казались ему мёртвыми, бесплодными; он уважал только житейское, чувствительное и непосредственно полезное для жизни.

8. Абсолютно Безопасное Место (А. Б. М.)

Получив сообщение от Никитичны, что та будет на месте через пять минут, Маша рискнула оставить Егорку, выгулянного и накормленного, а потому пребывающего в отличном настроении, одного. Она сильно опаздывала. Схватив сумку с конспектами, понеслась на остановку.

Егорка гулил, с удовольствием наблюдая за кружащимися перед ним яркими пластмассовыми рыбками. Кузьма осторожно вынул Егорку из кроватки, воровато оглянулся и торопливо засеменил на кухню.

Если бы был в комнате наблюдатель, что бы он увидел? Как младенец медленно выпархивает из кроватки, паря на воздусях, перемещается на кухню, как крышка сундука сама откидывается и ребёнок в нём исчезает! Прямо сюжет для триллера.

Но доверимся Кузьме.

— Эхма, ни дна ни покрышки!—привычно пробормотал он свой секретный пароль[3].

Как только крышка сундука захлопнулась, домовой и младенец, цепко держащийся ручонками за его бороду, тотчас же провалились в бездонную яму, закувыркались в невесомости, весёлой и нестрашной темноте.

И они понеслись!

Иногда черноту прорезывали яркие вспышки света, высвечивая на несколько секунд какие-то образы.

…Рыжий клоун с резким «фр-р-р» раскрыл зонтик. Полотно зонта слетело со спиц и превратилось в яркого разноцветного попугая…

…Деревенский огород. Заросли крапивы. На заборе нанизаны банки и крынки. Петух горланит своё «ку-ка-ре-ку»…

…Девчонка с веснушками в длинном старомодном платье. На плече у неё белый голубь…

Наконец весёлое кувыркание закончилось, и домовой с младенцем мягко шлёпнулись в траву возле тенистой запруды.

Природа была сказочно красива в этом месте— всё выглядело милее и ярче, чем в реальности, словно ты попал внутрь мультика.

Чудесный пруд с кувшинками таинственно простирался перед ними.

— Брунгильда!—зычно крикнул домовой.

На крик из пруда высунулась мокрая веснушчатая девчонка.

— О! Дядя Кузьма, да не один! Ой, какой младенчик хорошенький! Можно его пощекотать?—звонко тараторила девчонка.

— Я тебе пощекочу, фулиганка. А начальство твоё где?

— Тётя Брунгильда!—завопила девчонка и, взмахнув рыбьим чешуйчатым хвостом, нырнула в зелёную глубину.

Через некоторое время гладь озера опять раздвинулась. Белотелая женщина с монументальным бюстом, нимало не смущаясь своей наготы, благодушно улыбалась всеми жилочками своего добропорядочного немецкого лица.

— Guten tag!—низким грудным голосом приветствовала домового Брунгильда.

Приняв младенца на руки, легонько забаюкала его. Егорка сначала было принялся плакать, но передумал и зашлёпал ладошкой по её могучей груди.

Как поплавки, одна за другой всплывали на поверхность русалки и тотчас же бросались к ребёнку—излить на него всю свою нерастраченную нежность материнства.

Егорке гладкие сладкоголосые русалки нравились. Он улыбался, гулил, таскал их за волосы.

Тихими, нежными и плавными движениями русалки стали качать-купать младенца в тёплой воде.

9. Водопян

Тем временем со дна озера всплыл совершенно грандиозный дядька с огромным животом. Покровительственно, вместе с тем и начальственно (не балуй, мол, у меня) поглядел на русалок, нянчивших младенца, и направился к домовому.

— Здорово, Кузьма. Отдохнуть к нам пожаловал?

— Здорово, Водопян,—приветствовал водяного приятель.—Да вот, отдышаться от городского смрада. Хорошо у тебя,—домовой блаженно зажмурился.—Трава не колючая, не жалючая. Букашки безобидные, некусачие. Птушки поют. А там, наверху, только и разговоров, что об экологии,—озабоченно добавил домовой.

— И до нас достают. Сегодня всю ночь с девчонками работали, чистили. Выбросы в воде, в воздухе, астральные загрязнения. Ну, пока справляемся, силы есть,—заверил Водопян.

И не поверить в его слова было сложно. Водопян был могучий мужчина армянской наружности, в А. Б. М. он служил водяным высшего разряда. Его штат состоял из русалок—это был воистину интернациональный отряд сирен. Вырванные нелёгкой судьбой из своих семей, они очень скучали по детям.

С озера доносились нежные песни русалок, купавших Егорку.

3. Пароль—здесь: некий код, ключевые (волшебные) слова, типа «Сим-сим, открой дверь». Этими словами домовой приводил в движение своё транспортное средство.

— Эх, как хорошо, покойно у вас. Никто здесь по-настоящему не сердится. Разве это возможно, когда птички так расслабляюще чирикают, стрекозки крылышками машут, солнышко ласково пригревает, а от воды веет восхитительной прохладой?—растаял в блаженстве домовой.—Так бы вот плюнуть на всё, плюнуть на всё—да к вам в пампасы на недельку!

Кузьма вздохнул.

Водяной страдальчески скуксился:

— А мне ску-у-ушно. Абсолютная безопасность— вот где скука смертная. Надоело это болото!

Водопян лениво поводил глазами туда-сюда, озирая свои великолепные угодья. Легкомысленный мотылёк доверчиво уселся Водопяну на нос.

— Уйди ты!—водяной досадливо смахнул мотылька, почему-то обидевшись на него.

Он несколько раз пытливо взглядывал на домового, открывал и закрывал рот, шлёпая толстыми губами и сердито сопя. Наконец не утерпел:

— Мечта у меня есть заветная. Ты не будешь смеяться?

— Дык я что? Я ничего,—обескураженно забормотал домовой.—Почту за честь, как говорится, благодарствуем за доверие…

Не дослушав вежливые формулировки Кузьмы, водяной энергично поднялся, радостно колыхнув своим могучим пузом, потрусил по тропинке в лес и вскоре скрылся из виду.

Отсутствовал он довольно долго.

Наконец из лесу донеслись подозрительные, какие-то невозможные для этого райского местечка звуки—бренчание, которое всё усиливалось, скрежет ржавого железа и бегемотово пыхтение.

И вот сгорающему от любопытства Кузьме явилось чудо.

Из леса показался огромный загадочный Рыцарь в древних, старательно начищенных доспехах. Шлем и латы блестели на солнце, при каждом шаге земля вздрагивала, а доспехи издавали жуткий скрежет.

Бом! Бом! Бом!—гудела земля под ногами невиданного Рыцаря.

Русалки замолчали, сбившись кружком вокруг одной из них, державшей Егорку.

Кузя раскрыл рот, борода у него встала дыбом.

Одна только Фенька, русалка-малолетка, легкомысленно прыскала в кулак. Ей всегда всё было смешно.

— Ой, дядя Водопян, вы так на пузатый начищенный самовар похожи!

К счастью Феньки, водяной был так поглощён процессом передвижения в полной рыцарской амуниции и производил при этом такой грохот, что не расслышал её обидных слов. А то бы он показал ей самовар.

Наконец водяной доковылял до озера, остановился, поднял забрало и счастливо засиял улыбкой:

— Ну как?

— Грандиозно!—с чувством выдохнул домовой.— А я и не знал, что ты того… мечтаешь об этих… как его… турнирах.

— Да, не то чтобы о турнирах или битвах…—Водопян смущённо утёр пот с лица.—А так, охота постранствовать, знаешь ли, мир посмотреть, подвиги посовершать… Надоело, понимаешь, русалок пасти. Опасности, приключения—вот это жизнь.

— Крутотенюшки,—выдавил из себя Кузя.

— Пойдёшь ко мне в Санчо Пансы?—неожиданно предложил Водопян.

Домовой опешил от такого неожиданного предложения и основательно трухнул.

— Ну… так дом-то я на кого оставлю?—заканючил домосед Кузя, но быстро поправился, поняв, что сказал не то, что от него ожидали, лукаво зачастил словами:—А конь-то у тебя есть? Коня ведь надо обязательно, а лучше танк, он всё ж железный, а в тебе ведь весу поболе центнера будет.

Водопян улыбнулся загадочно, да как заорёт…

10. Хрящик

— Хря-я-ящик!!!

Озеро заволновалось, заклокотало, вскипело, и башка древнего ящера показалась на поверхности. Покрутив длинной шеей, понюхав воздух, как собака, чудище медленно стало выползать из озера. Когда оно, наконец, вылезло на сушу, озеро уменьшилось значительно, так что русалки сели на мель, шлёпнувшись в прибрежный ил, и беспомощно забили хвостами.

Хрящик дисциплинированно уселся подле хозяина, готовый исполнить все его приказания. У него была длинная шея, круглое мощное туловище на коротких лапках и хвост, постепенно сужающийся к концу и оканчивающийся вот такой стрелочкой:

→

— Ну как, ничего коняшка?—горделиво произнёс водяной.

— Ты где этого мастодонта выкопал?—изумлённо выговорил домовой.

— В Лох-Несском озере. По воде мы со всем миром связаны. Туристы ему никакого покоя не давали, облавы на него устраивали. Вот, смотри,—Водопян указал на огромный шрамище на теле ящера.— Охотились с гарпунами, дикари. Пришлось забрать его к нам в А. Б. М.

— А он не того… не агрессивный?—опасливо покосился Кузьма на громадину.

— Хрящик-то? Да он безобиднейшее существо. Вот погляди-ка.

Водяной снял шлем с диковинным пером и кольчужные перчатки. По его просьбе Фенька метко метнула ему в руку спутанный клубок речных водорослей.

— Хрящик, дай лапку! — скомандовал водяной.

Хрящик с готовностью протянул чешуйчато-перепончатую конечность.

— Молодец! На́ вот тебе!

Хрящик ловко подхватил протянутое Водопяном угощение.

Тем временем Фенька, вся перемазанная илом, исхитрилась ухватить Хрящика за «стрелку» хвоста. Озёрный дракончик ловко подхватил девчонку и забросил её себе на спину. Фенька с визгом скатилась с Хрящика, как с горки, и плюхнулась в мягкую тёплую первородную грязь озера. К обоюдному удовольствию, они ещё несколько раз проделали этот фокус.

— Ладно, баловники, — Водопян ласково похлопал Хрящика по мощному крупу. — Место, Хрящик!

Хрящик покорно полез в воду. Фенька обхватила его за шею, и они вскоре вместе скрылись под водой.

Кузьма ошеломлённо помолчал и вымолвил:

— Такого хрящера во сне увидишь — не проснёшься.

Домовому сильно не хотелось возвращаться к разговору о должности Санчо Пансы, и тут он вовремя вспомнил про дом и засобирался.

— Никитична должна прибечь, подменить мать, пока та в университете отбывает, — озабоченно забормотал домовой. — Как бы Кондратий её не хватил, когда Егорку не обнаружит на месте. Так, где младенец-то?

Кузьма обернулся к русалкам. Те с нежностью прощались с ребёнком.

Бывшая добропорядочная немка, ныне предводительница русалок, смахнула навернувшуюся слезу и передала убаюканного Егорку домовому.

— Дядя Кузя, а когда вы опять у нас появитесь? А Егорку захватите с собой? — щебетала Фенька, юная русалочка с конопушками.

Кузьма обещал появиться, душевно распрощался со всеми, пожал водяному руку и подался восвояси. Феньке показалось очень смешно, как мелкий лохматый дедок семенит по направлению к овражку, держа в охапке младенца, а пелёнка волочится за ними по земле, как королевский шлейф.

— Эхма, ни дна ни покрышки! — с этими словами Кузьма кинулся в овражек и исчез.

Никитична разминулась с невесткой всего лишь на пять минут. Тревожно прислушиваясь, не доносится ли из квартиры плач младенца, Никитична бегом, по-молодецки, неслась по лестницам.

…Ольга тихонько подошла к кроватке. Егорка был в хорошем настроении, свежий и румяный, только мокрый весь, и пахло от него какой-то тиной. Меняя памперс, она обнаружила у него на попке прилипшую длинную водоросль. Никитичне сделалось дурно. А тут ещё Егорка разжал кулачок, и маленькая речная ракушка выкатилась на простынку. Никитична так и села на пол, тараща глаза на эту ракушку. Сзади к ней тихонько подскочил домовой, взмахнул над её головой красным клетчатым платком, скороговоркой произнёс:

— Снежок подпадал и следок застлал. Ничего не видела, ничего не было.

Схватил ракушку, водоросль и ретировался.

Никитична похлопала глазами, прислушиваясь к смутному осадку в душе. Тут Егорка выдал такую улыбочку своей бабушке, что она действительно забыла обо всём на свете…

Часть 2

11. Знакомство

Никитична очень волновалась. Сегодня вечером она решила познакомить семейство со своим другом. Пригласила его в гости к детям. Как в лихорадке, она металась между внуком и кухней, параллельно готовясь к ужину. В духовке уже томились в сметанном соусе невинно убиенные цыплята, варились в маленьких кастрюльках яйца, морковка и прочие ингредиенты для салатов. В три часа придёт с занятий Маша и нейтрализует Егорку, который не понимал, что у бабушки ответственное мероприятие, и постоянно просился на руки.

Как всё пройдёт? Никита такой максималист, какова будет его реакция, кто его знает.

Ну, вот семь часов. Ольгу подбросило от резкого звонка в дверь — так были напряжены нервы. Она кинулась открывать.

— Здравствуй. Я не один… с Чарой. Может, нельзя?.. Всё-таки младенец у вас. Тогда она на площадке побудет.

— Да что ты, что ты? Проходи, Чарочка. Такую собаку обижать, — Ольга завела собаку в узкий коридорчик.

Никита с Машей тоже вышли в переднюю. Чёрная собака и её контрастно седой хозяин производили приятное впечатление. Собака была замечательная, хотя и беспородная. Большая, чёрная, гладкая, с интеллигентной мордой и человеческим взглядом блестящих глаз. Казалось, что она вот-вот заговорит, ну уж тявкать этой псине было совершенно не к лицу. Между ней и хозяином царило полное взаимное бессловесное понимание.

— Знакомьтесь, прошу, — Павел Пантелеймонович. Это — Никита, Маша. Проходите, — смущённо мямлила раскрасневшаяся Ольга Никитична.

— Отчество неудобоваримое, можно дядей Пашей звать или ПэПэ, — гость протянул загорелую руку Никите.

Тот торопливо, но крепко пожал её.

На госте был бежевый пуловер, Никита машинально отметил: «Мать вязала». У него тоже был такой, только чёрный.

В нагрудном кармане под пуловером что-то топорщилось. «Может, сигареты? Не похоже,

чтобы курил. А может, куриная ножка, как у Азазелло?» — подумала Маша, но тут же устыдилась своего легкомыслия, поймав внимательный взгляд Павла Пантелеймоновича.

Определить возраст ПэПэ было трудно. Маше показалось, что их гость словно сошёл с пьедестала скульптуры Веры Мухиной «Рабочий и колхозница». Рабочий с открытым, честным лицом, некогда белозубой улыбкой и крепкими мускулами, и сейчас ещё симпатичный, сильно загорелый, но седой и как бы подсушенный неведомыми испытаниями.

П. П. принёс торт, цветы и яркую разноцветную пирамидку для Егорки.

Чара послушно дала Никитичне протереть себе лапы, деликатно устроилась в уголке, откуда с интересом наблюдала за барахтающимся в кроватке младенцем.

Семейство разместилось за столом. Егорка издавал призывное гуление, взволнованный непривычной суетой в их маленькой квартирке. Неловкость и смущение первых минут общения Ольга пыталась заполнить усиленным хлебосольством.

— Вот этот салат жёлтенький попробуйте!

Никита, не обращая внимания на сигналы, поступающие от матери, без стеснения переложил половину содержимого салатницы в свою тарелку. Но салатов было достаточно, и Никитична успокоилась.

Большое блюдо в центре стола привлекло всеобщее внимание:

— А это грузди такие великолепные?

— Нет, это картофельное пюре, просто я так оформила. Как получилось? Просто берёшь шарик горячего пюре в мокрое полотенце, делаешь углубление, быстро и аккуратно снимаешь полотенце, получается такая шляпка груздя. Поливаем маслом, и сушёным укропом посыпать…

— Красиво, как будто только из леса, мхом припорошены, — улестила свекровь невестка.

— Видели бы вы, как я эту картошку по всей кухне собирала, — прыснула Никитична.

— Опять, что ли? — встревожилась Маша.

Все переглянулись.

— А что с этой картошкой не так? — поинтересовался П. П.

— Да завёлся полтергейст какой-то, пугает меня до смерти. Иногда утром зайдёшь на кухню, а там картошка по полу разбросана, — Маша дёрнула плечиком. — Сама она оттуда из-под крышки выскакивает, что ли?

— В чём она у вас хранится?

— В сундучке таком старинном… В наследство от бабушки достался, жалко было выбрасывать.

— Можно взглянуть?

— Да, можно, конечно.

Никитична повела П. П. в кухню, Чара потянулась за ними. На кухне хозяин и собака как по команде уставились на потолок, в левый верхний угол. «Чего они там узрели?» — с неприязнью подумал Никита.

— Что такое? — встревожилась Никитична.

— Да так… ничего. Так где сундучок-то? — Павел неохотно отвёл глаза от потолка.

Тут-то он и вытащил таинственный предмет из нагрудного кармана. Отполированный пальцами и временем ореховый прутик имел вид буквы «Y». Легко держась за два конца лозы, П. П. направил третий конец на сундук. Орешина бешено закрутилась в его руках.

Семья с изумлением глядела на это чудо.

Никитична подумала, что этому инструменту она обязана знакомством с П. П.

12. Лозоходец

(тремя месяцами ранее)

Воды нет

Павел со своей неизменной спутницей Чарой стоял на пригорке и с интересом наблюдал за суетой на участке зажиточного землевладельца. Огромный уродливый дом, на который не пожалели кирпича и черепицы, гараж, пристройки, баня — всё это великолепие было обнесено высоким человеконенавистническим забором. Но с горки двор весь лежал как на ладони. Круглый коротконогий прораб визгливо командовал техникой и рабочими. Мужики устало огрызались матом.

Посреди двора красовался отделанный мраморной крошкой бассейн. Он был пустым. В этом-то всё и дело. Воды нет. Рабочие избуравили уже весь участок, с маниакальной настойчивостью пытаясь дойти до водоносного слоя, но усилия их пропали даром. Воду обнаружить не удалось.

— Эй, мужик, ты чё тут высматриваешь? — грубый окрик вывел П. П. из задумчивости.

К ним приближалась гора мускулов, обтянутая спортивным костюмом. Молодой парень, стриженный ёжиком, излучал агрессию. Чара насторожилась и заняла позицию между хозяином и этим, с позволения сказать, молодцем. Юноша угрожающе повторил:

— Ты чё, дед, высматриваешь здесь? Я тебя вчера ещё приметил. А ну проваливай…

— Да ты, сынок, погоди злиться. Лучше устрой с хозяином твоим разговор. Дело есть.

— Какое, на х…, дело?

— Ну ты погоди лаяться-то. Говорю, дело есть.

Парень сделал попытку снова заматериться, но вместо этого неожиданно… хрюкнул и… смутился, наверное, первый раз в жизни. В глазах дяди Паши запрыгали чёртики.

Встреча

Чара оббежала участок, с азартом обнюхала все ямки, вернулась к хозяину и молча уселась.

— Ты так считаешь?—обратился к собаке П. П.— Ну давай я ещё погляжу.

Павел с лозой обошёл участок. Хозяин, рабочие и секьюрити недоверчиво следили за действиями странного мужика.

Лоза не пошевелилась.

— Да, Чара, ты права. Нету водицы.

Чара преданно смотрела на хозяина. Она была не только другом, но и тончайшим инструментом, помощником лозоходца.

— Что ж, пойдём поищем?—продолжил разговор со своей помощницей П. П.

Обернувшись, пояснил людям:

— Мы здесь походим, поищем водичку.

Чара с энтузиазмом понеслась прочь со двора, заскочила на соседний участок и почти без раздумий принялась копать ямку между грядками. П. П. подошёл. Лоза указывала это же место.

— Молодец, Чара, молодец!—хозяин не жалел похвал для своей любимицы.

Надо ли говорить, что участок, на котором обнаружили воду, принадлежал Ольге Никитичне? Она как раз в этот момент находилась в теплице—с помидорами, видите ли, разговаривала[4].

…Богатый сосед был удивлён и восхищён работой П. П. Он его щедро одарил, звал на работу к себе в «Водоканал». От предложения П. П. деликатно отказался, предпочитая участь свободного художника.

На участке Никитичны пробурили скважину, вода по трубе закачивалась в бассейн, на торжественное открытие коего позвали и соседку, и лозоходца. П. П. и Ольга чувствовали себя не в своей тарелке, смущались и весь вечер общались только друг с другом.

Мишка-телохранитель привязался к П. П., звал его дядей Пашей и очень следил за речью.

— Дядя Паша, тётя Оля, идите к нам шашлыки кушать!—над калиткой громоздились могучий торс и не тронутая образованием физиономия Мишки.

Павел и Ольга ужинали на веранде.

— Спасибо, Михаил. Да только видишь, я—вегетарианец. А у Ольги—фигура, то есть я хотел сказать—диета.

— Да ну чё, маленько-то можно.

— Спасибо, Миша. Мне никак нельзя, я от мяса «нюх» теряю,—засмеялся П. П.

— Ну тогда так приходите, у костра посидим.

— Это можно, спасибо, придём.

Ольга и Павел вместе провели лето.

13. После званого ужина

…Знакомство состоялось, но вопросов стало ещё больше. Допрашивать человека не станешь: кто, да что, да откуда взялся и чем занимался? А сам П. П. всё больше молчал, слушал да улыбался. Улыбался, впрочем, хорошо, так, что все подозрения в сомнительности знакомства усмирялись, и даже Никита, ревновавший мать, которая всю жизнь принадлежала только ему безраздельно, успокоился.

П. П. и Ольга Никитична ушли вместе.

— Оля, ты только не пугайся,—тихо начал Павел. И вдруг, еле сдерживая смех, брякнул:—Домовушка у них завёлся!

— Какой домовушка? На потолке?—изумилась Никитична.

— Да нет, на потолке другое…

— А домовой—это страшно?—с тревогой спросила Ольга.

— В вашем случае—нет. Такое бывает. Просто ему не нравится, что вы картошку в этом сундуке держите,—П. П. сначала прыснул, а потом захохотал от души, помолодев при этом лет на тридцать. Сквозь смех произнёс странную фразу:—Он в этом сундуке катается, а вы—картошку…

Никитична непонимающе воззрилась на П. П., но не сильно удивилась, так как немного попривыкла за лето к странностям своего друга.

Вдруг Чара угрожающе зарычала.

— Эй, мужик, дай закурить,—два облезлых молодых человека преградили путь нашей парочке.

Хулиганы давно наблюдали из темноты за «стариками» и, решив, что те представляют собой лёгкую добычу, так неоригинально затеяли свою глумливую игру.

— Не куришь, так деньги давай. Сотовый давай! Как это не пользуешься? Кнопки нажимать не научился, старая рухлядь? Курица твоя пусть тоже выворачивает сумку,—парень агрессивно ощерился и попытался толкнуть Никитичну в грудь.

Но не на ту дамочку напал! Ольга не только устояла на ногах, подставив под удар сумку, а с криком: «Мой правый!»—внезапно накинулась на хулигана—того, что справа от неё. Под влиянием стресса и ярости она вдруг чётко применила приём ушу, который на занятиях бестолково много раз пыталась осуществить под присмотром тренера-китайца.

Нет, не зря, ничего не зря, никакие усилия не пропадают даром. Поглядел бы сейчас мастер на триумф своей ученицы! А ведь он боялся, как бы пенсионерка не рассыпалась от неудачного повторения приёма, когда страховал её, приговаривая: «Осталёзна, осталёзна». Жизнь потребовала отбросить осторожность, и вот—негодяй корчился на земле от невыносимой боли в коленке.

П. П. так поразился смелым действиям Ольги, что пропустил удар в челюсть от того хулигана,

4. Разговаривать с растениями, особенно с помидорами,—это известная фишка садоводов-огородников. Утверждают, что растения от этого лучше растут. Вы никогда не замечали, что общение с садоводами освежает?

что слева. Очухавшись, он врезал недоноску под дых, схватил Ольгу за руку, и они побежали. Чара стелилась чёрной тенью за своим хозяином.

Не чуя ног, легко и грациозно, как в молодости, так им казалось, они летели над тротуаром, как влюблённые на картине Шагала, занятые только друг другом, не беспокоясь о затемнённости города, о персонажах этой темноты, оставленных на заднем плане… Потому что Земля отошла, и буднишняя жизнь с её сложностями и сюрпризами подождёт.

14. Предотвращение несчастного случая

На другой день после знакомства с ухажёром Никитичны Маша занималась привычными делами, хлопотала на кухне, готовила обед. Егорка лежал в коляске, звенел погремушками, «разговаривал» и победоносно улыбался мамке всеми двумя зубами, имеющимися у него в наличии в настоящий момент. Маша орудовала в кастрюле, полуобернувшись к сыну и поддерживая в нём энтузиазм.

И здесь случился весь этот кошмар. Коляска сама собой вдруг рванула с места и откатилась в противоположный угол кухни, а на то место, где она секунду назад находилась, с потолка свалился огромный пласт штукатурки — из образовавшейся дыры хлынула грязная холодная вода! Молодая мать в ужасе выхватила Егорку из коляски, влетела в комнату, схватила телефон и трясущимися пальцами набрала номер…

15. Дружба

После коммунальной аварии молодым пришлось временно переехать к Никитичне, а в их квартире затеяли капитальный ремонт. Ведь что произошло? Квартира у них была на последнем этаже, и каким-то образом из-за протечки крыши вода долгое время скапливалась между перекрытиями. Именно этот процесс П. П. и Чара почувствовали в самый первый свой визит, не зря они как по команде воззрились тогда на потолок. Предпринять ничего не успели. И только благодаря Кузьме удалось избежать страшной беды. Ведь понятно, что это именно домовой оттолкнул коляску в момент чрезвычайного происшествия.

П. П. занимался ремонтом кухни, наверху стучали рабочие — перекрывали крышу. Чара лежала в углу разорённой кухни, положив голову на лапы, и следила за хозяином преданными глазами. Вдруг она встревоженно подняла морду.

Почувствовав затылком чьё-то пристальное внимание, Павел обернулся.

На сундуке лежало странное бородатое существо в джинсах, лаптях и футболке с нарисованным человеком-пауком.

— Ну-ну, давай клади кресты поплотнее. Может, ещё попа с кадилом позовёшь? Чего ты меня крестишь, грибы-опёнки? Что я тебе, вампир, что ли? — недовольно пробурчал домовой.

— Священника-то придётся позвать, Егорку с Маней крестить будем, да и квартиру освятить надо после такого происшествия, — как бы оправдываясь, промолвил П. П.

— Ну и крестите, кто-то против, что ли? Ты песенку слыхал: «Идут вперёд два ангела в поход, один душу спасает, другой — тело бережёт»? Так вот, который тело бережёт — это я. Ты, Павел, вроде продвинутый, а кто такой домовой — не разумеешь. *Добрый дух дома*, етить через колоду!

— Не ругайся, добрый дух, — усмехнулся П. П.

— Я и не ругаюсь, так, вылетело маленько. Ну ты ж не барышня кисейная, небось.

— Я-то не барышня, а чего ты Маню пугаешь?

— Кто? Я? Когда? Как?

— А кто каждую ночь ножик в разделочную доску втыкает? Картошку по кухне разбрасывает?

— А, это-то… Слышь, Паша, объясни ты этой дурочке, что ножик на ночь надо в стол прятать. Чтоб после двадцати трёх часов никаких ножей на кухне я не видел! И мусор после заката солнца чтоб не выносила, и чтоб не спала в закатные часы — кумушку выспит, и…

— Ишь ты, какой грозный хозяин, — опять ухмыльнулся П. П.

Тут домовой взвился чуть не до потолка:

— Дом вести — не лапти плести! Я законы блюду, чтобы вам, человекам, жилось в гармонии! Я не пережиток какой-нибудь, как ты полагаешь! Всю вековую житейскую мудрость профукали, в цифры обратили да в телефоны свои занесли, умники!

П. П. огорчённо посмотрел на домового, он не ожидал, что тот так разобидится. Павел сейчас же оставил потолок, над которым усердно трудился, и направил свои усилия на восстановление мира и задабривание домового.

— Да ты не серчай, куда-то не туда у нас разговор пошёл. Прости, надо было сразу вот с чего начать, — Павел встал перед домовым, поклонился в пояс и торжественно произнёс: — Благодарность тебе и низкий поклон за спасение Егорки, это ведь ты коляску-то с опасного места столкнул, я сразу это понял. Проси чего хочешь, ничего не пожалеем.

Кузьма от слов П. П. просиял, смутился и даже растерялся от неожиданности, зарделся, превратившись в симпатичного человечка.

— Да вот одёжа у меня вишь какая, — он застенчиво оглядел свою нелепую футболку и заплатанные джинсы. — У Никиты штаны и майки здоровые, хоть на танк их напяливай, а Манькины девчачьи майки я носить не собираюсь. Пришлось у соседского мальчишки позаимствовать. (Тот, кстати, обыскался своих штанов и любимой футболки.)

— Справим тебе одёжу. У меня знакомый есть в театре, всякие костюмы шьёт, тебе понравится, не сомневайся.

Кузьма радостно похихикивал, как от щекотки, пока Павел снимал с него мерки.

— А что бы ты покушать хотел? — заботливо поинтересовался П. П.

Домовой мечтательно задрал вверх бороду.

— Я бы не отказался от пшённой каши с тыквой, Никитична готовит. Кормила она тебя такой кашей? — домовушка бросил лукавый взгляд на П. П. — Ещё я люблю молоко с мёдом и с баранками. Погоди-ка…

Кузьма полез в шкаф под мойкой, порылся там, вылез, держа золотистую луковицу за хвостик.

— Где-то там хлебушек чёрный завалялся, достань, а?

Павел разрезал краюху чёрного хлеба, посыпал куски солью, очистил луковицу, порезал колечками и протянул бутерброд домовому.

Чара несколько раз чихнула и, обиженно взглянув на хозяина, покинула кухню. Для её чувствительного носа запах лука был непереносим.

16. Лечение Толика

— Сегодня буду лечить тебя. От запоя, — деловито объявил домовой. — Нá вот, выпей.

Домовой протянул Толику гранёный стаканчик. Толик понюхал и удивлённо произнёс:

— Водка?!

— Водка, водка. Пей давай.

Толик послушно, с удовольствием выпил, занюхнул рукавом, с улыбочкой сказал:

— Хорошее лечение.

— Погоди ужо радоваться-то. Пиу, давай.

Пиу, вибрируя от волнения, подал домовому нечто мерзопакостное в пол-литровой баночке. Квартирант с омерзением поглядел на серо-буро-малиновую жидкость в банке.

— Пей! — скомандовал Кузя.

Бедный Толик зажал нос двумя пальцами и отхлебнул пару глотков.

— Пей, кому говорю! — притопнул ножкой Кузьма.

Толик зажмурился и допил поганое пойло до дна.

— Фу, что это было-то?

— Да ничего особенного. Питательная настойка из дохлых мух.

— Бе-е-е-е…

Домовой расторопно подсунул больному тазик. А того буквально выворачивало наизнанку. Наконец он в изнеможении повалился на лежанку.

— Так надо, это мы отрицательный рефлекс на водку вырабатываем, — деловито объявил Кузьма и, устроившись рядом с несчастным, зашептал с воодушевлением, чувствительно приколачивая своего пациента по голове.

Как в тумане, до Толика долетали отдельные слова и фразы, они показались ему какими-то древними, смутными и… детскими:

Чур меня, чур…
в окияне-море…
на Синем море, на Белом камне…
там Белая Рыба всё плохое изъедает-испивает…
замыкаю слова замками, бросаю ключи в окиян-море…
сдунь-сплюнь…

Отбормотав своё заклинание, домовой затаился.

— Кузьма, ты здесь ещё? — слабым голосом произнёс Толик.

— Здеся, здеся. Спи ужо.

— Кузьмич, а ты сам-то «окиян-море» видел?

— Не-а, не видел. А ты?

— А я видел, — мечтательно ответил Толик. — В Турции. Чёрное море. Оно такое… «И море чёрное, витийствуя, шумит и с тяжким грохотом…»

Толик закрыл глаза и заснул, не договорив фразы.

— «…подходит к изголовью»[5], — неожиданно закончил домовой и со вздохом добавил: — Эх, бедолага, интеллигентный человек, а что с собой утворил. Спи, сердешный, завтра баньку затопим…

Толик спал. А во сне ему снилось синее море. Вокруг него вились разноцветные ласковые рыбки. Весёлый дельфин щекотал и лез целоваться, увлекая за собой в бездонную, но совсем не страшную пучину целительного сна.

17. Телепатия в действии

Домовой ходил за Никитичной по пятам и канючил:

— Ну сходи проведай избушку, совсем забросила родовое поместье. Там у тебя квартирант живёт, а ты и не знаешь. Сходи, а?

А до Ольги никак не доходило. Она безмятежно делала свои дела, хлопотала по хозяйству.

Кузьма не отвязывался:

— Где твоя хвалёная чувствительность? Ходишь чисто бегемот египетский, не достучишься до тебя. Сходи, говорю, поддержи парня, он вроде на путь исправления встал.

Никитична заученным жестом подняла руки, как бы пытаясь поправить несуществующую «башню» на голове (никак не могла привыкнуть к стрижке), и подумала: «Надо сходить проверить избушку. Давно не была, закрутилась совсем».

— Наконец-то! — всплеснул ручками домовой. — Догнала, молодец.

18. Нежданный квартирант

Ольга стояла, выпучив глаза и прижимая к груди сумочку. Перед ней замер в столбняке худой, незнакомый, нищенски одетый человек.

Он очухался первым.

— Вы хозяйка, да? — робко проронил Толик.

5. Откуда домовой знает стихотворение Мандельштама? Ну как откуда — живёт давно, среди его хозяев, видно, бывали и весьма интеллигентные люди. :)

— Да… А вы… кто? — Никитична осторожно огляделась.

Скромная обстановка вроде бы не изменилась. Все окна, кроме одного, выходящего во двор, закрыты ставнями. Возле этого окна на самодельном мольберте стоял недописанный портрет старичка, смутно Ольге знакомого. Внешность старичка на картине была какая-то смазанная, невыразительная: лысина, лохматая борода, нос картофелиной, весь в ласковых морщинках, а вот бублик в руке более чем убедительный, аппетитный. На столе, среди самодельно заточенных угольков из печки, которыми художник рисовал, сиротливо лежали горбушка чёрного хлеба и две печёные картошки.

Никитична с жалостью оглядела бледное молодое лицо, болезненную худобу фигуры.

— Кто… вы? — спросила она тихо.

— Простите, ради Бога, так получилось… — молодой человек мучительно давился словами. — Попал в затруднительное положение… пока было не так холодно, жил в подвале, а потом… Мне идти некуда…

19. Сессия

— По здорову тебе, Кузьма Кузьмич, — с ласковой улыбкой П. П. обратился к домовому.

— И тебе здорóво, коли не шутишь, — отозвался Кузьма. Хмуро добавил: — Сидим вот не жрамши. Сессия у нас.

Слово «сессия» домовой произнёс как-то ехидно.

— Кормят только Егорку, а нас, семью, — меня то есть и мужа свово Никитку — обрекли на голодную смерть, — домовой явно намекал на Машку, говоря о ней почему-то во множественном числе.

— Ну так ведь это временно же, запарилась девчонка. А ты бы, Хозяин, взял бы да помог.

— Да-а… помог. Из чего я похлёбку варить буду, если дома только детское питание? — вздохнул домовой.

— А вот тебе курочка, — с этими словами П. П. раскрыл пакет с продуктами и стал выгружать их на стол.

— Курочка? Это хорошо, это питательно, — оживился Кузьмич, захлопотал и быстренько полез в шкаф за кастрюлькой.

— Маня с Егоркой на улице гуляют, а Ольга где, не знаешь? — П. П. удовлетворённо оглядывал кухню — после ремонта она так и блестела.

Домовой споро готовил всё для супа. Со стороны это выглядело фантастично: картошка сама собой чистилась и плюхалась в чашку с водой; морковка сама себя натёрла на тёрке; курица с разбегу кинулась в кипяток; несколько чёрных перчиков выскочили из стекляшки для сыпучих продуктов и, радостно подпрыгнув, бросились в бульон.

— Никитична-то? — переспросил Кузьма, яростно взбивая в миске яйцо. — Да услал я её на одно тайное задание.

Домовой хихикнул и продолжил:

— Что мне в ней нравится, Паша, так это восприимчивость, есть у неё способности, ты её тренируй, из неё неплохая ведьма получится.

20. Шире круг

Скосив глазки к переносице, Пиу вдохновенно нюхал пенициллиновый пузырёк.

— Пиу, ты где эту гадость раздобыл?!

Кузьма бесцеремонно выхватил пузырёк из бледных лапок своего дружка и назидательно разъяснил ему, что плесень — это природный продукт, а пенициллин, который из неё делают, — это, извините, уже синтетическое счастье.

Пиу обиженно сопел. Кузьма утешил его кусочком плесневелого сыра.

— Ну что, докладывай: как встреча-то прошла с Никитичной? — обратился уже к Толику, разглядывая рисунок на мольберте. — Слушай, это я, по-твоему, так выгляжу? Ты меня рисовал?

Толик, хоть и не боялся уже домового нисколечко, а даже радовался его визитам, всё-таки никак не мог привыкнуть к невидимой возне Пиу с Кузьмой и к разговору с невидимым собеседником: как будто с тобой не всё в порядке — сам с собой разговариваешь.

— Ольга Никитична очень приятная дама, интеллигентная, добрая. Она не против, чтобы я тут жил. Она даже предложила мне программу социореабилитации…

— Социо — чего? — ворчливо переспросил домовой. — Придумают слова какие-то мудрёные.

— Ну, как меня снова в общество вернуть, в общем. Паспорт, работа… Сходила в магазин, накупила продуктов, сказала, что принесёт мне тёплые вещи. Хочет познакомить меня с сыном Никитой и ещё каким-то мужиком…

— Это она тебя вводит в свой круг, это хорошо.

Кузьма опять прилип к мольберту.

— Ты же не видишь меня, так как тебе удалось угадать? А Пиу можешь нарисовать?

Толик быстрыми точными линиями нарисовал кусочек сыра и дымок над ним.

— Ну вылитый Пиу! — веселился домовой. — Вот что значит художественная интуиция!

Часть 3

21. Дом, милый дом

Весело переговариваясь, ПэПэ с Никитичной и Чарой приближались к дому, где уже несколько месяцев жил квартирант Толик. У них были хорошие известия для него — нашлась работа. Знакомая Никитичны, детская писательница, задумала книжку с картинками и нашла спонсоров, которые в неё поверили и готовы были взять на себя

расходы. Искали художника-иллюстратора. Ольга Никитична не сомневалась, что работа Толика знакомой понравится.

Кузьмич незримо увязался за компанией—проведать избушку, нанести визит подопечному своему Толику да Пиу поуютнее устроить. С наступлением зимы его приятель впадал в спячку, причём внезапным образом: зимний морок мог настичь его в самом неожиданном месте, и если его не прибрать, то люди так и будут по нему ходить, наступать на беднягу, не ведая, что он вообще существует.

…Приятно очутиться в родной избе, вдохнуть воздух с дымком берёзовых дров и запахом старого дерева. Домовой в блаженстве задрал бороду к потолку, но ненадолго, вспомнил: Пиу же надо искать! Настроил свои локаторы и помчался по комнатам—дружка нигде не было!

Встревоженный Кузьма полез в подполье. И чуть не наступил на Пиу, тот валялся прозрачной тряпочкой прямо на ступеньке: видно, полез плесени себе немножко добыть, да тут и сморился. Кузьмич подобрал лёгкое тельце, выбрался из подполья и взобрался на печку, там, на полатях, запрятал Пиу в старый тулуп.

Одна миссия завершена. Пора приступить ко второй.

Давно вызревала у домового мечта, как всё семейство собрать вместе и вернуть в родовой дом. Мечта недостижимая: попробуй-ка выживи городских жителей из квартиры с водой, отоплением и тёплым туалетом и верни в деревянный дом! Но он потихоньку внедрял эту мысль в экологичное сознание П. П. и Никитичне внушал, сны посылал подходящие… Вот сейчас с удовлетворением наблюдал, как Павел ходит по дому, задумчиво щупает стены, пол простукивает, ножкой притопывает… Ага! Пошёл снаружи дом оглядывать. Не профукать бы хороший момент.

— А домик-то хоть гнилой, а свой! Паша, ты ведь мастеровой—там подправишь, здесь подлатаешь, да и можно жить! По земле ходить, от земли питаться,—нашёптывал домовой.—Вот погляди-ка, какие окошечки: не стыдно на людей посмотреть и себя показать. Ставенки да наличники гляди какие—резные обереги, никакая нечисть не пролезет. Толян узор срисует, можно резчикам заказать, восстановить… Так ведь, художник?—обратился домовой к подошедшему Толику.—Нравятся тебе наличники?

Анатолий смутился: уж больно ситуация фантастичная—отвечать на вопросы домового в присутствии странного мужика,—и удалился к поленнице, якобы за дровами.

— Кузьмич, а если дом под снос подпишут? Мы на него силы и деньги положим, а его возьмут и снесут—в черте города ведь,—рассудительно заметил П. П.

— Не снесут! По крайней мере, на ваш век с Никитичной хватит, я узнавал,—заверил домовой.

— А где ж ты такую информацию достал?—удивился ПэПэ.

— Ой, подумаешь, бином Ньютона. Я через своих, домовых, всё узнал в департаменте градостроительства и управления архитектуры. Не планируют сносить.

Павел развеселился, даже засмеялся, Кузьмич его забавлял.

— Насчёт воды что скажешь? Вода-то есть, я проверил уже, но разрешат ли к ней подключиться?..

Домовой задумался… В это время подошла Ольга.

— Паша, с кем это ты разговаривал вот сейчас?

— Да с собой, Оля, привычка такая дурацкая у меня,—успокоил Никитичну ПэПэ.

Признаваться, что он общается с домовым, ему не хотелось. Это лишнее, ещё подумает, что он сумасшедший.

Ольга взяла друга под руку и повела его по двору, у старого шершавого тополя остановилась, провела рукой по коре.

— Смотри, Паша, видишь вот эти рубцы? Ещё когда я маленькая была, тополь срубить пытались, не знаю уж, почему и кому он помешал, но после отступились. Я потом приходила, гладила его, жалела.

Никитична продолжила обход территории.

— Вот здесь хорошо бы для Егорки песочницу устроить… А там вон теплица для помидоров хорошо бы встала… Ой, что это я размечталась?—очухалась Ольга Никитична.

Домовой толкал П. П. в бок и довольно потирал ручки.

22. Вода, вода—кругом вода

Егорку, свежего и румяного, такого пригожего, в чистом памперсе и новом бодике[6] с дракончиками только что выпустили размяться из его младенческой крепости—кроватки. Ползал он уже как метеор, мог даже стоять с опорой, готовился к прямохождению. Крошечные ладошки весело зашлёпали в сторону кухни, там, за дверцами шкафа, было всё самое интересное: ложки-поварёшки, кастрюли и крышки, всё звонкое и гремучее. Малышу надолго хватало этой забавы—достать, исследовать, покрутить в ручках и художественно разбросать.

Хлопнула входная дверь, младенец тотчас бросил своё интересное занятие и быстро пополз в прихожую. Папа пришёл! Егорка ликовал, тянулся к Никите, а тот стоял столбом, виновато улыбался.

6. Все же знают, что такое бодик для младенцев? Это элемент одежды, который является комбинацией распашонки и ползунков, с застёжкой на кнопках между ножек.

Машка отчитывала мужа, который опять где-то шлялся то ли с диггерами, то ли со спелеологами, явился грязный, чумазый, голодный и замёрзший. Но довольный.
— Снимай всё, мойся — желательно в хлорке — и не прикасайся к ребёнку! — возмущалась молодая мать, подхватывая сына на руки.
— Маня, ну я немного заработал, вот — за экскурсию заплатили, — Никита протянул жене деньги.
— Давайте, мужчина, сюда ваши грязные деньги, — Маша взяла банкноты двумя пальцами и показала Никите язык.

Вообще-то она давно смирилась с тем, что Никиту ни в какой офис не загонишь и за компьютер не посадишь, они с Ольгой Никитичной только молили Бога, чтобы он не бросил учёбу. Вздохнув, она пошла набирать ванну.

Спустя некоторое время Кузьма вылез из сундука и первым делом побежал к Егорке. Его в кроватке не было, а в ванной лилась вода. «Купают, наверное!» — смекнул домовой, подкрался к двери и заглянул в щелочку. Никита отмокал в ванне, а на его смуглой груди розовой заплаткой лежал сынишка. Маша тихонько поливала своих мужчин тёплой водичкой и ворковала.

Полюбовавшись на мирную семейную сцену, домовой внезапно хлопнул себя по лбу: «Я же хотел насчёт воды выяснить, Павлу обещал!» Кузьме срочно понадобилось навестить своего друга водяного, он рысью побежал на кухню и скрылся в сундуке.

…Кузьмич плюхнулся в траву возле пруда и с удовольствием огляделся. На камне, полускрытые камышами, сидели русалки. Брунгильда причёсывала Феньку специальным деревянным гребешком и пыталась заплести ей косички. Та баловалась, крутилась, била хвостом, поднимая фонтаны брызг. При этом она ещё успевала любоваться на себя в зеркале, корчить рожицы, показывать самой себе язык и хихикать.

Привычной тишины не было. Откуда-то доносился лай собаки. Откуда здесь собака? Тут домовой увидел морду плывущей собачонки, которая с энтузиазмом гонялась по всему озеру за пучеглазой стрекозой и взахлёб лаяла.
— Что за Содом с Гоморрою? — весело проговорил Кузьма, раздвигая прибрежные камыши.
— Ой! Дядя Кузя пожаловал! — с гиканьем кинулась в воду Фенька, подплыла к собачке, прижала её к себе и вернулась к берегу.
— Смотри, дядя Кузя, какую собачку мне дядя Водопян подарил! — Фенька радостно совала в нос домовому лохматую мокрую псину.
— Какая у тебя собачка хорошая, звонкая такая. Сучка али кобелёк? — задал было обычный в таких случаях вопрос домовой, но осёкся на полуслове. — Что это? Что это за гибрид такой?

Собака, очень милая чёрно-белая лохматая дворняжка, сучила передними лапами в воздухе, а задними… А задних лап и хвоста не прослеживалось вовсе, вместо них имел место русалочий хвостик, которым она дружелюбно помахивала.
— А что тут такого? — дружно обиделись за «гибрид» русалки. — Мы все тут гибриды. Так получается.
— Да нет, я ничего такого не хотел сказать… — пошёл на попятный Кузьма. — Да уж больно чудно́. Как зовут-то животное?
— Её зовут Муму! — выпалила Фенька.

— Соблаговолите пройти в кабинет, Кузьма Кузьмич, — церемонно обратился к своему гостю Водопян.

Водяной на сей раз принарядился во фрак, одетый на голое и, похоже, мокрое тело. Добротная материя местами набухла от воды, прилипла к мощной фигуре и выглядела как водолазный обтягивающий комбинезон.

Домовой покраснел и сбился с дыхания от долгого и крутого подъёма по узкой тропинке. Пыхтя и обмахиваясь детской панамкой, Кузьма с любопытством оглядывал уютную и просторную пещеру, в которой водяной устроил себе кабинет.

Когда-то давно Водопян был большим учёным, руководил НИИ. Своими исследованиями сильно навредил окружающей среде и теперь отрабатывал свои заблуждения. Кем он был при жизни, Водопян забыл, но научные подходы к порученному делу сохранил.
— Извините, электричества у нас нет, — весело сказал Водопян, зажигая свечи.

Прямо напротив входа на стене было развешано рыцарское снаряжение — кольчуга, шлем, латы; старинный обоюдоострый меч лежал на подставке в стеклянном ящике, — всё это домовой уже имел счастье лицезреть на хозяине кабинета, когда тот изображал из себя Дон Кихота. Здесь же, у стены, стоял громадный, просто людоедских размеров стол, совершенно пустой. Откуда-то непрерывно капала вода: кап, кап, кап. Присмотревшись, Кузьма обнаружил слева от входа в пещеру источник. Вода сочилась прямо из каменного нутра пещеры и по капле собиралась в прозрачный сосуд. Из его широкого горлышка торчала ручка совсем не романтичной серебряной поварёшки.
— Я обещал тебе банки данных показать, — сказал водяной.
— Банк данных? — деловито переспросил домовой; совсем недавно его хозяином был программист, от которого Кузьма понабрался всякого.
— Нет, дорогой товарищ, именно «банки» данных. Извольте взглянуть, — и он указал в глубь пещеры.

Домовой невольно ахнул. Насколько позволяло проникнуть взору скупое освещение, на необъятных полках стояли всевозможные сосуды

с водой. Затейливые, искусные старинные графины, лафитники, кувшины всех мыслимых и немыслимых геометрических форм и размеров, пузырьки, наконец, простые банки…

— Вот-с, Кузьма Кузьмич, моя лаборатория,— Водопян сделал широкий жест рукой.

— А позвольте поинтересоваться, что является объектом ваших исследований?— напустил на себя академическую важность домовой.

— Вода,— веско проронил водяной.

— Простая вода?

— Простая!— фыркнул водяной.— Вода вездесуща. Человек почти целиком состоит из воды, она занимает бóльшую часть суши… Я, милостивый государь, сделал поразительное открытие: вода является самым главным носителем информации на Земле. Она всё помнит, всё запоминает!

Водопян выпучил и без того крупные глаза и вдохновенно забегал вдоль стеллажей с банками. Он схватил простую пол-литровую баночку с крышкой, на которой была наклеена бирка «Феня».

— Вот, извольте,— Водяной осторожно открутил крышку и взял с помощью пипетки каплю воды из банки.— Извольте открыть рот,— скомандовал Водопян.

Кузьма послушался. Капля воды из банки перекочевала ему в рот. Домовой почмокал губами, задумчиво пожевал язык… и вдруг отчётливо увидел картину.

История Феньки

…Босые девчоночьи ноги радостно шлёпают по горячей пыльной дорожке. Приподняв подол простенького платьица, хозяйка ног старается как можно больше растревожить эту сонную, утомлённую солнцем тропинку.

Впереди из-за кустов голубеет речка. Жара. Солнце печёт. Быстрее, быстрее вон за те кустики забежать, раздеться— и в воду!

Фенька торопливо выпутывалась из платья, когда услышала вдруг голоса. Женский— визгливый и кокетливый— и мужской— подобострастный и гугнивый. Фенька узнала бы эти голоса из тысячи. Барыня и управляющий. Сразу стало совестно. Нет, не перед хозяйкой и её опричником, а перед матушкой, которая служила у них кухаркой и сейчас «кипела» в кухонном аду. В такую жару стряпать обед из пяти перемен с обязательными пирогами очень тяжко, и Фенька должна была помогать матери, но сбежала на речку. «Сейчас я по-быстрому искупнусь— и сразу на кухню»,— успокаивала свою совесть Фенька.

Но место пришлось искать другое, и девчонка побежала в лес, к заветному прудку.

Мало кто из деревенских ходил сюда, старожилы вообще о нём рассказывали страшные истории. Но Феня ничего такого не слышала, это местечко было её открытием.

В тихом тенистом пруду плавали кувшинки, а над водой росло дерево, тонкое и гибкое. Фенька придумала забаву, довольно опасную для неподготовленного человека, но юная девица считала себя ловкой, цепкой, она умела плавать и ничего не боялась. Фокус заключался в том, что она залезала на деревце, раскачивала его и, как на пружине, с визгом летела к воде, поднимая фонтаны брызг, а потом взлетала вверх, когда дерево разгибалось. Вода холоднющая в пруду— верно, подземный ключ на дне бил,— не поплаваешь, а кратковременное «макание» в такую воду— отличная освежающая процедура. С наступлением жары Фенька часто сюда бегала.

Эх, Феня, знала бы ты, что твоя забава может кому-то не понравиться! И что с самого первого дня за тобой наблюдали злые глаза эгоистичного и бессердечного существа…

…Тут домовой не выдержал и заплакал, то, что он увидел, расстроило его страшно. А увидел он, как водяной, хозяин этого омута, утопил Феню. Девчушка пыталась выплыть, но ключевая вода слишком холодная, ноги свела судорога, и ребёнка утянуло водоворотом на дно.

Кузьма видел, как мать искала её, звала, рыдая, бегала вдоль речки… Феню так и не нашли, никто ведь не знал, куда она ходила.

— Вот ведь гад какой! Из-за чего девчоночку погубил, покой, видите ли, она его нарушила, чай пить она ему помешала! Из-за таких выродков нам люди и не доверяют— боятся! Этого водяного хоть наказали?— обратился Кузьма к Водопяну, утирая слёзы клетчатым платком.

— Ещё как! Не сомневайся, понёс жестокое наказание,— ответил Водопян.— У него лицензии не было, о таком реликтовом[7] водяном даже руководство наше не слыхало. В общем, выслали его в Казахстан, в пески пустыни Кара-Кум. Для водяных это самый что ни на есть адский ад. Он там долго мучился, пока не иссох. Для соблюдения баланса, чтобы хоть какой-то плюс природе от его наказания получился, устроился там небольшой оазис с колодцем…

Кузьма удручённо молчал, он даже забыл, о каком деле хотел спросить Водопяна. Ох, нельзя людей без присмотра оставлять, особенно детей. Домовой засобирался домой.

Напоследок пошёл взглянуть на девчушку-русалку, убедиться, что ей здесь хорошо.

Фенька и Муму мирно расположились на камушке. Собака сушила шкурку на солнышке, жмурясь от удовольствия. Фенька щекотала ей за ухом, отчего Муму за неимением задней конечности мелко подёргивала рыбьим хвостом, следуя привычному собачьему рефлексу.

7. Реликтовый— здесь, сохранившийся от более древних эпох.

Ночью Маша проснулась, ей показалось, что Егорка плачет,—но нет, он мирно спал в своей кроватке: кулачки закинуты вверх, к головке, вид ангельский. Только легла—слышит, опять будто кто-то всхлипывает. Она долго не могла заснуть из-за этого.

А ведь это домовой плакал и вздыхал. Потрясённый историей Феньки, свернулся калачиком в своём сундуке и оплакивал всех бедных безвременно ушедших детей, пострадавших от недосмотра взрослых или от жестокости мира сего; сгоревших на пожаре или утонувших; сбитых машиной или угасших от злой неизлечимой болезни… Что ж ты, мир людской, коли не справляешься сам, не можешь детёнышей своих уберечь, так не отказывайся же от помощи мира невидимого, призывай на службу существ, веками сторожививших благополучие человека. Аминь.

Эпилог

Летом Егорке исполнится год; он уже сейчас осторожно переступает ножками, пытается ходить, но пока с опорой. Взрослых вокруг много, все наперебой с ним водятся, домовой бдит—младенцу и заплакать некогда, растёт малыш весёлым и счастливым.

Добился-таки своего домовой—занялась семья домишком! Порешили так: летом все будут в родовом поместье жить, а зимой—молодые с ребёнком в квартире Никитичны поселятся. Ольга с Павлом и Чарой водворятся в доме навсегда.

Устроилось всё как нельзя лучше. Даже дачу продавать не пришлось, деньги на реконструкцию нашлись у П. П. Смущаясь, он пояснил, что долго жил один, тратил мало на свои скромные потребности, так что накопилось достаточно.

Кузьма ходил гордый, довольный собой, словно премию «Домовой года» получил. Радостно глядеть, как семья собирается вместе да планы строит.

Такой-сякой Пантелей, а вместе веселей!

Никита всё лето планирует бродяжничать, нет, не подумайте чего плохого,—работать в туристическом секторе, водить туристов в разные экзотические места, но при условии, выдвинутом Машей: летняя сессия должна быть закрыта, не больше одной задолженности! Сама она сдаст экзамены и будет заслуженно отдыхать, водиться с Егоркой; год выдался сложный—учиться да младенца растить ох как непросто.

Лозоходец всё лето проведёт с Чарой в разъездах, для него настанет самый сенокос для применения его способностей.

Никитична займётся огородом и дачей, мужчины обещали ей теплицу во дворе собрать, и, конечно, будет пестовать своего сладчайшего внучка.

У Толика всё складывается неплохо: нашёл себе жильё, картинки для детской книжки отрисовал, ищет ещё подработку. Семья Ольги Никитичны его поддерживает, а он помогает по хозяйству, отделкой дома занимается.

Работы всем хватает, домом жить—не разиня рот ходить.

Кого мы ещё не упомянули? Да, Пиу! С ним всё хорошо, весной проснулся, чистит дом, килограммами изводит плесень по принципу: кому гнило, а нам мило!

В общем, друзья, тому не о чем тужить, кто умеет домом жить! И вам всего доброго, счастливой семейной жизни с домовым или без него—можно и самим справляться, коли есть для этого силы, добрая воля и энтузиазм.

КОНЕЦ

Елена Крюкова

Солнце незакатное

Лидия Довыденко. Мой светлый, горячий Донбасс. Красноярск, 2022

…Мне эта книга легла на сердце больше, чем тысячи текстов, протёкших горькой рекою перед глазами за эти последние восемь лет.

Эту книгу надо читать тем, кто молчал все эти восемь лет; кто кричал о том, что дончане сами себе враги; кто упорно—и страшно—и упрямо отворачивался от *войны*, идущей на востоке Украины всё это долгое, неизбывное, бесконечное восьмилетие.

Восемь лет прочерчены в наших сердцах кровью. Выбиты в наших душах не просто печатями слёз—пулями навылет, смертельными осколками, воронками небытия.

Схлестнулись мнения, позиции, взгляды; но более всего схлестнулись сейчас правда и ложь. Правду не хотят видеть. Да, это трагедия. Трагедия фейкового, обманного, сломанного времени, которая пришла к землянам и не хочет уходить: торжествует.

Но люди Донбасса слишком хорошо знают: правду не расстрелять, не сжечь, не повесить. «Всех не перевешаете!»—крикнула с эшафота фашистам Зоя Космодемьянская. Отечественная война стала для нас не только страницей истории, её дымящимся кровавым ломтём: стала уроком, слишком жестоким и ослепительно-ярким. Когда ставишь рядом с героями Отечественной нынешних подлецов и сегодняшних героев—всё становится на свои места. Время даёт нам возможность возрыдать, ужаснуться, понять. И снова полюбить.

Без любви нет жизни.

Без любви нет Донбасса.

Песню помните? Родную, любимую…

Спят курганы тёмные,
Солнцем опалённые…

Лидия Довыденко исполняет в своей книге сразу три миссии.

Журналист идёт по горячим следам: по разрушеньям, пепелищам, боли, ужасу, становясь свидетелем смерти и мужества и запечатлевая их с рабочей, незыблемой точностью.

Писатель разворачивает веер раздумий, жизненных картин, философских обобщений.

А женщина—что женщина? Она всегда мать. Мать-Земля.

Земля Донбасса, обильно политая кровью,—вот мать поколениям, что придут после нас, и мать, что кормит, ласкает и горько утешает нас здесь и сейчас.

И Лидия Довыденко поёт на два голоса с родимой матерью-Землёй.

Это их общий плач.

> *«Мы не были готовы к тому, что это нам устроили свои, братья, начавшие нас убивать. Я не могу без содрогания вспомнить первую ракету, сброшенную украинским самолётом в центре города, вой сирен, свист снарядов и мин. Со временем по звуку мы научились различать, кто стреляет, наши или вражеская сторона. Война—это проверка на прочность, на человечность. Когда линия фронта откатилась, я пришла в ветлечебницу со своим котом и познакомилась с женщиной, державшей на руках бульдога. Собака приползла к ним, попав под обстрел. У неё перебиты задние лапы, нет одного глаза, и весь живот был стёрт до крови. Муж этой женщины сделал собаке возок, на котором лежат задние лапы, а передними она передвигается. Собака жалобно смотрит людям в глаза—только бы не бросили. Не бросили».*
>
> (Рассказ Натальи Антоновны Расторгуевой, директора республиканской научной библиотеки имени М. Горького.)

Вслушайтесь, люди, я вас прошу. *«Не бросили!»*

Это ключевая фраза всех поступков России на сегодня.

Здесь и сейчас мы, да, платим колоссальную, немыслимую плату за то, чтобы прекратился ужас войны на Донбассе, но и более того: платим войной, чтобы не допустить ужаса новой войны, широкомасштабной, адской, с чёткой ориентацией на невозвратность.

Чтобы ответить родному народу: нет! Не бросили.

И—не бросим.

Лидия Довыденко знакомит нас с поэтами Донбасса. Звучат стихи; звучат они в книге, на страницах, напечатанные, а будто наяву; мы слышим голоса поэтов, они задыхаются, плачут, кричат и шепчут, они потрясают, как всякие—во все времена—жития мучеников.

Люди не по своей воле становятся мучениками.

Страдание — слишком тяжкая плата за то, чтобы быть и остаться свободным.

А уезжать не хочется — до слёз.
Умом-то понимаешь: всё всерьёз.
Умом-то понимаешь: всё надолго.
И, может быть, там лучше будет, только
Как, если корни вырвешь из земли,
Живым остаться?
(Стихи Светланы Сеничкиной)

Обратить страдание в поэзию — значит, спасти свою душу.

И — в очень большой мере — положить её за други своя, по Писанию; поймём, что писание стихов на воюющей земле — это тоже сражение.

Что боль и любовь — родные сёстры.

И что в любом излучении выстраданного слова, в любом звуке горестной музыки, как младенец во чреве матери, живёт, таится, зреет — будущее.

Наше с вами будущее.

Очень символический в книге очерк — «Птица Феникс».

Все мы прекрасно знакомы с этим древним символом-знаком; кто позабыл, напомню.

Красно-золотая, огненная орлица, она, предчувствуя свою смерть, сжигает себя в гнезде.

А потом возрождается из пепла.

«Пассажиры сидели тихо, не разговаривали друг с другом, только одна женщина тихо крестилась, стараясь делать это незаметно. А потом автобус нырнул по просёлочной узкой дороге в туннель лесопосадки, и вдруг впереди, с правой стороны от автобуса, я увидела яркую большую птицу с золотым и оранжевым оперением, сидящую на низкой ветке дерева.

Услышав приближение автобуса, чудесная птица мгновенно исчезла в густой зелени ветвей. „Кто это? Что за красавица?“ — взволнованно спросила я у ехавшего рядом через проход замкнутого мужчины с дочерью лет пятнадцати, очень красивой девочкой, но почему-то грустной. Мужчина не очень охотно, но ответил, что это фазан, что их теперь развелось очень много, потому что никто не охотится, не ходит по посадкам, боясь мины или встречи с недобрыми людьми.

Мне вспомнилось, что, согласно мифологии, фазан — это же наша легендарная птица Феникс, сгорающая в огне и вновь воскресающая, что для христиан феникс — это символ бессмертия духа, божественной любви и благословения, Бога Сына, воскресшего на третий день после распятия. Так вот что предвещает возникшая в пути птица: возрождение Донбасса, возрождение из огня, из страданий и мук».

Вот, слова произнесены.

Всё разрушенное, если свято, возрождается.

Все святое, даже и в муках погубленное, воскресает.

Птица Феникс — символ Воскресения. Знак грядущего торжества Христа.

Лидия Довыденко говорит нам о святынях Православия на Донбассе.

Она говорит нам о пустынных улицах Донецка, о несчастной матери: она была готова «*растерзать пленных украинских солдат, когда их вели по городу и мыли за ними улицу. Её держали за руки, но она вырывалась с плачем, пока не упала в обморок*»; говорит о Святограде Луганском, где все восемь многострадальных лет продолжается неустанная работа духа, работа культуры, работа писателей, поэтов, художников, скульпторов; говорит о бессмертной «Молодой гвардии», о Саур-могиле, совершенно сакральном месте Донбасса, где души героев прошлого и героев нынешних встретились в небесах; о Купринских чтениях в Донецке и об очерке А. И. Куприна «Донбасс», вдруг ставшем невероятно актуальным.

Вот странно: война, по замыслу тех, кто её развязал, должна разъединять, а она, наоборот, соединяет. А может, вовсе не странно это? Лидия Довыденко рассказывает об уникальной каменной Чернухинской мадонне, о парке архаических каменных скульптур в Луганске, и мы воочию видим этот могучий, мощный мост, перекинутый из древности в наше больное, трагическое, израненное время.

«Я много слышала, читала о них — о загадочных „половецких каменных бабах“, и вот в этом ноябре я смогла их увидеть. Потрясена!

Эти каменные фигуры похожи на пришельцев в скафандрах — и это женщины, ждущие ребёнка».

Вдумайтесь: женщины, ждущие ребёнка, беременные, тяжёлые!

Беременные жизнью. Беременные счастьем. Беременные Временем.

Время сохранило для нас их, древних и святых; вместе с Лидией Довыденко мы стоим перед ними, свидетелями того, чего мы не увидим никогда, и вдруг понимаем: времени нет.

Всё так же льётся кровь. Льются слёзы. Всё так же кричат от боли люди.

Всё так же непредставимо умирают дети.

Всё так же молятся за широкий Міръ и за родных людей старики: Господи, спаси и сохрани.

Всё так же застывают, затаив дыхание, влюблённые в объятии, во счастье.

И — всё так же рождают матери новых детей на свет Божий.

Земля Донецка и Луганска беременна миром.

Міръ — Вселенная, Родина — обнимется с миром — примирением, замирением, воцарением покоя и гармонии.

Сейчас, внутри войны, это чудится невозможным; кажутся фантастикой бессмертные призывы Людвига ван Бетховена в финале Девятой симфонии: «*Обнимитесь, миллионы! В поцелуе слейся, свет!*» Несбыточно? Но у человечества другого пути нет.

Луганск и Донецк навеки, перед всей Землёй, что сшибается и гибнет в ссорах и распрях, в клевете и войнах, перед всей историей, что — и ход времён, и остановленное мгновенье, показывают сейчас феномен и пример — пребыть собой и остаться собой.

Это и есть Родина, вера, Бог.

А Бог есть любовь. Так замыкается круг.

«Острый запах белоснежных лилий накрыл меня при входе в храм. Редкие посетители. Службы не было, звучал в записи нежный церковный хор. Я остановилась у иконы святителя Николая Чудотворца и просила о мире на Земле, о прекращении войны на Донбассе… молилась о том, чтобы человечество помнило о несломленном духом народе Донбасса как вершине нравственного подвига».

«…Ау, планета Земля, ты услышала?»

Солнце встаёт над русской землёй.

Солнце встаёт над всеми землями всех народов.

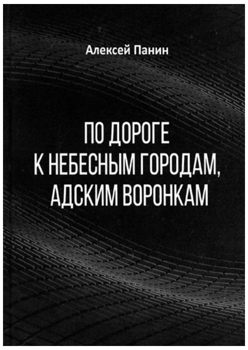
Встаёт оно и над землёю Донбасса.

Не старайтесь сделать солнце чёрным.

Оно встанет и завтра, и всегда: яркое, ясное и золотое.

Отдельная благодарность — сибирскому городу Красноярску, журналу «День и ночь», проекту «ДиН-библиотека» и издательству «Литера-принт», всем, кто взял на себя смелость и благородную миссию выпустить в свет эту книгу Лидии Довыденко, полную любви, мысли и надежды.

Д*и*Н ревю



Алексей Панин

По дороге к небесным городам, адским воронкам

Челябинск, 2021

Идальго от литературы

В обозримом ареале литературы Южного Урала с критикой всегда было голодновато. Не исключение, а скорее и подтверждение этого правила — время нынешнее.

Поэтому появление автора, пишущего рецензии, критические литературоведческие статьи, не может пройти незамеченным. А уж если эти рецензии и статьи действительно литературные, а не «печеньки» из кухни домашних радостей или «камушки» ради «хайпа», то сие появление можно приравнять к рождению сверхновой звезды.

Сборник критики и литературных исследований Алексея Панина радует прежде всего широтой спектра. Поэзия (самая разная), проза (самая-самая разная), легенды, история России, иностранная литература, история Челябинска — всех этих тем автор книги не просто касается, а раскрывает в интересном для чтения ракурсе и доносит до читателя свой взгляд на исследуемый материал.

И этот взгляд не обязательно должен совпадать с читательским. Критик — не историк, он имеет право (и даже обязан) высказывать своё субъективное мнение. Другой вопрос, что оно не должно быть голословно. Его необходимо обосновать, доказать, как геометрическую теорему.

И в ряде статей Алексей Панин делает это блестяще…

олег ник павлов
секретарь Союза писателей России

Нина Ищенко

Донбасс: образ Родины в контексте мировой культуры

«Русский Лавкрафт»: ледяной поход по зимнему Донбассу

Образ Родины, создаваемый литературными средствами, обращается к культурной памяти. Культурная память включает не только историческую память о событиях, пережитых народом, но и всё пространство мировой культуры. Для выражения образа Родины современный поэт может обращаться к разным темам чужих культур, формируя художественное единство. Рассмотрим, какие культурные топосы использует для создания образа родного Донбасса современный поэт Александр Сигида-сын в стихотворении «Русский Лавкрафт».

Александр Сигида-сын (1986 г. р.)—поэт, переводчик с французского и испанского. Родился в семье шахтёра и учительницы русского языка. Окончил в 2003 году Луганский лицей иностранных языков, в 2010 году стал магистром французской филологии. С 2014 года занимается текстами милитаристического, декадентского, романтического направления. Любимые авторы—Лимонов, Лавкрафт, Ницше, Гумилёв, Честертон, Киплинг. В 2014 году, когда Украина напала на Донбасс, Александр ушёл в народное ополчение, в настоящее время (2022 год) является военнослужащим в ДНР.

Стихотворение «Русский Лавкрафт» написано в 2016 году. В произведении даётся совершенно неожиданное прочтение узнаваемого донбасского пейзажа. На то, что перед нами воюющий Донбасс—родина автора, указывают такие детали, как степной горизонт и угольные шахты, среди которых находится часовой:

Не спит на часах с винтовкой солдат,
Волком глядит
На горизонт снежный, степной.
…Видишь знаки разрывов близ угольных шахт?

В этом пейзаже лирический герой последовательно выбирает и отбрасывает следующие жизненные стратегии: читать книги, отгородившись от реальности; оставить окоп и уехать подальше; наблюдать свысока за битвами других.

Первый вариант жизнеустройства открывает стихотворение, стоит на выделенном, семантически сильном месте. Это мечта «книжного мальчика, не знавшего битв», по выражению Высоцкого:

Если б я знал,
Я бы остался, как Говард Лавкрафт,
На чердаке, книжным червём, вечный изгой…
Я б не равнял
В зимние ночи лунный ландшафт,
Я бы не брал
Книги в последний, решительный бой.

Второй вариант—всё бросить и уехать—развивает тему отстранения от войны:

Если б любил,
Я бы не вёл себя, словно Лавкрафт,
Как дезертир, я бы оставил стылый окоп…
Плюнув на всё,
С милой еврейкой, Сонею Гафт,
С bad jewish girl
Я переехал бы жить в Конотоп.

И наконец, квинтэссенция этого подхода подытоживает все возможные варианты отстранения от жизни, битвы и войны:

Если б я был
Так беспристрастен, каким был Лавкрафт,
Я бы обнёс владенья мои крепкой стеной…
И свысока я наблюдал бы, как астронавт,
Тех, кто внизу
Всё не поделят шарик земной.

Все эти стратегии описываются и последовательно отбрасываются автором. Сравнивая лирического героя с Лавкрафтом, автор даёт понять, что его персонаж—тоже писатель, создатель волшебных миров. Он стоит перед выбором, ищет свой путь во тьме. Отброшенные альтернативы заставляют читателя отвернуться от других пространств и вглядеться в простор, который открывается перед писателем, смотрящим вперёд.

В последних строфах стихотворения автор создаёт лавкрафтианский пейзаж, перенося реалии произведений короля ужасов в донбасские степи. Среди угольных шахт и бескрайних степей вырисовываются города Кадат и Р'лайх из «Зова Ктулху», Олатоэ из «Полярной звезды», знаменитых рассказов Лавкрафта. Вместе с лавкрафтианскими

топосами в пространстве Донбасса возникает атмосфера ужаса, стылой ледяной пустыни, населённой мверзями, кошмарными призраками-феями из Страны Снов. В этом ландшафте лирический герой ищет свой правильный путь:

И всё хорошо,
Освобождён с боем Кадат.
Снова в поход, Р'лайх—позади,
Там, за спиной…
В Олатоэ
Не спит на часах с винтовкой солдат,
Волком глядит
На горизонт снежный, степной.

Говард, пора.
Видишь знаки разрывов близ угольных шахт?
Слышишь ли крики мверзей ночных
Над нашей страной?
Фридрих-Вильгельм, снайпер Бодлер и
Русский Лавкрафт,
Время—вперёд…
Снова уходят в поход ледяной.

В последних строфах стихотворения путь выбран. Русский писатель, русский Лавкрафт идёт в бой, уходит в ледяной поход. Если в первой строфе появляется «последний решительный бой» из Интернационала, отсылая к красной идее, то последние слова стихотворения, семантически самая сильная позиция всего произведения, указывают нам на мифологему белого движения—ледяной поход, то есть первый поход Добровольческой армии на Кубань в феврале-апреле 1918 года, её движение с боями от Ростова-на-Дону к Екатеринодару и обратно на Дон (в станицы Егорлыкская и Мечетинская) во время Гражданской войны.

Писатель уходит в ледяной поход, сопровождаемый собратьями-писателями, героями, взрывавшими культурные границы и раскалывавшими миры. С поэтом, защищающим родной Донбасс, выступают в ледяной поход Фридрих-Вильгельм Ницше, разрушитель европейской культуры, потрясший мир словами «Бог умер», Шарль Бодлер, автор «Цветов зла», сборника стихов, уничтоживших классическую эстетику, и Говард Лавкрафт—создатель мира ужасов, отменяющего и взрывающего сложившуюся эстетику прозы двадцатого века.

Итак, в стихотворении «Русский Лавкрафт» ставится и решается проблема жизненного выбора поэта на войне. Лирический герой отбрасывает привлекательные для интеллектуалов варианты—жить в башне из слоновой кости, стоять над схваткой, уехать подальше. Русский Лавкрафт выбирает путь поэтов, философов, писателей, для которых литература—больше чем забава, которые философствуют молотом, идут против системы. В этом отряде отверженных он уходит в последний решительный бой, в поход ледяной, который состоялся в степях Донбасса в 2014 году. Сквозь обобщённый донбасский пейзаж—шахты, степи—проступают силуэты городов Лавкрафта, где клубится тьма, враждебная человеку. И русский поэт Донбасса идёт сражаться против этой тьмы, выступая наследником и красных, и белых, и проклятых поэтов, и всех, кто не боялся творить.

Таким образом, образ Родины, созданный поэтом Александром Сигидой-сыном, включает в себя разнородные элементы, объединённые в единое целое согласно эстетике постмодерна. Родина для поэта—это Донбасс, который стал ареной борьбы добра и зла, света и тьмы. Против тьмы выступают поэты, идущие в бой за человека. В стихотворении Сигиды происходит олицетворение России в виде литературы, создающей пространство смыслов, объединяющей разные миры. Русский Донбасс в стихотворении «Русский Лавкрафт» становится точкой встречи двух миров—России и поэзии, пространством их слияния и творческого взрыва, формирующего новый универсум.

Александр Сигида-сын

Русский Лавкрафт

Если б я знал,
Я бы остался, как Говард Лавкрафт,
На чердаке, книжным червём, вечный изгой…
Я б не равнял
В зимние ночи лунный ландшафт,
Я бы не брал
Книги в последний, решительный бой.

Если б любил,
Я бы не вёл себя, словно Лавкрафт,
Как дезертир, я бы оставил стылый окоп…
Плюнув на всё,
С милой еврейкой, Сонею Гафт,
С bad jewish girl
Я переехал бы жить в Конотоп.

Если б я был
Так беспристрастен, каким был Лавкрафт,
Я бы обнёс владенья мои крепкой стеной…
И свысока я наблюдал бы, как астронавт,
Тех, кто внизу
Всё не поделят шарик земной

И всё хорошо,
Освобождён с боем Кадат.
Снова в поход, Р'лайх—позади,
Там, за спиной…
В Олатоэ
Не спит на часах с винтовкой солдат,
Волком глядит
На горизонт снежный, степной.

Говард, пора.
Видишь знаки разрывов близ угольных шахт?
Слышишь ли крики мверзей ночных
Над нашей страной?
Фридрих-Вильгельм, снайпер Бодлер и
Русский Лавкрафт,
Время — вперёд…
Снова уходят в поход ледяной.

«Мы стали чёрным хлебом на войне»: военный Донбасс в стихотворении Елены Заславской «Чёрный хлеб»

В феврале 2022 года началась активная фаза участия России в украинско-донбасском конфликте. После признания республик Донбасса и начала военной операции по денацификации Украины в сетях обозначилось новое направление информационной войны: псевдо-пацифистская риторика, направленная против военных действий на Украине. Предыдущие восемь лет войны, которую вела Украина в Донбассе, замалчиваются или отрицаются, и действия России представляются абсолютно немотивированными. Однако существуют культурные факты, рождённые войной в Донбассе. Один из них — книга стихов луганской поэтессы Елены Заславской «Год войны», напечатанная в Луганске в 2015 году. Эту книгу открывает стихотворение «Чёрный хлеб» (2014), написанное в первый год войны Украины и Донбасса.

В стихотворении «Чёрный хлеб» автор изображает четыре поколения людей Донбасса, на чью долю выпала эта война:

Успели дети подрасти.
Успели внуки подрасти.
А правнуки пока что не успели.

Лирическая героиня — женщина старшего поколения, пережившего Великую Отечественную войну. С ней ведут диалог другие персонажи стихотворения. Её роль в коммуникации — благословить уход потомков на войну и осмыслить духовное взросление тех, кто взял оружие для защиты Родины. В стихе взаимодействуют несколько поколений: воевавшие в Великую Отечественную, защищая Родину от фашистов, их дети, их внуки, которые в 2014 году составляют поколения отцов и детей, способных решать, делать выбор, отстаивать свои взгляды. Поколение правнуков пока что вне этого процесса. Ради их защиты мужчины идут на войну.

Война 2014 года в Донбассе в стихотворении изображается как пространство кровопролитных битв, в которых брат идёт на брата, а друг — на друга. Эта черта отличает текущую войну от канонического образа Отечественной войны, когда защищать свою землю приходилось от врагов-иноплеменников, цивилизационно чужих. В войне с Украиной приходится воевать со своими, и от этого «стало чёрным молоко в сосцах, и стала чёрной кровь в людских сердцах, как антрацит, наш краснодонский уголь».

Духовный рост тех, кто совершил экзистенциальный выбор, прошёл горнило войны, прорвался к человечности и любви на новом уровне понимания жизни, изображён в образе чёрного хлеба, получившегося из золотых зёрен: «Мы стали чёрным хлебом на войне, а были… были золотые зёрна». Итак, образ чёрного хлеба является в стихотворении метафорой поколений, прошедших войну. Поскольку в войне участвуют все поколения, изображённые в произведении, эта метафора показывает связь времён, проявившуюся в решении защищать землю Донбасса, которое высказывают люди двадцатого века и их потомки в двадцать первом веке.

Стихотворение «Чёрный хлеб» имеет уже собственную судьбу. Оно известно не только в Луганске и знакомо не только поклонникам творчества Елены Заславской. В марте 2019 года в Германии на немецком языке вышла книга «Гранд тур. Путешествие по молодой поэзии Европы», куда вошло стихотворение «Чёрный хлеб» («Schwarzbrot») в переводе на немецкий язык Матиаса Книпа и Александра Филюты.

Антология «Гранд тур» объединяет более четырёхсот поэтов и около пятидесяти разных языков, в том числе русский и украинский. Участие поэта в этом сборнике началось с вопроса, какую страну автор будет представлять. Поскольку уже шла война с Украиной и Луганская Народная Республика объявила о своей независимости, Елена Заславская пожелала представлять ЛНР. Но редакторы заявили, что это категорически невозможно. Автору было отказано также в праве представлять Россию и русскую поэзию. В результате был достигнут компромисс, и под стихотворением в разделе «Украина» можно увидеть приписку «Автор не желает представлять Украину».

В 2021 году певица и композитор из старейшего немецкого города Фрайбург Кандида Уль решила положить стихотворение «Чёрный хлеб» на музыку. Она поёт голосом меццо-сопрано и выступает в составе трио с музыкантами, играющими на фаготе и фортепиано. В настоящее время ожидается премьера песни.

Также на стихотворение «Чёрный хлеб» фотограф Алевтина Легещич сняла драматическую видеопоэзию, которую можно найти на сайте Елены Заславской: http://zaslavskaja.com/video/videopoeziya-chernyiy-hleb/

Итак, стихотворение «Чёрный хлеб» отражает духовный опыт жителей Донбасса, которые столкнулись с украинской армией в 2014 году. Осмысляя пережитое, поэт актуализирует смыслы, рождённые Великой Отечественной войной и сохранённые в культурной памяти русского народа.

Стихотворение вошло в музыкально-поэтическое пространство как русской литературы, так и немецкой литературы. С изменением политической ситуации меняется направление информационной войны, пацифизмом называется поддержка украинской армии, которая вела военные действия в Донбассе с 2014 года, тем не менее поэзия создаёт пространство смыслов, обращаясь к экзистенциальному опыту человека на войне. В стихотворении «Чёрный хлеб» отражено мировоззрение тех, кто сражался за Донбасс, защищая свою Родину от украинской военной агрессии в 2014 году.

Елена Заславская

Чёрный хлеб

Долго не было беды. Долго.
Долго не было войны. Долго.
Успели дети подрасти.
Успели внуки подрасти.

А правнуки пока что не успели.
И сын сказал: «Я ухожу. Прости».
И внук сказал: «Я тоже. Отпусти».
И правнуки заметно повзрослели.

И снова кровь горячая лилась.
И Родина кроилась и рвалась.
И брат на брата шёл, а друг на друга.
И стало чёрным молоко в сосцах.
И стала чёрной кровь в людских сердцах,
Как антрацит, наш краснодонский уголь.

Последний пласт. Из недоступных недр.
Наверх. Из самой преисподней.
История желает перемен
И крутит, крутит, крутит чёрный жёрнов.

Мы стали чёрным хлебом на войне,
А были… были золотые зёрна.

3 мая 2014

ДиН память

Рюрик Ивнев

Из книги «Тёплые листья»

● ● ●

О многом мы не в силах говорить
Ни матери, ни другу, ни жене.
И многое принуждены таить
На самом дне, в душевной глубине.

И этот мир, который с нами рядом,
Который в нас,—неистов и жесток,
Ещё никто не пробуравил взглядом,
Но и обречь забвению не мог.

И так со дня рождения, отдельно,
Два мира существуют параллельно,
Один из них—правдивый беспредельно,
Как два местоименья: «я» и «ты».
Другой правдив до роковой черты.

Ночь на 27 января 1964

● ● ●

Я не верю глазам, я не верю памяти,
Я не верю зелёным волнам морей.
Я стою одиноко на призрачной паперти,
Осыпаемый листьями календарей.

Мимо меня плывут океаны,
Мимо меня плывут корабли.
Знакомые лица, знакомые страны,
Знакомые краски далёкой земли.

Так что же осталось от сердца горячего,
От яростных странствий, впитавшихся в кровь?
Одно до предела истёртое слово,
Убитое мною и воскресшее вновь.

20 мая 1964

Рашит Закиров

Почему они не ищут с нами встречи?

Человечество последние двадцать веков живёт в ожидании конца света. То, что конец света неминуем, как «победа мировой революции», мало кто осмеливается оспаривать—хотя бы потому, что нет ничего вечного, что имеет начало, должно иметь и конец. И светило наше когда-нибудь устанет нас согревать, через какое-то время иссякнет его энергия, «электричество кончится», и «кина уже не будет».

Когда это долгожданное событие произойдёт, не знает никто, и в священных книгах даже приблизительная дата наступления конца света не указана, и по какому сценарию будет развиваться трагедия—тоже. Надо понимать, что и на высшем уровне этот вопрос пока тоже является дискуссионным (то ли кворума нет, то ли некто накладывает вето…): немедленно истребить всех этих мерзких тварей, которые уже всерьёз планируют воевать с богами (!), забыв печальную участь титанов, или дать им ещё срок для исправления.

Когда сообщают об очередном крупном, планетарного масштаба, чп, которое могло бы потенциально уничтожить бóльшую часть земной биомассы, то обращаешь внимание на повторяющуюся концовку сообщений: «…по счастливой случайности трагедии удалось избежать». Но! Одна «счастливая случайность» может быть в действительности чисто случайностью, два подобных события—банальным совпадением, но три аналогичных события—это уже система. И любой математик без труда вычислит вероятность случайности в цепи однородных подобных явлений; чем длиннее цепь «счастливых случайностей», тем меньше вероятность осуществления этой возможности.

Напрашивается вопрос: может, нас кто-то (Бог) пока бережёт, даёт нам очередной, «тысячный и последний» шанс для исправления? Дату конца света мы сами напишем, а кто-то просто его утвердит: мол, хватит, времени стать Человеком у него было достаточно. Отправит на Землю четыре маленьких астероида диаметром всего-то в один километр, по одному на океан, и начнёт эксперимент по созданию Человека заново, «..и повторится всё, как встарь: ночь, ледяная рябь канала, аптека, улица, фонарь».

Так чем же мы, человечки, провинились перед Создателем или космическим сообществом? Наверное, каждый из нас в состоянии назвать множество веских причин для нашей заслуженной, обоснованной и немедленной ликвидации. Мы же сами загадили нашу колыбель. Если оставленный нами мусор сгниёт через несколько веков, отходы химической промышленности исчезнут через тысячелетия, то период полураспада урана, накопленного в арсеналах человечества, в зависимости от изотопа равен от 160 тысяч до 4,5 миллиардов лет. И наша планета едва ли когда очистится от следов нашего на ней пребывания.

Ради чего мы загубили свою обитель? Ради светлого будущего всего прогрессивного человечества? Нет, исключительно ради своего брюха: чтобы плотнее его набить, теплее его укутать и иметь возможность его транспортировки в любую точку планеты и за её пределы, холить его, лелеять и максимально ублажать. А о душе, пожалуй, можно и не вспоминать. А ведь одним из семи смертных грехов было названо чревоугодие, и не следует это сводить к банальному обжорству, вопрос следует рассматривать шире: угождать следует не брюху (чреву), а душе. Среди учёных бытует мнение, что человечество уже потребляет больше, чем планета производит, а население растёт. Да и потребление не стоит на месте, тоже растёт, потребляем в долг.

Для поддержания жизни человеческому брюху надо-то всего ничего, а оно поглощает в десятки (если считать по калориям), в сотни, а то и в тысячи раз (если считать в денежном эквиваленте) больше, чем это ему необходимо. Планета даже в нынешнем состоянии способна прокормить в десятки раз больше людей, если человек станет потреблять не более того, что нужно для поддержания жизнедеятельности. Основания для такого утверждения будут приведены ниже.

Средняя плотность населения Земли составляет около шестидесяти человек на квадратный километр. Для девяноста миллиардов человек средняя плотность составит шестьсот человек на квадратный километр, в то время как плотность населения в Сингапуре—около семи тысяч человек на квадратный километр, в Дели и Пекине—около одиннадцати тысяч, а в Мумбаи—свыше тридцати тысяч!

Человечество в самом начале своего развития двинулось в неверном направлении: вместо того,

чтобы угождать душе, оно стало рабом своего чрева, и этот путь неизбежно приведёт его в тупик, который уже если не виден, то вполне реально ощущается.

Расследование каждого преступления начинается с вопроса «qui prodest?» — кому выгодно? Мы не расследуем преступление против человечества, так как субъект преступления одновременно является и потерпевшим. Эту социально-философскую проблему начнём с вечного для россиян вопроса: «Кто виноват?» А главным виновником следует признать нашего прародителя Адама, он первый пошёл неверным путём, повёл туда всех своих потомков и напутствовал их: «Верной дорогой идёте, товарищи!»

Создатель поселил его в раю, на девственно чистой планете, «где ни войн, ни катаклизмов, ни бурь», нет заразы, вредоносных вирусов и прочих «поражающих факторов». Еды и питья — вволю, «живи и радуйся,— напутствовал Адама Создатель,— и славь своего Создателя». Всё необходимое для земного рая есть: еда и питьё — от пуза, ночлег под любым кустом, подруга — рядом. И в этих благоприятных условиях Адам прожил девятьсот тридцать лет, если верить на слово богословам, а его потомок Мафусаил — девятьсот шестьдесят девять лет.

Но Адам или его потомки, видимо почувствовав дисгармонию между собой и окружающим миром, решили подкорректировать окружающую действительность для своего блага и принялись насиловать природу. А надо было насиловать себя для приведения к гармонии с природой! Ведь человеческие тело и душа имеют неограниченный потенциал, в чём мы постоянно убеждаемся. Человеческие возможности безграничны, ведь у него есть разум. «Познай самого себя»,— было начертано на храме Аполлона в Дельфах,— и оставь природу в покое.

Для поддержания жизнедеятельности организма человеку, не занятому тяжёлым физическим трудом, достаточно 1700–2500 килокалорий в сутки, в среднем — 2100 килокалорий, а это: 100 граммов крупы (около 300 килокалорий), 100 граммов орехов (около 600 килокалорий), 100 граммов мёда (около 300 килокалорий), 100 граммов сушёных грибов дадут 300 килокалорий, 100 граммов сыра — ещё 300 килокалорий, остальное дадут овощи и фрукты. Тренированному, возможно, и того меньше. И надо отказаться от употребления внутрь других землян, отказаться от поедания трупов загубленных и умерщвлённых зверушек, которые так же, как и мы, имеют право на жизнь. Но человеку недостаточно этого, ему подавай тройную порцию соловьиных язычков, двойную порцию лапок колибри. И это сколько же надо погубить жизней, чтобы набить брюхо одного недостойного землянина?! Люди стремятся к тому, без чего вполне могут прожить. Как говорил Сократ: «Как много на свете вещей, без которых я могу обойтись».

В прессе и по тв неоднократно сообщали о «солнцеедах» — людях, которые якобы совершенно ничего не едят и не пьют, а питаются солнечной энергией. У меня это вызывает искренние сомнения, похоже на газетную утку. Но что невозможно сегодня, может стать возможным в будущем. Ведь человеческие возможности неисчерпаемы. То, что ещё сто лет назад было невозможным, является обыденным сегодня. Ведь истина относительна: что было ложным вчера — истинно сегодня, которое, в свою очередь, завтра уже перестанет быть истиной. Тем не менее Бог велел поститься, даже срок определил — сорок дней, но хитрые мусульмане стали питаться ночью. А зря, наверное. Вот Хамбо-лама Итигэлов почти век не ест, не пьёт, вроде не жив, но и не мёртв — ввёл себя в состояние, которому учёные и название не могут придумать. Но ведь он не бог, а человек, а то, что под силу одному человеку, доступно и другому, стоит лишь захотеть и научиться.

Вопрос безопасности. Кого следовало бояться человеку в раю?! Ведь он сам стал самым страшным, кровожадным и ненасытным существом на планете, а может, и во всей Вселенной, готовым убивать просто для забавы, ради развлечения, ведь ни один зверь так не поступает, и всё живое на земле боится этого зверя-человека. Человек истребляет себе подобных ради плотского наслаждения. Научись общаться с другими обитателями планеты, выучи язык зверей и птиц, подружись с ними. В сказках и мифах упоминается о том, что человек когда-то понимал язык животных. А теперь он и человеческих слов не хочет понимать. Вот бы и общался, диктовал бы фауне свою волю, повелевал бы на планете с наслаждением, а не с яростной жестокостью. И никакой опасный зверь не осмелился бы напасть на повелителя. Ну а в крайнем случае вспомним обыкновенного землянина Брюса Ли (царство ему небесное). Если он ударом кулака разбивал бетонную плиту, то абстрактному человеку под силу одним ударом сломать хребет любому хищнику в случае крайней необходимости или необходимой обороны. Учись у Брюса Ли. Хотя, совершенствуя себя, человек мог бы и мысленно управлять фауной, а в перспективе и флорой, вплоть до микроорганизмов.

Если ты хочешь оказаться на другом конце планеты, то не надо для этого добывать металл и нефть, строить самолёты и ракеты; научись отделять душу от тела, как это делают индийские йоги и тибетские ламы, и путешествуй в пространстве и во времени, во всех имеющихся измерениях. А если хочешь просто пообщаться с кем-либо, то не жди тысячелетия, когда твой дальний потомок наладит сотовую связь, совершенствуй свой

скрытый потенциал в виде телепатии, как это умели делать Вольф Мессинг, Эдгар Кейси, Ванга, монах Авель и, наверное, многие другие, менее известные, сгоревшие на кострах Священной Инквизиции. А что под силу сделать одному человеку, то может повторить и другой человек. Если бы человечество (ну хотя бы некоторая его часть) освоило чтение мысли и передачу её на расстояние, то зла на свете было бы намного меньше. Я не утверждаю, что его не было бы совсем, зло — неизбежный спутник добра согласно первому закону диалектики. И одно без другого существовать не в состоянии. Зла на свете много, потому что человек хорошо научился скрывать свои мысли (опять не по тому пути пошёл, надо было открывать свои мысли для чтения): думает одно, говорит другое, делает третье, крепко тебя обнимает и тут же суёт тебе нож под левую лопатку.

По рассказам контактёров, имевших встречи с «пришельцами», они беседу вели, не раскрывая рта, мысленно. Попробуй тут соврать, если твои мысли всеми читаются на расстоянии, не посмеешь даже задумать недоброе. Допустим, некто задумал преступление или подлость, его мысль тут же уловили, определили носителя недобрых намерений, и тот тут же получил массу мысленных сигналов «не смей!», и нехороший человек вынужден отказаться от дурных намерений.

Предлагаю читателям самим пофантазировать и дополнить картину, что бы было, если бы все люди владели телепатией. Это не химера и не фантазия, ведь за тысячелетия, сменив сотни поколений, развить это чувство было бы вполне возможно.

Если человеку стало холодно, то не надо губить лес, строя избу, готовя дрова, не надо истреблять зверей, таких же землян, как и мы, сдирать их шкуру для согревания своего брюха. Иди дорогой, указанной Порфирием Ивановым, он прекрасно обходился без одежды в любую стужу, обходился длительное время без пищи, сам смог и других научил, на свете много последователей его учения. Природа, видимо, щадит закалённого духом человека, а закалённый дух уже формирует здоровое тело.

В 1936 году умерла венгерка Рэчел Саги, прожив без сна двадцать пять лет, два месяца и одиннадцать дней. Вьетнамец Нгуен Ван Кха не смыкает глаз с 1980 года. При этом он много работает и чувствует себя абсолютно здоровым. Житель Минска Яков Циперович перестал видеть сны после того, как в 1979 году перенёс клиническую смерть. По его словам, первый год бессонницы его сильно измотал, он даже подумывал о самоубийстве. Затем силы начали прибывать, а хроническая усталость исчезла. Это не единственная уникальная особенность Циперовича: спустя несколько лет бодрствования он заметил, что совершенно не стареет. Организм, как бы законсервировался, а процессы обмена веществ замедлились.

Безусловно, закаляя своё тело, укрепляя в нём дух, организм станет невосприимчивым к всевозможным болезням, которых с каждым годом становится всё больше и больше. Видимо, мы сами, наш организм становится питательной средой для всяких вирусов. Сами плодим новые болезни, создаём новые вирусы в качестве биологического оружия. Работаем над изобретением климатического оружия, тектонического. Изменили планету до уродства, а что изменили в себе к лучшему?! Не строим ли мы себе ад на Земле?..

В середине прошлого века в прессе широко обсуждался феномен Розы Кулешовой, которая обладала «кожным зрением»: она «видела» пальцами и другими частями тела, читала тексты и учила слепых детей читать пальцами.

Американец Бен Андервуд слеп. В три года ему удалили оба глаза из-за рака сетчатки. Однако он живёт обычной жизнью: играет в баскетбол, катается на велосипеде, танцует. И категорически отказывается от собаки-поводыря, объясняя это тем, что прекрасно «видит», вернее, слышит окружающий мир. При ходьбе Бен цокает языком и прислушивается. Его уши улавливают эхо, таким образом он определяет расстояние до окружающих объектов. Андервуд — единственный человек в мире, который ориентируется в пространстве при помощи звуков, как дельфины и летучие мыши.

Картины американской художницы Лизы Фиттипальди пользуются огромной популярностью во всём мире. Что же такого необычного в работах американки? Дело в том, что несколько лет назад она заболела оптическим невритом и потеряла зрение. Однако её картины дадут фору работам любого зрячего художника. По словам Лизы, самым сложным для неё раньше было найти нужную краску. Но со временем она научилась различать краски на ощупь.

Харьковский художник Дмитрий Дидоренко не был слепым от рождения: он потерял зрение, подорвавшись на старой немецкой мине во время поиска останков солдат, пропавших без вести на Второй мировой войне. Но он хотел доказать, что всё ещё является художником, пусть даже потерявшим зрение. Вначале его работы мало чем напоминали картины, но многие часы практики дали свои результаты: Дмитрий снова стал рисовать. Сейчас на счету слепого художника двести пятьдесят картин, некоторые из которых довольно высоко оценены критиками и находятся в частных коллекциях по всему миру.

Турок Эсреф Армаган никогда не увидит солнечного света или зелени весенней травы — он слеп от рождения, но запросто может нарисовать их. О цветах Эсреф Армаган знает со слов окружающих. А исследовавшие феноменального человека учёные утверждают, что он обладает внутренним зрением — когда художник представляет

тот или иной предмет, в его мозгу активизируется тот же участок, что и у зрячих людей.

В труппе русского цирка Никишина был уникальный номер. На арену выходил семилетний мальчик Володя Зубрицкий, который с лёгкостью решал любые математические задачки публики. Зрители называли числа, а ребёнок моментально умножал их, возводил числа в степень, извлекал из них квадратные и кубические корни. Таких людей называют «феноменальными счётчиками». Такими были: темнокожий раб из Виргинии Том Феллер, американец Зерах Кольбёрн, англичанин Биддер, русский Иван Петров, француз Анри Мондё. Современными «повелителями чисел» считаются немец Герт Митринг и житель Грузии Арон Чиквашвили.

Лучшей в мире памятью обладает англичанин Доминик О'Брайен. Он за час запоминает более трёхсот иностранных слов и через пару дней легко читает на новом языке. Его не пускают в крупные казино Европы, Америки и Ближнего Востока. Дело в том, что через какое-то время Доминик запоминает каждую карту и срывает куш.

«Отчего люди не летают?—интересовалась Катерина из драмы Островского «Гроза».—Я говорю, отчего люди не летают так, как птицы?» Видимо, оттого, отчего верблюды не едят вату,—просто не хотят.

В Индии и в Тибете искусство левитации сохранилось до наших дней. В настоящее время самых больших результатов в области левитации добились те, кто использует методику йогов. Многие исследователи-востоковеды описывают также феномен «летающих лам». Например, британская путешественница Александра Давид-Неель своими глазами наблюдала, как на высокогорном плато Чанг-Танга один из буддистских монахов, сидя неподвижно с подогнутыми под себя ногами, пролетал десятки метров, касался земли и вновь взмывал в воздух, словно отскакивающий после сильного броска мячик.

Если обратиться к достоверным фактам, то в числе первых официально зафиксированных левитантов следует назвать святую Терезу, монахиню-кармелитку, свидетелями полётов которой были двести тридцать католических священников. О своём необычном «даре», как считала сама святая, она рассказала в автобиографии, датированной 1565 годом. А самым известным «летающим человеком» является Иосиф Деза (1603–1663), прозванный Купертинским по названию его родной деревни в Южной Италии. Однажды Иосиф приехал в Рим, где ему устроили аудиенцию у Папы Урбана Восьмого. Впервые лицезрев его святейшество, он пришёл в столь восторженное состояние, что поднялся в воздух и парил до тех пор, пока присутствовавший при этом глава ордена францисканцев не привёл Иосифа в чувство. Более ста случаев левитации Иосифа наблюдали тогдашние учёные, оставившие на сей счёт официальные свидетельства. Всего же, как свидетельствуют церковные записи, количество людей, демонстрировавших на глазах верующих явление левитации, приближается к трём сотням. Из русских «летунов» можно назвать Серафима Саровского, архиепископа Новгорода и Пскова Иоанна. А московские летописи повествуют о Василии Блаженном, который не раз на глазах у толпы переносился неведомой силой через Москву-реку.

Наиболее известным летающим человеком девятнадцатого века был Дэниел Дуглас Хьюм. Он научился левитировать по собственному желанию. В течение сорока лет он демонстрировал своё уникальное искусство перед тысячами зрителей, в числе которых были многие тогдашние знаменитости: писатели Теккерей и Марк Твен, император Наполеон Третий, известные политические деятели, медики и учёные. И ни разу не был уличён в мошенничестве.

Многие серьёзные учёные до недавнего времени отзывались о левитации и антигравитации весьма резко в том духе, что всё это «чушь собачья». Сейчас им приходится пересматривать свою позицию. Но если майский жук летает вопреки законам аэродинамики, то почему человек не может то же, что может эта букашка с самого рождения?

Наверное, каждому знакомо шестое чувство, интуиция. Что же такое интуиция? Этот таинственный внутренний голос постоянно вмешивается в наши поступки. Голос подсказывает: поступи так, это будет наилучший вариант. Голос шепчет: доверься этому человеку. Или, наоборот, голос предупреждает: будь осторожен!

Интуитивное познание не имеет ничего общего с законами логики. Логическое мышление основано на сборе информации, анализе фактов, установлении причинно-следственной связи между ними и формулировании выводов. Интуиция же подсказывает готовый ответ, появляющийся как бы «неизвестно откуда». «Первая мысль—самая правильная».

Это положение давно стало непререкаемой народной мудростью, вошедшей в поговорки и пословицы. Эта «самая правильная первая мысль» на самом деле—проблеск интуиции, указывающий верное направление. Интуиция как метод духовного познания стоит неизмеримо выше логики, выше рационального мышления. Но, увы, вековая работа по изгнанию духовного начала из жизни человечества привела к тому, что рационализм возобладал в общественном сознании и стал единственным официальным методом познания. С этого времени человеческая цивилизация зашла в тот тупик, в котором пребывает и поныне.

Проблемы рационалистической цивилизации столь вопиющи, а разлад в умах, вызванный ими,

столь велик, что многие всерьёз считают, что единственным исходом этого тупика станет пресловутый «конец света». Уж за тысячелетия можно было развить у себя не то что шестое, но и седьмое, и восьмое чувства. Надо было исследовать это явление, учиться, а не использовать экстрасенсов в качестве топлива для костров инквизиции.

А мы не развили даже имеющиеся пять чувств: зрение хуже, чем у орла, в темноте, как кошки, не видим, обоняние хуже, чем у собаки, слух хуже, чем у многих зверей. А ведь многие больные чувствуют изменение погоды, а здоровые—нет, парадокс какой-то. Многие животные чувствуют приближение цунами и землетрясений, а нам нужны сверхчувствительные приборы; совершенствуя искусственный интеллект, в основной массе катастрофически глупеем.

Бог учил нас: «Не убий». И понимать это тоже следует в более широкой интерпретации: убивать не надо не только себе подобных, но и любого из землян, даже для охоты, что, по сути, является убийством ради забавы. Всё, что необходимо человеку для нормальной жизнедеятельности, он может получить, не проливая крови: плоды, коренья, молоко, мёд, продукты жизнедеятельности животного мира—например, ласточкины гнёзда и т. д.

В истории оставил свой яркий след Пинетти, посетивший Россию во времена царствования Павла Первого. Кроме прочих трюков, он умел раздваиваться, даже размножаться, из Петербурга он выехал одновременно через все двенадцать имевшихся пограничных застав. Можно было бы и к этому событию отнестись скептически, если бы сей факт не был зафиксирован в исторических документах. А если это ловкий фокус, то почему до сих пор не разоблачён?

А если человек захворает, то как его лечить без лекарств и медицинских инструментов? Но в процессе эволюции путём естественного отбора выживали бы самые крепкие и приспособленные особи, передавая свой потенциал потомкам. Кроме того, человек в состоянии лечить себя сам; например, знахари знают же секреты лечения травами. В природе достаточно лечебных препаратов естественного происхождения, которыми лечатся животные.

Так когда же наш далёкий общий предок свернул «налево»? А вот когда вкусил плод с дерева познания добра и зла. Очень уж хотел узнать, что получится в результате расщепления атома, как устроена Вселенная и как она зародилась, расшифровать код ДНК. А для чего? Чтобы плотнее набить себе брюхо? Миллионы людей живут и миллиарды жили до тебя, не зная секретов атомного ядра. Жили же. Ну для чего тебе знать температуру на Плутоне и в недрах Сириуса? Ради удовлетворения своего любопытства потратить уйму средств и времени на постройку Большого адронного коллайдера? Древние египтяне, оказывается, были знакомы с электричеством ещё за три-четыре тысячелетия до его официального открытия, но работы по дальнейшему его исследованию свернули.

Миф о древе познания добра и зла перекликается с мифом о ящике Пандоры, в котором хранились все беды человечества. Говорили же ей: «Не открывай». Нет, очень уж хотелось узнать, любопытно. И что в результате? Все беды человечества вылетели наружу, осталась только надежда.

Напрашивается вывод: не любопытствуй. Живи и наслаждайся, познавай самого себя. Верь тому, что тебе сказал Высший Разум, и не сомневайся. Своим умишком ты пока не в состоянии понять всего. Опиум для народа—не религия, а, как это ни парадоксально, наука.

Сколько времени, сил и энергии было затрачено человечеством на удовлетворение человеческого любопытства! А сколько мы тратим на борьбу со своими же пороками: алкоголизм, курение, наркомания. Проникли в тайны ДНК, уже сами способны конструировать лабораторных монстров.

Разумные существа, которые обитают во Вселенной и, возможно, на нашей планете, откровенно не хотят вступать с нами в контакт, так как мы чрезмерно агрессивны, всё возможное превращаем в орудие убийства себе подобных и несём реальную угрозу самим себе и планете, на которой живём.

Леонид Фокин

Венок памяти

Посвящается Сергею Кормилову

I.

Сиротский дождь с утра опять бормочет:
пора повысить посевной оброк.
Да, этот мир ещё не так жесток,
каким сто лет в обед казаться хочет.

Он просто обречён и обесточен.
Что в нём судьба—пробившийся росток
сквозь каменную толщу, или—бог,
растущий вопреки?.. Но я не точен,

начав повествование о том,
ведь прежде—дети, дерево и дом,
а после сразу—немота и осень,

отложенные навсегда дела,
когда ответ один на все вопросы—
единственных два слова: «жизнь прошла».

II.

Единственных два слова: «жизнь прошла».
Без лишней суеты, без заморочек.
Один и тот же дождь, вниз со стекла,
ручьём—к дорожкам, на траву—из бочек.

Потом погаснут окна, фонари.
Рассвет-потоп-рассвет, но свет потерян.
Скажи, что было у тебя внутри,
когда ты первый раз шагнул за двери

из комнаты, квартиры, со двора,
открыв возможность продолжений странствий?
Кто это был? Кто прошептал: пора,
нет замкнутых миров, но есть пространство

со множеством миров?.. В одном из прочих
река течёт, и время камень точит.

III.

Река течёт, и время камень точит.
Была страна, но эта сторона
вопроса также не имеет дна.
Река течёт, и время камень точит.

Кто голову кому опять морочит?
Всё тот же вид знакомый из окна:
река течёт, и время камень точит,
была страна, но эта сторона

вопроса для ответа не годна,
для памяток на день—и то не очень.
Но есть душа, по жребию, одна,
Которая, бунтарствуя, пророчит:

нет жизни без сердечного тепла…
Горит огонь—и вот уже зола.

IV.

Горит огонь—и вот уже зола.
Что ей удобрить? В парнике клубнику?
Смородину, крыжовник, старый фикус,
Лист положивший свой на край стола?..

Всё лучше, чем быть разнесённым ветром,
Рассеянным на сотни километров…

Горит свеча, горбатится свеча
ещё одна в кругу паникадила…
Скажи, как было жить в плену идиллий,
не предавать и не рубить с плеча?

Сравнимы ли вершины и года?
Любой родник в лесу—святой источник.
Когда ж пробьётся вышняя вода,
елейный свет сквозь туч седые клочья?..

V.

Елейный свет сквозь туч седые клочья
цепляется прозрачным коготком
за телеграфный столб, киоск и почту,
за выкрашенный белой краской дом.

Половичок весёлый на заборе
просох давно. Колышутся в мажоре
сто кисточек его, и воробьи
купаются в песке, и без опаски
расчёт утят расчерчивает ряску.
Во всём вокруг ни горя, ни обид.

То времена иные, не земные,
не может быть такой сыра-земля,
но дух великий, как вовеки, ныне
исходит на цветущие поля.

VI.

Исходит на цветущие поля
жук колорадский, саранча и тля.

Где керосин, где банки, где скворечни?
Так сколько ж нужно положить труда
и сил на эту плаху муки вечной?

Кто ж заправляет этой чехардой?
Неужто счастье—случай чрезвычайный?
Спастись, уйти в работу с головой,
пускай себе свистит на кухне чайник.

Ворвался ветер в комнату, притих,
не испугав того, кто спать не хочет.
Поведают ли пилигримы книг—
немые странники страны глухих,—
как холодна земля и летней ночью?..

IX.

Рассейся по громаде листьев, память,
во тьме падите, встаньте в свете, храмы!
…Да освятит вас мудрый Саваоф!

Среди пустынь людских и океанов
людского равнодушия не канут
в небытие архипелаги строф.

Всё возродится перевоплощённым
в иную стать, в иную красоту,
перечеркнув тщету и суету
лучом державным, мыслью просвещённой,

и удивит потомков именами,
забытыми, непонятыми, но
всё наверху предопределено:
май, впереди ещё один экзамен.

X.

Май, впереди ещё один экзамен.
Готов? Что верх возьмёт? Лёд или пламень?..

Вороний грай с густых ветвей берёз
и колокольный звон из церкви рядом
смешались, перепутались, всерьёз
деля дороги, площади, ограды.

Сцепились так, что и не разорвать.
Не им ли чувства бренные подобны?
И так ли важно, что скрипит кровать,
буфет стоит на кухне неудобно?..

Те мелочи не стоит брать в расчёты.
Пред вечностью—что лето, что мигрень.
Благословен ещё одной субботой
июнь к июню, день сменяет день.

VII–VIII.

Как холодна земля и летней ночью!
Не изменить себе, меняя кров,
глубинную тоску на многоточье,
а плач дождя—на стон кленовых крон.
Как призрачно ещё дрожит перо,
и как размашисто неровен почерк!
Не траур лент, а скорбь вечерних троп,
среди которых смерть—всего лишь строчка
о том, что где-то штиль отменит шторм,
стихии справят бал, добавив имя
в талмуд эпох, а Пётр укажет порт
затерянных веков в небесной сини.
Пусть пухом станет в песнях корабля
оставленная сумеркам земля!

В
Е
Н
О
К
П
А
М
Я
Т
И

Оставленная сумеркам земля,
вернись к себе, к своим забытым нивам,
едино и светло к плакучим ивам,
не растеряв надежд, не помня зла.
Откройся настежь, дверь в нетленный дом,
крапивы дух витает у порога,
поёт псалмы щедрот, хвалу дороге,
а там и мир иной, и в горле ком…
Молчащей властью властен тот, кто свят,
являя боль—являешь радость, или
терпи и верь в участье вещей силы,
и встретит Бог, который был распят,
и тихо скажет: оставайся с нами,
рассейся по громаде листьев, память.

XI.

Июнь к июню, день сменяет день.
Жизнь или смерть? В чём истинность начала?
Примерь к себе! Что чище зазвучало?..
Чуть позже отцвела в садах сирень.

Чуть позже соберут в полях ячмень,
чуть позже, чуть… покоя в снах не стало.
Стада бредут от выпасов устало
в небытие, топча закатов тлен.

Всё тяжелее скарб прощальных дат.
Всё меньше время, больше в нём утрат.

Повеса-пёс ночует на соломе
соседского двора. Ему не знать,
в душе своей годами не скрывать
любви и веры горькие надломы.

XII.

Любви и веры горькие надломы.
С драконом щит, в руке короткий меч…
Фантазии? Легенды прежних встреч?
Всё новое обвили стены дома,
стараясь от чего-то уберечь.

Не обуздав троянского коня,
не спрятаться в его холодном чреве.
Стирает города испуг огня,
на месте их теперь душистый клевер.

Дороги зарастут без ходоков.
На крышах тут и там берёзок пары
свои считают сорок сороков.

Смириться, сделать вид, что незнакомы?
Остановиться? Нет. Пусть грянут громы,

XIII.

Остановиться? Нет. Пусть грянут громы в
ночной глуши, пусть одинокий бражник
танцует на стекле фокстрот. Неважны
значения икс, игрек. Невесомо любое слово в
этих двух осях судьбы, и бесконечна тишина
в движении от двери до окна, от пола к
потолку. Замкнув в глазах несовершенный и
несовершённый побег от всех и вся: сомкнув
уста последним вздохом, что отдаст взамен
тот, кто шептал «пора»? Одушевлённый и
первозданный мир? Мир без креста внутри и
вне бескрайних серых стен?..

XIV.

Внутри и вне бескрайних серых стен—
без перемен, пух с тополей, с дороги
клубами пыль, и тлеют понемногу
фонарные столбы. Из маржолен

составленный букет абориген-
подросток дарит юной недотроге,
две женщины на них косятся строго,
куда ни глянь—все тот же миоцен

мессинский, иссыхающие море
любви и соль не суть, а боль и горы
кристальной лжи, но я опять не точен,

заканчивая странный монолог,
но ты увидишь между этих строк:
сиротский дождь с утра опять бормочет:

Сергей Кормилов

Магистрал

Сиротский дождь с утра опять бормочет
Единственных два слова: «жизнь прошла».
Река течёт, и время камень точит,
Горит огонь—и вот уже зола.

Елейный свет сквозь туч седые клочья
Исходит на цветущие поля.
Как холодна земля и летней ночью,
Оставленная сумеркам земля.

Рассейся по громаде листьев, память,
Май, впереди ещё один экзамен,
Июнь к июню, день сменяет день.

Любви и веры горькие надломы.
Остановиться? Нет. Пусть грянут громы
Внутри и вне бескрайних серых стен.

Нина Ягодинцева

Сонет как образ мысли

О венке сонетов Леонида Фокина к годовщине смерти Сергея Кормилова

Уходя от строго регламентированных поэтических форм в направлении тотальной неопределённости современного верлибра, поэзия обретает свободу, но теряет при этом волю, а значит, во многом—и силу. Свобода—пространство возможностей, воля—осуществление как возможного, так и невозможного.

Сонет в контексте этих процессов был и остаётся формой, концентрирующей и гармонизирующей развитие мысли. Формой, определяющей логику этого развития… Сонет можно назвать волей, устремлённой к гармонии.

Два чеканных по форме и антонимично-зеркальных по смыслу катрена (тезис—антитезис) обозначают непримиримые противоположности, противостоящие друг другу крайности, диаметральное противоречие которых предстоит разрешить в терцетах, то есть соединить в гармонию единого целого. И поскольку задача по определению нелегка, в той части стихотворения, где должен происходить синтез, до известного предела допустимы вольности: это могут быть два терцета в различных вариантах рифмовки, или катрен и дистих, а также секстеты, пентеты и даже моностих.

Из всех средневековых поэтических форм именно сонет оказался самым долгоживущим и наиболее привлекательным. Он был и философским атрибутом, и салонной игрушкой, но сегодня существует в поэзии вполне всерьёз. История сонета как «твёрдой» поэтической формы подробно описана и широко известна. Специалисты называют более двухсот разновидностей сонета, но ходит и легенда об исследователе, который набрал более тысячи четырёхсот вариаций…

В этом ключе необыкновенно интересно следить за тем, какие пути развития ищет сонет сегодня—на что направлена мысль, закованная в звенящую броню условий и условностей? Или поиски и эксперименты продолжаются только в отношении формы и рифмы?

«Венок памяти», посвящённый автором годовщине смерти Сергея Кормилова,—замечательный пример современного обращения к средневековым «доспехам» поэтической мысли,—не только эксперимент по развитию сонетной формы, но ещё и, что существенно усложняет задачу, акростих по магистралу. Приведём его полностью.

Сиротский дождь с утра опять бормочет
Единственных два слова: «жизнь прошла».
Река течёт, и время камень точит,
Горит огонь—и вот уже зола.

Елейный свет сквозь туч седые клочья
Исходит на цветущие поля.
Как холодна земля и летней ночью,
Оставленная сумеркам земля.

Рассейся по громаде листьев, память,
Май, впереди ещё один экзамен,
Июнь к июню, день сменяет день.

Любви и веры горькие надломы.
Остановиться? Нет. Пусть грянут громы
Внутри и вне бескрайних серых стен.

Канон требует строгого соблюдения единства формы внутри венка, но здесь мы имеем дело с целым букетом разнообразных вариаций: первый сонет по способу рифмовки—французский, второй—английский, где каждый катрен рифмуется сам по себе. Третий—триолетно-октавный сонет, сто лет назад введённый Фёдором Сологубом и с тех пор практически забытый. В следующем сонете за первым катреном следует двустишие, в пятом между катренами расположена секстина, в шестом автор от дистиха через терцет переходит к катрену и далее к пентету.

Эксперимент с формой рождает и сдвоенный текст (VII–VIII сонеты). Обычно тексты сдваиваются для эффекта тройственного прочтения: каждый столбец сам по себе—стихотворение, а третье рождается из их построчного объединения. Здесь же мы видим такое уникальное явление, как сочетание телестиха VII сонета с акростихом VIII сонета. Конечно, для подобных форм требуется особенное мастерство, и мы должны отдать должное автору.

Форма же сонета XIII, превращённого практически в суггестивную прозу, практически рассыпается—обилие анжамбеманов без обозначения ритмического членения на строфы существенно затрудняет прочтение, а рифмы теряются. Строчная (нестрофическая) форма не даёт возможности

увидеть анжамбеманы — они ощутимо ломают ритм и почти (и даже не почти) превращают текст в прозу:

> Остановиться? Нет. Пусть грянут громы в ночной глуши, пусть одинокий бражник танцует на стекле фокстрот. Неважны значения икс, игрек. Невесомо любое слово в этих двух осях судьбы и бесконечна тишина в движении от двери до окна, от пола к потолку. Замкнув в глазах несовершенный и несовершённый побег от всех и вся: сомкнув уста последним вздохом, что отдаст взамен тот, кто шептал «пора»? Одушевлённый и первозданный мир? Мир без креста внутри и вне бескрайних серых стен?..

Безусловно, автору следует отдать должное: он смелый экспериментатор и в форму венка сонетов заплёл максимальное количество вариаций сонетной формы — от изысканных до рискованных, от уже известных до безусловно новаторских (во всяком случае, с точки зрения рецензента, знакомого со множеством сонетных трансформаций, но не считающего, что знает их все). Для подобной работы требуется большой поэтический опыт, уверенное владение формой — всё это, конечно, у автора есть.

Но, отметив новаторство в области формы, хочется обратить внимание и на содержание. Кстати, интересный психологический эффект: в большинстве рассуждений и дискуссий о сонете обсуждается именно формальная сторона, а вопрос — зачем форма, какое содержание она генерирует и насколько успешно, обычно не поднимается, на него просто не хватает времени.

Если обратить внимание на образный ряд стихов, то нельзя не отметить, что автор в равной степени владеет и высокими, масштабными, философскими образами, и образами вполне бытовыми. В венке сонетов, в полном соответствии с названием, сопрягаются оба ряда, порождая удивительные поэтические эффекты, как, например, в VI сонете:

> Ворвался ветер в комнату, притих,
> не испугав того, кто спать не хочет.
> Поведают ли пилигримы книг —
> немые странники страны глухих, —
> как холодна земля и летней ночью?..

Или в сонете IX:

> Рассейся по громаде листьев, память,
> во тьме падите, встаньте в свете, храмы!

Двустишие работает сильно, задействуя горизонталь и вертикаль, паденье и восстание, тьму и свет…

Завершая рецензию, подведём мысль к главному, на наш взгляд, выводу: автор свободно работает со сложной для современных авторов сонетной формой, что даёт ему прекрасную возможность экспериментировать с традиционными четырнадцатистишиями и открывать их новые возможности.

И вот тут возникает вопрос другого порядка: а какой смысл способны породить эти новые формы? Если мы знаем, как работает «классический» сонет, какие задачи у него и как он их решает, то в сфере новаторства на наш вопрос ответа пока нет. Должны ли давать этот ответ филологи или критики? Должен ли автор держать его в фокусе внимания и делать ставку не на формальную новизну, а на содержательную часть — поэтический алгоритм решения философской, диалектической задачи?

Ведь целью любой формы является генерирование смысла — наиболее экономное и точное. Форма развивается именно для этого. И сама проблема сонета заключается сегодня в содержательной части, иначе всё превращается в игру, а должно бы наоборот — игру следует превращать в нечто более высокое…

Пространство для размышлений здесь огромно. И, думается, на ряд подобных вопросов автор вполне в силе ответить не только формально, но и содержательно.

Поступать по-русски

Сочинения участников Международного детско-юношеского литературного конкурса имени Ивана Шмелёва «Лето Господне», 8 сезон

Савва Сивак

г. Ульяновск, лицей №40 при УлГУ, 7 класс

Уроки Распутина

Моё знакомство с творчеством В. Г. Распутина произошло совсем недавно очень необычным образом.

Тёплым сентябрьским днём мы возвращались с бабушкой с прогулки. Проходя мимо очередной девятиэтажки, она сказала: «В этом доме на четвёртом этаже жила моя учительница биологии, классный руководитель нашего класса. Конечно, уже давно там живут другие люди». А потом бабушка рассказала, что ещё в те времена, когда она училась в школе, учительница была немолода, у неё подрагивали руки. Когда она писала на доске, буквы выходили неровные. Случалось, что мальчишки передразнивали её. Её настоящее имя—Зинурова Гульфия Ярируровна, потому что она—татарка по национальности. Но для всех в школе учительница была Галиной Яковлевной, строгой и требовательной ко всем своим ученикам независимо от успехов.

Бабушка рассказала, что кабинет биологии в школе был, наверное, лучшим в городе: столько цветов можно было увидеть разве что в оранжереях; учебные пособия, представлявшие собой заформалиненные тела различных животных, считались у мальчишек лучшим способом напугать одноклассниц. Галина Яковлевна жила со своей старенькой мамой, и в её маленькой квартире перебывал весь класс. «Порой мы заходили к ней без повода, просто чтобы попить чай с вкусной выпечкой. Мы не были голодны—нам нравилось приходить в её чисто убранную квартирку, пить чай и болтать всякую ерунду»,—продолжила свой рассказ моя бабушка. И хотя они часто бывали у неё в гостях, это не спасало ребят от плохих оценок за невыученные уроки. Если кто-то опаздывал в класс, учитель проводила блиц-опрос по пройденному материалу, и провинившейся получал несколько оценок, от двойки до пятёрки, согласно усвоенным знаниям.

Тут бабушка улыбнулась, посмотрела лукаво и тихо сказала: «Открою тебе тайну: я иногда пользовалась этим, если мне нужно было получить лишнюю пятёрку. Возможно, благодаря этой хитрости я закончила школу с медалью, но за давностью лет этот грех можно простить. Биологом я, конечно, не стала, но если сейчас мне провести блиц-опрос по школьной программе по биологии, то я с лёгкостью отвечу на многие вопросы, хоть и прошло много лет после окончания школы».

Бабушка загрустила. Некоторое время мы шли молча, а потом она сказала: «Дай Бог, чтобы всем встретились такие наставники. Знаешь что, прочти „Уроки французского“ В. Г. Распутина—и, возможно, ты меня поймёшь».

В этот же день я взял книгу в библиотеке и прочёл рассказ на одном дыхании!

Мои первые впечатления от прочитанного—совсем не восторженные, а скорее грустные и тоскливые, ведь рассказывается о тяжёлом послевоенном детстве писателя. Голод, холод и нищета.

Затем я подумал: разве об этом рассказ? Конечно, нет! «Уроки французского»—о доброте и милосердии. Распутин, описывая постоянный голод, тонко обходит ситуацию с пропажей картошки. Он никого не обвиняет, наоборот, как бы оправдывает, потому что голод в деревне и голод в городе—это огромная разница.

Как-то невзначай я вспомнил сказку П. Ершова «Конёк-горбунок», где братья крадут лошадей, а Иван их прощает. То же самое и в «Уроках французского». Понять и простить—это так по-русски. Дело не в национальности, дело в духе, которым дышит и которым «пропитан» каждый, кто живёт в России. Как будто сама земля русская учит все народы, проживающие на ней, быть другими. Быть добрыми, мудрыми, благородными, прощать, делиться, не жадничать, протягивать руку, не дожидаясь просьбы о помощи.

Чего стоят эти настойчивые попытки Лидии Михайловны накормить своего голодного ученика, обогреть, успокоить. Тут я почему-то провёл параллель с русскими народными сказками. Баба Яга—вроде и злой персонаж, но она всегда готова накормить, напоить и спать уложить доброго молодца. Значит, и это типично русское поведение—обогреть ближнего.

Главный герой (Распутин-школьник) стойко отказывался от предложения пить чай с Лидией Михайловной. Сесть за стол с учительницей для него значило прикоснуться к чему-то возвышенному. К чему-то, чего, по его мнению, он не достоин. Тут мне вспомнилась Царевна-Лебедь из «Сказки о царе Салтане» А. С. Пушкина. Как может быть иначе, если «Лидия Михайловна в простом домашнем платье, в мягких войлочных туфлях ходила по комнате, заставляя меня вздрагивать и замирать, когда она приближалась ко мне»? Ну точно! Это уже не учительница французского, которая, слушая героя, «бессильно морщилась и закрывала глаза». Это грациозная и плавная Царевна-Лебедь.

Разве может быть иначе? Недосягаемая Царевна-Лебедь равно учительница. Это так по-русски — мечтать о невозможном и потом оказаться рядом с предметом мечтаний. А иногда мечты такие смелые, что даже дух захватывает и мечтать не смеешь. Но в итоге они сбываются, потому что всё равно веришь!

Научить, показать, доказать, заставить поверить в себя, поделиться опытом — вот что делает Лидия Михайловна. Чему она учит? Смотри и делай как я! Мне не давался французский язык, но я смогла освоить его превосходно — значит, и ты сможешь!

И это черта всех, живущих на земле русской. Настойчивость, стремление к поставленной цели, упорство, если хотите. Недаром во всех русских сказках какой-нибудь Иван-царевич, Иван-королевич или Иван — крестьянский сын всякий раз, отправляясь за тридевять земель, преодолевает трудности, побеждает Чудо-юдо или Змея Горыныча и непременно возвращается с победой.

Ещё Лидия Михайловна напомнила мне Василису Премудрую. Она хитрила при игре в «замеряшки», но хитрость была не злой, а оправданной целью — дать выиграть своему ученику.

Мудрость и доброта свойственна «русским» вне зависимости от возраста или национальности. Именно так я и подумал, вспоминая рассказ бабушки про свою любимую учительницу. Потому что все мы живём в России, а значит, «русский дух в нас», значит, мы русские. Не важно, какой ты национальности: татарин, чуваш, русский или узбек. Да, мы чтим и уважаем культуру и традиции всех народов, почитаем обычаи и устои. Но если ты живёшь в России, значит, тебе посчастливилось, ведь культура русская непременно отложит свой отпечаток и добавит любому все эти качества: мудрость, доброту и благородство, щедрость и упорство.

Кроме всего сказанного, считаю, что одной из главных мыслей, которую хотел донести Валентин Распутин в рассказе «Уроки французского», является важность встретить «своего» учителя. Человека, который поделится с тобой знаниями, добротой, уважением. И тогда каждый будет поступать по-русски. По-другому уже просто не получится.

Анастасия Клинкова

Владимирская область,
воскресная школа
при Свято-Покровском приходе

«В минуту жизни трудную…»

На страницах рассказов и в строчках стихотворений можно встретить всю нашу жизнь, то без прикрас, то сказочную, поучительную, смешную. Очень сложно или же чересчур просто рассказанная история читается трудно, не увлекает и не позволяет прочувствовать и погрузиться в сюжет. А вот два стихотворения Михаила Юрьевича Лермонтова как раз увлекли меня, воспитанницу воскресной школы, и заставили погрузиться в сюжет.

Почему? Потому что мне понятно и близко то, о чём написал поэт: Святое Евангелие, молитвы, Таинства Церкви. Я прочитала, что стихотворение «Ангел» относится к юношескому периоду творчества Лермонтова. Мне четырнадцать лет, значит, стихотворение писал мой ровесник!!! В основу поэт положил детскую колыбельную песню, которую слышал от матери. Центральный образ произведения — летящий по небу ангел, который поёт «тихую песню». В ней прославляет Бога и райскую жизнь. Он несёт с собой юную душу, чтобы вдохнуть её в младенца. Эта душа безгрешна, она внимает песне ангела и навсегда сохранит её в своей памяти. Ангелу жаль оставлять невинную душу в «мире печали и слёз», поэтому в песне он дарит ей надежду на будущее воскрешение в лучшем мире. «Скучные песни земли» никогда не заменят «звуки Небес». Михаил Юрьевич Лермонтов показывает в своём стихотворении «Ангел», сколько в мире боли и горя, но, несмотря на это, нужно стремиться к свету и добру, чтобы не нарушать законы Божии.

И чтобы ни случилось, человек должен быть всегда полон веры в чудеса. Я подумала, когда читала: а каким будет человек, который ещё младенец? Произведение написано очень простым и доступным языком для меня, школьницы. Мне понятна каждая строчка, поэтому так легко выучила это стихотворение наизусть. Сюжет произведения — истинно православный.

Это действительно искреннее выражение наивной веры молодого человека, навеянное дорогими воспоминаниями из детства. Ангел — это любящая мама, которая поёт младенцу колыбельную песню, перед тем как отпустить его в самостоятельную жизнь, наполненную страданиями и болью. Мне

так стало жаль мою маму, ведь она очень надеется, что из всех её детей, а нас у неё четверо, вырастут хорошие люди. Она всё для этого делает, и папа тоже. Конечно, и песни колыбельные пела, и на руках нас каждого носила. И лечит, и заботится.

Мне очень понравились строчки:

И месяц, и звёзды, и тучи толпой
Внимали той песне святой…
<…>
О Боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.

Поэтому тут же захотелось прочитать что-нибудь ещё по этой теме. Я много учу стихов наизусть по разным православным темам. Это мне интересно, и память развивает!

И я прочитала стихотворение «Молитва» Михаила Юрьевича Лермонтова.

Оно начинается так:

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть…

Так верно написал! Молитва—это обращение к Богу. В стихотворении Михаила Юрьевича Лермонтова говорится о том, что молитва должна быть от души. И не обязательно читать полное правило или сложную, непонятную для вас молитву. Можно просто прочитать: «Господи, помилуй!»—и Бог услышит прошение, желание. Но самое главное, чтобы слова были от души. А если прочитать молитву просто, без душевных чувств, то Господь не примет её. Ведь в молитве заключено что-то божественное, неземное. Незамысловато и глубоко, от этого чтение увлекает! А заканчивается стихотворение словами:

И верится, и плачется,
И так легко, легко…

После прочтения этих строчек я вспомнила, что во время богослужения, когда звучит текст Святого Евангелия, кто-нибудь тихонько смахивает слезу.

Мне разрешают «снимать» догорающие свечи, поэтому я вижу молящихся людей и их переживания. Значит, прав поэт, что обращение к Богу происходит часто в «минуту жизни трудную…»

Я узнала из прочитанного, что есть в творческом наследии М. Ю. Лермонтова три стихотворения с одинаковым названием—«Молитва». Удивило меня то, что молитва становится особым жанром поэзии, сохраняющим основные черты молитв православных, которые мы читаем ежедневно. Обычно молитвой называют проникновенное обращение человека к Богу. Это веками освящённая традиция христианства.

Каждый православный человек обращается с молитвой к Богу, находя в своём сердце, в своей душе нужные слова, которые не произносятся перед другими людьми и не пишутся в книгах.

А вот Михаил Юрьевич Лермонтов написал стихи-молитвы, что меня очень удивило. Первое из них и наименее известное написано в 1829 году, когда Лермонтову было всего пятнадцать лет. Стихи нежные, светлые и чистые.

«И щемящие душу строки о сокровенном—молитвенном порыве, когда в минуты слабости или неверия в свои силы обращается человек к Творцу»,—так сказала Галина Магницкая, а я с ней согласна.

Я прочитаю все три стихотворения и, скорее всего, выучу их наизусть.

Александр Рылов

г. Шуя, воскресная школа
при Преображенском храме

С Богом!

И как же только люди живут в этой Москве? Гул, грохот—и везде толпы, толпы, толпы народа. Все бегут, спешат, а в метро стоят, уткнувшись в телефоны, в наушниках, и не слышат ничего, и спрашивать их бесполезно. Мама и к тому, и к другому обратилась, как проехать до временной квартиры в Выхино—никто даже не обернулся к ней. По нашей Шуе идёшь—все знакомые, здороваешься почти с каждым, улыбаешься, можно остановиться и поговорить, а уж если чего спросишь—так сразу несколько человек остановятся, объяснят всё, покажут, когда и проводят. А тут… как в бездну какую окунулись, как в реке щепочки закружились, и несёт нас водоворотом прямо на самую стремнину. Вышли из метро—автострада, поезда, электрички. А нам куда же? Что за улица Молдагуловой, как на неё попасть? Отошли с дороги, встали в уголочке, смотрим в навигатор в телефоне—пишет, надо ехать до остановки «Площадь Амилкара Кабрала». Да где же мы вообще оказались?

Как же я здесь должен жить? Чуть было не начал просить маму бросить всё и домой вернуться—пойду в свой родной класс, ребята так обрадуются! Ведь даже не попрощался с ними по-человечески. Но как вспомнил последний концерт ансамбля, на котором побывал перед самым поступлением в студию: бравых партизан, залихватских пастухов гаучо и, конечно, моё любимое «Яблочко»,—стиснул зубы и решил, что нужно терпеть.

И не зря! На первых же занятиях в студии всё оказалось таким знакомым! Даже указания преподавателя, который оказался совсем не страшным—хоть и требовательным, но очень весёлым: плие, гран плие, ронд де жамб партер—как будто

вернули меня в мой родной класс, где столько часов я провёл у станка. Какими же скучными и утомительными казались порой все эти упражнения! Зато теперь всё достаточно легко и понятно. И с ребятами я быстро подружился, ведь мы все любили одно и то же—народный танец—и мечтали научиться танцевать так же безупречно, как артисты ансамбля. Мы их постоянно встречали в коридорах, вытягивались в струнку и с лёгким наклоном головы здоровались. Самым же большим везением считалась возможность подглядеть в щёлочку большого репетиционного зала за ходом репетиции. Нас, конечно, гоняли, но иногда, когда старшим было не до нас, удавалось увидеть маленькие отрывки цыганского танца, сиртаки, городской кадрили.

И тут уехала мама. Я остался со старшим братом Серафимом, которому исполнилось восемнадцать лет. С самого начала я знал, что мама должна будет возвратиться к моим младшим сёстрам и брату, ведь им тяжело жить без неё. Мне казалось это несправедливым: они там все вместе, а я тут, в этой незнакомой Москве, совсем один. С отъездом мамы шумные улицы, к которым вроде бы я стал уже привыкать, снова сделались пугающими, а люди по-прежнему были равнодушными, холодными. По дороге в студию и обратно я впервые в жизни почувствовал, что такое одиночество в толпе.

Приближался мой день рождения, в который я праздновал и день ангела. Но я не ощущал никакого радостного предвкушения, как раньше. Пусть даже накануне дома родители мне подарят подарки, но в сам день я снова буду один, ведь нельзя же пропустить занятия. Накануне мы узнали, что у нас отменили первые два урока. И тогда мама позвонила Серафиму и попросила сводить меня в храм, где находятся мощи моего небесного покровителя.

Меня совсем не обрадовала такая перспектива. Утром было очень холодно, лил дождь, ветви деревьев разъярённо стучали в окна, и Москва, и раньше-то не слишком приветливая, казалась враждебной. Но чтобы не расстраивать маму, мы мужественно оделись и отправились на поиски храма Рождества Пресвятой Богородицы в месте со странным названием «Старое Симоново».

Ничего старого в том районе, в котором мы оказались, выйдя на станции метро «Автозаводская», не было: обычные московские высотки, здания заводских корпусов, торговые центры. Правда, вдалеке сквозь пелену дождя проглядывали крепостные башни. Сверившись с картой, Серафим сказал, что это Симонов монастырь. Я сразу же вспомнил, как мы с бабушкой летом читали «Бедную Лизу»: именно здесь, в пруду у стен Симонова монастыря, Лиза утопилась от несчастной любви. Очарования месту, где мы оказались, это воспоминание не прибавило.

Но вот мы подошли к воротам и, пройдя ими, неожиданно оказались рядом с одноглавым белокаменным храмом, соединённым трапезной частью с невысокой колокольней, в которой и располагался вход. И храм, и трапезную часть, и колокольню венчали золотые купола. Мы остановились и огляделись. Невдалеке от храма мы увидели небольшую часовню из белого камня, освящённую в честь преподобного Кирилла Белозерского. Из надписи на памятном камне мы узнали, что именно на этом месте преподобному Кириллу, бывшему тогда настоятелем монастыря, явилась Пресвятая Богородица и повелела отправиться на Белозеро, где было уготовано ему место спасения. Рядом с часовней за небольшой оградкой стояло раскидистое дерево с маленьким, как будто игрушечным, домиком. Там жили белки. За стенами оказалось не так ветрено, да и шум города становился тише, и, возможно, поэтому я почувствовал себя защищённым.

Мы вошли в храм. В нём было тепло, светло и очень уютно. Низкие расписные своды делали помещение не таким просторным, зато удивительно обжитым. Заканчивалась литургия. С икон на меня смотрели Спаситель, Пресвятая Богородица и святитель Николай. Я ожидал, что мощи моего святого находятся на солее, у алтаря, как я видел раньше во многих других храмах. Однако они оказались у самого входа, в широкой, но простой раке под деревянным балдахином. «Преподобные Александр Пересвет и Андрей Ослябя»—прочитал я. На стенах скакали кони, сражались воины—продолжалась Куликовская битва. Тут под пение тропаря и кондака из алтаря вышел батюшка, подошёл к раке святых и начал читать молитву. Меня поразило, насколько слова этой древней молитвы точно передавали то, что происходит здесь и сейчас. Вот мы припадаем к «честным гробом» славных воинов Христовых и просим их о помощи и заступлении. А они—сейчас, а не когда-то давно,—являют нам своё милосердие, и помогают, и сохраняют от всякой напасти.

Когда мы вышли из храма, всё так же шёл холодный осенний дождь, дул пронзительный ветер, но на душе стало светлее, будто я побывал дома, посидел с мамой на кухне, выпил тёплого крепкого чая со сдобной плюшкой. «Наверное, и в Москве этой можно жить»,—подумалось мне.

Дома, куда я ездил на каждые выходные, я спросил у мамы, где можно узнать побольше о моём святом. Житие в общих чертах я знал с самого раннего детства: на следующий год после моего рождения вышел про преподобного Александра целый мультфильм. Я его часто смотрел, он был у меня одним из самых любимых. Мама задумалась, а потом сказала, что про Александра Пересвета есть упоминание и в «Сказании о Мамаевом побоище», и в «Задонщине», но ей хочется, чтобы

я почувствовал сам дух времени, когда жил преподобный Александр, узнал о его окружении. Так мы начали читать дивное повествование Бориса Зайцева о преподобном Сергии Радонежском, учеником и постриженником которого был мой святой. Удивительным образом писателю удалось выполнить задачу, обозначенную во вступлении,— «провести читателя чрез ту особенную, горнюю страну», где живёт преподобный Сергий, откуда «светит нам немеркнущей звездой». Борис Зайцев всем строем своего произведения убедительно доказывал, что святой живёт именно сейчас и сейчас, в нашей жизни, помогает нам, освещая путь, осеняя благодатию Божиею наши души.

С нетерпением я ждал, как же писатель расскажет про моего святого. О его подвиге он рассуждал так: «Есть величавое, с трагическим оттенком—в том, что помощниками князю Сергий дал двух монахов-схимников: Пересвета и Ослябю. Воинами были они в миру и на татар пошли без шлемов, панцирей—в образе схимы, с белыми крестами на монашеской одежде. Очевидно, это придавало войску Димитрия священно-крестоносный облик. Вряд ли двинулись бы рыцари-монахи в мелкую войну из-за уделов». Присутствие воинов-монахов, оказывается, придавало особое значение всей битве, делая её событием почти вселенским; не случайно она произошла в день Рождества Пресвятой Богородицы. Александр Пересвет, пожертвовав собой, умерев, погибнув,—удивительным образом победил не Челубея только, а саму смерть. Проявив высшую любовь, отдав душу свою за други своя, он не только сподобился бессмертия, но и получил возможность помогать нам в любое время, когда бы мы ни жили, в любом месте, где бы мы ни находились.

Теперь утро понедельника перестало быть для меня таким чёрным. Я смело садился в «Ласточку», ехал в Москву, шёл на занятия и возвращался вечером на квартиру—зная, что мне помогает мой святой, ведь он жив, он всегда рядом со мной.

А потом умерла бабушка. Я знал, что она давно уже лежит в больнице, что мама очень за неё волнуется, и переживал и за бабушку, и за тяжело больного, практически парализованного дедушку, который с нетерпением ожидал возвращения бабушки домой. Каждый день я звонил маме, она говорила, что состояние бабушки «стабильно тяжёлое», изменений нет, но я чувствовал, что она чего-то недоговаривает. Только вернувшись в очередную пятницу поздно вечером домой, я узнал, что бабушка умерла ещё в среду, что в последние дни родные уже знали, что её состояние безнадёжно, и что утром в день смерти к ней пришёл отец Тихон, исповедовал её, причастил и пособоровал.

Мир рухнул и перевернулся, что-то в нём изменилось и нарушилось. Бабушка для меня была самым близким человеком после мамы и папы. Я часто жил у неё, она со мной занималась русским языком и литературой за те два класса, в которых я не учился, чтобы попасть в школу-студию, и только благодаря её усилиям, сдавая экзамены за экстернат, я получил хорошие оценки. Она всегда была рядом: на утренниках в детском саду, на первом концерте в музыкальной школе, на первом моём сольном конкурсе. Она лечила и учила, водила в храм на причастие и в парк гулять, подшивала костюмы и приводила в порядок школьные рубашки. И вдруг её—нет.

И только стоя в храме на панихиде, я вдруг понял, что она—есть. Она есть так же, как есть Господь, Пресвятая Богородица, Александр Пересвет. Она есть в той чудной горней стране, которая не где-то там за облаками, а рядом с нами, здесь, в словах панихиды—и в моём сердце. Я теперь не смогу увидеть бабушку, но она-то видит меня, любит меня по-прежнему и помогает мне, уже не подшивая рубашки, а молясь за меня Богу. А значит, не важно, где я нахожусь, кто меня окружает. Главное—что я с Богом!

Богдан Запольский

Белоруссия, г. Гомель,
средняя школа №44
имени Н. А. Лебедева

Не в силе Бог, но в правде!

К 800-летию со дня рождения святого благоверного князя Александра Невского

Человек в этом мире не один, ибо с ним Бог и все святые с Ним. Эта мысль посещает меня всякий раз, когда я посещаю храм Никольского монастыря в моём родном городе Гомеле. В нашем городе есть множество прекрасных храмов, но именно в этом чувствуется особенное присутствие Божие. Ты понимаешь, что ты не один, ты чувствуешь тесную связь со своим Творцом и всеми святыми, пред Ним предстоящими.

В Никольском храме есть множество прекрасных икон, глядя на которые, начинаешь понимать истинную красоту святых Божиих, их чистоту духа. Если приглядеться хорошенько к иконостасу храма, можно увидеть икону святого благоверного князя Александра Невского. Вглядываясь в этот святой образ, видишь человека, созерцающего Бога, отдающего своё сердце, свою жизнь Ему. Благоверный князь является истинным отражением слов Христа, который, по утверждению святого евангелиста Матфея, говорит: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною, ибо кто хочет душу

свою сберечь, тот потеряет её, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретёт её» (Мф. 16:24–25). Мы можем наблюдать человека, который, занимая очень серьёзное место в государстве, не перестаёт понимать, что в уравнение своей жизни необходимо добавлять Бога, так как без Него сложно не потерять себя в суете мира сего.

При чтении житий святых человек, даже через текст ощущая особенную благодать Пресвятаго Духа, которую Господь даровал им, приходит к пониманию, что Он показывает великие дары, которые может дать человеку. Наша земля знает множество великих полководцев, которые своими поступками вызвали любовь и уважение народа. Ярким примером, который Господь явил нам, стал святой князь, который был не просто талантливым полководцем и дипломатом, но и человеком, который, будучи мирянином, князем, совмещал в себе подлинное смирение настоящего инока. Он являлся светильником духа, который показывал своим примером правду, истинную любовь к людям, выраженную в самопожертвовании. Он последовал примеру Христа, отдав свою жизнь служению людям во славу Бога.

Восемьсот лет назад, в 1221 году, родился святой благоверный князь Александр Невский. В разные годы жизни он имел титулы князя разных городов, таких как Новгород, Киев, а впоследствии и титул великого князя Владимирского. Князь Александр, будучи совсем юным, оказался в самом эпицентре великих событий в истории Руси. Ему выпало править ею в тяжелейший, переломный момент. В момент, когда хан Батый и его монголо-татары разорили множество русских княжеств, а на севере Новгороду и Пскову угрожали шведы и немецкие крестоносцы.

Выбирали князя в Новгороде и Пскове, и он был не правителем, но командующим войском. Конечно, новгородцы могли пригласить княжить опытного, известного воина. Но они позвали тогда ещё двадцатилетнего Александра Ярославича, и в выборе они не ошиблись.

Князь Александр прежде всего известен нам тем, что победил шведов в битве на Неве, за которую и получил прозвище Невский, а также тем, что победил крестоносцев при Чудском озере (Ледовое побоище), благодаря чему отстоял северные русские земли от завоевания их западными рыцарями.

Начало его княжения поражает меня гораздо больше, чем его военные заслуги. Я увидел в этом человеке своего родственника, ибо он является настоящим примером христианина. Он истинно взял свой крест и последовал за Христом. Он откликнулся, почувствовал Христа в своей жизни, увидел действительную Его важность. Вот говорят, что любовь невозможно скрыть от людских глаз, и когда ты видишь человека, который всем сердцем полюбил Христа, это невозможно не заметить. Таким примером является благоверный.

Князь Александр — истинный пример смирения. Видя положение Руси, он понимал, что нужно искать выход из ситуации, так как с востока была угроза монголо-татар, а с запада — шведов и немецких крестоносцев. Подвигом благоверного князя являлась одна важная победа — сохранение веры Православной в государстве. Эта победа спасла Русь, сохранив её душу — веру Православную — и тем самым сделав возможным и политическое возрождение нашей страны после столетия пребывания в составе Орды. В чём же конкретно проявился подвиг смирения князя, и как он смог сохранить веру Православную в государстве?

Однажды послы Папы Римского пришли с предложением об отступлении армии тевтонского ордена при условии вступления Руси в ряды стран западной цивилизации. Однако Александр Невский поступил иначе. Папским послам он ответил: «Сии вся добре сведаемъ, сия суть въ насъ, учения сии целомудрствуемъ, иже во всю землю изыдоша вещания ихъ и въ концы вселенныя глаголы их, якоже проповедашеся отъ святыхъ апостолъ Христово Евангелие во всемъ мире, по сихъ же и предания святых отец Седми Собор Вселенскихъ. Си вся съведаем добре, а от вас учения не принимаем». В этом моменте его жизни очень чётко наблюдается знание истинной веры князя. Он — истинный ревнитель Христов!

Позже он решает ехать в Сарай (столица Золотой Орды) с дипломатической миссией, однако народ не одобрял этого решения, но князь Александр проявил смирение, так как народ стал относиться к нему с недовольством, и делал своё дело, благодаря Бога. А потом получил от Батыя ярлык на княжение на Руси. Тем самым Невский спас Православие на Руси — ведь, в отличие от крестоносцев, монголы не требовали от Руси изменить веру.

В итоге он был любим в народе, потому что проявлял много милости к сиротам, страждущим, вдовам.

Стараниями Александра Невского проповедь христианства распространилась в северные земли поморов. Ему удалось также способствовать созданию православной епархии в Золотой Орде.

Хочется отметить, что вопрос выбора между Востоком и Западом вставал ещё до князя Александра. В пример можно поставить цивилизационный выбор Руси в пользу Востока в девятом веке по Р. Х. при святом равноапостольном великом князе Владимире, который заключался в том, что Русь, стоя перед выбором государственной религии, приняла Православную веру в пользу Византии. Однако исторические обстоятельства изменяются, и выбор вновь встаёт перед страной, народом и его вождями. В истории нашей страны такой момент

наступил уже через четыре столетия после смерти равноапостольного князя Владимира, в тринадцатом веке, когда Византия пала под ударами крестоносцев Запада, а сама Русь, ослабевшая от междоусобиц, оказалась меж двух огней — так что ей грозило завоевание и с Востока, и с Запада. Самостоятельно же бороться «на два фронта» она не могла.

Александр Невский — великий христианский подвижник. На мой взгляд, этот критерий наиболее качественно описывает князя. Он всю свою жизнь незримо показывал свою любовь ко Христу. Например, он усердно молился, он верил в то, что Господь защитит эти великие земли. Время шло. Это был 1262 год. Александр отправился в Орду, чтобы предотвратить намечающийся татарский поход (из-за того, что в нескольких городах были убиты собиратели дани). Там он тяжело заболел и вернулся на Русь уже умирающим. Будучи на смертном одре, он решает принять постриг. Ему нарекают имя Алексий.

Вся жизнь святого князя Александра стала истинным примером подвижничества. Глубокая вера, выраженная в надежде на лучшее будущее своего народа. Не в силе Бог, но в правде. Это можно узреть, взглянув на жизнь святого князя. Истинное учение, которое принял святой князь и показал вверенному ему народу, стало бесценным достоянием. Непоколебимость князя в вере слову Божию превзошло силу и мощь военных походов под его предводительством. На мой взгляд, причисление Православной Церковью князя Александра Невского к лику святых является данью уважения истинному защитнику людей и подвижнику веры Христовой.

И вот я снова у храма. Под ритмичный звон колоколов вспоминаются слова из кондака Александру Невскому: «…блаженне Александре, прийди в помощь твоим сродником и побори борющия ны». И действительно, хочется сказать, что Господь посылает нам истинных защитников, являющих собой истинный пример христианской жизни.

Литературное Красноярье ∴ СИНЯЯ ТЕТРАДЬ

Только в компании жизнь хороша!

По следам детских литературных конкурсов Красноярского края 2000–2006 годов

Алексей Аникин

9 лет

Город мокнет

Город мокнет, дождь идёт.
Разбегается народ:
Кто под крышу, под навес,
Кто под ряслый куст залез.
Кто в ветровке дождь встречает,
Кто с зонтом бежит бегом…
Ну а я, не замечая,
Просто топаю пешком.

Осень на столбах

Лес и скалы…
Как прекрасно!
Небо, солнце, ручеёк…
На секунды мне неясно:
Кто же листья уволок?
Вспомнил!
Осень наступила,
Вся листва траву покрыла…

Дина Лазарчук

9 лет

● ● ●

Поздняя осень!
Коты улетели.
Мыши ушли,
Даже сыр не доели.
Только осталась
Мышка одна,
Тяжкую думу
Наводит она.
Одна-одинёшенька
В тёмную норку
Тащит она
Свою чёрствую корку.
«Были когда-то
Светлые дни,
Ясные мысли,
Подружки мои», —
Думает мышка
И плачет украдкой,
Больше не спится,
Как прежде, ей сладко,
Больше не нужно ей
Сыра и сала,
Грустно ей жить
В одиночестве стало.
Трудно без друга
Жить и мышам,
Только в компании
Жизнь хороша!

Александра Вишневская *(7 класс)*

Великая Отечественная война глазами современного подростка

Нам постоянно приходится слышать о Великой Отечественной войне в школе, эта тема постоянно всплывает на телевидении и в интернет-обсуждениях, как бы требуя как-то к себе отнестись. Но когда меня спрашивают о войне, что я о ней думаю, мне трудно что-то ответить. Я ни разу не видела настоящей войны, но в одном я уверена точно: война — это очень страшно.

Каждый год я с родителями хожу на парад в честь Девятого мая — Дня Победы. Смотрю на окружающих меня людей и вижу, что многие радуются, веселятся, восторженно приветствуют двигающихся по главной улице солдат и бронетехнику, многие носят георгиевские ленточки — на одежде, на сумках — где угодно. Но помнят ли они в этот день, что Победа нам далась ценой сорока одного миллиона человеческих жизней? Ведь примерно двадцать два человека в минуту умирали на поле боя, от голода и холода или в ужасных нацистских лагерях.

Надо помнить, что во время войны у нас были не только победы, но и поражения, иначе враг не оказался бы так быстро на подступах к Москве. И каждое поражение, каждую ошибку командования приходилось оплачивать дорогой ценой — множеством смертей. Не стоит сводить память о войне только к парадной, торжественной стороне, ведь у неё есть и обратная сторона. Недаром в песне поётся, что «это праздник со слезами на глазах».

Я рада, что родилась в мирное время, когда по крайней мере на территории нашей страны военные действия не ведутся. Но я сочувствую тем людям, в стране у которых сейчас идёт война. Война — это очень страшно, это машина убийства, которая никого не щадит и выжигает всё на своём пути. Кто-то говорит о войнах между государствами с восторгом и упоением, но для меня вывод один: война — это большое горе и большой ужас.

Хорошо, что наших предков это горе и этот ужас не сломили, что наши прадеды не испугались и не опустили руки перед опасностью. Сейчас из многих уст в День Победы можно услышать странный лозунг: «Можем повторить!» Что повторить? Голод и страдания? Блокаду? Оборону Москвы? Спросили бы лучше у ветеранов, и они бы сказали, что ни за что не хотели бы повторения войны, что для того и воевали, чтобы не было на земле больше войн. Войну развязали, гордились ею и поклонялись ей именно фашисты — итальянские, японские, немецкие. Именно немецкие нацисты были преисполнены национального самодовольства, считали себя непобедимыми и имеющими право силой навязывать свою волю другим народам. Они присваивали себе право распоряжаться чужими жизнями, считали, что одним предназначено быть господами, а другим — рабами.

Следуя этой своей «религии», во время Великой Отечественной войны нацисты уничтожали целые деревни, сёла и города, а жителей убивали или угоняли в рабство. Кого-то сжигали в собственных домах, кого-то расстреливали. Известно много таких случаев. На уроке мы читали воспоминания о том, как нацисты вывели толпу людей к траншее, женщин, стариков, детей, и приказали им перед расстрелом раздеться. А маленький мальчик спрашивал маму: «Зачем мы раздеваемся? Мы купаться будем?» Этого мне не забыть. Кто дал им право?

Простить такие поступки невозможно, хотя сегодня и раздаются голоса, пытающиеся оправдывать немецких солдат.

Я не переношу своё негодование на современных немцев. Нынешнее поколение нельзя винить за преступления предков. Впрочем, тогда и нам не следует чересчур хвалиться победами давно минувших лет. Благодаря подвигам наших предков мы сегодня живём в мирное время. Но время ставит перед нами свои задачи, заставляет делать выбор между добром и злом.

Александра Казакова

Будущее без книг

Я прочитала книгу Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» и заметила удивительное сходство между обществом, описанном в романе, и обществом, в котором мы живём. Падение уровня образования, отчуждение, бездуховность, видеозависимость — острые проблемы социума, в особенности молодого поколения. Во время прочтения книги складывалось удручающее впечатление, будто спустя пару лет наш мир будет именно таким.

Произведение Рэя Брэдбери было издано в 1953 году. Роман описывает общество будущего, в котором книги находятся под запретом. Главный герой Гай Монтэг работает пожарным, обязанностью которого является сжигание любых найденных книг. Жена Монтэга Милдред — героиня, олицетворяющая зависимость от телевидения. Её интересуют только телевизорные стены и то, что на них показывают. Начальник Монтэга, брандмейстер Битти, — персонаж, которому раньше доводилось читать книги. Его взгляд на происходящее действительно важен, он может сравнить времена с книгами и без. Битти уверен во вреде книг, он даёт Монтэгу шанс прочитать книгу, будучи уверен, что тот больше никогда не возьмёт её в руки.

Об образовании в мире Брэдбери известно мало. Людей старательно отвлекают от общественных проблем. Самым популярным и почти единственным досугом является просмотр телепередач, от которых у многих зависимость. Вот слова Битти о школьной программе: «Срок обучения в школах сокращается, дисциплина падает, философия, история, языки упразднены. Английскому языку и орфографии уделяется всё меньше и меньше времени, и наконец эти предметы заброшены совсем».

В нашем обществе на данный момент тоже всё меньше и меньше людей видят смысл в образовании. Я говорю не только о молодёжи, но и о взрослых. Подростки не хотят получать высшее образование, да и не горят желанием даже просто закончить школу. Взрослые, которые уже давно получили это образование, являются заложниками ежедневной рутины, никак не желая развиваться дальше.

В обществе, описанном в романе, от отсутствия дел люди становятся настоящими рабами телеэкранов, они готовы тратить на них деньги и время. Например, жена Гая говорила с мужем только на эту тему: «Это очень интересно. А будет ещё интереснее, когда у нас будет четвёртая телевизорная стена. Как ты думаешь, долго нам ещё надо копить, чтобы вместо простой стены сделать телевизорную? Это стоит всего две тысячи долларов». Её волнует только комфорт просмотра передач, ведь просмотр телешоу — это единственное, чем она способна заниматься.

Нечто похожее происходит и с нашим обществом. Люди жаждут заполучить новейшую модель смартфона или просто гаджет, который вошёл в тренд. «Золотая молодёжь» тратит ужасающее количество времени в Интернете без особого смысла: просмотр развлекательных видео, онлайн-игры, чтение нелепых сайтов и так далее. Интернет стал по-настоящему удивительным источником знаний, но лишь единицы используют его для саморазвития.

Главным отличием книги и реального мира являются люди. В мире Брэдбери человечество смогло отказаться от книг, ведь лишь единицы ценили чтение: «Дело ведь не только в том, чтобы снова взять в руки книгу, которую ты отложил полвека назад. Вспомните, что надобность в пожарных возникает не так уж часто. Люди сами перестали читать книги, по собственной воле. Время от времени вы, пожарники, устраиваете для нас цирковые представления — поджигаете дома и развлекаете толпу». Всем внушили, что книги приносят вред.

Если в реальном мире мы думаем, что книги учат нас грамотности и «правильным» чувствам, а самое главное — дают нам огромное количество важных знаний, то в мире романа победила другая установка — позиция Милдред: «…Раз в год каждому пожарному разрешается принести домой книгу, чтобы показать своей семье, как в прежнее время всё было глупо и нелепо, как книги лишали людей спокойствия и сводили их с ума. Вот Гай и решил сделать вам сегодня такой сюрприз. Он прочтёт нам что-нибудь, чтобы мы сами увидели, какой это всё вздор, и больше уж никогда не ломали наши бедные головки над этой дребеденью». Они видят зло в книгах, в поэзии. В эпизоде, где Монтэг читает стихотворение жене и её подругам, у женщин начинается паника, они не могут себя контролировать, им становится

плохо, и виной тому — глубокий смысл прочитанных пожарным строчек. «Я всегда говорила, что поэзия — это слёзы, поэзия — это самоубийства, истерики и отвратительное самочувствие, поэзия — это болезнь. Гадость — и больше ничего! Теперь я в этом окончательно убедилась», — заключает Милдред.

Нас с детства знакомят с поэзией, пытаются привить любовь к чтению и учат по книгам. С раннего возраста мы ценим творчество во всех его проявлениях. Но с течением времени всё становится хуже. Технологический прогресс меняет книги на мультфильмы, рукоделие на бессмысленные видеоигры, реальное общение на виртуальное. И сейчас большинство детей вырастает с номофобией, зависимостью от гаджетов и абсолютно без желания читать книги: «По данным опроса фонда „Общественное мнение", 44% россиян за год вообще не открывали ни одной книги» (Российское еженедельное общественно-политическое издание «Наша версия», материал 2013 года[1]).

В мире романа с ухудшением образования и сильной зависимостью от гаджетов люди стали одинаковыми. Пропали индивидуальность и соперничество. Люди больше не стремятся показать свои знания и умения. Начальник Монтэга сказал: «Мы все должны быть одинаковыми. Не свободными от рождения, как сказано в конституциях, а просто мы все должны стать одинаковыми. Пусть люди станут похожими друг на друга как две капли воды, тогда все будут счастливы, ибо не будет великанов, рядом с которыми другие почувствуют себя ничтожеством». Книги запретили, потому что это было выгодно правительству. Теперь они все равны, ни у кого нет личных взглядов и мнений, они все думают как один. Таким обществом легко управлять.

И мы можем стать такими. Но не по чьей-то воле, а лишь от нежелания развиваться. Молодое поколение зашло в тупик, из которого пока не видно выхода. Но в любом случае поиск решения начинается с осознания проблемы.

ДиН СИММЕТРИЯ

Павел Антокольский

Одна только честная боль

● ● ●

Европа! Ты помнишь, когда
В зазубринах брега морского
Твой гений был юн и раскован
И строил твои города?

Когда голодавшая голь
Ночные дворцы штурмовала,
Ты помнишь девятого вала
Горючую честную соль?

Казалось, что вся ты — собор,
Где лепятся хари на вышке,
Где стонет орган, не отвыкший
Беседовать с бурей с тех пор.

Гул формул, таимых в уме,
Из черепа выросший, вторил
Вниманью больших аудиторий,
Бессоннице лабораторий
И звёздной полуночной тьме.

Всё было! И всё это — вихрь…
Ты думала: дело не к спеху.
Ты думала: только для смеха
Тоска мюзик-холлов твоих.

Ты думала: только в кино
Актёр твои замыслы выдал.
Но в старческом гриме для вида
Ты ждёшь, чтобы стало темно.

И снова голодная голь
Штурмует ночные чертоги,
И снова у бедных в итоге
Одна только честная боль.

И снова твой смертный трофей —
Сожжённые башни и сёла,
Да вихорь вздувает весёлый
Подолы накрашенных фей.

И снова — о горе! — Орфей
Простился с тобой, Эвридикой.
И воют над пустошью дикой
Полночные джазы в кафе.

1922

1. Думаю, с тех пор ситуация ухудшилась.

Аня Лившиц

Деда Саша с Крыма

— Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать! — произнесла рыженькая девочка с кучерявыми волосами.

Саша пригнулся пониже: камень, за которым он прятался, был небольшим.

— Нашла! — раздался голос где-то правее Шуры.

Нинель, вóда, видимо, нашла Мишку — лучшего Сашкиного друга. Выглянув, мальчик увидел, как Мишкина круглая голова появилась из-за куста, а после он вылез и весь.

Нинель ушла в другую сторону, однако, поняв, что там никого нет, двинулась к Сашиному укрытию. Она подошла к большому камню. Затаив дыхание, Шура притаился. Но живот предательски заурчал. Нинель опустила голову и увидела Сашу.

— А вот и ты! — радостно произнесла чумазая девочка.

— Ну да, вот и я, — закряхтел Шура, вылезая из укрытия.

Ноги гудели от долгого сидения в неподвижной позе. Закружилась голова, и Шура на секундочку прикрыл глаза…

Оглядевшись, он увидел, что вокруг валялись кирпичи и камни. Неподалёку виднелись какие-то руины, похожие на разрушенный жилой дом. На куске стены сидел Мишка. Нинель уже нашла Аиду, ещё одну девочку из их компании. Сзади раздался режущий уши немецкий говор:

— Zurück an die Arbeit, faul! *(За работу, лентяи!)*

К ребятам подошёл немецкий офицер. При виде его страх сковал всё Сашино тело. Огромный мужчина в фуражке и тёмно-серой форме схватил Нинель за ухо и потащил в сторону поля. В другой его руке был слабо отбивающийся Мишка. Подоспевший дружок офицера уже схватил за волосы Аиду. Заметив Сашку, немец ухватил его за рубаху так, что в глазах потемнело. Удушье сковывало тело, а от голода подводило живот.

Немцы кинули им серпы и велели убирать остатки ржи на поле. Аида дрожащей рукой взяла серп и стала косить. Поле было расцвечено васильками и маками — цветы были красивыми, но засоряли посевы, и из-за них работалось тяжелей. Нинель, хлюпая носом, тоже взялась за работу. Еле сдерживая злость, принялся косить Мишка, угрюмо поглядывая в сторону офицеров. Саша и двинуться не мог.

— Bewegen dich dumm *(Шевелись, глупец)*, — произнёс немец, доставая свой пистолет.

Шуру как током ударило. Не обращая внимания на боль в спине, он схватил серп и метнулся к Мише убирать рожь. От голода подводило живот. Колоски так и хотелось проглотить, но страшно подумать, что может сделать офицер, если увидит.

— Gut erledigt, — сказал немец, убирая ствол.

— Du bist zu weich, Albert. Das sind Kinder von schmutzigem Blut. Hab keine Angst zu schießen *(Ты слишком мягок, Альберт. Это дети грязной крови. Не бойся стрелять)*, — сказал беловолосый немец.

Шура понял только имя одного из надзирателей — Альберт.

— August, es ist interessanter, sie zu beobachten (Август, интереснее понаблюдать за ними), — буркнул Альберт.

— Hahaha! Du redest von ihnen wie von Tieren *(Ха-ха-ха! Ты говоришь о них как о животных)*, — захохотал Август, а за ним и Альберт.

Нинель собрала сноп и с помощью Аиды занялась молотьбой. Миша же совершенно не умел пользоваться серпом. Неуклюже взмахивая железякой, он занёс её слишком высоко и чуть не порезал Сашину шею.

— Поаккуратнее! — недовольно сказал Шура.

— Извини, — буркнул Мишка.

Снопов навязали слишком мало. Рожь была со стебельками васильков и другим сором. У девочек получалось лучше, аккуратнее. Нинель казалась беззаботной — напевала какую-то песенку. Аида молча лупила палкой по ржи, вышибая зёрна.

— Эх, Сашка, — вздохнул Миша. — Помнишь, мы не хотели ходить в школу? А я бы сейчас всё отдал за уроки и школьный обед.

— Согласен… А ещё я бы хотел свою Жучку увидеть, — сказал Саша. — Пропала куда-то… Отстрелили, наверное. Или съели…

Миша сочувственно посмотрел на друга. Отведя взгляд, Саша перевёл тему разговора:

— Как ты думаешь, товарищ Сталин скоро направит войска, чтобы нас освободить?

Мякина под ударами палки постепенно отлетала, а на земле оставались спелые ржаные зёрна.

— Думаю, да. Нас же должны спасти. Мы часть страны. Хотя фрицы всё наступают… Я слышал, Ленинград в блокадное кольцо взяли.

— Правда?! — охнул Саша.

Ему казалось, что Ленинград — нерушимый город, с которым ничего не может случиться.

— И Брянск, и Минск, и Киев оккупировали, — сказала Аида, вмешиваясь в разговор. — Не только Крым под властью немцев.

Аида брезгливо покосилась на Августа и Альберта. Её кривило от отвращения.

Солнце уже почти село. Нестерпимо болели руки и спина. Одно было хорошо — наступившая прохлада.

— Übereilen! *(Поторопитесь!)* — гаркнул Август и достал пистолет.

Дети, превозмогая усталость, постарались ускорить работу. Очищенное зерно быстро кидалось в вёдра, и спустя полчаса всё было чисто.

— Nicht schlecht *(Неплохо)*, — буркнул Альберт девочкам.

Миша и Саша боязливо показали результат своей работы. Увидев, что он скуден, Альберт угрожающе направил на них ствол пистолета.

— Taschen! *(Карманы!)* — жестом он показал, что надо сделать.

Мальчишки послушно вывернули карманы, показав, что у них нет зерна.

— Dreck. Wenig Getreide *(Дрянь. Мало зерна)*, — проворчал Август.

Альберт взял ведро и сказал:

— Lass sie. Wir brauchen sie lebend *(Оставь им. Они нам нужны живыми)*.

Август недовольно зацокал, но ведёрко с рожью было отдано детям. Радость охватила души и тела. Шура благодарно кивнул, но Альберт отмахнулся, хотя было видно, что ему жаль детей.

— Пойдёмте. Разделим пополам каждому, — сказала Нинель.

Отойдя к камню, они стали отсыпать зерно горсточками. Немцы проводили их до разваленных домов. Шура зашёл к себе.

— Мам, я дома, — сказал мальчик.

Из полутьмы вышла женщина с чёрными волосами и зелёными глазами. Увидев, что сын принёс немного зёрен, она улыбнулась.

— Поедим с тобой, — отойдя в сторону, она вытащила завёрнутые в тряпку три картофелины. — Ещё есть несколько на посадку.

Разделив картошку напополам, они начали медленно жевать, чтобы дольше чувствовать вкус. На улице пошёл дождь, в окна застучал ветер. Но ничто не могло прервать ужин матери и сына… Такое чудо — тихий домашний ужин — случалось не каждый день…

Алина громко захлопнула книгу. На обложке было написано: «Истории выживших крымчан».

— Ну, всё закончилось? — спросил её младший брат. — А что было дальше?

— Я не знаю, Серёж. Но в итоге Германия проиграла, всех, кто был в оккупации, освободили. Может быть, Саша выжил.

Неожиданно зазвонил телефон. Взяв трубку, Алина услышала:

— Здравствуйте. Вы внучка Петрова Александра Львовича?

— Ну да, — ответила Алина. — Дать трубку маме?

— Нет, именно она попросила вам сказать. Александр Львович умер вчера от инфаркта, ему было девяносто два года.

— Понятно, — коротко ответила девушка.

— Мои соболезнования. До свидания, — отозвались на том конце и положили трубку.

— Что такое? — спросил Серёжа.

— Двоюродный дед Саша умер вчера, — сказала Алина.

— Тот, что с Крыма?

— Да, именно он.

За окном полил дождь и завыл ветер. Двадцатипятилетняя Алина вновь посмотрела на книгу.

«Видно, это и был наш дед Саша. Помню, как он говорил, что нет ничего вкусней варёной картошки».

— Пошли поедим картошки в мундирах? — предложила Алина брату. — Ты чистишь, а я сварю!

— Да, давай! — согласился Серёжа.

Они ушли на кухню, а книга так и осталась лежать на столе, ожидая прихода новых читателей.

Ярослав Успешный

День рождения ужасов войны

22 июня 1941 года

Дорогой дневник! Ура, сегодня день рождения моего отца! Сегодня не только его праздник, но и мой, ведь мы с ним родились в один день. Правда, в этот раз отец не очень радуется своему празднику. Он у меня военный; может быть, потому грустный, что не повысили его до капитана. Соседи недавно сказали, что папа у меня якобы ненормальный, потому что говорит, что скоро война.

Сегодня я проснулся очень рано, в 5:00, позавтракал и спустился в подвал за моим подарком отцу. Это очень крутой подарок, ручной работы. Это самопал. Когда я вернулся, отец уже встал и пил чай на кухне. Я обнял его и вручил подарок. Отец поцеловал меня и сказал: «Ты мой оловянный солдатик, смелый и чистый душой».

Вдруг за окном послышался вой сирен. Я ничего не понял, но папа схватил меня за руку, разбудил маму с сестрой и сказал, чтоб я бежал будить соседей и что встретимся у подвала. Я разбудил соседей и прибежал с ними к подвалу. Отец был уже там — с автоматом и в военной форме.

23 июня 1941 года

Вчера в нашем городе был такой тёплый, хороший вечер. Мы всей семьёй гуляли в парке. У сестры был выпускной в школе. Она говорила, что хочет стать военной, как папа, что будет радисткой. Не знаю, что с ней будет теперь?

24 июня — 15 июля

Первые дни весь наш город был в панике. Никто не знал, с кем война, почему война, — просто было очень страшно. Папа вызвал машину, которая довезла маму с сестрой до железнодорожного вокзала. С собой они взяли только одежду. Потом уже отец сказал мне, что они поедут в какой-то далёкий город Красноярск…

Отец сказал, что уходит воевать, а меня оставил с соседями — бабой Ниной и дедом Колей. Баба Нина оказалась очень доброй, а дед Коля построже. В одно, как всегда, тревожное утро баба Нина послала меня за банкой солёных огурцов. Я спустился в подвал, зажёг свечу и пошёл искать огурцы. Вдруг я увидел на табуретке самопал с запиской. Это был тот самый самопал, который я подарил отцу… Я прочёл записку и обомлел…

Вот что в ней было:

> «Мой дорогой сын!
>
> Меня отправляют в самое пекло боя, я, возможно, даже не вернусь. На фронте ситуация критическая, немцы с лёгкостью прорываются вперёд. Наша техника слишком старая, у них же — сверхмощные машины, сверхманёвренные танки… Но мы будем бороться! Мы не сдадимся! Оставь этот самопал себе, и оставляю мой подарок тебе — он завёрнут в тряпочку…»

Я прервал чтение, развернул тряпочку и увидел сигнальный пистолет с парой патронов. На нём было выцарапано: «Любимому сыну».

Дальше записка говорила:

> «Да, подарок не ахти, но он тебе пригодится. Люблю тебя, мой оловянный солдатик — смелый и с чистой душой. Прощай. Надеюсь, свидимся!»

Бумага была неровная, волнистая — наверное, от слёз. Видно, отец плакал, когда писал.

Заплакал и я, но, собравшись с духом, взял самопал и сигнальный пистолет и вернулся с огурцами к бабе Нине.

17 июля

Я проснулся от пронзительного рёва сирен и воя моторов. Дед Коля дал мне сумку с вещами и сказал бежать в подвал. Я забежал внутрь и увидел там других соседей. Через минуту ворвалась баба Нина и встревоженно сказала:

— Деда Коля побежал помогать соседям с тремя детьми, он скоро придёт, не волнуйся!

Она стала успокаивать соседского малыша. Через пару минут вбежали трое ребят с матерью, а дед Коля так и не объявился. Я спросил соседку, где он. И она, запыхавшись, ответила, что на него упала крыша — от бомбы дом стал рушиться, и деда завалило обломками.

Я резко выбежал из подвала, чтобы помочь деду Коле выбраться. Он лежал под обломками, я начал аккуратно его вытаскивать, обломки заскрипели, и я сумел вытащить его. Но когда мы поспешили в подвал, на деда Колю упала бомба… Я помню, как меня кто-то резко схватил сзади и затащил в подвал. А дедушка, уже ставший мне почти близким человеком, погиб на моих глазах.

Двери подвала быстро заперли. Через несколько секунд послышался ещё один мощный взрыв. Всех, кто был внутри, оглушило, а у меня потекла кровь из уха. Двери подвала чудом уцелели, но сильно помялись. Когда я наконец вышел наружу, в ушах звенело, голова кружилась. А когда я увидел оторванную руку деда Коли в луже чёрной крови, меня вырвало, и я упал в обморок…

18 июля

Я очнулся рядом со столиком, на котором стояли кувшин с водой и стакан. Простонал:

— Баба Нина…

Она подбежала сразу:

— Как ты, внучек мой?

На глазах у неё были слёзы. Я ответил:

— Нормально, бабуль… Дай водички.

Она дала мне воды, поцеловала и пошла готовить.

Пока я был без сознания, спал, они сделали что-то наподобие печки, а трубу провели в дыру, пробитую обломками.

Полежав в кровати ещё минут десять, я пошёл осматривать наше убежище. Подвал был большой, с четырьмя «комнатами»: перегородками стали шкафы из наших квартир.

Головная боль потихоньку прошла. Баба Нина сказала, что еды очень мало, а на улицу нельзя: караулят немцы с пулемётами. Воды тоже было мало. Я сказал, что пойду за водой, и меня не увидят. Ночью я отважился вылезть, добежал до реки около километра и набрал два ведра воды. Я услышал свист над головой и выстрелы с другого берега. Через пару секунд рядом со мной взорвался снаряд. Я еле удержался на ногах, а потом побежал и слышал, как снаряды разрывались снова и снова…

Литературное Красноярье ∴ СИНЯЯ ТЕТРАДЬ

Песенки на полянке

По следам детских литературных конкурсов Красноярского края 2000–2006 годов

Мария Поташкова

14 лет

Девочка-бабочка

Ветер рванул волосы.
Мигом взметнулись кудри.
Вскрикнула: «Ой!» — голосом,
Полным улыбки и грусти.
Ветер прижал курточку,
Вырвал из рук платочек.
Выкинул кто-то шуточку —
Глупость в динамике строчек.
Бабочкой бросилась шёлк догонять.
Ветер трепал игриво
Волосы, курточку. Их не понять
Людям, живущим в машинах.

Валерия Васильева

14 лет

● ● ●

За окном бушует буря;
Капли моря с облаков,
Превращаяся в фигуры,
Достигают облаков.
Ливень в трещины асфальта
Запускает все струи́,
Открывая слой базальта,
Доставая до земли.

стр. 143

Бутко Андрей Викторович
Донецк, 1978 г. р.

Родился в городе Снежное Донецкой области. Окончил Донецкий национальный университет. Работал в области информационных технологий. Член донецкого народного фотоклуба «Объектив». Принял участие в ряде фотовыставок.

стр. 70

Валеев Марат Хасанович
Красноярск, 1951 г. р.

Родился в Краснотурьинске Свердловской области. Рос и учился в селе Пятерыжск в Казахстане. Служил в стройбате в 1969–1971 годах, строил военные объекты. После армии работал сварщиком в тракторной бригаде. Окончил факультет журналистики КазГУ имени Аль-Фараби (Алма-Ата). Работал в газетах Павлодарской области: «Ленинское знамя» (Железинка), «Вперёд» (Экибастуз), «Звезда Прииртышья» (Павлодар). В 1989 году был приглашён в газету «Советская Эвенкия» (с 1993 года — «Эвенкийская жизнь») на севере Красноярского края, в которой прошёл путь от рядового корреспондента до главного редактора. Написал и опубликовал несколько сотен иронических, юмористических рассказов и миниатюр, фельетонов. Автор и соавтор нескольких сборников юмористических рассказов и фельетонов, прозы и публицистики, изданных в Красноярске, Павлодаре, Кишинёве, Москве. Член Союза российских писателей. С 2011 года живёт в Красноярске.

стр. 17

Вершинский Анатолий Николаевич
Раменское, 1953 г. р.

Родился в селе Семёновка Уярского района Красноярского края, в семье учителя. Окончил с отличием два института: Красноярский политехнический и Литературный имени А. М. Горького. Работал в научно-исследовательской лаборатории, в газете, служил в Советской Армии. Более 30 лет занимается журналистской и издательской деятельностью. Награждён дипломом знака отличия «Золотой фонд прессы». Автор шести поэтических сборников, драмы в стихах «Восточный вопрос», книги исторических очерков «Русская Александрия. Средневековая Русь и Александр Невский». Дипломант конкурса «Лучшая книга 2008–2010». Член Союза писателей с 1985 года.

стр. 147

Галиаскарова Елена Фёдоровна
Красноярск, 1986 г. р.

Родилась в Красноярске. Окончила инженерно-строительный институт СФУ в 2008 году. По профессии — инженер-эколог. Лауреат и магистр, член жюри МФ ВСМ (Международного фонда «Великий Странник — молодым»). Диплом лауреата (III место) II литературно-патриотического конкурса памяти С. В. Быстрова в номинации «Кредо жизни и призванье» (о море и моряках). Диплом лауреата (I место) II литературно-патриотического конкурса памяти С. В. Быстрова в номинации «Лучшее трёхстишье». Специальный приз жюри от Библиотеки семейного чтения города Ломоносова за стихи о городе Ломоносове-Ораниенбауме. Диплом победителя молодёжного поэтического конкурса «Графит». Дипломант V Международного литературного конкурса «Верлибр-2018» в номинации «Особый взгляд. Поэзия». Участник международного фестиваля «Всемирный день поэзии» 2019 года (4 место по городу Красноярску). Участник конкурса литературных авторских театров «ФЛАТ-2019». Лауреат III степени Международного литературно-художественного конкурса «Листья дуба-2019».

стр. 172

Закиров Рашит Назипович
Красноярск, 1956 г. р.

Родился в Норильске. После окончания школы уехал строить Камский автозавод. В 1977 году вернулся в Красноярск, окончил юридический факультет Красноярского госуниверситета. С детства увлекался фокусами, работал на сцене, гастролировал в составе Красноярского театра маленьких чудес. Более 20 лет публиковал кроссворды в краевых газетах, печатал стихи, рассказы, очерки, в «Красноярской неделе» вёл рубрику «Строкой закона», работал на Красноярском БХЗ, ЦБК, «Сибтяжмаше», «КрасТЭКе». В настоящее время на пенсии. Публиковался в журналах и сборниках «Литература Сибири», «Поэзия на Енисее», «Проза Сибири и Дальнего Востока», «Провинциальная проза. XXI век», «День и ночь». Издал книгу стихов и рассказов «Кора и лист».

стр. 168 **Ищенко Нина Сергеевна**
Луганск

Кандидат философских наук, культуролог, литературный критик. Редактор сайта луганской культуры «Одуванчик». Член Союза писателей ЛНР с 2018 года. Член Философского монтеневского общества Луганска. Автор книги литературно-критических статей «Локусы и фокусы современной литературы» (2020), а также книг «Книжная полка Татьяны Лариной» (2020), «Город на передовой. Луганск-2014» (2020).

стр. 23 **Кравченко Наталья Максимовна**
Саратов

Родилась в Саратове. Филолог, литературовед, публицист. Автор многих книг стихов, эссе и статей. Публиковалась в журналах и литературных альманахах «Саратов литературный», «Эдита» (Германия), «Русское литературное эхо» (Израиль), «Сура» (Пенза), «Параллели» (Самара), «Новый свет» (Канада), «Фабрика литературы» (Украина), «Портфолио» (Монреаль, Канада), «45-я параллель» (Ставрополь), «Артикль» (Тель-Авив), «RELGA», «Эрфольг», «Московский интеллигент», «Семь искусств», «Лексикон», «Золотое руно». Лауреат и финалист международных литературных конкурсов.

стр. 165 **Крюкова Елена Николаевна**
Нижний Новгород, 1956 г. р.

Русский поэт, прозаик и искусствовед. Член Союза писателей России с 1991 года. Родилась в Самаре. Окончила Литературный институт имени Горького (семинар А. В. Жигулина, поэзия). Публикации: «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Нева», «Бельские просторы», «День и ночь», «Za-Za», «Сибирские огни», «Юность» и др. Автор более 20 книг стихов и прозы. Лауреат многих литературных конкурсов. Автор и куратор арт-проектов в России и за рубежом.

стр. 104 **Кулумаева Карина Витальевна**
Абакан, 1994 г. р.

Училась в ХГУ имени Н. Ф. Катанова. Специальность: «Педагогическое образование (профили «хакасский язык и литература», «русский язык»)». Далее прошла обучение по магистерской программе «Хакасский язык, литература, культура». Творческую литературную деятельность начала в студенческие годы. Принимала активное участие в литературных встречах и конкурсах. Дважды удостоена именной стипендии Главы Республики Хакасия молодым литераторам (2019, 2022). Является руководителем Хакасской секции регионального отделения Совета молодых литераторов Союза писателей России. С 2021 года руководит газетой «Хакас сöзінің чайаачылары» («Творцы хакасского слова»). Работает корректором в издательстве.

стр. 106 **Ларин Виктор Георгиевич**
Нижний Новгород

Бывший полярник. Начал писать на Крайнем Севере. Научно-фантастические рассказы и повести ранее печатались в журналах «Юный техник», «Искатель», «Знание—сила» (приложение «Фантастика»).

стр. 43 **Манаева Ирина Александровна**
Красноярск, 1986 г. р.

Родилась в городе Острогожске Воронежской области. Окончила Воронежский государственный педагогический университет по специальности «учитель русского языка и литературы». С 2011 года живёт в Красноярске. В 2014 году заняла второе место во Втором Международном литературном конкурсе «Лохматый друг» в номинации «Рассказы о животных»; в 2015-м—третье место во Всероссийском литературном конкурсе юмористических рассказов «Святая простота». В том же году стала лауреатом в Международном литературном «Гайдаровском конкурсе-2015» в номинации «Проза взрослых авторов».

стр. 75 **Молотков Александр Леонардович**
Зеленогорск (Красноярский край), 1958 г. р.

Детство и юность автора прошли на берегу озера Байкал. Средняя школа, техникум, Советская Армия. С 1982 года работает и живёт в городе Зеленогорске Красноярского края. Пенсионер. Первая публикация—в журнале «День и ночь».

стр. 104 **Новиков Илья Александрович**
Абакан, 1988 г. р.

Родился в небольшом шахтёрском городке Междуреченске (Кемеровская область). Неоднократный победитель в региональном конкурсе «Радуга талантов». Участник «Летнего литературного лагеря» на родине М. Е. Кильчичакова. Публикации в журналах «Абакан», «Юрта», «Доля», «День и ночь». В 2018 году удостоен звания лауреата Всероссийской премии имени М. Ю. Лермонтова в номинации «Молодое дарование» за подборку стихотворений «Наш симбиоз». В 2019 году стал обладателем именной стипендии Главы Республики Хакасия. Лауреат Фонда имени В. П. Астафьева (2020).

стр. 21 **Пагын Сергей**
Единцы (Молдова), 1969 г. р.

Окончил филологический факультет Бельцкого пединститута. С 2000 года—главный редактор регионального издания «Норд-инфо». Автор пяти книг стихов. Дипломант Международного поэтического конкурса имени Н. С. Гумилёва «Заблудившийся трамвай» (2010). Лауреат премии «Молодой Петербург» (2011). Победитель Международного поэтического интернет-конкурса «Эмигрантская лира» в номинации «Неоставленная

страна» (Бельгия, 2012/2013). Член Ассоциации русских писателей Республики Молдова.

стр. 27 **Русаков Эдуард Иванович**
Красноярск, 1942 г. р.

Писатель, журналист. Родился в Красноярске. Окончил Красноярский медицинский институт (1966) и Литературный институт имени А. М. Горького (1979). Работал врачом-психиатром (1966–1981), редактором на Красноярской студии документальных фильмов (1981), руководителем литературной студии при красноярском Дворце культуры (1982–1991), корреспондентом газет «Евразия», «Вечерний Красноярск» (1991–1998). Обозреватель газеты «Красноярский рабочий» (с 1998-го). Печатается как прозаик с 1966 года. Автор нескольких книг прозы. Произведения переводились на азербайджанский, болгарский, венгерский, казахский, немецкий, словенский, финский, французский, японский языки. Член Союза российских писателей, Международного ПЕН-клуба (Русский ПЕН-центр, Сибирский филиал).

обл. **Суриков Александр Вячеславович**
Красноярск

Окончил Иркутское училище искусств (1990) и Красноярский государственный художественный институт (1998), занимался также в Творческих мастерских отделения Урала Сибири и Дальнего Востока Российской академии художеств (2001–2004). Персональные выставки в галереях Иркутска, Красноярска, Нью-Йорка, работы в музеях России, Испании, Италии, Канады.

стр. 149 **Тимченко Елена Владимировна**
Красноярск

Родилась в селе Шила Сухобузимского района Красноярского края. Окончила физический факультет Красноярского государственного университета. Автор книг «Мерзлотка и её друзья» (2007), «Муха» (2017), «Аня идёт в театр» (2018), соавтор альманаха «Путешествие по Красноярскому краю» (2009) и других произведений для детей и о детях. Неоднократно принимала участие в региональном конкурсе «Книжное Красноярье». Дипломант Международного литературного конкурса «Детское время» (2012, 2019). Редактор приложения «Детский район» красноярской газеты «Городские новости». Ведёт творческие мастерские в Красноярском литературном лицее. Эксперт городского конкурса публицистических работ школьников «Суперперо». Член Союза российских писателей.

стр. 3 **Третьяков Анатолий Иванович**
(1939–2019)

Поэт, автор официального гимна Красноярска, лауреат Пушкинской премии Красноярского края, член правления КРО Союза писателей России. Родился 8 марта 1939 года в деревне Солдатово Минусинского района. Окончил Красноярское речное училище. Отслужил в армии, работал судовым механиком, помощником машиниста тепловоза, литературным сотрудником газеты «Красноярский рабочий». Учился на сценарном факультете ВГИКА, в литературном институте им. А. М. Горького. Стихи А. Третьякова печатались на страницах журналов «Юность», «Молодая гвардия», «Сельская молодёжь», «Студенческий меридиан». В Красноярске и крае больше известен как поэт-песенник. В 1972 году вышла первая книга стихов «Цветы брусники». На стихи А. Третьякова написаны романсы «Судьба», «Прощаться с августом пора» (муз. А. Ефимовского). В 1979 году Анатолий Третьяков принят в Союз писателей СССР. С 2009 года действительный член Академии российской литературы. В 2010-м стал финалистом IV Международного конкурса русской поэзии в Израиле, в 2011-м — дипломантом Международного конкурса «Акупунктура миниатюры — 2011».

стр. 98 **Толстиков Николай Александрович**
Вологда, 1958 г. р.

Родился в городе Кадникове Вологодской области. После службы в армии работал в районной газете. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького (семинар Владимира Орлова) и Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. В настоящее время — священник храма Святителя Николая во Владычной слободе города Вологды. За многолетнюю службу удостоен ордена преподобного Серафима Саровского и медали преподобного Димитрия Прилуцкого. Публиковался в газетах «Литературная Россия», «Наша Канада», «Горизонт» (США), журналах «Наша улица», «Русский дом», «Вологодская литература», «Голос эпохи», «Север», «Сибирские огни», «Лад», «Дон», «Южная звезда», «Крещатик» (Германия), «Новый берег» (Дания), «Венский литератор» (Австрия), альманахах «Литературная Америка», «Братина», «Литрос», коллективных сборниках, выходящих на Северо-Западе. В Москве издал книги прозы «Пожинатели плодов», «Без креста», «Лазарева суббота», «Приходские повести». Победитель в номинации «Проза» международного литературного фестиваля «Дрезден-2007», лауреат «Литературной Вены-2008 и 2010», победитель конкурса имени Ю. Дружникова на лучший рассказ журнала «Чайка» (США). Член Союза писателей России. «За образность языка в прозе» награждён медалью Василия Шукшина, учреждённой Союзом писателей России.

стр. 7 **Ульчугачева Нина Николаевна**
с. Жеблахты (Красноярский край)

Окончила Минусинское педучилище и получила специальность «учитель начальных классов», затем — Абаканский пединститут по специальности

«учитель русского языка и литературы». С 1987 года — директор Жеблахтинской средней школы. Почётный работник общего образования Российской Федерации. Заслуженный педагог Красноярского края.

стр. 25 **Филиппов Сергей Владимирович**
Москва, 1953 г. р.

Окончил Московский институт химического машиностроения (МИХМ). Инженер-механик. Печатался в журналах: «Южная звезда», «Дальний Восток», «Берега», «Балтика», «45-я параллель», «Фабрика Литературы», «Вторник», «Дарьял», «Приокские зори», «Ковчег», «Зарубежные задворки», «Чайка», «Новый день», «Истоки», «Литкультпривет», «Иван-да-Марья», «Великороссъ», «Камертон», «Нижний Новгород», «Земляки», «Арина», «МОЛОКО», «Нёман», «Подъём» и др.

стр. 177 **Фокин Леонид**
Москва

Родился в Москве. Доктор экономических наук, профессор, журналист, исполнительный директор Школы сонета. Автор книги стихов «Сто посвящений несбывшейся мечте Гарсиа Лорки» (Торонто, 2018). Публиковал стихи и статьи в журналах и антологиях. Лауреат международной премии имени П. Вегина (2008), международной премии «Серебряный стрелец» (2008, 2009) и др. Второе место в номинации «Видеопоэзия» на международном поэтическом фестивале на Байкале (2011).

стр. 84 **Фуфачев Осип Владимирович**
Нижний Новгород, 1985 г. р.

Родился в городе Лесосибирске Красноярского края. В 2000 году поступил в Красноярское художественное училище имени Сурикова. В 2001 году переехал в Нижний Новгород, где учился в Нижегородском художественном училище и в Нижегородском театральном училище. Работал грузчиком, строителем, археологом, преподавателем рисунка и живописи. Печатался в журналах «Нижний Новгород», «Зарубежные задворки», альманахе «Земляки». Автор романа «Стекло» (2010), издатель и составитель сборников «Плохое время для героев» (2011), «Души прекрасные порывы» (2017) и др. Один из основателей мультикультурного Объединения Радикального Творчества «ОRТ». Участник объединения художников «ХХ».

стр. 144 **Хвальков Евгений Александрович**
Санкт-Петербург, 1986 г. р.

Российский историк, медиевист, педагог, исследователь истории генуэзских и венецианских колоний Северного Причерноморья и межкультурных коммуникаций в Старом Свете позднего средневековья, доцент кафедры истории НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге (2017). С 2010 по 2011 год учился в магистратуре Центрально-Европейского университета в Будапеште. В 2011–2015 годах — докторант департамента истории Европейского университетского института, где в 2015 году защитил диссертацию. Впоследствии издательство «Routledge» опубликовало монографию на основе этой диссертации. С 2015 года работает в департаменте истории НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге.

стр. 64 **Хугаев Ирлан Сергеевич**
Владикавказ, 1965 г. р.

Выпускник филологического факультета Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Хетагурова; преподавал в школах Северной Осетии-Алании, на филологическом факультете СОГУ, в Новом гуманитарном университете Н. Нестеровой (Москва). Доктор филологических наук, старший научный сотрудник Владикавказского научного центра РАН и РСО-А. Публикации в журналах «Дарьял», «День и ночь» и других. Автор нескольких книг стихов и прозы.

стр. 145 **Щербинина Татьяна**
Северодвинск

Работает врачом в детской поликлинике. Член Союза писателей России, выпускница литературных курсов Нины Ягодинцевой.

стр. 180 **Ягодинцева Нина Александровна**
Челябинск, 1962 г. р.

Родилась в Магнитогорске. Выпускница Литературного института имени А. М. Горького, член Союза писателей России с 1994 года. Кандидат культурологии, доцент кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников Челябинской государственной академии культуры и искусств. Автор поэтических книг, цикла учебников «Поэтика», монографий, электронной книги литературной критики, переводов с азербайджанского и башкирского языков, а также более 500 публикаций в литературной и научной периодике. Стихи автора вошли в антологии: русской женской поэзии «Вечерний альбом» (Москва, «Современник», 1991), «Современная уральская поэзия» (Челябинск, фонд «Галерея», 1996, 2003, 2011), «Антология русского лиризма. ХХ век» (Москва, «Студия», 2000), «Русская сибирская поэзия, ХХ век» (Кемерово, 2008), «Наше время: антология современной поэзии» (Москва, Нижний Новгород, 2009), «Русская поэзия. XXI век» (Москва, 2009). Лауреат всероссийских литературных премий имени П. П. Бажова (2001, за книгу «На высоте метели»), имени К. Нефедьева (2002, за рукопись книги «Теченье донных трав»), имени Д. Мамина-Сибиряка (2008, за книгу «Поэтика: принципы безопасности творческого развития»), Сибирско-Уральской литературной премии в номинации

«Поэзия» (2011, за рукопись книги «Листая пламя»), Всероссийского конкурса «Лучшая научная книга — 2007» (за монографию «Русская поэтическая культура: сохранение целостности личности»), литературной премии Уральского федерального округа (2012, за электронную книгу литературной критики «Жажда речи», в соавторстве с А. П. Расторгуевым). Член жюри Всероссийской литературной премии имени П. П. Бажова, председатель жюри Южно-Уральской литературной премии.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В. Н. Наговицын

РЕДАКТОРЫ

Марина Наумова-Саввиных

Дмитрий Косяков

ДИЗАЙНЕР-ВЕРСТАЛЬЩИК

Олег Наумов

КОРРЕКТОР

Андрей Леонтьев

Журнал издаётся с 1993 года.

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность фактов несут авторы материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. При перепечатке материалов ссылка на журнал «День и ночь» обязательна.

Учредитель:
Агентство печати и массовых коммуникаций Красноярского края.

Адрес: 660009, г. Красноярск, ул. Красной Армии, д. 22.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77–42931 от 9 декабря 2010 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Издатель:
Краевое государственное автономное учреждение «Организационно-методический Медиацентр»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Александр Астраханцев — Красноярск
Наталья Ахпашева — Абакан
Юрий Беликов — Пермь
Михаил Бондарев — Калуга
Елена Буевич — Черкассы
Лидия Довыденко — Калиниград
Вера Зубарева — Филадельфия
Александр Кердан — Екатеринбург
Сергей Кузнечихин — Красноярск
Андрей Лазарчук — Санкт-Петербург
Евгений Минин — Иерусалим
Миясат Муслимова — Махачкала
Александр Орлов — Москва
Олеся Рудягина — Кишинёв
Анна Сафонова — Южно-Сахалинск
Лидия Сычёва — Москва
Андрей Тимофеев — Москва
Владимир Шемшученко — Санкт-Петербург
Нина Ягодинцева — Челябинск

В оформлении обложки использованы картины Александра Сурикова.

Рукописи принимаются по электронной почте: dayandnight@bk.ru

Адрес редакции и издателя:
660049, г. Красноярск,
ул. Красной Армии, 22;
Медиацентр
т. +7 950 991 4349

Подписано к печати: 10.05.2022
Дата выхода в свет: 31.05.2022
Тираж: 1200 экз.

Цена свободная

Журнал выходит 6 раз в год

Отпечатано ИП Азарова Н. Н.
в типографии «Литера-принт»
г. Красноярск, ул. Гладкова,
д. 6, офис 0-10, т. +7 904 895 0340
эл. почта: 2007rex@mail.ru

16+

Александр Суриков | **Причал** | 2014

Александр Суриков | **Хужир** | 2017

A.C.19.